


ПАМЯТНИКУ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

ома Сплитский

История
Архиепископов
Салоны и Сплита

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики



A hand-drawn scroll with a slightly irregular, wavy border. The scroll is unrolled, with the top right and bottom right corners curled up. The text is written in a simple, hand-drawn Cyrillic font. The scroll is centered on a white background.

ПАМЯТНИКИ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

Тома Сплитский

История Архиепископов Салоны и Сплита

Вступительная статья,
перевод,
комментарий
О. А. Акимовой

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(номер проекта 95-06-31859)*

редактор латинского текста
А. И. Солопов

Фома Сплитский

История архиепископов Салоны и Сплита / перевод, комм. О. А. Акимовой — М.: Издательство «Индрик», 1997. — 320 с.

ISBN 5-85759-063-9

- © Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997
- © Вступительная статья, перевод, комментарий, О. А. Акимова, 1997
- © Оформление, Издательство «Индрик», 1997

ISBN 5-85759-063-9

Оглавление

Введение	7
История архиепископов Салоны и Сплита	23
I. О Далмации	25
II. О Салоне	26
III. О святом Домнии и святом Домнионе	28
IV. О сооружении здания, именуемого Spalatum	29
V. О Гликерии и Натале, пресулах Салоны	31
VI. О схизматике Максиме	33
VII. Как была захвачена Салона	34
VIII. Как салонцы бежали на острова	38
IX. Как жители Салоны расселились по разным местам	39
X. Как возвратившиеся с островов пришли в Спалато	40
XI. Об Иоанне, первом сплитском архиепископе	41
XII. О перенесении [мощей] святых Домния и Анастасия	42
XIII. Перечень епископов, о которых сохранилась память	43
XIV. О нашествии венгров	44
XV. Об отделении епископов Верхней Далмации	44
XVI. О возведении в архиепископы Лаврентия	47
XVII. Как началось владычество венгров над Далмацией и Хорватией	52
XVIII. Как Манас хотел предать город	54
XIX. Об отделении Задарской церкви	55
XX. О Хварском епископстве	57
XXI. Об архиепископе Райнерии	61
XXII. Об архиепископах – Петре и еще другом Петре	64
XXIII. Об архиепископе Бернарде	65
XXIV. О первом взятии Задара	68
XXV. О походе короля Андрея	72
XXVI. О выдвижении Гунцела	74
XXVII. О победе, одержанной над цетинцами	79
XXVIII. О комите Петре	82
XXIX. О войне, которая велась из-за поместья Острог	83
XXX. О войне, которая велась с Домальдом	84
XXXI. О скандальной ссоре между архиепископом и архидиаконом	85
XXXII. О комите Григории	90
XXXIII. О подесте Гаргане	94

XXXIV. О правлении Гургана	96
XXXV. О войне, которую он вел с пиратами	99
XXXVI. О татарской напасти	104
XXXVII. О свойствах татар	113
XXXVIII. О бегстве венгров	116
XXXIX. О жестокости татар	117
XL. О смерти Гунцела	121
XLI. О возмущении из-за монастыря св. Стефана	121
XLII. О втором взятии Задара	124
XLIII. О войне, которая разразилась между сплитчанами и трогирянами ...	125
XLIV. О бунте мирян во время выборов	126
XLV. О войне, которую сплитчане вели с трогирянами	129
XLVI. Об архиепископе Рогерии	138
XLVII. О прибытии короля Конрада	140
XLVIII. О втором приезде короля Белы	141
XLIX. О приезде королевы	141
Комментарий	147
Указатель личных имен	218
Указатель географических и этнических названий	226
Приложение	231
От редактора латинского текста	232
Historia Salonitanorum pontificum atque Spalatensium	233

ВВЕДЕНИЕ

Сочинение об истории архиепископской кафедры небольшого города Сплита на Адриатическом побережье Далмации было написано в XIII в. архидиаконом местной церкви Фомой. Особый интерес исследователей и любителей средневековой истории оно вызывает прежде всего благодаря обилию собранного в нем часто уникального исторического материала¹. Его содержание оказывается гораздо шире заявленной самим автором темы, и помимо краеведческих сюжетов охватывает историю Далмации, Хорватии и Венгрии с ранней древности до середины XIII в. Фома был современником, свидетелем и летописцем также многих знаменательных событий европейской истории, имевших отношение к крестовым походам, деятельности нищенствующих орденов, борьбе римских пап с германскими императорами, вторжению татаро-монгольских войск в Западную Европу.

Труд Фомы, составленный в жанре западноевропейского хроникального историописания, отмеченный авторской индивидуальностью как в подборе и интерпретации источников, так и в оценках исторических персонажей и событий, является первым дошедшим до нас примером подобного сочинительства в хорватских землях и первым созданным на этой территории произведением, авторство и датировка которого устанавливается вполне надежно. Учитывая это первенство, трудно сказать, развивалось ли творчество Фомы в рамках местной культурной традиции или основывалось непосредственно на европейских, прежде всего итальянских образцах. «Мы, южные славяне вообще, а хорваты в особенности, небогаты летописцами», — писал один из авторитетных исследователей хорватской истории Фр. Рачки, имея в виду как физическое отсутствие самих текстов хроник и летописей, так и отсутствие упоминаний о них².

Дошедших до нас далматинско-хорватских текстов исторического содержания, хронологически предшествовавших «Истории» Фомы, действительно немного. Это прежде всего житийные сочинения, как, напри-

¹ Специально обзору сведений хроники и ее автору посвящены работы: *Kršnjavi I.* Zur Historia Salonitana des Thomas Archidiaconus von Spalato. Agram, 1900; *Selem A.* Tommaso Arcidiacono e la storia medioevale di Spalato. Zadar, 1926; *Šegvić K.* Toma Spličanin, državnik i pisac (1200–1268): njegov život i njegovo djelo. Zagreb, 1927.

² См. Arkiv za povijestnicu jugoslavensku // Rad JAZU. Zagreb, 1868, knj. 5, s. 203–204.

мер, использованные Фомой жития святых Домния и Анастасия, запись которых относится к середине XI в., житие трогирского епископа Иоанна, написанное в XII в., и так называемый Корчульский кодекс, предположительно датируемый второй половиной XII в. В его состав помимо отрывков из сочинений древних и раннесредневековых авторов входит и часть из текста жизнеописаний римских пап («Liber pontificalis») с добавлениями, касающимися истории Хорватии. Второй половиной XII в. большинство исследователей датируют южнославянский памятник, известный под условным названием «Летопись попа Дуклянина» и приписываемый, по одной из наиболее популярных версий, барско-дуклянскому архиепископу Григорию (между 1172–1194 гг.). «Летопись» признается первым цельным историографическим произведением у южных славян, но ее вряд ли можно считать тем образцом, которому мог следовать Фома³, и из-за отсутствия в «Истории» заимствований из «Летописи», и потому, что «Летопись» представляет иной жанр и принадлежит иному культурному ряду, поскольку ее автор в своей работе ориентировался не на исторические источники, а предпочитал устные предания.

О Фоме Сплитском известно немного, и почти все сведения, которыми мы о нем располагаем, содержатся в его «Истории». «В 1230 году капитул и весь клир при полном согласии избрали на вакантное место архидиакона каноника Фому на тридцатом году его жизни», — пишет о себе Фома. На основании этого свидетельства устанавливается дата его рождения — 1200 или 1201 г. В эпитафии на его могиле сказано, что он «родился в Сплите, где и ушел из жизни» в 1268 г. В начале 20-х гг. он учился в университете в Болонье, и единственное, что он сообщает о себе из этого времени, — это присутствие в 1221 г. на поразившей его проповеди Франциска Ассизского. Впоследствии при написании своей «Истории» Фома показал себя достойным выучеником Болонского университета «века схоластики», ознаменованного накоплением знаний о классическом — историческом, правовом, литературном наследии. Фома также много потрудился над собиранием и обобщением далматинских классических древностей, и собранный им на эту тему материал составил основу исторических штудий многих поколений местных авторов⁴.

После возвращения в Сплит в 1223 г. Фома исполнял должность городского нотариуса, о чем свидетельствует его подпись под рядом городских официальных документов, а в 1228 г. занял место каноника сплитского капитула. Избрание в 1230 г. Фомы архидиаконом было осуществлено вопреки желанию тогдашнего сплитского архиепископа Гунцела. Неприязнь между ними постепенно переросла в открытое противостоя-

³ Perić E. *Sclavorum regnum Grgura Barskog*. Zagreb, 1991, s. 248.

⁴ О Фоме как об участнике предренессансных процессов в хорватских землях: Katičić R. *Ko-rjieni i predpostavke hrvatske renesansne književnosti* // *Studia slavica*. Bp., 1979, t. 25, s. 217–225.

ние. Гнев Гунцела был столь велик, что Фома был лишен сана, а для возбуждения против него народа в городе были заперты храмы и прекращено богослужение. Фома видел причину конфликта в том, что он как человек знающий, справедливый и в церковных делах усердный, часто порицал архиепископа за отсутствие у того рвения в заботе о пастве и за послабления подчиненным ему лицам, которые нарушали церковные установления и совершали несправедливые поступки. Для разрешения спора враждующие стороны отправились в папскую курию, где назначенный папой Григорием IX для слушания дела кардинал Оттон вынес примирительное решение. В 1243 г., когда местное духовенство, подыскивая кандидатуру на опустевший сплитский архиепископский престол, остановило свой выбор на Фоме, противодействие этому избранию со стороны городского мирского населения, отстраненного от участия в голосовании, было столь ожесточенным, что Фома вынужден был отказаться от высокого места и до конца своих дней исполнял обязанности архидиакона.

Годы жизни Фомы совпадают со временем утверждения в городах Далмации порядка коммунального самоуправления, борьбы хорватских князей и за эти города, и вообще за влияние в хорватских землях, которые находились тогда под суверенитетом венгерского короля. Фома не раз отстаивал интересы города перед венгерскими королевскими особами, а в 30-е гг. XIII в. он находился в центре движения за укрепление в Сплите коммунального режима и даже был его лидером. Благодаря деятельной вовлеченности Фомы в социокультурные процессы своей эпохи и глубоким личностным переживаниям связанных с ними событий, сочинение сплитского архидиакона, в большей мере, чем другие источники, отразило те ключевые моменты истории средневековой Далмации, которые в конечном счете определили особенности развития ее городской культуры и городского самосознания — славяно-романское культурное взаимодействие и славянизация, с одной стороны, и становление коммун — с другой.

Этническую основу далматинских городов составляли потомки романского и романизованного населения — потомки тех обитателей римской, а затем византийской провинции Далмация, которые после ее завоевания в VII в. аварскими и славянскими племенами сконцентрировались в старых городских центрах (Задар, Трогир) либо вынуждены были оставить свои поселения и основать новые, как жители Эпидавра основали Рагузу — Дубровник. Жители Салоны, вытесненные завоевателями, обосновались в развалинах старого дворца императора Диоклетиана, находившегося поблизости в местечке Аспалаф, заложив тем самым основы средневекового Сплита. Поскольку Салона была столицей римской и ранневизантийской провинции Далмация и одновременно — столицей об-

ширной архиепископии, жители Сплита и сплитская церковь, исходя из своего наследственного права, стремились в дальнейшем к первенству в Далмации. В апологии древней истории Салоны и в обозначении территориальных притязаний Сплитской архиепископии Фома также выступал заложником исторического престижа.

Обособленное после варварских нашествий развитие далматинских приморских центров, находившихся в окружении славянских земель, не явилось препятствием для активных контактов романцев и романской традиции со славянским (хорватским и сербским) этнолингвистическим элементом и славянской историко-культурной традицией. Важным импульсом для расширения таких контактов было присоединение городов Северной Далмации во второй половине XI в. к Хорватскому государству, когда в начале XII в. Хорватия вместе с далматинскими городами перешли под власть Венгрии, они составляли одну административную область. XII–XIII века считаются временем превращения населения городов в славянское по преимуществу.

Несмотря на постоянное численное возрастание жителей славянского происхождения, они оказывались подверженными интенсивному культурному воздействию старого романского населения. Наиболее ярко это воздействие проявилось в том, что этнически неоднородное или даже в основном славянское население городов продолжало тем не менее выступать как единое, обозначая себя термином «латиняне» в отличие от проживавших за пределами городской территории «славян». Эта терминология используется и Фомой.

Сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» в части, посвященной истории далматинских городов, донесло до нас сложившуюся к середине X в. в их романской среде картину прошлого этих городов как важной части римской истории. В памятниках более позднего времени, прежде всего в сочинении Фомы, некоторые элементы этой картины повторяются, что может свидетельствовать об устойчивости романской культурной основы. Постулируя свою включенность в ареал римской истории, жители городов находили тем самым опору для обоснования своего приоритета перед окрестным населением. В условиях активной славянизации далматинских городов этнонимическая пара «латиняне» — «славяне» все более приобретала социальный смысл, как противопоставление города деревне или, скорее, городской коммунальной структуры всему, что к ней не относилось (в том числе и «славянским» городам, находившимся под феодальной сеньориальной властью)⁵.

⁵ См. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989., с. 130–138.

Социальная переориентация этнических терминов в свою очередь отражала происходившую в сознании горожан смену этнокультурных приоритетов, причем текст Фомы предоставляет показательные тому свидетельства. Для их оценки небезынтересно было бы знать этническую принадлежность сплитского архидиакона, однако сам он обходит этот вопрос молчанием, а оживленная дискуссия в историографии не привела к его разрешению. Как правило, его причисляют к романцам и считают, что поэтому он глубоко враждебно относился к хорватам⁶. Между тем сочинение Фомы, равно как и современные ему тексты, в изображении внутренней истории города демонстрируют безразличие к этносу ее действующих лиц, и его симпатии и антипатии определяются не этносом персонажа, а определенными — конфессиональными, политическими и культурными пристрастиями и могут меняться в зависимости от обстоятельств. Что касается истории региона в целом, то в ее отображении в хронике явственно обнаруживается тенденция к созданию некоей компромиссной картины, в которой бы уживались и сочетались элементы обеих — далматинской (романской) и хорватской — исторических традиций.

При сохранении черт единства старых далматинских центров, противостоящих славянским землям, примерно со второй половины XII в. стали постепенно складываться представления, в которых Далмация и Хорватия в историко-культурном отношении сближались и даже объединялись. У Фомы и современных ему авторов в Далмации и за ее пределы наблюдается путаница в употреблении этих терминов. Далмация может быть названа Хорватией или Славонией, может быть представлена частью Хорватии и т. п.

Само появление славянских наименований для обозначения Далмации свидетельствовало о начале процесса угасания этнического самосознания собственно романских жителей Далмации, происходившего на фоне этнической и культурной романско-славянской консолидации. Этим, вероятно, обуславливается и отсутствие притязаний далматинцев на хорватские земли, ранее составлявшие часть провинции Далмация, за исключением некоторых прилегавших к городам территорий. Фома прямо пишет о наследственном праве хорватских правителей на эти территории, которые они получили «от отцов и дедов». В XIII в. существенно изменяются представления о происхождении и ранней истории хорватов, основанные прежде всего на различных исторических и фольклорных версиях прихода их на Балканы. В хронике Фомы фиксируется первая попытка изобразить хорватов балканскими автохтонами — потомка-

⁶ Исключение составляет мнение Н. Клаич, которая видела в нем хорвата — горожанина в первом поколении, борвшегося «с упорством неопита» со всем, что имело отношение к хорватской деревне — *Klacić N. Povijest Hrvata u razvijenu srednjem vijeku. Zagreb, 1976, s. 208.*

ми диких племен мифических античных куретов, сделать их полноправными участниками некоторых событий истории древней Далмации и включить тем самым в далматинскую историческую традицию. Показательно, что к середине XIII в. относится сообщение о том, что, по представлению хорватских глаголических священников, используемые ими в богослужениях письма они получили от св. Иеронима⁷. Это сообщение может быть интерпретировано как обращение хорватов к далматинской культурной традиции, особо чтившей Иеронима как уроженца далматинского города Стридона. Дальнейшее развитие этих представлений привело в конечном итоге (уже в рамках гуманистической литературы) к признанию всех жителей древней Далмации (и шире — древних Балкан) славянами и вовлечению романской исторической традиции в хорватскую историческую канву.

Формирование в далматинских городах элементов коммунальной структуры было главным содержанием их истории в XI–XIII вв. А участие архидиакона Фомы в создании политически независимой коммуны в его родном Сплите составляло основное содержание его деятельности на протяжении нескольких лет в 30-е гг. Его политическая активность сообщила красочность и эмоциональность его описаниям, относящимся к истории коммунального движения в далматинских городах, которые существенно дополняют картину их развития в средние века.

Автономное по существу положение городов Далмации еще в составе византийской провинции, а также социально-экономические процессы в самих городах, направленные на выделение в городской среде привилегированного слоя — патрициата, обусловили появление в XI в. специфической формы городского управления — института городских приоров, которые были представителями патрициата, избирались на общегородском собрании, объединяющем взрослое мужское население городов, и обладали высшей исполнительной властью. В начале XII в. с переходом Хорватии и Северной Далмации под власть венгерского короля произошли существенные изменения в системе управления далматинских городов, направленные на ограничение полномочий патрициата и подчинение городов королевским людям. Характер взаимоотношений городов с центральной венгерской властью определялся их соглашениями с королем, по которым эти города освобождались от уплаты налогов, за горожанами закреплялось право пользоваться «исстари установленными законами», они могли отказать любому чужестранцу, в том числе и венгру, в проживании на территории города и т. д. Однако утверждать кандидатуры городского главы — комита и епископа, которых изберет

⁷ CD, IV, p. 343.

«клир и народ», должен был все же король, так что новый порядок выбора высшей городской магистратуры и церковного главы ущемлял городскую свободу, предоставляя королю возможность влиять на поставление городского правителя и иерарха.

И действительно, место комита начинают занимать венгерские вассалы; претенденты на епископские кафедры Далмации также начинают прибывать из Венгрии. Подобным образом и Венеция, подчинившая в 1117 г. своей власти Задар, а затем — о. Раб, также стала направлять туда комитов и архиепископов из числа своих нобилей, несмотря на обещание венецианского дожа предоставить право «клиру и народу» избирать комита и епископа по своему усмотрению.

Вместе с тем общее административно-политическое и социальное развитие далматинских городов продолжало определяться коммунальными тенденциями. Процесс создания органов коммунального самоуправления проходил одновременно с дальнейшим оформлением сословия городского патрициата. В конце XII и на протяжении XIII в. складываются органы, составившие основу коммунальной системы самоуправления, — городская курия, объединившая в себе судебную и исполнительную власть и состоявшая из представителей городской верхушки, и Большой патрицианский совет — законодательный орган коммуны.

В конце XII в. Венгрия, занятая внутренними конфликтами, очевидно, теряет интерес к далматинским городам, находящимся на периферии государства, и в это время на месте городских глав появляются выдвигавшиеся из горожан консулы. Они, однако, вскоре исчезают, а в качестве городских комитов закрепляются влиятельные хорватские феодалы. Причину такого поворота следует, очевидно, искать во внешнеполитических условиях существования далматинских городов в XIII в. Венгерская власть, включив земли Далматинской Хорватии в свою политическую систему, признала вместе с тем право хорватской знати на принадлежавшие ей территории. К XIII в. выделилось несколько феодальных родов, которые боролись между собой за главенствующее положение. Они стремились подчинить своей власти и далматинские города, но поскольку их автономное положение было признано центральной венгерской властью, оставался путь закрепления в городах, уже опробованный Венгрией, — путь получения места градоначальника. Венгрия не препятствовала своим хорватским вассалам в их стремлениях.

В условиях феодальных усобиц и постоянной опасности разграбления города и сами были заинтересованы в передаче власти суверену, который мог бы защитить их. Вследствие этого избрание далматинскими коммунами своим правителем того или иного феодала всякий раз отражало конкретное соотношение сил в Далматинской Хорватии. Боров-

шиеся за влияние в городе патрицианские роды поддерживали определенные кандидатуры из числа хорватских князей на пост комита. Но, занятые в основном междоусобной борьбой, те не вмешивались в дела городского управления. Создавались благоприятные условия для узурпации отдельными представителями нобилитета статей городского дохода и выгодных должностей, что в конечном счете вело к коррупции и дестабилизации всей формирующейся коммунальной структуры. Относящиеся к этому периоду пассажи хроники о частой смене правителей, продажности официальных лиц, предательстве некоторыми гражданами интересов города во имя личной выгоды отличаются исключительной резкостью. Именно эта неразбериха вызвала движение за введение по примеру итальянских городов «латинского», как его называет хронист, управления, одним из лидеров которого стал Фома.

Новшество состояло в том, что на роль городского главы коммуной приглашался платный чиновник — подеста, не имевший корней в местной аристократической среде. Подеста выбирался городским патрициатом, в отличие от комита имел фиксированный срок полномочий (как правило, годичный), был наделен некоторой судебной и исполнительной властью и командовал городским ополчением. Введение этого института предусматривало оформление писаного права, определяющего как полномочия коммунальных органов и служб и права членов коммуны, так и взаимоотношения между подестой и коммуной. Кандидатуры на должность подесты отбирались обычно из нобилитета итальянских городов, что способствовало привнесению и закреплению в далматинских городах правовых норм развитых итальянских коммун.

Руководствуясь городским правом на территории города и принадлежавшей ему пригородной земле, города становились вне феодальной юрисдикции и вне власти феодальных сеньоров. Тем самым они противопоставляли себя и хорватской феодальной знати, и центральной королевской венгерской власти. Поэтому социальное движение, направленное на введение института подесты, оказывалось по сути антивенгерским и вызывало со стороны Венгрии стремление воспрепятствовать этому. Приверженцы нового порядка вынуждены были ориентироваться на иные силы, прежде всего на папство, недовольное практикой возведения венгерской властью своих священнослужителей на епископские престолы Далмации, и Венецию. Показательно, что в Задаре, находившемся под венецианским суверенитетом, сторонники укрепления коммунального режима находили поддержку у венгерского короля.

Фома принадлежал к той части далматинского духовенства, которая, последовательно держа сторону папского престола, выступала против вмешательства светских властей в поставление церковных иерархов и

участия мирян в выборах церковных должностных лиц. Вследствие этого сторонники папской курии из числа местного клира показывали себя противниками Венгрии, и движение за поставление независимого от венгерской суверенной власти градоначальника нашло в их лице наиболее ярых поборников.

Именно политическим успехом Фомы можно считать введение в Сплите в 1238 г. должности подесты, на которую был приглашен представитель патрициата итальянского города Анконы, где были сильны позиции «папской партии», и выступал подеста, по словам Фомы, как «защитник церкви и адвокат клира». Замысел ввести «латинское» правление был реализован при помощи францисканских монахов, которые в это время показывали себя проводниками папского влияния в городах Европы. Сказанное, однако, не означает, что для Далмации было характерно совпадение интересов коммуны и клира. Города обычно придерживались той ориентации, которая в данный момент была им выгодна. А то, что позиции клира и коммуны могли быть прямо противоположными, показывает рассказ Фомы о посещении в 1250 г. Сплита Конрадом IV, сыном императора Фридриха II, когда сплитский архиепископ Рогерий, архидиакон Фома и другие сторонники церкви покинули город, чтобы не встречаться с Конрадом, а вся коммуна выступила поборницей Империи, оказав ему самый теплый прием.

Правление в Сплите итальянского градоначальника послужило причиной вооруженного выступления против города венгерских королевских войск и введения королем санкций, ущемлявших его территориальные интересы и автономию. Очевидно, гнев горожан по поводу умаления прав города пал на главных инициаторов правления подесты, и это до некоторой степени объясняет особенное ожесточение горожан против избрания Фомы архиепископом, учитывая и их недовольство отстранением мирян от выборов. Противоречие в деятельности архидиакона — отстаивание городских свобод, с одной стороны, и горячая поддержка идущего из Рима стремления изжить практику вмешательства мирян в дела церкви, с другой, — не могло в конечном счете не сказаться на отношении горожан к политической активности архидиакона и к нему самому.

Мысль о сильном и мудром правителе, сплывающем людей, беспрекословно ему подчиняющихся, действующем во имя общего блага, пронизывает и связывает весь текст Фомы. А поскольку воплощение этой идеи было сопряжено у него с сильными переживаниями и коллизиями, оказавшими решающее влияние на его жизнь, то это отразилось и на всем повествовании.

По словам Фомы, свой труд он предпринял, чтобы рассказать «для памяти потомков» установленные им подробности жизни местных церковных иерархов, и именно смена архиепископов оказалась хроноло-

гическим стержнем его повествования. Как правило, в основе городских, церковных, семейных хроник лежала позитивная тенденция, обусловленная желанием прославить свой город, монастырь, епископию, род. Здесь же определенно прослеживается обратное стремление, проявляющее себя в критическом, подчас граничащим с озлобленностью отношении к высшим салонским и сплитским иерархам. В сочинении Фомы рассказывается о двух архиепископах Салоны — Наталисе и Максиме, и оба они оказываются казнокрадами, неучами, бражниками. Излагая многовековую историю Сплитской архиепископии, автор удостаивает положительной оценки лишь некоторых из ее правителей, а недостатки и пороки остальных отмечают им педантично и скрупулезно. Вместе с тем очевидно, что Фома предпринял свой труд отнюдь не ради сообщения скандальных подробностей из жизни сплитского клира.

Выбор и интерпретация в хронике исторических сюжетов самым непосредственным образом связаны с событиями личной биографии Фомы. О чем бы он ни писал, он думал прежде всего о себе, и эгоцентрический подтекст обнаруживал себя даже в самых далеких от основной канвы исторических отступлениях. Однако писание о себе в его время было определено достаточно жесткими рамками. Данте в «Пире», как бы подводя итог средневековому развитию жанра биографии, писал, что у риториков не принято, чтобы кто-нибудь говорил о себе без достаточных на то причин, которых может быть две — когда существует угроза бесчестья и когда пример собственной жизни может оказаться назидательным⁸.

У Фомы были обе причины. Во-первых, он обосновывал и защищал собственную позицию в своих спорах, конфликтах и тяжбах с архиепископами, клиром и коммуной Сплита, а во-вторых, полагал эти коллизии и свои действия в них настолько поучительными, что и основные исторические сюжеты своего повествования, и их интерпретация служили примерами, подтверждавшими в исторической ретроспективе правильность его позиции и оправданность его деятельности. В этой ситуации трудно было избежать упоминания своих достоинств, которые автор не раз и перечисляет. Но именно это исключалось этическими законами автобиографического жанра. Очевидно, поэтому в сочинении Фомы соблюдается нарочитая отстраненность персонажа от автора: Фома использует известный в средневековой литературе прием повествования от первого лица и рассказа о себе — от третьего. Так что сочинение Фомы — это еще хроника, но и еще не мемуары. Индивидуальное намеренно спрятано за некое третье лицо, и автобиографическое повествование превращено в *exemplum* жизни этого лица.

⁸ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968, с. 114–115.

Текст хроники, в том числе и в части, касающейся античной и ранне-средневековой истории, наполнен реминисценциями событий 30–40-х гг. XIII в., сыгравших столь значительную роль в жизни Фомы. Это находило отражение и в интерпретации сюжетов, к которым была применима сквозная идея хроники о неизбежных бедственных последствиях для города или государства отсутствия сильного правителя (пример — описание падения Салоны) и в намеренном сближении событий прошлого и настоящего, напоминающих о перипетиях церковной карьеры Фомы. Это, в частности, и изложение относящегося к VI в. конфликта между салонским архиепископом Наталом и архидиаконом Гоноратом, максимально приближенное к описанию собственных отношений с архиепископом Гунцелом и обстоятельств своего служения, и сообщение о сплитском архидиаcone середины XII в. Лукаре.

Пожалуй, в наибольшей мере обусловленность повествования личными мотивами проявилась в интерпретации сюжетов, так или иначе касающихся современной ему Венгрии. Если в других верхнедалматинских городах власть Арпадовичей была не столь ощутимой и поддерживалась в основном хорватскими феодалами, избравшимися на должность комита, то в Сплите венгерское вмешательство было достаточно сильным и тем более существенным для архидиакона, что проводилось прежде всего через связанных с Венгрией архиепископов.

Поэтому с особым пристрастием описывается деятельность архиепископов — либо венгров по национальности, либо навязанных капитулу венгерским королем. Наибольшим негодованием пронизано описание архиепископского правления венгра Гунцела (1220–1243). Горячность Фомы объяснима: Гунцел устроил настоящие гонения на своих противников, в том числе и на Фому, который стал архидиаконом во время краткого его отсутствия. После неудавшегося избрания Фомы на сплитский архиепископский престол в 1244 г. по настоянию венгерского короля был возведен венгерский клирик Гунцел, который затем также при требовательной поддержке венгерской короны занял место комита Сплита. Этим назначением отодвигалась мечта архидиакона о жизни, когда «страх перед подестой держал бы всех граждан вместе», правление же Гунцела «оказалось тягостным и невыносимым для всех». Так что в конце концов именно с Венгрией архидиакон мог связывать свои неудачи как в политической деятельности, так и в церковной карьере.

Многие сюжеты хроники, связанные с историей Венгрии, проникнуты отчетливыми антивенгерскими мотивами. Показателен в этом отношении рассказ о татаро-монгольском нашествии на Венгрию в 1242–1243 гг., тенденциозный и в освещении событий, и в подборе сведений источников. Рассказ, подчеркивающий роковую подоплеку событий, подчинен мысли

о справедливости кары, постигшей венгров, поэтому он насыщен страшными натуралистическими подробностями их уничтожения. Вместе с тем порицания Фомы имеют вполне определенный адресат — короля, магнатов, высшее духовенство Венгрии. Именно они обличаются в неспособности организовать достойное сопротивление и обвиняются в жестоком поражении венгров. На определенную социальную направленность рассказа указывает и общая характеристика «венгров», которые «тратили целые дни на изысканные пиры и приятные забавы, просыпались лишь в третьем часу дня» и т. д. Издевка сквозит и в описаниях трусливого поведения короля, который осмелился вернуться в Венгрию, только когда «определенно узнал от высланных разведчиков, что нечестивое племя уже оставило все королевство». Тенденциозность в изложении материала и экспрессивная выразительность средств убеждают в том, что перед нами — некое подобие политического памфлета. Большое значение, которое придавалось самим хронистом этому рассказу, находит косвенное подтверждение и в том, что, композиционно представляя его отходом от основной линии повествования, он тем не менее отводит ему седьмую часть всего текста хроники, причем это единственный пример столь значительного отступления от темы. Злободневность этого сюжета для Фомы очевидна, и причины ее следует искать в том, что враждебное отношение венгерского короля к введению «латинского» управления в подчиненном ему Сплите и проявилось именно во время татаро-монгольского нашествия, когда венгерский король Бела искал убежища в Далмации. Рассказ, таким образом, можно считать своеобразной моральной компенсацией за постигшие архидиакона неудачи и за нанесенный Сплиту королем и его приближенными ущерб.

Повторяемость определенных мотивов и интерпретаций на протяжении всего текста хроники, показывающая их связь в ретроспективе с событиями городской и личной жизни архидиакона, относящимися к первой половине 40-х гг. XIII в., может служить основанием для заключения о датировке и порядке работы Фомы над текстом. По всей видимости, основная его часть, подчиненная единому замыслу, создавалась во второй половине 40-х гг., скорее всего после поставления в Сплите в 1248 г. архиепископа Рогерия, близкого к римской курии и утвержденного вопреки воле венгерского короля. Впоследствии были добавлены описания некоторых событий до 1266 г. — года смерти Рогерия. Это тем более вероятно, что события, относящиеся к периоду до nástолования Рогерия, отличаются последовательностью и максимальной полнотой описания, а затем подбор сюжетов носит сутобо спорадический характер.

Сказанное, однако, не означает, что перед нами — произведение, выделяющееся среди других средневековых хроник некоей особой сюжетной

компактностью. Его, как и всякую хронику, отличает мозаичность тем, а существование далматинских городов, в том числе и Сплита, в системе различных социополитических структур и культурных традиций обусловили и мозаику социальных, политических и культурных оценок и приоритетов. Так, несмотря на антивенгерские настроения Фомы, его описание событий ранней истории Венгрии основывается на интерпретациях официальной венгерской историографии, что косвенно может указывать на восприятие им венгерской государственной идеологии. Неожиданная восторженность отличает его рассказ о кратковременном восстановлении императором Мануилом византийского суверенитета над Далмацией и Хорватией во второй половине XII в. Она объясняется тем, что Сплит на правах префектуры Салоны оказался столицей образованной здесь административной единицы — фемы; подвластная же сплитской архиепископии территория расширялась чуть ли не до размеров владений салонской церкви.

В описаниях взаимоотношений между далматинскими городами дает себя знать коммунальная замкнутость, постоянное соперничество, чувство превосходства своего города и т. п., так что в хронике нетрудно найти отголоски сплитских патриотических амбиций. Однако здесь имеются и эпизоды, в которых интерпретация связанных с этим событий имеет иную окраску, указывающую на сохранение в исторической памяти горожан представлений о далматинском родственном единстве. Неслучайно хронист характеризует войну 1243 г. между Сплитом и Трогиром как «гражданскую и братоубийственную». Появление в хронике двух рассказов о взятии Задара венецианцами — в 1202–1203 и 1243 гг., вероятно, обязано стремлению хрониста показать свои симпатии к силе, противостоящей Венгрии. Приверженность хрониста к венецианцам настолько очевидна, что мимо нее не прошел практически ни один исследователь хроники. Однако сопоставление текста Фомы с другими, прежде всего венецианскими источниками, позволяет увидеть присутствие и иной традиции, отличающейся симпатией к Задару, а, возможно, и собственно задарской, подчеркивающей храбрость и боевые способности его защитников.

Совмещение в хронике различных исторических оценок и культурно-исторических традиций согласуется и с «эклектичным» набором оценок этических. Нельзя не обратить внимание на восприятие архидиаконом феодальных идеалов. Фома превозносит тех, кто в борьбе с врагами мужественен, отважен, смел, стоек, неустрашим; изнеженность решительно осуждается им. Все это обнаруживает несомненное воздействие рыцарской сословной идеологии, отводящей одно из первых мест воинской доблести. Это воздействие сказывается и в упоминании щедрости и учтивости — важнейших ценностей рыцарской морали — в числе положительных характеристик.

Иной этический уровень сознания хрониста обнаруживается в одобрении им людей энергичных, горячих, усердных и в порицании вялых, медлительных и расслабленных. Лица, занимавшиеся административными делами, должны быть, по мнению хрониста, осмотрительны, осторожны и хитры, и в этом их достоинство. Стремление к прибыли, рационализм, расчетливость, деловитость — свойства, которые обычно приписывают следующей эпохе, — были присущи (с известными нюансами) уже сознанию средневековой культуры. И в этом, казалось бы, неожиданном для архидиакона представлении скорее всего следует видеть отражение специфической идеологии и особого психического склада жителя морского торгового центра. Неслучайно урегулирование подестой Гарганом торговых дел Фома считал одним из основных достоинств его правления.

И все же основными достойными уважения качествами Фома считал ученость и ум, соединение которых находило воплощение в красноречии. Соответственно на другом конце ценностной шкалы оказывались неучи, тупоумные и невежественные, чья глупость выливалась в болтовню. Для этого времени вообще было характерно противопоставление «грамотных», т. е. знающих латынь, «неграмотным». В общих чертах оно совпадало с разделением населения на благородных и неблагородных. И характеристика в хронике «толпы» как главным образом невежественной предполагает существование противопоставленных ей в сознании автора немногих «мудрецов», к каковым, очевидно, он причислял и себя. В своей деятельности Фома ориентировался на привилегированные слои городского населения, что подтверждается его ремаркой о том, что в разногласиях с архиепископом Гунцелом на стороне архидиакона была «старшая» часть клира и «лучшие и наиболее проникательные граждане» из городского нобилитета. Принимая идеалы и ценности социальной и интеллектуальной элиты, Фома в то же время находился под влиянием идеалов апостольской жизни и религиозных течений, в которых бедности отдавалось мистическое предпочтение, близко принимал проповеди францисканцев, выступавших против стяжательства высшего духовенства, богачей, обличавших равнодушных к нищете.

Противопоставляя себя мирянам и вместе с тем сознавая свою принадлежность к социальной и культурной элите, Фома в то же время выказывал и связь с широким сообществом своих сограждан. Чувство этой принадлежности обнаруживается прежде всего в употреблении только в отношении всех своих соотечественников местоимений «мы» и «наши», а чувство родины связывается у него только с его городом. Это связано прежде всего с тем, что развитие городской коммуны сопровождалось обособлением коммунального сознания. Укреплялось представление о своем городе как о превосходящем соседние. Прошлое своего города расцветивалось

легендарными историческими подробностями, выделявшими его среди других городов, жители которых наделялись стереотипными характеристиками, рисующими их пороки и недостатки. Превознесение достоинств Фомы как историка в более поздних далматинских исторических и литературных сочинениях во многом вызывалось усилиями хрониста в апологии местной античной истории.

Обилие фактического материала, совмещение различных позиций, подходов и взглядов, само особое положение хроники в средневековой далматинской и хорватской историографии, где ей отдается безусловное предпочтение, сделали ее предметом многих специальных исследований, начиная уже со второй половины XVII в. Интерес к сочинению Фомы выразился и в неоднократных изданиях его списков.

Хроника сохранилась в нескольких списках XIII–XVII вв., старейший из которых, Сплитский (Codex Spalatensis), хранящийся в Музее города Сплита, датируется концом XIII — началом XIV в.⁹ Близкая датировка предлагается для Трогирского списка (Codex Traguriensis)¹⁰. К древнейшим спискам относится и Ватиканский (Codex Vaticanus nr. 7019), датируемый второй половиной XIV — XV в.¹¹ Именно этот список был положен в основу первого издания хроники, осуществленного в 1666 г. хорватским историком Иваном Лючичем, который считал этот список древнейшей копией, выполненной вскоре после смерти Фомы¹². Текст в издании Лючича был перепечатан в середине XVIII в. австрийским историком И. Г. Швандтнером¹³. Отрывки из Ватиканского списка с некоторыми текстологическими и историческими комментариями в 1892 г. издал Л. де Хайнеманн¹⁴. По изданию этого списка в 1876 г. российским исследователем далматинских древностей А. Красовским был выполнен перевод¹⁵, издание которого уже давно стало библиографической редкостью.

⁹ Šišić F. Priručnik izvora hrvatske historije. Zagreb, 1914, s. 463–464; Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana / Dig. Rački F. Zagrabiae, 1894, p. 1. Высказывалось не подтвержденное палеографическим анализом рукописи мнение о том, что Сплитский список и является оригиналом, написанным Фомой — *Kršnjavi I. Zur Historia*, S. 5.

¹⁰ См. *Segvić K. Toma Spličanin*, s. 124.

¹¹ *Rački F. Ocjena starih izvora za hrvatsku i srpsku povijest srednjega vijeka* // *Književnik*. Zagreb, 1964, g. 1, sv. 3–4, s. 369.

¹² *Lucius I. De regno Dalmatiae et Croatiae*. Amstelodami, 1666, p. 73.

¹³ *Schwandtner J. G. Scriptorum rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Slavonicarum*. Vindobonae, 1768. V. 3

¹⁴ *Ex Thomae Historia pontificum Salonitanorum et Spalatinorum* / Ed. L. de Heinemann // *MGH. Scriptorum*. T. 29. Hannoverae, 1892, p. 568–598.

¹⁵ *Красовский А. История салонских и сплетских епископов Фомы архидиакона Сплитского (Перевод и опыт историко-критического исследования)* // *Труды Киевской духовной академии*. Киев, 1876, сентябрь, т. 3, с. 557–622; октябрь, т. 4, с. 73–117; декабрь, т. 4, с. 703–747; 1877, т. 1, с. 504–549.

В начале 90-х гг. XIX в. хорватский историк Ф. Рачки предпринял комментированное издание хроники по Сплитскому списку с разночтениями по всем древнейшим спискам. По этому изданию В. Рисмондо был выполнен хорватский перевод хроники с примечаниями, составленными на основе комментария Ф. Рачки¹⁶. В 50-е гг. специальным изучением хроники занимались М. В. Бердонос и А. Е. Москаленко. Для предполагаемого издания хроники ими была начата работа по переводу изданного Ф. Рачки текста, результаты которой отражает публикация перевода нескольких глав хроники, посвященных в основном завоеванию Салоны варварами¹⁷.

Во всех указанных списках хроники изложение доведено до 1266 г. Однако в Риме хранится несколько поздних рукописей, повествование которых заканчивается на событиях 1185 г. и которые содержат расширенный вариант текста Фомы. Так, например, в этом варианте добавлены письма римских пап Иоанна X и Льва VI далматинским священникам, акты салонского собора VI в. и сплитских соборов X в., заметки о насильственной смерти короля Звонимира и др. В историографии утвердилось название этого варианта, данное ему итальянским иезуитом Д. Фарлати, работавшим в XVIII в. над составлением истории южных славян, — «Большая история Салоны» (*Historia Salonitana major*)¹⁸. Этот текст до сих пор вызывает много споров относительно его датировки и авторства. С одной стороны, приводятся аргументы как в пользу того, что он старше «Истории» Фомы, который пользовался им при написании хроники¹⁹, так и в пользу составления его самим Фомой в качестве чернового наброска его «Истории»²⁰, с другой — обосновывается мнение об этом тексте как о самостоятельном произведении, представляющем собой компиляцию из текста Фомы и других исторически достоверных источников и созданном в XV–XVI вв. В первом полном издании «Большой истории», осуществленном Н. Клаич, создание ее обоснованно представлено как результат такой компиляции²¹.

Публикуемый перевод хроники Фомы Сплитского выполнен по тексту Сплитского списка, изданного Ф. Рачки. Этот же текст в сканированном варианте представлен в качестве латинского оригинала хроники. Отсылки к дополняющим текст Фомы пассажам «Большой истории Салоны» даны по изданию Н. Клаич.

¹⁶ *Kronika / Prijev. i uvod Rismondo V. Split, 1960.* Второе издание этого перевода, снабженное фототипическим воспроизведением списка, вышло в 1977 г.

¹⁷ *Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. Отрывки / Пер. Бердоносова М. В. // Москаленко А. Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Учебно-метод. пособие. М., 1978, с. 49–58.*

¹⁸ *Farlati D. Illirici sacri, t. 3. Venetiis, 1765.*

¹⁹ *Barada M. Dalmatia Superior // Rad JAZU. Zagreb, 1949, knj. 270, s. 14, 18.*

²⁰ *Gunjača S. Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj historiji, t. 1. Zagreb, 1973, s. 25–173.*

²¹ *HSM, c. 1–65.*

ФОМА СПЛИТСКИЙ

ИСТОРИЯ
АРХИЕПИСКОПОВ
САЛОНЫ и СПЛИТА

НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ ХРОНИКА АРХИЕПИСКОПОВ САЛОНЫ И СПЛИТА

I.

О ДАЛМАЦИИ

Согласно Исидору, Далмация является первой областью Греции и названа по находившемуся здесь древнему городу Дельмису¹, но где в пределах Далмации располагался этот город Дельмис, не вполне ясно. Прежде, однако, Далмацией именовали более обширную территорию — ведь ее вместе с Хорватией считали одной провинцией². В верхней же ее части имеется область, которая называется Дельмина, где показывают древние стены; рассказывают, что там, по преданию, и находился город Дельмис³.

Теперь, правда, Далмация является приморским краем; начинаясь от Эпира, где находится Диррахий, она простирается до Кварнерского⁴ залива, и в глубине ее имеется крепость Стридон, стоявшая на границе между Далмацией и Паннонией. Это была родина славного учителя блаженного Иеронима⁵. Другое название Далмации — Либурния происходит от наименования особого рода пиратских судов, которыми пользовались [далматы], откуда у Лукана — «воинственные в море греки с флотом либурнов»⁶. Они занимались пиратством, используя выгодное местоположение, поскольку благодаря множеству островов морское побережье изобилует здесь потаенными укрытиями и гаванями.

Эта провинция называется также Иллирией по имени правившей здесь царицы амазонок, от рода которой, как говорят, вел происхождение здешний народ⁷. По морю этой провинции переправлялся Антенор Троянский; спасшись во время гибели своего города, он неоднократно воевал с далматинским народом; в конце концов он добрался до вентийской земли. Перейдя спустя некоторое время реку Пад, он построил, как читаем у Вергилия, город Патавий, который сейчас зовется Падуей⁸.

Из исторических сочинений римлян известно, что когда император Август вел войско по иллирийским землям, торопясь в другое место, он направил одного полководца по имени Вений против паннонцев, кото-

рые обитают между двумя быстрыми реками Савой и Дравой; тогда же он направил полководца Юлия с многочисленным войском против далматов; живя в лесах, эти далматы опустошали соседние провинции грабежами. Хотя их род был свиреп, Юлий, сойдясь с ними в бою и одержав победу, заставил этот народ сложить оружие и копать землю, добывая золото из земных недр⁹.

По вымыслам поэтов, в этой провинции появился Кадм, когда он превратился в змея¹⁰. Городом его был Эпидавр, находящийся рядом с Рагузой¹¹, где имеется большая пещера. И поныне бытует поверье, что здесь живет дракон¹², отсюда у поэта: «Почему, как змей эпидаврский, ты так зорко всматриваешься в пороки друзей?»¹³. По этой причине [здешний] народ называли змеерожденным¹⁴. И даже о блаженном Иларионе рассказывается, что он умертвил там большого дракона¹⁵. Согласно же историческим сочинениям, этот Кадм был царем в Греции; после свержения с царства он прибыл в Далмацию и, став свирепейшим пиратом, принялся, как скользкий змей, носиться по морю, чинить беды мореплавателям, притеснять, как только можно, всех слабых¹⁶.

Эта провинция, кроме того, называется Адрией по имени дочери царя Миноса Адрианы¹⁷, которую похитил Тесея¹⁸ и, плывя по морю, когда она уже была ему ненавистна, оставил одну на некоем острове и бежал с ее сестрой Федрой, но Вакх, именуемый также отец Либер¹⁹, найдя ее, взял себе в жены. Некоторые утверждают, что Адрия называется по имени некоего Адрия, брата царствовавшего там Итала²⁰, а по мнению других, [название] Адрия происходит от «адра», что означает «камень», поскольку эта провинция камениста и гориста. Отсюда у Овидия: «Озаренные отроги гористой Далмации»²¹.

II.

О САЛОНЕ²²

Главным же городом Далмации был большой и древний город Салона, о котором Лукан говорит: «Там, где близ долгих Салон шумят Адриатики волны»²³. Название Салона происходит от «salum», что значит «море», поскольку она расположена на морском берегу. А долгой она зовется в округе потому, что небольшая в ширину, в длину с западной стороны она растянулась на шесть миль²⁴.

Этот город во время гражданских войн с презрением отвергал власть Цезаря, храня незыблемую верность Римской республике. Поэтому на его усмирение Цезарь направил своего родственника Антония

с большим военным флотом²⁵, а сам в погоне за Помпеем переправился из Брундизия²⁶ в Эпир. Тогда Антоний выслал вперед одного полководца по имени Вультей, который сосредоточил войско на островах салонского берега. В Салоне же на стороне Помпея были два полководца — Базилий и Октавий. Поджидая военные части Цезаря, чтобы сразиться с ними, они собрали огромные отряды из окрестных народов — куретов, далматинцев и истрийцев. Однако Вультей, изнуренный голодом и жаждой, не мог долее оставаться на островах, и хотя со всех сторон его подстерегали в засадах враги, он все же решил тайно переправиться на материк, погрузившись на один корабль с лучшим отрядом союзников; но благодаря устроенным кругом засадам неприятеля, корабль посреди пути был перехвачен. И как только судно застыло в неподвижности, Вультей, поняв, что другого выхода нет, убедил своих приготовиться мужественно принять смерть во славу Цезаря прежде, чем они окажутся в руках врагов. Так и случилось; действительно, когда они увидели, что люди Помпея теснят их дротиками, камнями и стрелами и уже готовы вплотную подойти к кораблю и взобраться на него, то несмотря на долгое мужественное сопротивление обессиленный уже Вультей со своими [воинами] пронзили друг друга копьями и погибли, чтобы не попасться живыми в руки врагов. Прислышав о гибели Вультея и его соратников, Антоний отказался от намерения идти в Салону, а возвратился к Цезарю. Город же этот хранил столь непоколебимую верность республике, что когда Цезарь покорил весь мир и уже достиг вселенского единодержавия, он не имел никакой власти над городом Салоной.

Поэтому после убийства Цезаря Октавиан Август послал одного известного человека из консулов по имени Асиний Поллион с большим войском, чтобы тот подчинил Салону Римской империи. Прибыв в Далмацию, Поллион предпринял ряд попыток штурмом завладеть Салоной. В конце концов изведенный затяжными морскими и конными сражениями, осажденный город перешел в руки римлян. Во время этой осады у Поллиона родился сын, которому он дал имя Салонин. Тогда же большая часть этого города была разрушена, и наиболее значительные укрепления уничтожены, чтобы он в дальнейшем не мог продолжать борьбу за Римскую республику²⁷. И так одержав победу, Поллион со своим войском возвратился в Рим, где был встречен сенатом и римским народом с громкой славой и удостоен триумфа, что в одах Горация воспето словами: «Вечную славу ему принес (лавр) далматинского триумфа»²⁸. Однако Поллион был не только смелым воином, но, отличаясь также поэтическим даром, сложил несколько книг в стихах²⁹.

III.

О СВЯТОМ ДОМНИИ И СВЯТОМ ДОМНИОНЕ

Блаженный апостол Павел был первым, кто наполнил Христовым евангелием [земли] от Иерусалима до Иллирика, однако сам он не пошел проповедовать в Иллирик, а послал своего ученика Тита, о чем он и возвещает Тимофею: «Крискент отправился в Галатию, а Тит в Далмацию»³⁰. Блаженный Тит, дойдя до земель Далмации и проповедуя здешним народам слово спасения, оставался там недолго, но, прослышав, что блаженный Павел получил предписание от наместника Феста следовать в Рим, тотчас оставил все дела и, опередив его, дожидался его в столице. По своем прибытии блаженный апостол долго проповедовал там слово Божие. Когда же ему было открыто Святым Духом, что в этом городе он примет мученичество, он позаботился о распределении церковей Греции. Вот почему он направил Тита не назад в Далмацию, а в Грецию, где он был лучше известен, поставив его понтификом³¹ на острове Крит³².

А на его место блаженный Петр, верховный апостол, поставил своего ученика по имени Домний, родом сирийца из Антиохии³³, чтобы тот продолжил проповедь слова жизни народам Далмации, начатую Титом. Блаженный Петр постановил, чтобы понтифики христианской веры распределялись по отдельным городам всего мира точно так же, как было встарь заведено у язычников, а именно: в те города, где находились главные языческие жрецы, называемые протофламинами, он распорядился назначать епископов, а в столицы провинций, где пребывали архифламины, определил ставить архиепископов³⁴. Исходя из этого он направил в земли Адриатического побережья трех понтификов: Аполлинария — в Равенну, столицу всей провинции Эмилия³⁵, евангелиста Марка — в Аквилею, главный город Венетии и Истрии³⁶, а Домния назначил в Салону, бывшую столицей Далмации и Хорватии. Проповедуя в течение долгого времени именно в этом городе и многих по всей провинции удержав от языческого заблуждения, он собрал Христу немалую церковь и принял там блаженную кончину, пролив кровь мученичества. Так что благодаря превосходству апостольского достоинства все его преемники получают по жребию от апостольского престола знаки архиепископов. А пострадал он вместе со многими другими, которые пошли навстречу мученической славе месяцем раньше него.

Позже во времена гонений Диоклетиана и Максимиана³⁷ жил другой мученик со схожим, лишь немногим отличным от понтифика Домния именем, звавшийся Домнионом. Но он был одним из постельничьих тирана Максимиана. Поскольку этот Домний благодаря большому рас-

положению к нему императора имел удовольствие пользоваться преимущественным положением, он являлся хранителем короны Империи, и в его обязанность входило в положенное время возлагать ее на голову императора; но втайне он был христианином. И видя, что Максимиан столь жестоко издевается над христианами, стремясь многих отвратить от святого намерения, то, будучи глубоко искренним и благочестивым христианином, он ободрял мучеников в святом намерении вытерпеть все до конца: в то время он находил для них возможность спастись от ярости тирана и бежать в Рим. Когда об этом стало известно Максимиану, он в исступлении обрушил на него жестокий гнев, так что стоило ему объявить себя христианином, как ему, лишенному царских отличий, был бы немедленно вынесен смертный приговор, если бы только он не совершил жертвоприношения идолам. Но блаженный Домнион, спасаясь от гнева тирана, поспешил бежать в Рим. И когда он шел Клавдиевой дорогой³⁸, то близ одного города, называвшегося Юлиа Хризополис³⁹, на него напали гнавшиеся по его следу императорские стражники, окружили его и, обнажив мечи, отрубили ему голову. Но мученик, как рассказывают, силой Божьей поднял свою голову с земли собственными руками и твердой поступью перешел там через реку, именуемую Ситирион, и в том месте он в течение некоторого времени покоился в могиле. Когда же Господь стал творить через него большие чудеса, из многих провинций стали стекаться к этому месту люди для исцеления. Тогда салонские граждане тайно вырыли тело блаженного Домниона как соименника блаженного понтифика Домния и с большим благоговением поместили в Салоне. Поэтому из-за созвучия имен имя Домнион многими пишется без разбору вместо имени Домний и наоборот. Тогда же возле Салоны принял мученичество за Христа блаженный Анастасий Аквилейский⁴⁰.

IV.

О СООРУЖЕНИИ ЗДАНИЯ, ИМЕНУЕМОГО SPALATUM

В то же время жил Диоклетиан, отец Максимиана⁴¹, уроженец далматинских мест, который благодаря своим весьма решительным действиям в пользу государства, сенатом и римским народом был поставлен императором. Более всех других своих предшественников он отличался жесточайшими гонениями на христиан. Он не устал с чудовищным зверством преследовать по всему свету верующих в Христа

и, словно хищный лев, не мог утолить христианской кровью жажду своего вероломства. Так как из-за его пагубных эдиктов ежедневно христиане уничтожались многими тысячами, стала очевидной угроза истребления чуть ли не всего человеческого рода. Приближенные тирана предлагали ему отменить столь жестокий эдикт, не устраивать ежедневно таких людских побоищ, поскольку возникло неслучайное опасение, что всему миру грозит истребление и ему будет нечем повелевать. Тогда Диоклетиан решил умерить свое неистовство следующим образом: он издал закон, согласно которому, если кто не желал отступаться от христианской веры, он не платился головой, как было установлено прежде, но, лишенный всего имущества, приговаривался к изгнанию из родных мест на различные рудники и на песчаные карьеры.

И тогда император повелел в разных краях света воздвигнуть в августейшую память многочисленные здания, для тяжелых работ над которыми он предписал посылать всяких осужденных, преимущественно христиан. Помимо многих других сооружений он распорядился построить в Риме термы; в землях Паннонии на границе с Рутенией⁴² он возвел одно здание из порфирного камня, настолько великолепное, что и сейчас, хоть и разрушенное, оно все еще представляет собой величественное зрелище для изумленных прохожих, как можно прочесть в истории четырех венценосных⁴³. А в земле гетов, которая теперь зовется Сербией или Рашкой, близ озера⁴⁴, он приказал возвести город, который назвал по своему имени Диоклеей⁴⁵. И поскольку он был родом далматинец, то повелел соорудить близ Салоны знаменитое здание наподобие превосходно укрепленного города, нечто вроде императорского дворца, в котором были устроены храмы идолам Юпитеру, Асклепию, Марсу, как это видно до сего дня⁴⁶. Диоклетиан распорядился разместить в этом здании свою мать, которой он передал Салону со всей провинцией. Именно это здание зовется *Spalatum* от слова «*pallantheum*», каким древние называли большие дворцы⁴⁷.

В ту пору Гай, тоже родом далматинец, был поставлен верховным понтификом апостольского престола. А жил этот Гай в одно время с мучеником Себастианом, который вместе с префектом Рима Хроматием, Марцеллианом и Марком ободрял идущих на мученичество. И хотя он происходил из рода цезаря Диоклетиана, он все же не смог добиться мира для христиан, но даже напротив, вихрем гонений он вместе с другими оказался вовлеченным в число мучеников. После почти двенадцатилетнего управления апостольской церковью, он отошел к Господу с мученической славой⁴⁸.

V.

О ГЛИКЕРИИ И НАТАЛЕ, ПРЕСУЛАХ САЛОНЫ

В то время Салона находилась в наилучшем состоянии; она процветала, полная народом — своим и пришлым. Буря гонений уже миновала, и церковь постепенно восстанавливала силы. Многочисленный тамошний клир принялся обустраиваться согласно церковным установлениям, и за блаженным Домнием последовал длинный ряд пресулов. Что мы смогли разузнать о некоторых из них, мы и расскажем подробно для памяти потомков.

При императоре Льве провозглашенный императором тиран Антонин был за свои коварные дела убит во дворце. Тот же Лев, женив Льва Младшего, сына Непоциана, на одной своей племяннице, определил его цезарем в Равенну вместо Антемия⁴⁹. Этот Лев, получив власть законным путем, пожелал осторожно удалить от дел решительного человека Гликерия, который ранее самовольно присвоил власть⁵⁰. Поэтому, отстранив его от государственных дел и сделав как бы частным лицом, он устроил так, что тот был назначен в Салону епископом Далмации.

А во времена римских понтификов Пелагия и славного учителя Григория⁵¹ архиепископом в Салоне был один человек по имени Натал, родом из этого же города⁵², который, опираясь на могущество многочисленных родственников, сильно умалял достоинство своего сана. Будучи малообразованным⁵³, он занимался не чтением, а пирами и ежедневно предавался застолию со своими родственниками и друзьями и, что того хуже, святотатственно расхищал церковные сокровища и богослужебные сосуды, раздавая их своим сотрапезникам и сообщникам⁵⁴. Архидиаконом же в то время был один человек по имени Гонорат, который, горячо любя Бога и усердно служа ему, печалился из-за дерзости своего пресула. Насколько было возможно, он пытался противодействовать архиепископу Наталу, в особенности из-за того, что он видел, как недостойно растаскивается церковное добро. Поэтому архиепископ глубоко возненавидел его и начал всевозможными уловками и кознями добиваться отстранения архидиакона от должности; но так как он не обнаруживал подходящих предлогов, он притворился, что будто бы выказывает ему большое расположение и желает возвысить его достоинство. Наконец он стал назойливо добиваться от него, чтобы он принял священнический сан. Но Гонорат, подозревая, что тут кроется обман, не соглашался на посвящение. Натал же, видя, что его коварство не достигает желаемой цели, немедленно обратился к созванному клиру и под предлогом крайней необходимости начал грубо склонять архидиакона к приня-

тию священнического сана. Но так как архидиакон продолжал упорствовать, архиепископ лишил его должности и бенефиция.

Тогда Гонорат, обратившись с мольбой к папе Пелагию, попросил его отдать распоряжение архиепископу, чтобы тот не притеснял его незаслуженно в этом деле. И, кроме того, он известил также папу о порочной жизни архиепископа. Поэтому господин папа, движимый ревностью Божией, строго предписал Наталу впредь не тревожить архидиакона подобными предложениями, а в назначенный день предстать перед папой для ответа за свои проступки. Натал же презрел предписание папы и продолжал упорствовать в них.

Между тем верховный понтифик Пелагий умер, и ему наследовал блаженный учитель Григорий. Гонорат, чтобы не сносить крупных неприятностей от своего прелата относительно принятия сана, повторил смиренную просьбу блаженному Григорию. И папа, в соответствии с тем, что наказал его предшественник, увещевал в письме Натала и советовал прекратить наконец досаждать своему архидиакону. Но так как Натал не обуздал своей низости, Гонорат, мучимый тяжелыми страданиями, уступил тогда своему архиепископу. И как только он был рукоположен в пресвитеры, Натал тотчас исполнил выношенную в сердце низость и отстранил Гонората от должности архидиакона, приговаривая: «Не должен священник исполнять обязанности архидиакона». И вскоре после этого он поставил на его место другого, подстать ему нравом и образом жизни. Гонорат же, видя, что он так подло обманут, обратился к папе и рассказал обо всем, что архиепископ коварно проделал с ним. Тогда блаженный Григорий снова написал Наталу, чтобы он восстановил Гонората в прежнем достоинстве и чтобы сам тем не менее прибыл к апостольскому престолу держать ответ за тот позор, в котором он был обвинен. Но поскольку Натал не видел за собой вины, то, презрев папское предписание, он продолжал в своих мыслях упорствовать в низких намерениях. Блаженный же Григорий, огорчаясь из-за такого упрямства архиепископа и вместе с тем сострадав горестям архидиакона, направил в Салону одного своего поддиакона по имени Антоний. По своем прибытии он, используя апостольский авторитет, принялся поначалу мягко наставлять понтифика, чтобы тот вернул Гонората на его почетное место и прекратил в отношении его столь непристойные домогательства. Но так как Натал много наговаривал на архидиакона, изыскивая разнообразные пути противоборства, Антоний запретил Наталу пользоваться паллием, грозя ему объявить своей волей о его отлучении, если он не утихомирится.

После этого Натал направил папе свое послание с обвинениями против Гонората. Гонорат тем не менее подтвердил свои обвинения против архиепископа. Блаженный Григорий ответил Наталу обличением его во

многих отступлениях и прежде всего в коварном продвижении Гонората, указывая, что было бы весьма несправедливым, чтобы один человек в одно и то же время против своей воли возвышался до статуса священника и смещался с должности архидиакона как недостойный ее; «и так как по закону никто против воли не может быть принужден к повышению, я полагаю признать правильным, чтобы безвинный несправедливо не лишился бы статуса, соответствующего его должности». Гонорату же он написал такой ответ: «Мы желаем и повелеваем, чтобы ты на прежних правах исполнял должность архидиакона; охрана сокровищ входит в твои обязанности, а потому, если что-либо пропадет по твоему нерадению либо вследствие чьего-либо преступного замысла, ты Богу и нам обязан будешь возместить ущерб». А того человека, который был поставлен Наталом, он отрешил от архидиаконской должности. И так как это дело вышло в такой скандал, папа предписал архидиакону Гонорату лично прибыть к апостольскому престолу и архиепископу повелел — не самому, а через законных поверенных — предстать перед курией. Что и было сделано, и дело обоих завершилось апостольским решением⁵⁵.

VI.

О СХИЗМАТИКЕ МАКСИМЕ⁵⁶.

В те дни блаженный Григорий направил одного своего представителя посетить церкви Далмации. Тогда архиепископ Натал уже покинул этот мир.

Максим же, пылая жаром тщеславия, нетерпеливо рвался к должности понтифика и, как говорят, не без позора симонии был все же избран. Он не явился, как это было принято, к апостольскому престолу, но прежде снесся с константинопольскими императорами⁵⁷ и получил благословение. Они, однако, наказали ему предстать перед господином папой. Но сам он, сознавая незаконность избрания, не обратился к папе и не посчитал нужным заручиться согласием его представителя, а, впад в сумасбродство, добился посвящения в архиепископы на месте.

Когда об этом стало известно господину папе, он сильно разгневался и тотчас направил ему предписание, сурово запрещая ему служить мессы. Максим же, погрязнув в преступлении схизмы, презрел папское предписание, и, надеясь на могущество своих родственников и иных мирян, которых он щедро одаривал за счет присвоения многочисленных подношений своей церкви, совершал мессы и предвкушал все блага архиепископства.

Тогда блаженный Григорий написал салонскому клиру и народу, называя, чтобы никто не имел дела с присвоившим священнический сан Максимом. Однако столь велик был страх перед ним самим и его сообщниками, что никто не отваживался его открыто избегать. Только архидиакон Гонорат и епископ Павлин, будучи людьми известными и решительными, соблюдали предписание верховного понтифика, избегая повсюду Максима как схизматика и отлученного от церкви. Наконец, когда Максим был обвинен самими императорами в том, что он, столь дерзкий и строптивый, выступил против Бога и папского предписания, он направил своих нунциев в Рим, обещая оправдаться в преступлениях, которыми он навлек на себя позор. В конце концов блаженный Григорий, успокоенный этими обещаниями, вновь направил послание Максиму, предписывая ему лично явиться в Равенну. Тогда Максим, снарядив корабль, прибыл в Равенну, ожидая там распоряжения папы.

Поэтому блаженный Григорий направил туда одного своего нотариуса по имени Касторий и предписал равеннскому архиепископу Мариану вместе с ним так завершить дело этого Максима, чтобы тот, покаявшись, получил прощение в симонии, которой он был опозорен, в отношении же других преступлений он должен был перед мощами блаженного Аполлинария простым словом подтвердить свою невиновность. А за то, что он, будучи отлученным, вознамерился совершать богослужения, они обязаны были наложить на него соответствующее наказание. И так было решено дело этого Максима.

VII.

КАК БЫЛА ЗАХВАЧЕНА САЛОНА.

Между тем город Салона из-за непосредственной близости варваров, постоянно докучавших ему набегами, с каждым днем невольно приближался к ужасному концу. В нем происходили междоусобные раздоры, и управление общественными делами осуществлялось недостаточно твердо. Не было мудрого правителя, который бы сдерживал гордыню и наказывал беспутство, но каждому представлялось праведным своеволие. Почитались сильные, слабые находились под угрозой разграбления. Правосудия не было, все погрязло в пороке. Развеялись страх Божий, уважение к святым, милосердие и благочестие; ненависть, грабеж, взыскательность, вероломство и другие пороки поразили весь город. Религия подвергалась осмеянию, клир — презрению, смирение становилось жертвой гордыни. У церкви отнимали законное и требовали незаконного.

Более того, правителя города искали не сообща, а порознь, и не такого, который помогал бы всем, но который, используя свое имя, пекся бы либо о выгоде друзей, либо об ущербе чужих. В городе было много господ и мало подданных, много наставляющих и мало повинующихся, и они вроде бы не почитали родину, а с жадностью стремились разорить ее словно вражескую землю; хозяева и грабители государственной казны, они взвалили все бремя общественных расходов на несчастных бедняков. Кроме того бесстыжая Венера бессовестно пятнала всякое звание, пол и возраст; юноши дряхлели, расслабленные чувственными удовольствиями; среди стариков прочно укоренилась алчность; среди женщин распространилось колдовство; разврат охватил всех; оскорбление сограждан считалось славным делом. В городе было много необузданных и дерзких, но они оказались трусливыми и бессильными перед выступившими врагами. И что могла Салона, зараженная этими и подобными им пороками, как не катиться к своему концу? Что оставалось ей, как не спешить навстречу гибели?

Недостаточно ясно, как же в конечном счете она была разрушена. Но мы, как и в других случаях, попытаемся изложить это частью по письменным свидетельствам, частью по преданиям, частью по позднейшим предположениям.

Как говорят, Салона была разрушена при готах, которые вышли под предводительством Тотилы из земель Тевтонии и Полонии; ведь этот вождь, прежде чем пойти войной на Италию, прошел по территории Далмации, опустошая ее, и частью разорил город Салону⁵⁸. Он вошел в описанное выше здание цезаря Диоклетиана, сбросил и уничтожил находящиеся там изваяния с именами императоров, а также разрушил некоторую часть самого здания.

Вместе с Тотилой из земель Полонии пришли семь или восемь знатных племен, зовущихся лингонами. Видя, что земля Хорватии будет удобна им для поселения, так как там остались редкие обитатели, они истребовали и получили ее от своего вождя⁵⁹. И так оставшись там, они начали теснить местных жителей и силою поработать их⁶⁰. Хорватия — горная страна, с Далмацией она граничит с севера. Эта страна в древности звалась Куретией, и народ, который теперь именуется хорватами, назывался куретами или корибантами⁶¹, отсюда у Лукана: «Здесь, доверяясь вполне воинственным ордам куретов, коих питает земля, окруженная зыбью морскою [...]»⁶². Название куреты они получили благодаря тому, что они будто бы были быстроногими и непоседливыми⁶³ и, блуждая по горам и лесам, вели грубую жизнь кочевников. Впитав в себя дикость родной природы, они радовались, как звери, суровости войны, насилию, грабежам. Крайне воинственные и словно не знакомые со страхом смер-

ти, они, обычно нагие, устремлялись навстречу неприятельским отрядам. Многими поэтами отмечается у них один забавный предрассудок. Когда случается затмение луны, они, полагая, что она обглаживается и пожирается духами, стучат по всей медной домашней утвари, считая, что от грохота демоны разбегаются и что они приходят луне на помощь, отсюда у Вергилия: «Стучащие медью куреты»⁶⁴.

Итак, эти массы людей перемешались и стали одним народом со схожим образом жизни и нравами и одним языком. У них появились собственные вожди. И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными⁶⁵. Притом они были заражены язвой арианства. Многими они назывались готами и тем не менее это славяне, судя по собственному имени тех, которые пришли из Полонии или Богемии⁶⁶.

И вот они-то, как было сказано, напали на латинян, которые населяли приморские земли⁶⁷, и прежде всего на Салону, бывшую главным городом всей провинции. Могущество этого города было уже значительно подорвано, силы его чрезвычайно истощены. В городе также не было способного правителя, вследствие чего он мог быть легко захвачен и разорен неприятелем.

Итак, готский предводитель, стоявший во главе всей Славонии, собрав большое конное и пешее войско, спустился с гор и разбил лагерь с восточной стороны города, а одному отряду своего войска приказал стать лагерем с западной стороны над морем и начал со всех сторон беспрестанно забрасывать Салону то стрелами, то дротиками. Одни со склона нависающей горы с оглушительным грохотом метали из пращи камни на стены, другие, сомкнутым строем постепенно приближаясь к стенам, прикидывали, как бы протаранить ворота. Но рассредоточенные по стенам салонцы мужественно противостояли вражеским дротикам, используя укрепления и выставя щиты. Более того, они сбрасывали на врагов огромные камни, а в тех, которые наносили удары издали, одни метали камни из метательных орудий и из баллист, другие храбро пускали стрелы из луков; и так в течение многих дней продолжалась бесплодная для обеих сторон борьба. Да и что могут силы человеческие, когда Божья милость отказывает им в помощи? Ведь за многие преступные грехи, совершенными всеми и каждым в отдельности, город-грешник по высшему суду должен был погибнуть от вражеского меча⁶⁸. Мудрость и рассудок отказали гражданам, не было пресула, правитель был бесполезен, народ беспутен, никто не ведал, что разумнее предпринять. Одни были чрезмерно осторожны, другие — более чем беспечны. Так город стал вначале расшатываться изнутри. А тут вражеские полчища не переставали ежедневно атаковать несчастный город. И салонцы, чьи защит-

ники были уже обессилены и измучены, не выдерживая натиска многочисленной армии и уже потеряв надежду на самую возможность сопротивления, не стремились всем сердцем охранять даже стены; они были охвачены таким ужасом, что, упав духом, только и думали о бегстве.

И однажды иные из городских богачей, тайно переправив свое имущество к морю, поспешили загрузить корабли. Видя это, все городское простонародье, в том числе женщины и дети, толпой стремятся прорваться к порту и влезть на корабли, чтобы бежать отсюда. Они хватали из домов все что только могли, крики жен и девиц оглашали небо. И не было бедняков, которые не спешили бы к порту навьюченные пожитками, одержимые мыслью о том, как бы им проникнуть на корабли, но одни из них смогли лишь с трудом, нагие и без вещей, вскочить в лодки, другие добирались до кораблей вплавь, третьи после бесплодных усилий тонули в волнах среди воющей человеческой массы.

А тем временем враги, внезапно ворвавшись в город, не уставали преследовать бегущих с тыла, захватывали добычу, не жалели никого из встречных, поджигали дома. Как только несчастный город, не защищаемый более своими сыновьями, наполнился вражеским народом, не осталось уже никого, кто пощадил бы церкви, жалился над древними зданиями и великолепными дворцами. Но в пылу ярости запалив весь город, они в короткое время превратили его в груды развалин и пепла. И от всех его богатств они порешили взять лишь малую часть добычи, считая самой большой наградой за победу только то, что они смогли уничтожить столь славный город и почти без какого-либо ущерба для своего войска.

И кто мог бы сосчитать, сколько было захвачено в плен бедных граждан, несчастных девиц, юношей? Кто припомнит всех тех, кого поразил меч, уничтожил огонь, кого во время бегства поглотило море? А несчастные граждане, наблюдая пожар милой родины, были не в силах скорбеть или оплакивать ее, но каждый в отдельности, опасаясь за собственную жизнь, торопил отход кораблей. Не было времени созвать совет, да они были и неспособны обсуждать, что следовало бы предпринять для общего блага; но каждый в отдельности, охваченный страхом за свою семью, обдумывал, как бы ему выбраться со скарбом, который он смог унести во время гибели родины. Но и здесь они были не в силах действовать разумно; еще бы, при таком стремительном бегстве они грузились на корабли суматошно и бестолково — отец не смотрел за сыном, ни сын за отцом, жена не заботилась о муже, ни муж о жене. Единственным желанием несчастных было покинуть пределы родины. Отступавшие первыми не дожидались последних; кто был последним, не мог удержать бегущих. Как хмельные или безумные, лишь в бегстве видя спасение, они не

знали, какой более надежный путь им выбрать. О, сколь печально было зрелище несчастных женщин, рвавших волосы, бивших себя в грудь и по лицу! Сколь громки крики и рыдания не ведающих, от чего им спастись — от огня или меча.

VIII.

КАК САЛОНЦЫ БЕЖАЛИ НА ОСТРОВА

После того как они отвели суда уже на значительное расстояние от морского берега, одни поспешили рассеяться по различным островам; другие же, полагая, что и на островах невозможно найти достаточно надежного убежища, гребли дальше. В конце концов одна часть осталась на острове, который зовется Шолта, другие пристали к Брачу, третьи — к Хвару, а иные к портам островов Виса и Корчулы⁶⁹.

И так сойдя с кораблей, каждый стал разыскивать свою семью, связываясь с другими островами и соединяясь по трибам. Нашедшиеся радовались, что избежали столь великой опасности, а потерявшиеся оплакивались как умершие. Но как только скорбь и печаль от этого несчастья почти улеглись, они начали утешать друг друга. Тогда все принялись плести шалаши из листьев и лозы и устраиваться в пригодных местах. Стали заниматься делами — каждый своим. Одни возделывали землю, другие бороздили море на торговых судах. О горе! Сколько было в Салоне богатей и неженков, которые теперь жалким образом побирались хлебом с чужого стола. В то время лучшие юноши начали досаждать врагам, курсируя на боевых либурнах вдоль побережья Далмации. Ежедневно они устраивали поистине такую резню и грабеж, что никто из славян не отваживался спускаться к морю. И вот влача такую полную мучений жизнь, салонцы долго пробыли на островах.

В то время Иоанн, верховный понтифик апостольского престола, будучи родом далматинцем, прослышав о достойном жалости состоянии своего народа, сильно опечалился и послал одного аббата по имени Мартин с большой суммой денег для выкупа пленных. Придя в земли Далмации, он выкупил у славян много пленных и отослал их к их родственникам. Тот же Мартин по апостольскому предписанию разыскал в краях Далмации и Истрии много мощей святых и доставил их в Рим упомянутому папе Иоанну. Этот досточтимый понтифик, с благоговением приняв их, поместил в церкви блаженного Иоанна Латеранского, где находится крещальный источник; и там же подле он распорядился создать из позолоченной мозаики изображение блаженного Домния с паллием⁷⁰ и в

прочих облачениях понтифика. Он также распорядился [поместить] среди других святых изображение блаженного Анастасия⁷¹.

Почти в то же время некие чужестранцы, как говорят, изгнанные из города Рима, причалили на судах недалеко от Эпидавра. А Эпидавр был епископским городом, подчиненным Салонской церкви, как мы заключаем из письма блаженного папы Григория, которое он направил салонскому архиепископу Наталу, порицая его, поскольку тот без соборного решения низложил Флоренция, епископа церкви Эпидавра, исходя из возведенных на него, но не проверенных обвинений. Это дело вышеназванный папа поручил своему поддиакону Антонию, который, как мы говорили выше, был направлен в Салону⁷². Итак, упомянутые чужеземцы, расположившись на жительство в этих местах, до крайности разорили город Эпидавр частыми нападениями, а затем, захватив его, принялись разрушать и довели до полного запустения. Жители, однако же, с ними смешались, и образовался один народ. Они построили Рагузу и заселили ее⁷³. С этого времени они стали предпринимать попытки выхлопотать своему епископу паллий⁷⁴.

IX.

КАК ЖИТЕЛИ САЛОНЫ РАССЕЛИЛИСЬ ПО РАЗНЫМ МЕСТАМ

Между тем оказавшиеся на островах салонцы натерпелись от бесплодия земли и недостатка воды и, конечно, сильно желали вернуться на родину. Но хотя Салона стояла заброшенной и никто из врагов не осмеливался в ней оставаться, салонцам все-таки представлялось, что это место не могло быть достаточно безопасным; ведь вражеский огонь уничтожил все; башни и стены лежали в развалинах; лишь здание театра, построенное в западной части, оставалось к тому времени невредимым. Так что несчастных граждан, с одной стороны, мучила нужда, а с другой — пугал еще страх перед врагами. Поскольку большая их часть была расселена по округе, их оставалось немного и они были бедны, то они не смели и думать о восстановлении города.

Поэтому некоторые из них, оставив острова, искали более удобные для поселения места в разных частях далматинского побережья. Некоторые, двигаясь в западном направлении, пристали в порту какого-то древнего и разрушенного города, и видя, что место достаточно удобно для жительства, возвели здесь кое-какие укрепления и поселились там. А так

как расположение места ввиду близости островов и удобства гавани им весьма приглянулось, они уже не посчитали нужным возвращаться в Салону. В самом деле, казалось, что здесь есть все, кроме реки Йадр, которая так восхитительно вливалась в Салону с восточной стороны. Об этом читаем у Лукана: «там, где близ долгих Салон шумят Адриатики волны, там, где теплый Йадр сбегает к нежным зефирам»⁷⁵. Так что по этому часто употребляемому названию городу было дано имя Йадриа; или же, как представляется некоторым, Йадриа получила имя от основателя Йадриа⁷⁶.

Х.

КАК ВОЗВРАТИВШИЕСЯ С ОСТРОВОВ ПРИШЛИ В СПАЛАТО

Среди салонцев, переправившихся на острова, был один человек по имени Север, чей дом находился над морем, у колоннады дворца. Поскольку в сравнении с другими он пользовался большим авторитетом, он прозывался Великий Север. Он начал увещавать своих сограждан вернуться на родину. Но так как было небезопасно строить жилье среди руин древнего города, он им советовал разместиться на время в строении Диоклетиана, где, оставаясь в безопасности, они могли бы без особого страха занимать по крайней мере пядь своей земли, пока не появится возможность вновь застроить Салону при более благоприятном стечении обстоятельств. И в конце концов этот совет понравился нобилям и всему народу; и они заключили между собой соглашение, по которому более богатые строили бы себе дома на собственный счет; прочие же, чьих денег не хватало для строительства домов, заняли бы под свое жилье окружающие башни, а остальное простонародье селилось бы под сводами и в гротах.

Тогда, забрав все, чем они владели на островах, взяв скот и снарядив корабли, они отправились в путь вместе с женщинами и детьми и по прибытии вошли в упомянутое здание, которое строилось не как город, а как царские палаты. И поскольку дворец был просторным, его стали называть Спалато⁷⁷. Расположившись там, они устроили себе грубое жилье, как того потребовали чрезвычайные обстоятельства. Вот так этот многолюдный город Салона, славный и древний, за многие совершенные против Бога грехи оказался в таком ужасном упадке, что из великого множества его людей не осталось и столько, чтобы можно было напол-

нить гражданами это малое укрепление; и, разместившись в той его части, которая была обращена к морю, они оставили пустой остальную часть городка. Затем они начали мало-помалу выходить и возделывать близлежащие земли. Но как только вожди готов прослышали, что салонские граждане вернулись с островов, они сразу же начали вести против них военные действия, опустошая все их нивы и не позволяя им выходить за стены. Тогда граждане, посоветовавшись между собой, направили посольство к константинопольским императорам, смиренно умоляя и прося, чтобы им было позволено жить в Сплите и владеть по старому праву территорией своего города Салоны. Что и было сделано. Ведь послы, получив все, что хотели, возвратились к своим согражданам, принеся священный рескрипт государей — повелителей. Было направлено также предписание вождям готов и славян со строгим требованием, чтобы они не причиняли беспокойства жившим в Сплите салонским гражданам.

Поэтому, получив предписание повелителей, они не осмеливались в дальнейшем выступать с оружием против сплитчан. После того как между ними был заключен мир, сплитчане постепенно стали водиться со славянами, устанавливать торговые связи, заключать браки, вступать с ними в мирные и дружественные отношения ⁷⁸.

XI.

ОБ ИОАННЕ, ПЕРВОМ СПЛИТСКОМ АРХИЕПИСКОПЕ ⁷⁹

Между тем верховный понтифик направил одного легата по имени Иоанн родом из Равенны, чтобы он, объезжая земли Далмации и Хорватии, просвещал христиан спасительными наставлениями. В Салонской же церкви со времени разрушения пресул не назначался. Поэтому достоимый Иоанн принялся убеждать клир и народ обязательно восстановить у себя архиепископство древнего города, что было расценено ими как заслуживающее признательности и одобрения. Тогда, согласно обычаю, на собрании клира все единодушно избрали названного Иоанна. Получив посвящение от господина папы, он пришел как добрый пастырь к своим овцам, стремясь не к накоплению денег, поскольку церковь в то время была крайне бедной, но, добываясь богатства духовного, он всем сердцем тревожился о спасении душ. Папским престолом ему было дано разрешение, по которому Сплитская церковь получила все надлежащие привилегии, имевшиеся некогда у Салоны.

Тогда он принялся устраивать церковь и клир, внедрять учение, проповедовать и с особой тщательностью исполнять дело пастырского служения. Обходя земли Далмации и Славонии, он восстанавливал церкви, поставлял епископов, распределял церковные приходы, мало-помалу склонял грубые народы к католическому учению⁸⁰.

В то время вышеназванный Север передал церкви свое жилище, которое по возвращении с островов досталось ему в Сплите по жребию, вместе с угловой башней и дворцом, предназначив его для епископии⁸¹; и там первым стал жить досточтимый пресул Иоанн. Заметив, что у народа возрастает любовь к богослужению, он тотчас приступил к похвальному делу, и святилище Юпитера — выдающееся сооружение, воздвигнутое в августейшем дворце, очистил от изображений идолов, сделав в нем двери и запоры. Когда было назначено торжество освящения, отовсюду стеклось великое множество народа. Так он сделал из известного святилища церковь, освятив ее при большом благоговении и восторге всех собравшихся в честь Бога и преславной Девы Марии⁸². Он учредил там и клир для отправления каждодневных богослужений.

ХII.

О ПЕРЕНЕСЕНИИ [МОЩЕЙ] СВЯТЫХ ДОМНИЯ И АНАСТАСИЯ

В это же время досточтимый Иоанн начал договариваться с гражданами, чтобы мощи блаженного понтифика Домния, которые остались в Салоне, было подняты и после перенесения помещены в недавно освященной церкви⁸³. И это пришлось всем весьма по душе. А потому, выбрав время, когда они могли бы беспрепятственно сделать это, они проникли в Салону и, войдя в базилику епископа, обнаружили, что все пребывало в запустении и развалинах. Место это было загромождено обломками здания и, засыпанное пеплом пожаров, уже так поросло терновником и кустарником, что хотя еще оставались в живых некоторые, знавшие место [захоронения], невозможно было без труда определить, откуда следовало извлечь тело блаженного Домния, поскольку исчезнувшая могила затерялась в подземных гротах. Разрыв землю и расчистив место, они подняли первый обнаруженный ими саркофаг и, опасаясь, как бы не случилось помехи со стороны славян, с большой поспешностью перенесли в Сплит. Раскрыв его, они обнаружили тело не блаженного Домния, а блаженного мученика Анастасия. На следующий же день без промедле-

ния пойдя опять в Салону, они в том же месте раскопали саркофаг блаженного Домния и, как можно скорее перенеся тело, с величайшим благоговением поместили драгоценные останки обоих мучеников в вышеназванной церкви Богородицы, где по милости Божией они походят по сей день⁸⁴.

ХIII. ПЕРЕЧЕНЬ ЕПИСКОПОВ, О КОТОРЫХ СОХРАНИЛАСЬ ПАМЯТЬ⁸⁵

И тогда князья Славонии стали оказывать большое почтение церкви блаженного Домния, одаривая ее поместьями, многочисленными владениями и с радостным сердцем принося десятину и пожертвования. В сплитской же церкви было много архиепископов, которым в силу привилегии, данной Салонской церкви, подчинялись все епископы Верхней и Нижней Далмации⁸⁶, будучи с древних времен ее суффраганами⁸⁷. И сами архиепископы назывались не сплитскими, а салонскими⁸⁸.

А после того как, благодаря проповедям вышеназванного Иоанна и других салонских пресулов, вожди готов и хорватов очистились от заразы арианской ереси, в Славонии были учреждены некоторые епископские церкви, так что помимо епископов Далмации на востоке появился епископ Дельминия⁸⁹, откуда Далмация получила название, на западе — епископ Сисака, где некогда был пресулом блаженный мученик Квирин⁹⁰.

Наконец, мы узнаем, что после разрушения Салоны в Сплите были следующие старейшие пресулы⁹¹: архиепископ Юстин жил в 840 год от воплощения⁹²; архиепископ Марин был во времена короля Карла и Бранимира, князя Славонии⁹³; архиепископ Иоанн был в 914 году во время князя Томислава⁹⁴; архиепископ Мартин жил в 970 году при императоре Феодосии и короле Диржиславе⁹⁵. Мартин был родом из Сплита. Он пожертвовал церкви большую чашу с блюдом к ней из чистейшего золота.

С этого Диржислава следовавшие за ним преемники стали именоваться королями Далмации и Хорватии⁹⁶. Знаки же королевского достоинства они получали от константинопольских императоров и назывались их епархами или патрициями⁹⁷. Власть над королевством Далмации и Хорватии они держали по наследству от своих отцов и прадедов. А границами этого их королевства были: на востоке — Дельмина с городом Дельмисом, где имеется одна церковь, которую освятил блаженный Герман, епископ Капуанский⁹⁸, о чем свидетельствует надпись на ней; на западе — Каран-

тания; в направлении моря — до города Стридона, который сейчас находится между Далмацией и Истрией; а на севере — от берега Дуная до Далматского моря включая всю Маронию и Хумский дукат⁹⁹.

XIV.

О НАШЕСТВИИ ВЕНГРОВ

Почти в то же время какая-то часть народа массагетов, покинувшая свою землю, которая называется Магерией, двинулась грозной многочисленной толпой, сметая все на своем пути, и заняла всю Паннонию по обеим сторонам Дуная. Истребив одних ее жителей, а других обратив в рабство, они разместились на этой равнине, поскольку благодаря редкому населению она была удобной для разведения скота, чем в основном эта орда и жила. Говорят, что в древности эта область была пастбищем римлян. Итак, они принялись частыми военными набегами разорять окрестные земли, разрушать церкви, уничтожать христиан. А были они крайне жестокими язычниками, которые прежде именовались гуннами, а позднее были названы венграми. Говорят, еще раньше из названной страны вышел вождь Аттила, самый свирепый преследователь христиан¹⁰⁰.

Петр был архиепископом в 990 году, при королях Тирпимире и его сыне Мунцимире¹⁰¹. Павел был архиепископом в 1015 году при императорах Василии и Константине и Крешимире, их патриции и короле хорватов¹⁰². Отец же этого архиепископа звался Престанций и был он в это же самое время примарием, то есть правителем города Сплита¹⁰³.

В то же время Геза, четвертый князь венгров, став христианином, начал мало-помалу привлекать свой народ к обряду христианского исповедания, предоставив христианам свободу строить церкви и публично проповедовать имя Христа¹⁰⁴. А после смерти архиепископа Павла на его место в 1030 году во времена вышеназванных государей был поставлен Дабрал¹⁰⁵.

XV.

ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЕПИСКОПОВ ВЕРХНЕЙ ДАЛМАЦИИ

Случилось так, что в те дни все суффраганы Далмации были созваны на провинциальный собор, который должен был состояться в сплит-

ской церкви ¹⁰⁶. Епископам же Верхней Далмации представлялось более удобным преодолеть путь, отправившись в дорогу на одном корабле. После того как был снаряжен корабль, они, как было условлено, прибыли в порт, и почти все епископы, а именно: которский, антибарский, ульцинский и свачский ¹⁰⁷, погрузив необходимые в плавании вещи, сели на один корабль. Когда они плыли вблизи островов, подгоняемые не слишком приятным ветром, вдруг среди моря со страшным рокотом разразилась сильная буря, и сразу же испуганные матросы с паническими криками бросаются к корабельным снастям, чтобы приналечь и, поднапрягшись, свернуть паруса и спустить якоря, чтобы корабль не налетел на опасные места, которые были уже недалеко. Но прежде чем они смогли предпринять что-нибудь разумное, потрепанный корабль был тотчас выброшен на сушу, ударился и под натиском бури вдребезги разбился. Вот так по Господнему суду погибли несчастные епископы и все, кто был с ними ¹⁰⁸.

Тогда граждане вышеназванных городов, направив донесение верховному понтифику, сообщили о гибели в кораблекрушении своих епископов, смиренно прося освободить их от подчинения Сплитской церкви, ссылаясь на вполне приемлемый довод, что посещение столь отдаленной церкви грозило им опасностями. Поэтому римский понтифик согласился с их просьбой и всех епископов начиная от Рагузы и выше освободил от уз, которыми они были связаны со старой Салонской митрополией и учредил новую митрополию в городе Антибари и подчинил ей все вышеозначенные епископства ¹⁰⁹.

Епископии же Нижней Далмации, а именно от Апсарской до Трогирской ¹¹⁰, по древнему обычаю оставались в подчинении митрополии Салонской церкви. Вегленская, Апсарская и Рабская епископии имели парафии на своих островах, а Вегленская владела большей частью парахий ¹¹¹, которыми ныне владеет Сеньская церковь, не имевшая тогда епископской кафедры ¹¹². Все вышеназванные города принадлежали королевству Хорватии. Задарская епископия имела небольшую парафию из-за соседства Нинской и Биоградской епископий ¹¹³. Однако когда город Биоград был разрушен венецианцами, его престол был переведен в Скардону, так как разрушенный венецианцами Биоград находился вблизи города Задара ¹¹⁴. Трогирская епископия, как находящаяся ближе других к своей митрополии, получила больший диоцез, с крепостью Шибеник ¹¹⁵ со всей ее жупой и простиралась почти до реки Цетины.

Был также епископский престол в Мукаре, а его парафия простиралась от границы Крайны до Стона ¹¹⁶. В Стоне также была епископия, и ее парафия находилась в Хумском комитате ¹¹⁷. Хорватские короли также

пожелали иметь нечто вроде особого понтифика и добивались [этого] от архиепископа Сплитского; и они получили епископа, который назывался хорватским, а его престол определили в церкви св. Марии, что в поле около крепости Книн¹¹⁸. Ему принадлежали многочисленные парафии, он имел поместья и владения почти по всему королевству Хорватия, поскольку он был королевским епископом и следовал за королевской курией, был одним из первых лиц двора, и его юрисдикция распространялась до реки Дравы¹¹⁹. Конечно, церковь митрополии хотела сохранить за собой следующие парафии: комитат Цетины, Клевны, Клис, Мосор, Омиш и Крбаву, а также парафии по ту сторону Железных Альп вплоть до Загреба и всю Маронию¹²⁰.

Теперь же вернемся к епископу Дабралу. Поскольку он был силен и знатен и не было никого, кто осмелился бы осуждать его поступки, он вообразил, что ему действительно позволено все, чего бы он ни пожелал. Так, у него, как у мирянина, была жена и дети, которых он держал при себе в архиепископском дворце; и вся епископия была наполнена лишь визгом младенцев и гамом служанок. Погруженный во всевозможные мирские дела, он слабо справлялся с духовными. Когда же о столь несправедливой жизни понтифика было передано верховному понтифику, он тотчас направил туда одного легата по имени Иоанн, человека весьма благоразумного и проницательного¹²¹. Добравшись до этих краев и созвав собор¹²², он стал исследовать поводы к обвинению главы и участников [дела]. Хотя вина архиепископа Дабрала подтвердилась, он принялся оправдываться пустыми доводами. Он говорил, что упомянутая женщина действительно является его законной [женой], которую по обычаю Восточной церкви ему было позволено держать при себе. Но легат, не придав никакого значения доказательствам Дабрала, с одобрения папы приговором отстранил его навсегда от управления Сплитской церковью¹²³.

В то время сын Гезы Стефан, получив из рук римского понтифика корону, стал первым королем венгров; человек деятельный и весьма усердный в прославлении христианской веры, он так прекрасно устроил по всему королевству епископии, монастыри и церкви и так обильно их одарил, что, кажется, едва ли где в целом свете церковь находилась в лучшем состоянии и в таком почете¹²⁴.

Наконец, после Дабрала сплитским архиепископом был некий Иоанн, уроженец этого самого города. Он построил церковь св. Феликса над ручьем. А когда под старость он сделался уже бесполезным, он сложил с себя бремя пастырских обязанностей и, прожив еще недолго в той же церкви, там и умер¹²⁵.

XVI. О ВОЗВЕДЕНИИ В АРХИЕПИСКОПЫ ЛАВРЕНТИЯ

В то время некий легат апостольского престола¹²⁶, прибыв в Сплитскую церковь, собрал провинциальный собор. Так как Сплитская церковь была тогда вакантной и поскольку там собрались все епископы Сплитской митрополии, то прежде чем закончилось заседание, был поставлен вопрос о выборах митрополита. И случилось так, что по внушению свыше мысли и голоса всех сошлись на личности достопочтенного мужа Лаврентия, апсарского епископа, который прибыл на собор вместе с прочими суффраганами, единодушно провозгласившими его отцом и архиепископом¹²⁷. И в направленном в римскую курию послании они обратились с просьбой к господину папе относительно этого дела. А поскольку ото всех он получил хорошие отзывы, их просьба была легко удовлетворена, и верховный понтифик выдал ему разрешение на переход, послав ему соответствующий его достоинству паллий с подтверждением привилегий митрополичей власти.

Этот Лаврентий, далматинец по происхождению, был хоть и мал ростом, но велик умом. И принялся он своим неусыпным старанием поддерживать церковь в бранных и духовных делах, разъезжать с проповедями по всей провинции и как добрый пастырь усердно заботиться об охране своей паствы. И, будучи таким человеком, он находился в большом почете у королей и князей Славонии, которые жертвовали церкви св. Домния многочисленные поместья и владения, подтверждая и выдавая привилегии на новые и старые пожалования¹²⁸. Сам же досточтимый Лаврентий не стремился к обогащению — своему или даже близких родственников, но все определял в собственность церкви. Он выказывал такое усердие в пополнении и украшении церковной сокровищницы, что направил одного из своих сервов в Антиохию учиться мастерству золотых и серебряных дел. Когда, уже хорошо обученный, он вернулся домой, досточтимый понтифик повелел ему изготовить одни большие и другие, ручные, серебряные подсвечники. Он сделал также большой и малый кувшины и сосуд для омовения рук¹²⁹, чашу и ларец, пастырский посох и крест и некоторые другие вещи — все это он изваял по образцу антиохийских произведений.

В это время некто парижанин Адам, до тонкостей сведущий в науках, держа путь в Афины для изучения [творений] греков, прибыл в Сплит. И когда он был с почетом встречен первосвященником Лаврен-

тием, тот обратился к нему с просьбой наилучшим образом составить достоверное описание страстей блаженных мучеников Домния и Анастасия, которые были описаны в древности грубым языком. Он согласился на это с благодарностью и, используя сведения из старых сказаний, заново составил довольно изящное повествование об обоих мучениках. Он также сочинил гимны и написал в стихах песнопения о блаженном Домнии¹³⁰.

В это же время на вакантную кафедру Трогирской церкви был избран некто Иоанн, итальянец родом, и, представленный архиепископу Лаврентию, он принял от него посвящение. Будучи образованным и добрым человеком, он, в сравнении с другими епископами, пользовался большой любовью и расположением Лаврентия. Ведь из любви к небесному отечеству он вел суровый образ жизни, презирая все плотские соблазны, и, как утверждают, возвысился до такой благодати, что в нем просияли некоторые признаки святости. Поэтому и при жизни и после смерти он был глубоко почитаем своими гражданами¹³¹.

Во времена господина архиепископа Лаврентия в королевстве Далмации и Хорватии начались споры из-за достойной проклятия схизмы.

Еще при господине папе Александре и Иоанне, предшественнике вышеназванного Лаврентия, господином Майнардом, некогда помпозитанским аббатом, а позднее — епископом-кардиналом¹³², с большой торжественностью был проведен собор всех прелатов Далмации и Хорватии, на котором было начертано много постановлений. И между прочим было утверждено и установлено, чтобы никто впредь не смел совершать божественных служб на славянском языке, а только на латинском и греческом, и чтобы никто из людей этого языка не выдвигался на священные должности¹³³. Говорили, что готские письмены были придуманы неким еретиком Мефодием, который на этом самом славянском языке написал много ложного против учения католической веры¹⁴⁴; из-за этого, говорят, он был Божьим судом наказан скорой кончиной.

Когда, наконец, это постановление решением собора было обнаружено и утверждено апостольским авторитетом, все священники славян сильно опечалились. Разумеется, все их церкви были закрыты, сами они прекратили исполнять привычные обязанности.

Однако случилось так, что в хорватских землях появился один пришлый священник по имени Ульф с видимостью благочестия на лице, но пряча в сердце своем яд обмана. И, прикинувшись посланцем верховного понтифика, он распускал слухи среди людей и, будто сочувствуя их бессилию, обещал помочь им полезным советом, говоря: «Знайте, что господин мой верховный понтифик глубоко скорбит, прослышав, что церкви ваши закрыты и священникам вашим запрещено вести богослу-

жения. Сейчас же отправляйте посольство к моему господину и будьте уверены, что сможете получить все, что ни пожелаете».

Действительно, когда собрались старейшины и устроили совет, то они послали этого самого Ульфа со своими дарами в Рим. Отправившись в путь, он в скором времени добрался до Рима и положил к ногам господина папы подарки хорватов с их требованием и смиренно просил его, чтобы он вернул прежний порядок устроения церквей и духовенства в славянском королевстве. Тогда верховный понтифик отвечал ему так: «Было бы незаконно затевать что-либо вопреки постановлениям легатов апостольского престола после легковесного обсуждения; ты же по получении наших грамот передай архиепископу, королю и всем прелатам этой провинции, чтобы к нам для решения этих дел явились два епископа, поскольку тебя, как человека неизвестного, мы относительно этого никак не можем выслушивать».

Однако ничтожный пресвитер доставил папские грамоты не тем, кому они были предназначены, а поспешил немедленно вернуться к готам, которые его направили. И тогда он так отвечал на их расспросы о том, как обстояло дело с их требованиями к апостольскому престолу: «Ну вот, по милости Божией я добился от господина папы всего, что вы хотели; ибо церкви ваши открыты, восстановлены в правах ваши священники. Кроме того я добился также для вас, чтобы вы избрали себе понтифика вашего народа и вашего языка и направили вместе со мной с какими-нибудь дарами к тому же папе для посвящения».

Услышав это, готы преисполнились радости и тотчас же избрали в епископы одного невежественного старца по имени Цедеда и немедленно послали его в Рим вместе с неким аббатом по имени Потепя и с пресвитером Ульфом, верховодом всей этой низости. Когда они предстали перед верховным понтификом, он сам стал их спрашивать, кто они такие. Нечестивый пресвитер отвечал: «Мы из земель Далмации, и, может быть, вы, отче, припомните, что я приходил прежде к вашей милости, а вот этим [людям] было угодно припасть к стопам вашего святейшества, чтобы вы оказали их народу такие же благодеяния, как и всем. Разумеется, и этот знатнейший муж из готов пришел для того, чтобы, будучи в наилучшей мере подготовленным вами, он мог бы свободнее проповедовать истинное учение». Господин папа тогда спросил: «В каком достоинстве он пребывает?» Последовал ответ, что он прежде был пресвитером, служившим по своим писаниям. На что папа сказал: «А почему он отказался сбрить бороду по обычаю католической церкви?» Греховный пресвитер отвечал: «Потому он и явился перед вами, чтобы впредь вам повиноваться». Тотчас же досточтимый понтифик собственной рукой срезал несколько волосков из его бороды, а затем приказал предстоящим

обрить его по церковному обычаю. К пресвитеру же он обратился со словами: «Я наказал тебе привести по такому делу ко мне не этих людей, а понтификов». Пресвитер на это сказал: «Они хотели, господин, но никак не смогли». Тогда господин папа, посоветовавшись, отвечал им так: «Знайте, чада, хотя я припоминаю, что неоднократно слышал о том, чего так настойчиво добиваются готы, но, как и мои предшественники, я никак не решаюсь дать им позволение совершать богослужения на их языке из-за ариан — создателей этой письменности. Теперь же, отправляясь в путь, постарайтесь, чтобы, пока не подошли наши легаты, народ этот почитал все, что было установлено на соборе нашим уважаемым братом Майнардом, епископом-кардиналом святой Руфины»¹³⁵.

Вслушав это, они поспешили убраться с глаз господина папы, топясь возвратиться в свою провинцию. Тогда Цедеда стал допытываться у пресвитера Ульфа: «Скажи мне, какую пользу принесло нам то, что мы предстали перед господином папой?» «То, к чему ты так страстно стремился всей душой, ты добился моими трудами», — отвечал ему Ульф. «Что?» — спрашивает Цедеда. «Да то, — сказал Ульф, — что папа поставил тебя понтификом». «Каким образом?» — спрашивает Цедеда. «Власть господина папы столь велика, — отвечает Ульф, — что у кого он выстрижет из бороды несколько волосков, тот сразу же становится епископом». Услышав это, глупый старик преисполнился великой радостью. И вскоре он приобрел пастырский посох и перстень.

Как только они переступили границы Хорватии, соотечественники, услышав об их приходе, радостно вышли навстречу своему понтифику и приняли его с большим ликованием. А так как это был не добрый пастырь, а хищный волк, скрывавшийся под овечьей шкурой, он слишком хорошо узнавался по плодам своей деятельности¹³⁶. Так, он очень скоро яростно согнал Вегленского епископа с престола, и будто бы по апостольскому предписанию, присвоил его себе. Тогда, о позор, воображаемый понтифик стал осквернять божественные обряды, освящая церкви, ставя клириков и выполняя другие епископские обязанности.

Но сила Всемогущего недолго сносила издевательство дьявольского коварства, чтобы оно могло обольстить несчастные души. Как только верховному понтифику стало известно об этих нечестивых деяниях, он, терзаемый великой скорбью, немедля поспешил послать легата, кардинала Иоанна¹³⁷, для искоренения в землях Славонии разгоревшейся преступной схизмы. Придя в эти края, кардинал повелел созвать множество народа и клира и этого лжеепископа выбрал самым суровым образом перед его готами за столь безрассудную низость, объявив всем, что тот не получал сана священнослужителя от верховного понтифика. Поэтому он отсек мечом вечной анафемы от мира правоверных Цедеду и Потепу с

их приверженцами, а Ульфа, учинившего столь великое злодеяние и виновника столь великого обмана, он повелел привести в Сплит.

Там на созванном соборе¹³⁸ он лишил этого опасного пресвитера всякого церковного сана и, согласно папскому предписанию, распорядился, подвергнув жестокому бичеванию, навечно заточить его в темницу, с бритой головой, с выжженным на лбу клеймом. Но так как безумный Цедеда никоим образом не раскаялся в совершенном проступке и из-за него по всему королевству возникло множество поводов для соблазна, верховным понтификом было предписано, чтобы как в Римской, так и в Сплитской церкви и по всей провинции он был торжественно предан анафеме. И вот после того как это было проделано сначала в Риме — дважды, а затем на сплитском соборе — трижды, его внезапно настигла Божья кара. Ведь когда ему, как обычно, потребовалось уединиться по естественной надобности, его, ничем не болевшего и никогда не испытывавшего телесных страданий, захватила в укромном месте внезапная боль, и все кишки изверглись из нутра. Вот так-то нечестивец, следовавший арианскому вероломству, праведным Божиим судом был наказан позорной смертью Ария¹³⁹.

После этих событий господин папа Александр ушел из этого мира. Его место занял господин Григорий VII¹⁴⁰. И он направил легатом в земли Далмации досточтимого мужа Гирарда, архиепископа Сипонтинского¹⁴¹. Пришедши в Сплит, он с великой радостью и почетом был принят архиепископом Лаврентием. Тогда он известил и созвал всех суффраганов Салонской митрополии. Когда они собрались, он с должным мастерством торжественно провел собор возле Салоны¹⁴². А участвовали следующие суффраганы Сплитской церкви: прежде всего архиепископ Лаврентий, второй за ним — Стефан епископ Задарский, Иоанн Трогирский, Формин Нинский, Григорий Рабский, Феодосий Биоградский¹⁴³, Григорий Хорватский, Василий Апсарский и некоторые другие. На этом соборе была восстановлена Нинская епископия¹⁴⁴, чей епископ Григорий в давние времена заставил сплитского архиепископа Иоанна претерпеть множество неприятностей, уклоняясь от должного ему повиновения и несправедливо заявляя о своих притязаниях на права митрополита¹⁴⁵.

Между тем досточтимый легат Гирард, будучи в Сплите, обнаружил здесь упомянутого пресвитера Ульфа по прозвищу Гольфанг, уже лет двенадцать закованного по папскому повелению в самые тяжелые кандалы за преступную злодейскую схизму, которую он насаждал в землях Далмации и Хорватии вместе с Цедедой. Он приказал его освободить, говоря, что блаженной памяти господин Александр перед своей кончиной предписал освободить всех заключенных согласно его распоряжению. Но прежде он заставил его присягнуть на евангелиях и перед мощами бла-

женного Домния в том, что он никогда более не впадет в незаконную ересь и, покинув эти края, никогда не вернется, и, пойдя с ним в Рим, предстанет перед апостольским взором.

Рассказав об этих событиях, вернемся, наконец, к архиепископу Лаврентию. Он был определен на престол Салонской церкви в 1060 году от воплощения во времена императора Михаила, королей Стефана, Крешимира и Свинимира, который был последним королем хорватов¹⁴⁶. Этот Лаврентий в числе многих других благочестивых дел основал женский монастырь св. Бенедикта, в достаточной степени снабженный всем необходимым, в котором он ввел обязательную дисциплину, поместив туда благочестивых женщин; и они должны были праведной и непорочной жизнью, безупречным поведением служить Богу и людям¹⁴⁷.

В это время в городе Нине под началом кардинала Иоанна, легата апостольского престола, был созван собор¹⁴⁸. Здесь по призыву архиепископа Лаврентия славный муж Дмитрий по прозвищу Свинимир, король хорватов, вернул церкви св. Домния салонские церкви св. Стефана и св. Марии со всем их имуществом, поскольку эти церкви построила и одарила некая королева Елена, пожаловав их в вечное законное владение сплитскому престолу¹⁴⁹. Из уважения к королевским надгробиям они были на время переданы неким монахам, которые усердно отправляли в них церковные службы. Ведь там, в притворе базилики св. Стефана, был погребен славный муж король Крешимир со многими другими королями и королевами¹⁵⁰.

Лаврентий возглавлял салонскую митрополию около сорока лет. Когда он отошел к Господу¹⁵¹, не могли прийти к согласию в выборе его преемника. Поэтому была высказана общая воля направить посольство к господину папе, со смиренной просьбой позаботиться о достойном пастыре для Сплитской церкви. В конце концов верховный понтифик удовлетворил их просьбу, дав им в пресулы Кресценция, римлянина по происхождению, мужа высокочтимого и наделенного всеми добродетелями¹⁵².

XVII.

КАК НАЧАЛОСЬ ВЛАДЫЧЕСТВО ВЕНГРОВ НАД ДАЛМАЦИЕЙ И ХОРВАТИЕЙ¹⁵³

В это время король Свинимир умер, не оставив наследника¹⁵⁴. Так что с угасанием всего рода королевской крови в королевстве хорватов уже более не было никого, кто должен был бы возвыситься по праву.

Ввиду этого между всеми знатными людьми королевства стала затеваться великая вражда. И когда то один, то другой, движимый честолюбием, заявлял о своих претензиях на владение страной, начинались бесчисленные грабежи, разбои, убийства и всевозможные злодеяния. Не проходило ни дня без взаимных преследований, нападений, избиений.

В те времена жил один из магнатов Славонии; измученный своими же соплеменниками многими обидами и изнуренный значительными потерями и не надеясь, что он сможет как-то противостоять этому злу, он отправился в Венгрию. Явившись тогда к королю Владиславу, он повел с ним разговор, убеждая его выступить для завоевания королевства Хорватии и подчинить его своей власти; он вполне уверил его, что это можно сделать без труда, поскольку престол королевства был не занят и оно оказалось без надежного королевского попечения.

Король Владислав, увлеченный этими советами, без промедления собрал многочисленное войско, выступил в поход и беспрепятственно занял всю землю от реки Дравы до Альп, которые зовутся Железными¹⁵⁵. После этого он перешел через Альпы и начал осаждать укрепления и крепости и затевать сражения с народами Хорватии. И так как они не оказывали друг другу помощи и были разобщены, король смог одержать легкую победу. Однако он не дошел до приморских областей; а прослышав, что какой-то народ вторгся в пределы его королевства, он вернулся в Венгрию.

Король этот был не только отважным в сражении, но выделялся набожностью и благочестием¹⁵⁶.

В его правление народ скифов, вторгшись во множестве в пределы Венгрии, учинил великое кровопролитие. Но король Владислав, сосредоточив в одном месте войско своего королевства, смело бросился на вражеские отряды и с Божьей помощью уложил на полях [сражений] большую часть вражеского племени, а остальных прогнал за пределы королевства¹⁵⁷.

Когда же король Владислав переселился к Господу, ему на королевском престоле наследовал Коломан¹⁵⁸. Будучи человеком воинственного духа, он положил подчинить своей власти всю страну до далматского моря. И он пришел с хорошо вооруженным войском и занял оставшуюся часть Славонии, которая не была завоевана Владиславом¹⁵⁹.

Таким образом он дошел до моря, намереваясь занять приморские города. Тогда первым делом он подступил к городу Сплиту, желая миром добиться, чтобы [жители] по собственной воле подчинились его власти и не допустили бы, чтобы он уничтожил их самих и их город. Однако сплитчане, накрепко заперев ворота и расположившись с оружием в руках по окружности стен, не пошли на соглашение с королем, страшась попасть под власть неведомого и чужеземного народа; ведь они не знали,

что затевал король в отношении города и горожан. Тогда король и его князья, возмущаясь и полагая, будто сплитчане презирают их, стали сурово угрожать гражданам; и, разбив лагерь недалеко от города, опустошали поля и грабили все, что могли. Отсюда и получилось, что сплитчане, ожесточившись духом, все вместе решились скорее вынести все испытания и потери, чем допустить иго венгров. Когда же прошло какое-то время, они, наконец, узнали через посредников, что те — христиане и что король хотел бы обойтись с ними по-доброму, если только они мирно подчинятся его власти. Тогда сплитчане, посоветовавшись, направили архиепископа Кресценция к королю Коломану испросить у него мира. Тот благосклонно принял его и согласился со всеми требованиями, которые выставили сплитчане для заключения мирного договора. И записав все, что было установлено по благоусмотрению, король вместе со своими князьями поклялся все твердо соблюдать. А на следующий день присягнули сплитчане — сначала старшие, потом младшие, а затем все простонародье — в том, что они на все времена останутся верноподданными короля Коломана, его потомков и королевства Венгрии. Тогда король вошел в город и был встречен клиром и народом с большим почетом. В тот же день, приняв от коммуны всевозможные знаки внимания, составив и выдав иммунитетные привилегии, он отбыл.

По дороге оттуда он посетил Трогир, а затем Задар; принятый этими городами схожим образом, он выдал им привилегию на свободу¹⁶⁰.

И так он вернулся в Венгрию в 1103 году от Рождества Господа.

XVIII.

КАК МАНАС ХОТЕЛ ПРЕДАТЬ ГОРОД

После смерти доброй памяти архиепископа Кресценция по настоянию мирян были проведены выборы одного клирика из двора короля Коломана — его фаворита по имени Манас. Посвященный верховным понтификом, он имел местом своего пребывания город [Сплит], но часто отлучался в Венгрию для посещения королевского двора.

Сплитчане отдали королю Коломану угловую восточную башню. И король поместил в ней с немалым военным отрядом князя, который был сборщиком королевских податей по Хорватии. Однажды этот князь вознамерился занять город и полностью его разграбить. И тогда его люди, посоветовавшись, решили, что не могло бы быть ничего более полезного, чем заручиться поддержкой архиепископа. Приглашенный архиепископ прибыл, дал свое согласие и указал день, когда во время массового

стечения всего народа на праздничное освящение одной загородной часовни находившиеся в башне венгры могли бы влезть на городские стены, а остальные, размещенные снаружи, по сигналу пришли бы на помощь; и таким образом город, слабо защищаемый своими гражданами, мог бы быть легко взят. План понравился и князю, и всем его сообщникам. И все было подготовлено согласно воле пресула.

В то время надежным комитом и правителем города был один человек замечательного усердия по имени Адриан, родом из Тревизо, по происхождению латинянин¹⁶¹. Заботясь более о благополучии и свободе своих граждан, чем о собственном положении, он открыл гражданам всю низость обмана и в скором времени бежал на родину. А сплитчане, вступив в союз с трогирянами и другими далматинцами, тайно приняли меры предосторожности, расставив повсюду стражу¹⁶².

Тогда во время объявленного торжества освящения известной часовни, которая находилась среди скал горы, прозванной «Кириелейсон»¹⁶³, все сделали вид, что уходят из города, желая проверить, правду ли им открыл по секрету вышеназванный комит Адриан. Вдруг около трех часов находившиеся в башне начали трубить в трубы, развешивать знамена и рассеиваться по стенам города. Тем временем сплитчане, выскочив из укрытий, стремительно бегут к башне, поджигают ее и сталкивают вниз карабкающихся на стены. Так что все находившиеся в башне частью задохнулись в дыму, а частью, неудачно спрыгнув вниз, разбились о землю. Найдящиеся в городе погибли от меча, а те, что пришли к ним на помощь, бежали в смятении, пораженные сильным страхом и ужасом. Архиепископ же, видя, что его злодеяние раскрыто, в чрезвычайном смущении, покрытый позором, покинул город, чтобы никогда больше не возвращаться.

Рассказывают, что после его бегства церковь в течение многих лет оставалась вакантной. Капитул же возглавлял тогда архидиакон Дабро Диций, а управлял городом комит Чернеха¹⁶⁴. Оба они, как говорят, по взаимному сговору используя церковные доходы для своих нужд, с помощью нелепых предлогов срывали выборы понтифика.

XIX.

ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЗАДАРСКОЙ ЦЕРКВИ

В то время Задарскую церковь возглавлял епископ Миха, сын Калопрестанция¹⁶⁵. Архидиакон Дабро обещал ему архиепископство Сплитской церкви, а потому получал от него многочисленные подношения и

дары. Но обещая ему Сплитское архиепископство, он вовсе не собирался выполнять это. Преследуемый епископом, он дал ему слово, но ловко обманул его: действительно, он назначил день, когда бы тот мог, придя в Сплит, отслужить мессу и обратиться с наставлением о непозволительности столь долгого пребывания церкви без пастыря. И между прочим архидиакон посулил первым подать голос относительно кандидатуры избираемого епископа. Чего же боле? Епископ прибыл, отслужил мессу, произнес наставление, но тот, кто обещал призвать к его избранию, промолчал. Видя, что он одурачен архидиаконом, епископ удалился в крайнем негодовании, задумав освободиться от обязательного подчинения Сплитской митрополии и полностью выйти из-под ее юрисдикции.

После смерти епископа Михи его место в Задарской церкви занял другой, который, следуя по стопам своего предшественника, выказывал непослушание Сплитской церкви. Тогда сплитчане избрали одного задарского клирика Григория. Он распорядился построить церковь св. Иоанна, которая является капеллой курии¹⁶⁶. Но смерть настигла его прежде, чем он получил посвящение.

В это время жил клирик Гаудий, по происхождению сплитчанин, приходской священник¹⁶⁷ церкви св. Анастасии, статный и выделявшийся среди прочих образованностью. Сын Котина, внук Карокулы, он имел множество родственников и свойственников и был влиятельным человеком. И потому он был поставлен архиепископом Сплитской церкви. Приход же церкви св. Анастасии он передал своему племяннику, примicerию¹⁶⁸ Мадью, брату Иоанна Массагалия, поскольку он пользовался его покровительством.

Гаудий был в большой милости у королей Венгрии, и, конечно, в силу своего высокого положения он часто посещал их курию. Поставлен он был в 1136 году при комите Чернехе¹⁶⁹. А пробыл он в сане архиепископа почти 40 лет.

Однажды Десса Макарелли посвящался в епископы Трогирской церкви. Архиепископ же для совершения посвящения призвал лишь епископа Хорватского. Когда тот прибыл и увидел, что действия архиепископа противоречат каноническим постановлениям, он прервал его, сказав: «Не должен архиепископ совершать посвящение только с одним отобранным епископом». Гаудий же по простоте или даже по недомыслию, сказал: «Вместо другого епископа у меня есть паллий». Тогда епископ хорватский, как человек толковый и осторожный, желая избежать грозящей его чести опасности, взошел на амвон и перед всем народом заявил протест, что он прибыл сюда не по своей воле, а вопреки своему желанию и по принуждению со стороны митрополита. Когда посвящение было таким образом проведено, проступок архиепископа Гаудия стал тут же

известен апостольскому престолу. И верховный понтифик¹⁷⁰, направив своего апокрисиария, наказал навсегда лишить сана как архиепископа, который посвящал, так и епископа, который был посвящен; с епископа же, заявившего протест, он постановил снять вину. Что и было сделано.

После этого архиепископ, разбитый параличом, ослабленный тяжелой болезнью, в течение долгого времени лежал в монастыре св. Бенедикта.

Но еще при его жизни вместо него был избран другой архиепископ по имени Абсалон, венгр по происхождению¹⁷¹. После его смерти на его место был поставлен третий, архиепископ Петр Ломбардский, который, придя проведать Гаудия, увидел, что тот все еще носит на пальце епископский перстень; поэтому, решительно разоблачив его, он снял с его пальца перстень и удалился¹⁷².

Этот Петр — человек, украшенный большой ученостью и добродетелями, был вначале епископом Нарнийским¹⁷³. Особенно силен он был в естественных науках, так что, взглянув в лицо здорового человека, он наперед знал, каким недугом он будет поражен в случае болезни и какими целебными средствами он мог бы избежать опасности.

И вернувшись в Венгрию после того как он в течение нескольких лет счастливо возглавлял Салонскую церковь, он скончался и был погребен в церкви св. Марии в Альбе¹⁷⁴. Благодаря молве о достойном похвалы образе его жизни его могила весьма почиталась жителями этой страны.

XX.

О ХВАРСКОМ ЕПИСКОПСТВЕ

В то время как престол Задарской церкви оставался незанятым, три клирика этой церкви, а именно Лампредиий Марихн, Петр Камазий и Мартин Манзавини наперебой добивались должности понтифика. А комитом города был в то время Петрана¹⁷⁵. Он стал оказывать поддержку партии Лампредиия, надеясь, что с ним его ждет сладкая жизнь, поскольку сам он не был ни гордым, ни благородного происхождения. В конце концов именно этот Лампредиий был поставлен задарским епископом.

Он первым при содействии патриарха Градо в 1145 году Господа получил паллий от папы Анастасия¹⁷⁶. В то время архидиаконом Сплитской церкви был некий Лукар, сын Дуима Цикле. Страдая от того, что задарцы стремились отделиться от Салонской митрополии, он просил у клира и народа совета и средств, обещая самолично отправиться к апостольскому престолу и защищать привилегии Салонской церкви от домогательств задарцев.

Но этот архидиакон был настолько им ненавистен, что они не пове­рили сказанному; более того, без всякого стыда они бросили ему в лицо такие слова: «Мы не желаем, чтобы Сплитская церковь через тебя по­лучила какую-либо выгоду». Потрясенный таким ответом архидиакон за­молчал и в дальнейшем не вмешивался в дела подобного рода. И по­скольку Сплитская церковь была без архиепископа, задарцы могли легко без помех добиться отделения своей церкви.

В те времена, как и в старину, острова Хвар и Брач были диоцезами Сплитской церкви; архипресвитером же на них был некто Чернета, свя­щенник капеллан из Сплита. А вышеназванные клирики, которые доби­вались места епископа, принялись враждовать с комитом из-за его благо­воления к Лампредию. Желая помириться с ними, одному он предоста­вил епископство Апсарское, которое вместе с двумя другими епископст­вами, а именно Вегленским и Рабским, они освободили от подчинения Сплитской церкви¹⁷⁷; что же касается Мартина, то он заставил острови­тян избрать его, изгнав архипресвитера Сплитской церкви — дело в том, что этот комит вместе с венецианцами захватил власть над этими ост­ровами¹⁷⁸. И хотя Мартин был избран властью задарского комита, он все-таки не захотел быть посвященным в Задаре, но, отправившись в Ра­гузу, получил посвящение от рагузского архиепископа Андрея и от епи­скопов Ульцинского и Свачского¹⁷⁹. И он не выказывал покорности За­дарской церкви, но всякий раз обнаруживал должное почтение в отно­шении Сплитской.

В то время, когда Сплитская церковь была вакантной, один карди­нал, человек большого авторитета и исключительных достоинств, вы­полнял обязанности легата по всему королевству Венгрия¹⁸⁰. Так как он немало времени провел в резиденции в Сплите, он снискал себе у всех любовь и расположение, ведь он заслуженно оказывал почтение отдель­ным лицам.

Случилось так, что в это время клир Сплитской церкви собирался для избрания архиепископа. И на обычном предварительном рассмот­рении вопроса о выборах в архиепископы все голоса в конце концов единодушно сошлись на личности этого самого кардинала¹⁸¹. Но когда все торжественно восславили избрание, комит Иоанн собрал вдруг тол­пу народа, и вот, как водится у грубых мирян, известными пренебре­гать, за неизвестных держаться, несомненное отвергать, сомнительное почитать, они приходят к этому легату с криками и с дрожющими от гнева губами. И начинают публично заявлять, что во всем остальном они его уважают и стремятся всячески почитать, но не могут согла­ситься с тем, чтобы он был поставлен их архиепископом¹⁸². Тогда кар­динал, улыбнувшись, успокоил их ласковыми речами, сказав: «Мужи

сплитские, не подобает разумным людям по пустякам впадать в ярость и с такой легкостью затевать свару, словно было допущено великое злодеяние. Что касается моего избрания, из-за чего вы пришли теперь в смятенном состоянии духа, то вам следует успокоиться, поскольку мое желание более отвечает вашему нежеланию, чем голосам клириков, которые решили назначить меня своим понтификом; однако я отказываюсь от этого избрания не из-за вашего роптания, но поскольку я полагаю более угодным Господу служение делу вселенской церкви, которое лежит на мне». А обратившись к клиру, он сказал: «Поскольку вы оказали мне предпочтение по искреннему расположению, я благодарю вас, однако выбор ваш перенесите на другого». После чего этот кардинал вернулся в курию, и по прошествии нескольких лет он стал верховным понтификом под именем Григорий VIII¹⁸³.

А в правление господина папы Александра III¹⁸⁴ сплитские клирики направили ему смиренную просьбу, чтобы он соизволил поставить им пастыря. Любезно откликнувшись на их просьбу, он назначил им Гирарда, родом из Вероны, капеллана курии. Посвященный этим верховным понтификом, он весьма достойно и благонаравно приступил к управлению Сплитской церковью¹⁸⁵.

В то время сплитчане и почти вся Далмация подчинялись константинопольской империи¹⁸⁶. Вследствие этого сплитские граждане принялись упрашивать архиепископа Гирарда, чтобы он, отправившись в Царьград, под присягой подтвердил от своего имени и от имени граждан верность императорскому величеству. Но поскольку из-за папского предписания он не мог дать согласия, а граждане, приставая, вроде бы совершали насилие, досточтимый Гирард обратился к папе Александру, прося у него совета, как следует поступить в подобном случае. И господин папа, сочувствуя испытанному им несправедливо насилию, поставил его во главе Сипонтинской церкви, сохранив вместе с тем за ним управление церкви Сплитской¹⁸⁸.

Почти в то же время жил один князь хорватов по имени Релес, человек сильный и чрезвычайно воинственный. Страстно желая стать во главе города Сплита, он то прельщал его граждан обещаниями, то устрашал всяческими угрозами, они взяли его в правители. Но сплитчане никоим образом не позволяли совратить себя, решительно отвергая правление человека славянского рода¹⁸⁹. Тогда этот князь, начав жесточайшую войну, стал открыто нападать на город; подбираясь к стенам с вооруженными отрядами всадников, он угонял большую добычу — людей и скот. А сплитчане, не решаясь выступить против такой вооруженной силы, хоронились за стенами; все же изредка они совершали тайные вылазки и как могли вредили врагам.

Однажды случилось так, что князь Релес, собрав большое войско, разбил лагерь напротив города и принялся вырубать виноградники и валить фруктовые деревья. Тогда подавленные сплитчане, с воем глядя издали на свои потери, направили к предводителю гонцов, которые в миролюбивых выражениях потребовали, чтобы он прекратил терзать сплитчан и по-дружески договорился с ними о заключении мира. Однако, будучи человеком сумасбродным и раздуваясь от непомерного высокомерия и чванства, он обратился к гонцам с такими словами: «Я не успокоюсь до тех пор, пока не вырублю все ваши виноградники, чтобы в городе не осталось и столько вина, сколько может войти в чашу для совершения одной мессы». Возвратившись, гонцы передали гражданам зловещий ответ предводителя. А те, обратив взоры к небу, сказали: «Всемогущий Боже, проклявший гордыню, умерь их высокомерие и взгляни милосердно на нашу скорбь, которую мы через них несправедливо испытываем».

И вот по прошествии нескольких дней этот самый князь, как обычно, явился, громко бряцая оружием, и, приблизившись к стенам города и угрожая оружием и криками, подстрекал к бою охваченных страхом и трепещущих граждан. Однако вскоре какой-то дух отваги вспыхнул в сердцах латинян, и, внезапно схватившись за оружие и, сгрудившись, они через ворота устремляются наружу; и, призывая Божью помощь, они выстраивают в боевом порядке два отряда. Затем, вручив два знамени двум знаменосцам — наиболее испытанным людям, они наказывают всем бойцам, чтобы один отряд следовал за одним, а другой — за вторым знаменем. И вот, ободряя друг друга, они с двух сторон показались перед врагами. Славяне же, видя, что латиняне против обыкновения вышли из своего укрытия, весьма обрадовавшись, сразу направляют на них свое войско. Один отряд наших, как было заранее договорено, постепенно приближался к противнику с фронта, а другой, обойдя с тыла, подстергал его из засады. И тут, схватившись в рукопашной схватке, они завязали жестокий бой. А те, кто был в засаде, внезапно выскочив, бросились на помощь своим. Что же до стариков, то, бродя по улицам, они с мольбой воздевали руки к небу, а женщины, юноши и девушки, глядя со стен, трепетали от сильного страха. Священники и монахи, распростершись в церквях, зывали о Божьей помощи. И вот по воле Божьей сам гордый предводитель первым был сражен ударом копья. И тотчас распались их боевые ряды, и, спасаясь от наших мечей, они полегли на полях; и погибло их множество. Тогда сплитчане, одержав победу над своими врагами и с радостью возвращаясь назад, отрубили голову этого никудышного предводителя и выставили ее на Постурие¹⁹⁰. Вот так закончилось это несчастье.

XXI.

ОБ АРХИЕПИСКОПЕ РАЙНЕРИИ

Когда умер блаженной памяти архиепископ Гирард¹⁹¹, собор всех сплитских церквей склонился к тому, чтобы никого не выбирать, но испросить у апостольского престола достойного пастыря. После этого они направили в курию своих легатов, священника сакристу¹⁹² Иония с еще одним [священником]. Придя, они смиренно положили к ногам господина папы прошение Сплитской церкви.

А в то же время была затеяна крупная тяжба между клириками тосканского города Калле¹⁹³, с одной стороны, и их епископом — с другой из-за каких-то прав их церкви; и обе партии в течение долгого времени находились в курии, ведя неослабную борьбу. И так как невозможно было успокоить бурю этой ссоры, господин папа решил найти путь, ведущий к благотворному пресечению столь застарелой неприязни. Поэтому он освободил Райнерия от уз управления, которыми он был связан с Кальской церковью, и поскольку он знал его как человека весьма способного к пастырскому правлению, то, призвав нунциев Сплитской церкви, он предложил его им для поставления отцом и пастырем их церкви. И хотя клирики Калле донимали его ненавистью и притеснениями, однако теперь возвратились к себе сильно опечаленные утратой архиепископа.

Райнерий же обрадовался, получив паллий как знак своего достоинства, и, довольный, поспешил отправиться в путь с нашими нунциями. Наконец, они достигли Равенны. А у архиепископа Райнерия было немало серебряных сосудов, денег и драгоценного епископского облачения¹⁹⁴. И так как они боялись нападений морских пиратов, то не захотели везти с собой на корабле вышеуказанные вещи; и архиепископ, поместив их в одну бочку, передал на хранение в монастырь св. Марии в порту Равенны, наказав никому не выдавать сданное на хранение, кроме как в руки одного из своих слуг, на которого в присутствии того он показал. После этого, взойдя на корабль, они двинулись в путь.

По прибытии в город он был встречен с великой радостью клиром и народом. И с большим знанием дела он принялся управлять церковью, «исцелять» клириков, наставлять народ поучительными примерами, неусыпным старанием приумножать имущество церкви¹⁹⁵.

А теперь вернемся к епископу островов Мартину. Когда он составил, то, настигнутый какой-то болезнью, сделался как бы совершенно безумным. Островитяне же, не вынеся его безумия, изгнали его и, обратившись к Сплитской церкви, избрали Лукара, сына Дуима Цикле, архи-

диакона этой церкви, который, будучи представленным архиепископу Райнерию, был им посвящен¹⁹⁶.

Почти тогда же, во время схизмы, господин папа Александр вышел на корабле из Апулии и прибыл на остров Вис. Поскольку архиепископ знал об этом наперед, он тотчас же, снарядив множество судов, в сопровождении многочисленного клира и нобилей города, прибыл к нему, доставив съестные припасы и многочисленные дары. Он пробовал упросить его, чтобы тот соизволил повернуть к городу Сплиту, который находился поблизости; но папа не согласился; ведь он торопился в Венецию для примирения с императором Фридрихом¹⁹⁷; так что он отплыл отсюда и прибыл в Задар¹⁹⁸. А архиепископ Райнерий находился с ним¹⁹⁹.

В то время епископ островов Мартин, вновь обретя рассудок и уже находясь в здравом уме, подал господину папе жалобу относительно своего изгнания и вмешательства Лукара. Верховный понтифик, выслушав и разобравшись в существе дела, низложил Лукара. А Мартина вновь направил на его кафедру.

Тем временем в Константинополе правил славной памяти Мануил. И вся Далмация и почти целиком Хорватия были подчинены его императорской власти. Чрезвычайно милостивый ко всем своим подданным, он был не сборщиком податей, но щедрейшим дарителем своих богатств. Всех обращавшихся к нему он почитал, всем покрывал издержки из царской казны. Так вот, получив список жителей города Сплита, он всем определил жалованье, и даже младенцам в колыбели он наказал давать по одному золотому. Он отправлял своих дук²⁰⁰ с большим военным снаряжением и с крупными суммами денег на расходы. Они приходили и удерживали приморские города и большую часть Хорватии²⁰¹.

Поэтому сплитчане просили архиепископа Райнерия, чтобы он пошел в Константинополь посетить императорский двор. Согласившись с радостным воодушевлением и взяв с собой несколько знатных граждан, он отправился в Константинополь. Представившись императору Мануилу, он с глубоким уважением поприветствовал его от имени своих граждан и был принят императором с большим почтением; и во все время своего там пребывания он был достойно и в изобилии обеспечен за счет двора. Когда же он испросил у принцепса разрешения вернуться, тот щедро одарил его ценными подношениями. И так, радостный и с богатыми дарами Райнерий возвратился к своей церкви²⁰².

А был Райнерий человеком очень твердым и бесстрашным и не позволял, чтобы права и имущество церкви терпели ущерб. И потому однажды он отправился к горе Мосор, чтобы разузнать о некоторых землях церкви, которые были захвачены славянами. Совершая обход вместе с теми, кому были знакомы эти земли, он обмерил и определил их грани-

цы. Но тут некий Николай со своими братьями и родней, происходившими из рода Кацитов²⁰³, стал сильно возмущаться действиями архиепископа. И созвав толпу народа, они в сильной ярости кричали, напирая со всех сторон на Райнерия: «Коварный пастырь, что ты затеваешь против нас? Неужели ты думаешь, что сможешь прогнать нас с земли, которой владели наши отцы и деды? И если ты не уймешь свою жадность, этот день будет последним в твоей жизни».

Однако Райнерий, как человек очень стойкий, нисколько не испугавшись их угроз, сказал вполне твердым и суровым голосом: «Эта земля не ваша, как вы объявляете, но владение церкви блаженного Домния, которое вы пока что удерживаете». На эти слова вся толпа славян, схватив камни, разом бросилась на него в неистовом безумстве и разошлась только тогда, когда бездыханное тело осталось под большой грудой камней. А люди, которые сопровождали пастыря, чувствуя, что с его смертью бешенство славян будет разгораться, побежали к городу, чтобы известить граждан о столь тяжелом злодеянии. Пораженные неожиданным известием, граждане бросаются к оружию, спешат кто морем, кто по суше к горе Крас, где свершилось преступление. Но когда они прибыли на место, все враги уже скрылись, а там лежал несчастный понтифик, словно погребенный под грудой камней. Тогда, вызволив и подняв на корабль его истерзанные останки, они последовали в город в великой скорби и печали. А клирики, устроив, согласно обычаю, торжественную погребальную церемонию, вместе с народом вынесли тело и похоронили его в церкви св. Бенедикта²⁰⁴.

В то время жил один священник по имени Миха. Поскольку он часто уличался вышненазванным [архиепископом] в прегрешениях, то воспылил против него сильной ненавистью; он был не из тех, кто менялся бы к лучшему, но из тех, кто склонялся к худшему. И потому он обрадовался, видя, что обличитель его пороков мертв. И словно глумясь над его смертью, сказал некоторым своим пособникам: «Дайте мне напиться воды, чтобы я мог сказать, что пережил этого зловредного пресула, который не оставлял меня в покое». Но когда он выпил поданную по его желанию воду, его словно чудом хватил удар, как если бы вместо этой воды он выпил зелье; он сразу же слег в постель, с которой никогда уже не поднялся, и вскоре умер.

Сплитчане же, проведя розыск убийц архиепископа, обнаружили нескольких, которых сразу же вздернули на виселицу. Всемогущий Бог недолго позволял оставаться безнаказанным такому злодейству: ведь все, кто приложил нечестивую руку к пролитию невинной крови, спустя короткое время погибли вместе со своим потомством — кто от голода, кто от меча, кто от чумы²⁰⁵.

Скончался же досточтимый Райнерий в канун августовских нон, в 1180 году²⁰⁶. А церковь он возглавлял пять лет.

После его смерти сплитчане попросили его слугу пойти в Равенну и оставленное архиепископом доставить в Сплитскую церковь. И он, будучи человеком верным и честным, успокоил граждан и, снарядив судно, отправился в Равенну. Вместе с ним послали одного клирика по имени Радда Маруле. Они предъявили хранителям некоторые архиепископские знаки. И так как он был тем самым человеком, в чьи руки архиепископ распорядился передать отданные на хранение вещи, ему отдали целиком бочку, в которой были заключены упомянутые вещи. И, получив все, они возвратились домой. Некоторые из этих вещей были переданы церкви, а оставшимися коммуна распорядилась по своему усмотрению.

XXII.

ОБ АРХИЕПИСКОПАХ — ПЕТРЕ И ЕЩЕ ДРУГОМ ПЕТРЕ

После смерти императора Мануила, когда сплитчане вновь перешли под власть венгров²⁰⁷, было проведено избрание некоего венгра Петра, сына Китилена, который происходил из знатного рода.

В первый год своего понтификата, после того как состоялось посвящение, он созвал всех епископов — своих суффраганов, а также аббатов и всех имевшихся в наличии церковных должностных лиц со всем клиром, и торжественно провел провинциальный собор в базилике св. Андрея, которая зовется Расписной²⁰⁸. На этом соборе приняли много хороших постановлений. Тогда были определены границы диоцезов каждого епископства. Крбаву, являвшуюся парафией Сплитской церкви, архиепископ пожелал отделить и создать в ней епископию, подчиненную Сплитской митрополии²⁰⁹; что и было сделано. И по воле клира этой провинции, прибывшего на собор, первым епископом Крбавы был поставлен Матвей Мауруте, каноник церкви св. Домния, правда, юный по возрасту, но достойного обхождения и воздержанного образа жизни. Затем по окончании собора все принятые здесь постановления были доведены до сведения папы. И господин папа, одоблив все, утвердил их авторитетом Римской церкви²¹⁰.

Архиепископ же Петр, превышая мало-помалу меру строгости власти понтифика, стал упорно преследовать каноников своей церкви, поскольку он стремился лишить их некоторых прав. Из-за этого обе сторо-

ны в крайнем ожесточении отправились в римскую курию. И когда они представили это дело на рассмотрение апостольского престола, то аудитором сторон был назначен один из кардиналов. После выяснения отношений между ними был восстановлен мир и согласие. И с тем они вернулись восвояси²¹¹.

Спустя короткое время архиепископ Петр отправился в Венгрию и, не знаю, по какой причине, был переведен на архиепископскую кафедру Калочской церкви. А Сплитскую церковь он возглавлял два года²¹².

Ему наследовал другой Петр, аббат св. Мартина из Паннонии, который пробыл на престоле сплитского понтифика пять лет²¹³.

Тем временем после смерти епископа островов Мартина его племянник Николай Манзавини, охваченный жаром честолюбия, настолько прельстил островитян, что был избран ими в епископы. Представившись сплитскому архиепископу²¹⁴, он просил совершить обряд рукоположения; но архиепископ, опасаясь его лукавства и зная его как человека хитрого и коварного, ни в коем случае не допускал этого. В конце концов уступив настойчивости граждан, он пообещал удовлетворить их желание в воскресенье, которое приходилось на следующий день. Но Николай недостойным образом перенес отсрочку и, той же ночью отправившись в путь, прибыл в Верону; и там какими-то уловками обманув господина папу Луция, обратился с просьбой о посвящении и получил его²¹⁵.

А когда Задарская церковь стала вакантной, тот же Николай был избран архиепископом. Легкомысленно приняв это избрание без разрешения апостольского престола, он бессовестно начал управлять Задарской церковью. По этой причине господин папа Иннокентий лишил его и того, и другого сана²¹⁶.

Островитяне же, прибыв в Сплит, выбрали себе в епископы Миху, племянника Пиция, каноника Сплитской церкви. Он принял посвящение в Сплитской церкви и, обратившись к пресулу апостольского престола, получил указ об утверждении с условием, чтобы епископство Хварское впредь всегда, как и издревле, по праву подчинялось Сплитской митрополии как своей матери²¹⁷.

XXIII.

ОБ АРХИЕПИСКОПЕ БЕРНАРДЕ

В то время славный муж Бела, король Венгрии²¹⁸, направив апокрисариев к апостольскому престолу, смиренно умолял господина папу Иннокентия²¹⁹, чтобы тот распорядился поднять мощи блаженного ко-

роля Владислава и поместить в более подобающем месте, а также разрешил внести его имя в каталог святых²²⁰; Верховный понтифик благосклонно отнесся к его просьбе и направил одного достопочтеннейшего человека кардинала Григория де Кресценцио, чтобы он надлежащим образом исполнил волю короля. Тогда кардинал, приняв на себя обязанности апостольского легата, переправился по морю и прибыл в Далмацию, высадившись в Трогире. И поскольку тогда стояла суровая зима, он пожелал задержаться там на всю Четырнадцатую²²¹. А в его свите находился некий клирик, его капеллан по имени Бернард из провинции Тоскана, родом из Перуджи, человек статный, образованный и красноречивый. Так как его часто посылали в Венгрию, он был хорошо известен королю Беле и пользовался благосклонностью его самого и многочисленных вельмож и прелатов Венгрии, так что король вверил ему воспитание и обучение своего сына Генриха²²². Когда легат, направленный в Венгрию, выполнил свои посольские обязанности, он вернулся восвояси.

Ввиду того что Сплитская церковь была вакантной, [сплитчане] выбрали своим архиепископом Бернарда; и поскольку король ценил его, они надеялись приобрести через него большую выгоду городу и церкви. Так что, испросив и легко получив одобрение короля, они направились в Рим к господину Иннокентию III, прося, чтобы он, милостиво согласившись с состоявшимся избранием Бернарда, совершил над ним обряд посвящения и с пользой для дела определил его главой Сплитской церкви. Сплитскими посланниками были: диакон Вильказий и мирянин Дуим, внук Гумая. Но верховный понтифик с неохотою дал согласие на подобную просьбу; более того, казалось достаточно очевидным, что он хотел бы отговорить их от их намерений²²³. Однако мольба была столь настоятельной, что он в конце концов согласился. Но он наказал Бернарду испросить дозволения у аббата М. монастыря св. Марии Фарнетской диоцеза Кьюси²²⁴, которому он дал обет монашества, чтобы тот снова принял слагаемое им монашеское одеяние. Что и было сделано. Тогда он был посвящен Иннокентием. В 1200 году он прибыл в Сплит и принялся ревностно исполнять пастьерские обязанности в отношении своих подопечных.

Он был весьма решительным гонителем еретиков. Ведь в то время жили два брата, сыновья Зоровавеля, из которых один звался Матвеем, а другой — Аристомидом. Хотя они происходили из области Апулия, но еще в детстве стали задарскими гражданами. А жили они большей частью в Боснии, так как были отменными живописцами и весьма искусными мастерами золотых дел; они также были должным образом сведущи в латинской и славянской книжности. Но по обольщению дьявола они так глубоко впали в бездну еретической заразы, что не только помраченным рассудком верили нечестивой ереси, но и проповедовали злодейскими

устами²²⁵. Бернард нашел их в Сплите и обнаружил, что многие уже заразились от них тяжелым недугом тлетворного учения²²⁶. Поэтому он начал мало-помалу привлекать их ласковыми словами на сторону католического вероучения, часто приглашая и увещевая. Но так как они не хотели обращаться [в католичество], увертываясь с еретическим лукавством, архиепископ немедленно распорядился отобрать все их имущество, а их самих, скованных цепями анафемы, с великим позором изгнать из города. Тогда братья, видя, что они так наказаны и им причинен значительный ущерб, опять вернулись в лоно церкви; архиепископ заставил их клятвенно отречься от своей ереси, прикоснувшись к святым евангелиям, и, освободив их с должной торжественностью от пут отлучения, распорядился вернуть их имущество. Таким же образом и все те, кто был ими обманут, были очищены от еретической скверны.

В то время после смерти короля Белы королевский трон перешел к его сыну Генриху. Поэтому архиепископ, часто бывая в Венгрии, принимался королем с большим почтением и получал от него многочисленные дары. Ведь король почитал его, как отца, и что бы архиепископ ни просил у него, получал без всякого возражения. Так, благодаря его стараниям король передал церкви святого Домния шесть частей всех мельниц на реке Салоне, семь частей которых принадлежали бану²²⁷.

Поскольку у короля Генриха был малолетний сын и он хотел, чтобы тот стал его наследником на королевском троне, он пожелал, чтобы при его жизни тот был возведен в короли²²⁸. Так что по приглашению короля Бернард отправился в Венгрию и там с другими прелатами церковью королевства Венгрии, которые собрались на торжество королевской милости, короновал сына короля и вернулся к своей церкви, отмеченный королем многочисленными подношениями.

В то время произошла ссора между королем Генрихом и его братом герцогом Андреем²²⁹; Андрей дважды вынужден был бежать в приморские земли, и архиепископ Бернард обращался с ним достаточно хорошо и оказывал ему почтение. После того как он вернулся в Венгрию, пожар раздора между братьями стал разгораться²³⁰. Ведь все вельможи королевства и почти все многочисленное венгерское войско оставили короля и незаконно поддержали герцога Андрея. С королем же остались очень немногие; но и они из боязни перед таким мятежом не осмеливались поддерживать надежды короля и предлагали ему лучше бежать. Случилось так, что однажды обе стороны, сойдясь лицом к лицу, в возбуждении готовились завязать бой, но так как королевская сторона в сравнении с противной была почти ничтожной, король забеспокоился и, призвав всю свою мудрость, искал, какое решение ему следует принять в этот критический момент. Наконец, в результате хитроумных стараний, по внушению свыше он на-

шел очень удачное решение, благодаря которому он мог бы вернуть себе королевские права и не стать виновником кровопролития.

Он сказал тогда своим людям: «Не следуйте за мной, а подождите немного». И тотчас, отложив оружие, он взял в руку только ветку и спокойно войдя в ряды врагов, прошел сквозь толпу вооруженных людей, громко крича: «Хотел бы я посмотреть, у кого поднимется рука на убийство короля?» При виде его, все расступались и, не решаясь проронить ни слова, расчищали перед ним широкую дорогу. Подойдя к брату, он взял его и, выведя из строя, отправил его в заточение в один замок²³¹. Тогда все со стыдом и трепетом сложили оружие и, припав к коленям короля, умоляли о снисхождении. И король, будучи весьма милосердным, всех помиловал.

Не прошло после этого и года, как короля Генриха настигла неизлечимая болезнь. Узнав, что дни его сочтены, он спешно послал за своим братом, наказал освободить его из-под стражи и доставить к нему. Когда тот предстал перед королем, он в его присутствии составил завещание, вверяя ему опеку над своим сыном и управление всем королевством, пока сирота не достигнет надлежащего возраста. С тем король Генрих умер²³². А по прошествии многих дней, также и этот единственный его сын был иссушен смертью²³³.

Тогда Андрей, видя, что все королевство по праву принадлежит ему, распорядился, чтобы его короновали все прелаты Венгрии²³⁴. Послал он и за сплитским архиепископом Бернардом и пригласил его присоединиться к торжествам по случаю королевского помазания. Но Берnard, убоившись, что мальчик, сын короля Генриха, еще жив, пренебрег королевским вызовом. Ввиду этого король был крайне недоволен отказом архиепископа.

XXIV.

О ПЕРВОМ ВЗЯТИИ ЗАДАРА²³⁵

В это время господин верховный понтифик Иннокентий выпустил эдикт, чтобы все христиане усиленно готовились помочь Святой Земле; и объявил отпущение всех грехов всем, кому суждено было там умереть с надеждой на вечную жизнь²³⁶.

Тогда почти весь мир пришел в движение; особенно много людей из западных земель, приняв знамение креста, прибыло в Венецию с просьбой предоставить им из арендованного у венецианцев флота корабли для переправы. И, на основании договора о выплате денег за суда с матросами, венецианцы снарядили для них пятьдесят галер, столько же больших

кораблей, а также столько же иных судов для перевозки лошадей, продовольствия и оружия. А кроме того имелись флотилии и других, арендованных частным образом кораблей; и составилось огромное морское войско. Венецианцам удалось также поставить франкам условие, согласно которому они могли причалить со всем своим войском везде, где бы только пожелали, и те обязывались по соглашению оказывать помощь венецианцам против всех их врагов²³⁷.

А в то время жители Задара были особенно враждебно настроены по отношению к венецианцам. Действительно, они нападали на венецианцев всюду, где только могли, расхищая их добро, притесняя, избивая и стараясь причинить им все зло, на какое только способны люди. Утопая в богатстве, они грабили из непомерной распущенности; переполненные тщеславием, гордые силой, похваляясь преступлениями, несдержанные в своем коварстве, они насмеялись над низшими, презирали высших, никого не считали себе равными. Они были развращены многими пороками, но в довершение своего беспутства прибавили еще и то, что презрели католическое вероучение и позволили заразить себя разрушительной язвой ереси. Ведь почти все те, кто считался в Задаре самыми знатными и старшими, свободно принимали еретиков и поддерживали их²³⁸.

Итак, все множество кораблей снялось с якоря в Венеции в октябре месяце 1203 года и, обогнув Истрию, вошло в воды Далмации и пристало близ города Задара²³⁹. Наиболее известными предводителями этого войска были со стороны франков некий Симон граф де Монфор, со стороны венецианцев — дож Энрико Дандоло, человек весьма энергичный и осторожный; хотя он был слеп телесными очами, но был зорок умом²⁴⁰.

Как только задарцы увидели, что они окружены войском, они сильно испугались, не зная, как им разумнее поступить. Но тут вдруг на них напал такой великий мор, что в городе не осталось столько живых и здоровых, которые были бы в состоянии хоронить мертвых; трупы несчастных были брошены в домах и церквях непогребенными; достойные сострадания граждане не знали, о чем им лучше заботиться, о погребении или об общественных обязанностях. Вот и получилось, что несчастный город, не обороняемый своими воинами, быстро и легко был захвачен врагами. Божья кара пала на них как раз в день святого Грисогона, который ими особенно почитался²⁴¹. В самом деле, венецианцы, высадившись тогда с кораблей, полчищами ворвались в город, который захватили в одно мгновение, некоторое время пробыли в нем и, уходя, весь его превратили в развалины. Они разрушили все окружающие его стены и башни, а внутри — все дома, не оставив ничего, кроме церквей²⁴².

А уйдя оттуда, весь их многочисленный флот достиг Константинополя и взял его²⁴³.

Тогда задарцы, лишённые родины, начали странствовать по морю, совершая великие избиения венецианцев везде, где только могли на них напасть²⁴⁴. Венецианцы же, послав галей и корабли, возвели на острове перед Задаром укрепление²⁴⁵, откуда расположившиеся там во множестве боевые отряды не давали задарским гражданам входить [в город], преследуя их по всему морю.

В эти дни в земли Далмации прибыло десять галей гаetanцев²⁴⁶. Тогда сплитский архиепископ Бернард, обратившись к ним, стал вести с ними переговоры о том, чтобы они оказали помощь задарцам против завсевших в укреплении венецианцев. Когда гаetanцы дали архиепископу согласие, архиепископ, заключив соглашение о выплате вознаграждения, отправился в Урану²⁴⁷ и взял некоторое количество серебра, которое король отдал на хранение тамплиерам; после выплаты вознаграждения задарцы присоединились к гаetanцам и, выступив, начали ожесточенно биться с находившимися в крепости венецианцами. Наконец венецианцы, уступая в силе, ослабели, и их истощенные бойцы оказались не в состоянии сдерживать натиск. Одержав тогда победу, задарцы вместе с гаetanцами²⁴⁸ перебили мечами всех венецианцев, каких нашли в том укреплении и, разрушив все фортификации этого сооружения, вступили в Задар; восстановив тогда, как могли, руины своих домов, они зажили в них²⁴⁹. Они, однако, договорились с венецианцами и заключили с ними мир, поклявшись им в вечном смирении и твердом соблюдении верности²⁵⁰.

Тем временем венецианцы, желая отомстить архиепископу Бернарду, приплыли на галях и разрушили замок с дворцом, который этот архиепископ возвел на острове Урания, находящемся перед Салоной. После этих событий стала разгораться ссора между архиепископом Бернардом и его канониками. Ведь архиепископ был ловким и изобретательным, каноники же — простыми и легковерными. И вот он начал докучать им ласковыми речами, уговаривая их отказаться от своих привилегий и прав, которые некогда, при архиепископе Петре, были предоставлены им в римской курии, говоря, что они поддельные и незначительные. И тогда почти все они признали их недействительными, так как архиепископ был хлебосолом, щедрым на подачки и поддерживал с ними самые приятельские отношения. Но примицерий Андрей, Катальд и еще двое других никак не соглашались на подобные нарушения. Когда же архиепископ немного умерил свою привычную щедрость, вскоре те, которые отказались [от прав], одумавшись, стали раскаиваться; и, придя к указанным двум, не отказавшимся, присоединились к ним. Явившись к архиепископу, они очень настойчиво потребовали, чтобы их права были восстановлены. Когда же архиепископ наотрез отказался, буря раздоров разбушевалась до такой степени, что и архиепископ, и каноники были

вынуждены передать дело в римскую курию. Когда обе стороны туда явились, они приготовились выдвинуть взаимные обвинения. Но прежде чем эти обвинения были вынесены на суд верховного понтифика, их души, по призыву друзей, стремившихся к миру, смягчились. Архиепископ все восстановил, и, радуясь миру, они вернулись восвояси²⁵¹.

Бернард же был человеком ученым; более тридцати лет он оставался в Болонье, обучаясь наукам; у него было много хороших и ценных книг, которые он подарил своим племянникам; им он купил и большой дом и дворец близ восточных ворот города Перуджи и в достаточной мере обеспечил их при своей жизни. Он составил компиляцию против еретиков²⁵²; собрал он также книгу проповедей. Он же в 1209 году перенес тело блаженного Анастасия из старого алтаря и поместил в такое же место в новом алтаре.

В один день он определил Иоанна, внука Куциллы, нинским епископом и Варфоломея, внука Тициона, епископом скрадинским²⁵³. Оба они были задарцами; процедура же их выдвижения оказалась не вполне законной; разумеется, открылось немало изъянов в отношении возраста и образования. Поскольку Бернард при их испытании не проявил должной осмотрительности и слишком поспешно совершил их рукоположение, это не осталось безнаказанным. После подачи жалобы верховному понтифику ему было вынесено каноническое порицание. Он поставил Группция, сына Продана, архидиаконом Сплитской церкви, а архипресвитером — его тезку Группция, внука Фирмы. Оба они находились в его свите, следуя за ним всюду, куда бы он ни направлялся. Но в упомянутой распри из-за привилегий архидиакон отошел от него и держался стороны капитула; поэтому архиепископ не глядел на него благосклонными очами, но оба они с ненавистью порицали друг друга. Архипресвитер же оставался неизменно верен ему.

В это время на свободный епископский престол Трогирской церкви был избран Трегуан, по происхождению тосканец, родом из Флоренции. Поскольку он был земляком архиепископа Бернарда, тот вывез его из Венгрии, и он оставался с Бернардом некоторое время, обучая грамматике сплитских клириков. Так как он был молод и слыл весьма полезным в том, что касалось знания словесности, трогирские граждане просили у архиепископа Бернарда, чтобы он задержался у них на какое-то время ради их нужд. Бернард удовлетворил их просьбу, так что Трегуан отправился в Трогир и там, живя среди граждан, пользовался у них взаимной любовью; сперва он сделался их табеллионом²⁵⁴, затем архидиаконом и в конце концов был избран епископом. Представленный архиепископу Бернарду, он принял от него посвящение²⁵⁵. Тогда он стал постепенно обновлять в трогирской церкви устаревшие порядки и исправлять цер-

ковную дисциплину. Ведь он был человеком образованным и красноречивым, и своим неутомимым старанием он в короткое время добился повышения благосостояния духовенства и народа этого города.

В то же время на вакантный епископский престол Нинской церкви был избран каноник Сплитской церкви по имени Николай, не угодный архиепископу Бернарду, который добился, что жители Нина избрали вышеназванного архипресвитера Группция. Но так как сплитские каноники были против него, поддерживая сторону Николая, он пожелал посвятить указанного Группция не в церкви митрополии, как обычно бывает, но, отправившись на Урану, посвятил его в церкви тамплиеров вместе с другим, по имени Микусо, избранным Книнским [епископом]. Ввиду этого разгорелся спор между избранным Николаем и нинским епископом Группцием, так что обе стороны, потратив свое наследство на расходы по ведению дел такого рода, впали в большую нужду.

Когда же архиепископ Бернард превратился в дряхлого старика, его так разбил паралич, что произошло трясение членов и он лишился дара речи. И так как он не мог выговаривать слова, разве что с трудом, то горько плакал, когда кто-либо приходил к нему. Но поскольку он еще не совсем ослабел, то отправился в Рим и принял участие в соборе господина Иннокентия, проходившем в Латеране. Однако по возвращении он стал уже никуда не годен и едва мог произнести несколько слов перед клиром и народом. А епископ Трегуан в течение двух дней оглашал и объяснял некоторые постановления этого собора²⁵⁶.

XXV.

О ПОХОДЕ КОРОЛЯ АНДРЕЯ²⁵⁷

В то время Андрей, король Венгрии, желая исполнить обет отцов, отправился в путь на помощь Святой Земле, приняв знамя креста. Ради этого он спустил на воду и собрал множество кораблей из Венеции, Анконы, Задара и из других городов Адриатического побережья и распорядился, чтобы все они были приведены в гавань города Сплита. А все военное снаряжение и провиант в многочисленных упряжках и повозках он выслал вперед. По своем прибытии они заполнили все городское предместье. Прежде короля и венгров пришло великое множество саксонцев; все мирные и кроткие, они с решимостью и нетерпением ожидали отплытия короля; конечно, все они имели знамя креста. По распоряжению господина короля сплитчане передали все земли предместья для приюта пилигримов; выезжая из домов, они оставляли их подготовленными для гостей: Вскоре,

однако, людей и повозок собралось так много, что не было возможности пройти. А дома предместья, тесные и переполненные, не могли вместить всех. Большая часть всей свиты королевского двора оставалась снаружи, расположившись в поле в палатках. Одни из граждан страшились, другие — дивились, наблюдая непривычное скопление людей.

Итак, в 1217 год от искупления нашего, 23 августа Андрей прибыл в город Сплит. Навстречу господину королю вышли процессией все граждане и чужестранцы и все его многочисленное войско, приветствуя его громкими криками, а потом весь клир в шелковых ризах поверх изящных одеяний²⁵⁸, с крестами и кадилъницами прошествовал к Постирию с подбаюющими королевскому величию песнопениями. А сам славный король, при виде торжественной процессии сразу же сошел с коня и в окружении большой толпы своих вельмож, поддерживаемый с обеих сторон сопровождавшими его епископами, пешком прошел до церкви святого Домния. Поприсутствовав здесь на мессе и возложив дары к алтарю, он удалился в приготовленное ему помещение. В тот же день коммуна устроила королю пышный прием в доме, именуемом Мата, за стенами у северных ворот²⁵⁹. Говорили, что тогда короля сопровождало более десяти тысяч рыцарей, не считая толпы простонародья, которая совершенно не поддавалась исчислению. Тогда король начал проявлять по отношению к сплитчанам большую благосклонность, так что сам призывал обращаться к нему в дальнейшем за содействием общественной пользе. Ведь королю хотелось, чтобы они для защиты своего города вернули себе крепость Клис; кроме того он хотел передать им комитат островов. Однако сплитчане, по обычаю своему слишком неторопливые в отношении общественной пользы, по отдельности добивались личной выгоды. И когда они презрели королевские пожалования, которые им искренне и щедро предоставлял король, движимый присущим ему чувством мягкосердия, он не захотел доверять указанную крепость кому-либо из знати, зная, какая великая опасность может грозить сплитчанам из этой крепости; но, призвав некоего Понция, который был магистром воинства тамплиеров по Венгерскому королевству, поручил ему охрану и заботу об этой самой крепости, распорядившись, чтобы он поочередно назначал братьев своего ордена нести там службу²⁶⁰.

В то время как король Андрей задержался ненадолго для снаряжения корабля, умер архиепископ Бернард. Погребен он был рядом с церковью святого Домния. И король немедленно послал к сплитским каноникам, прося и советуя им избрать [архиепископа] из клириков его окружения. При этом более всего он настаивал на одном медике Александре, человеке образованном и честном, через которого церковь могла бы получить большую пользу. Но просьба короля не была выполнена, так как стремление старейшин было направлено в другую сторону.

Между тем король, погрузившись на корабли, отправился в назначенный путь. Сплитчане дали ему в аренду до Диррахия две галеи. Король оказался не в состоянии снарядить столько кораблей, сколько хватило бы для перевозки всех крестоносцев²⁶¹; поэтому одни были вынуждены вернуться домой, а другие задержались до следующего года.

Тем временем Стефан, господин Сербии или Рашки, который назывался великим жупаном, направив апокрисиариев к римскому престолу, просил у верховного понтифика Гонория королевскую корону. И действительно, папа со своей стороны направил легата, который по прибытии короновал его и поставил первым королем его земли²⁶².

А король Андрей, подойдя к берегам Сирии, напустил большой страх на сарацин²⁶³. Развернув во всю мощь свое войско, он тотчас же отошел довольно далеко от морского берега, захватывая крепости и поместья и преодолевая все препятствия. Но завистливая судьба воспрепятствовала начатому славному ряду дел²⁶⁴ государя и не позволила дальнейшего умножения его прекрасных успехов. И вот преступное безрассудство — не знаю, своих или чужих — готовит гибель короля, и нечестивая рука с дьявольской изворотливостью подает ему глоток отравленного зелья; из-за этого коварства он едва смог избежать смертельной опасности. Еще не вполне восстановив силы, он стал подумывать о возвращении, боясь подвергать себя и свое королевство такому риску; и веря, что его обет перед Господом исполнен, он со всей своей свитой повернул к границам родины²⁶⁵. Однако он не пожелал и далее испытывать на себе превратности морского пути, а прибыл в Антиохию, двигаясь по суше²⁶⁶; затем он переправился в Грецию, и, породнившись здесь с королем греков Ласкаром, поскольку получил его дочь в жены своему первенцу Беле²⁶⁷, отправился дальше. Перейдя после этого границы Греции, он прибыл в Болгарию, где был остановлен королем болгар Оксаном, и ему не позволялось продолжить путь до тех пор, пока он не предоставил полной гарантии в том, что соединит с ним браком свою дочь²⁶⁸. И так король Андрей, закончив свое странствие, вернулся в свое королевство.

Мы же после этого беглого обзора снова обратимся к своей теме.

XXVI.

О ВЫДВИЖЕНИИ ГУНЦЕЛА

В то время старшими в сплитском капитуле были архидиакон Группий, сын Продана²⁶⁹, Катальд, сын Формина, и некоторые другие. Так как они были более достойными и опытными, остальные каноники во

всем следовали за ними; но что касалось замещения архипастыря, эти двое, попав в несправедливые пути зависти, замыслили недоброе. Ведь по большей части говорили друг другу: «Насколько спокойнее и полезнее шли бы наши дела, если бы церковь осталась вот так, без пастыря, чем если будет избран кто-нибудь, кто будет стеснять нашу жизнь и демонстрировать свою власть». Так что когда кто-либо напоминал о необходимости избрания, они лукавой болтовней сдерживали голоса недовольных. Они притворялись, что желают избрания, и указывали на мальчиков, сыновей знатных венгров, которые по малолетству не могли быть возвышены до пастырского сана; выдвигая хитроумные доводы, они говорили: «Для церкви и города будет выгодно, если у нас будут столь знатные покровители при королевском дворе».

Тогда как уже два года Сплитская церковь из-за их коварных отсрочек пребывала в интригах²⁷⁰, один диакон, по имени Петр, выказывал особую озабоченность и нетерпение. Будучи человеком незнатного происхождения, он не смел открыто противостоять партии архидиакона и его приспешников и обличать их хитрости. Он испытывал муку глубокой печали не только из-за того, что церковь оставалась без пастыря, но и потому, что, как говорили, вышеназванные старейшины спускали ее доходы на свои собственные нужды. Он, однако, больше ворчал и отмалчивался.

И жил один клирик, венгр по имени Гунцел, сын Корнелия, который хотя и был знатного рода, но мало чего стоил. Так как он был уже в преклонном возрасте, то не мог занять в Венгрии никакой должности, но, надев одежду крестоносцев, стал ректором какой-то церкви святого короля Стефана. Так как Сплитская церковь уже в течение долгого времени не имела пастыря, этот самый Гунцел начал усиленно помогать, чтобы его избрали в понтифики. И однажды его родственник, некий бан Юла²⁷¹, отправил сплитскому клиру и народу довольно выразительное послание, предлагая и советуя, чтобы они избрали Гунцела, а также обещая свою службу и расположение. Тогда вышеназванный диакон Петр, человек словоохотливый, воспользовался случаем и пошел шептаться с клириками и мирянами, восхваляя Гунцела за силу, честность, образованность, в которых сам он не был уверен, но всячески хлопотал об избрании Гунцела, чтобы разрушить планы старейшин.

В то время комитом города Сплита был Домальд, человек достаточно осторожный и предусмотрительный²⁷². Так как он хорошо знал Гунцела, он объявил о нем правду, говоря, что по ветрености нрава тот не может возвыситься до столь значительного священного сана. И многие другие отзывались о нем точно так же. Но Петр своими настойчивыми речами одержал верх над всеми остальными. И хотя в Сплитской, да и в других церквях не было недостатка в лицах, которые не столь опро-

метчиво и с большим правом могли быть возведены в этот сан, однако невежественный народ так увлекается чванливым тщеславием, что пренебрегает людьми известными и полагает, что люди неизвестные могут творить чудеса. А некоторые бывают до такой степени подвержены недугу зависти, что, сами не заслужив ничего, мешают другим получить заслуженное; потому что успех других они считают ущербом для себя.

Так вот, когда по настоянию мирян всем клирикам пришлось приступить к выборам, архидиакон со своими людьми все еще никак не хотел соглашаться. Однако когда оказалось, что уже готова разразиться буря народного возмущения, они, наконец, нехотя согласились. За два или три дня до того, как должны были состояться эти выборы, один из тех, кто вместе с Петром ратовал за их проведение, имел видение, что церковная кафедра разрушена и архиепископский престол низвергнут. И он спросил Петра, что бы это значило. И тот ответил: «Сейчас ты этого не знаешь, но узнаешь позже». Хотя это видение и не было добрым предзнаменованием, но начатое бесстыдство не прекращалось до тех пор, пока не был выбран хоть кто-нибудь. Тогда к [Гунцелу] направили диакона Ульказия объявить ему о единодушном его избрании и просить, чтобы он безотлагательно прибыл в Сплитскую церковь²⁷³.

Приняв посольство, Гунцел очень обрадовался и сразу же отправил нунция к верховному понтифику с просьбой утвердить его избрание. А сам направился в Сплит. Он был мало образован, но его неустанно терзало жало честолюбия: еще в пути, находясь у тамплиеров на Уране, во время всенощного богослужения на Пятидесятницу он распорядился, чтобы нинский епископ Группий, который пришел с ним из Венгрии, рукоположил его в диаконы.

Когда же он вошел в город, то был встречен всеми весьма любезно. Но, пробыв там некоторое время, он обнаружил в своих словах и нравах такое легкомыслие, что всех от себя отвратил, и они, побуждаемые поздним раскаянием, подумывали, как бы им от него избавиться. И получилось, что тот, кто был любим, будучи неизвестным, сделался ненавистным, став известным; не видя его, они прониклись к нему любовью, а увидев, стремились от него избавиться. Получив тем не менее папское утверждение, Гунцел добивался, чтобы его посвящение состоялось на территории Венгрии. Поэтому верховный понтифик господин Гонорий, направив предписание епископу Веспремскому Роберту²⁷⁴, наказал, чтобы он тщательно исследовал как личность избранного, так и процедуру избрания, и если не обнаружится канонических нарушений, провести его посвящение в должность. Роберт же, хотя был человеком строгим и благочестивым, но, получив апостольское предписание, не обнаружил заинтересованности в расследовании тех обстоятельств, на которые в подоб-

ных процедурах должно обращать внимание. Поэтому, с легкостью совершив посвящение, он велел ему для испрошения паллия лично предстать перед папой.

И так Гунцел пришел к своей церкви посвященным, но чересчур торопливым и ретивым в выполнении обязанностей понтифика; еще не получив паллий, он освящал церкви, совершал богослужения и всюду именовал себя архиепископом.

В то время верховный понтифик направил одного своего апокрисиария по имени Аконций, родом из Витербо²⁷⁵, капеллана курии, человека весьма проникательного и доброго, направил его, повторяю, для [разрешения] некоторых трудных дел по всему королевству Венгрия, дав ему поручение побывать в землях Далмации и усмирить коварство омишских пиратов. Но так как он не имел всей полноты полномочий легата, но горел рвением к исправлению недостатков клира и народа, то, остановившись в Сплите, он послал своих нунциев в курию господина папы с просьбой наделить его во всей полноте властными функциями легата. Отправив нунциев, Аконций остался в городе Сплите, ожидая, пока они вернуться. Видя неразумие и невежество архиепископа, он очень страдал из-за того, что Сплитская церковь обрела столь неумелого пастыря. И Аконций часто его порицал, но тот, как дикий осел, привыкший к пустыне²⁷⁷, не обращал внимания ни на самого Аконция, ни на его предостережения. Тем временем нунции вернулись из курии, принеся известие о широчайших легатских полномочиях Аконция. Тогда Аконций, поддерживаемый авторитетом апостольского престола, принялся исправлять многое в отношении клира и народа, преобразуя церковь на новых началах; он добился, чтобы духовные лица удалили от себя всех поварих, выдворение которых архиепископа несколько не заботило.

Он призвал к себе в помощь всю Далмацию и Хорватию против еретиков и пиратов, выдавая индульгенции всем, кто, воспламенившись испосланной свыше ревностью, личным участием или денежной помощью содействовал бы их истреблению. Тогда, снарядив большой военный флот и конное войско, он стал атаковать их с разных сторон. И он так измучил омишан преследованием на море и на суше, что они, истощив силы, потеряли всякую надежду на возможность дальнейшего сопротивления. Поэтому, придя к легату и припав к его ногам, они смиренно умоляли его о мире и сострадании, обещая оказывать всяческое послушание и повиновение его желаниям и приказаниям. Согласившись, легат заставил их сжечь все пиратские корабли, а чтобы они прекратили нападения на христиан, он обязал их принести клятву²⁷⁸.

В это время архиепископ Гунцел направил нунция к римскому престолу, чтобы испросить паллий. Но вслед ему легат Аконций послал пи-

сьма и нунциев, сообщая верховному понтифику об отступлениях архиепископа. Господин папа передал паллий в руки легата, доверив ему поступить в деле архиепископа по его усмотрению в соответствии с законом. Получив папское распоряжение, легат передал паллий на хранение одному аббату из Роговы²⁷⁹; и, отстранив архиепископа от исполнения всех обязанностей понтифика, предписал, чтобы он предстал перед апостольским взором для оправдания в своих отступлениях. Тогда архиепископ в скорби и тревоге отправился в курию. Его сопровождали диакон Вита, который позднее стал примицерием, и диакон Петр, внук Мургия. А от противной стороны был направлен Вульказий. Архиепископа поддерживали немногие каноники; большая их часть и старшие были против него. Итак, явившись в Рим, архиепископ бросился к ногам господина папы Гонория, слезно жалуясь на нападки легата. Но господин папа, вполне осведомленный обо всех проступках архиепископа, стал со всей суровостью порицать его за невежество и безрассудство. Архиепископ же, будучи не в силах оправдаться, возлагал всю вину на посвятившего его Роберта, поскольку якобы именно с его разрешения он преждевременно, не имея паллия, осмелился отправлять обязанности понтифика. Но папа не поверил ему. Кардиналы же почти все были против него, так что он едва отваживался появляться перед ними.

Сопровождавшие его каноники, видя, что дело архиепископа принимает очень опасный поворот, и так как уже был написан указ о его низложении, оставили его в курии и вернулись домой. Гунцел же, оставаясь там, усиленно добивался, чтобы к его проступкам проявили снисхождение. Его просьбы были так настоятельны, а действия столь назойливы, что первоначальное решение было отменено и составлено другое, более мягкое, а именно чтобы его полномочия были прекращены на два года, а после того милостью апостольского престола он был бы восстановлен во всех [правах]. Что и было сделано.

А тем временем легат Аконций, отправившись в Боснию для борьбы с еретиками, много потрудился там ради уппрочения католической веры²⁸⁰.

Тогда же в день Рождества Господа около трех часов по всей Лигурии, Эмилии и Венецианской марке²⁸¹ произошло такое сильное и ужасное землетрясение, что многие здания обрушились, а город Брешиа²⁸² большей своей частью лежал в развалинах; огромное множество людей, в особенности же еретиков, было задавлено и погребено²⁸³.

В том же году в день Успения Богородицы²⁸⁴, когда я учился в Болонье, я видел святого Франциска²⁸⁵, проповедующего на площади перед общественным дворцом, куда собрался почти весь город. Темой его беседы были ангелы, люди, демоны. Он так хорошо и понятно проповедовал об этих трех видах разумных духов, что многие присутствовавшие уче-

ные люди были немало удивлены речью профана; сам же он оставался в образе не проповедника, а, так сказать, оратора в народном собрании. Ведь вся суть его слов была направлена на искоренение вражды и на восстановление мирных отношений. Одежда его была грязной, внешность его вызывала презрение, лицо некрасиво. Однако Бог сообщил его словам такую действенную силу, что многие знатные роды, между которыми бушевала чудовищная буря застарелой вражды, обильно политая кровью, пришли к примирению. Его так почитали и благоговели перед ним, что мужчины и женщины толпами устремлялись к нему, стараясь хотя бы прикоснуться к его лохмотьям²⁸⁶ или обрести хоть маленький их клочок.

Но вернемся теперь к основной теме. Когда истек срок двухлетнего наказания, Гунцел отправился к своей церкви, обратился в курию, и ему был возвращен паллий, которого его лишил Аконций. Тогда архиепископ стал смотреть недобрыми глазами на всех каноников, которые выступали против него. В это время почил архидиакон Группий; на его место каноники избрали Катальда, возведя его в сан тогда еще в отсутствие архиепископа. Но вернувшийся архиепископ с негодованием отнесся к выдвижению Катальда, и тот так никогда и не смог получить от него утверждения своего архидиаконства. Катальд, однако, был уже в почтенном возрасте, и не прошло двухлет, как он умер.

XXVII.

О ПОБЕДЕ, ОДЕРЖАННОЙ НАД ЦЕТИНЦАМИ

Почти в то же время сплитчане прогнали Домальда с должности комита и поставили себе комитом одного знатного мужа из Луки по имени Буисен²⁸⁷. Но были некие наглые цетинцы, Будимир и его братья, люди жестокие, которые постоянно мешали сплитчанам жить спокойно; ведь они, как подстерегающие за овчарней хищные волки, все время жаждали лишь крови. Они не могли прожить и дня без того, чтобы не нападать на наши поля, не насильничать над людьми, не утонять скот²⁸⁸. Но самым ужасным злом было то, что все это они совершали с совета и при поддержке некоторых недостойных граждан, которые надеялись получить какую-то выгоду от этих разбойников. Их скот был меченым, благодаря чему враги, обходя его, похищали у других.

Наибольшая угроза всеобщей гибели существует, когда в одном городе живут розно, когда враг народа для кого-то считается другом, когда

и война не ведется сообща, и мир не соблюдается единодушно. Близкая гибель грозит тому городу, где правят изменники родины, где более высокое положение занимают грабители сограждан; и тогда как их самих нужно карать по всей строгости, они перекалдывают наказание с себя на безвинных граждан.

Положение сплитчан было тогда столь жалким потому, что управление не велось хоть сколько-нибудь сносно.

Когда Будимира унесла смерть, которой он вполне заслужил, следовавший в беспутстве за братом Хранислав стал на горе нам преисполняться такой же алчностью. Комит Буиссен предоставил в помощь сплитчанам против врагов около 20 всадников. Сам же, возвратившись к себе, там и оставался. Однажды Хранислав с вооруженным конным отрядом устремился на поля, опустошая их и грабя всех встречных. И тогда появились вооруженные сплитчане с упомянутыми всадниками комита Буиссена. Разбойники же, видя, что из города сбегается множество людей, стали понемногу отступать к горам, захватив с собой награбленную добычу. Когда они скрылись за горами, одни из наших хотели их преследовать, другие — нет. Но всадники комита и сплитские всадники, которых было, пожалуй, столько же, поощряя друг друга, стали подниматься за ними. С ними отправилось и немало пеших воинов из тех, кто был посмелее и порешительнее. И когда они поднялись в горы и миновали крепость Клис, то, пройдя дальше, они наткнулись на врагов в одной котловине, которая со всех сторон была окружена горными перевалами и откуда не было видно свободного выхода в других направлениях. Закрытые горами, они уже спешили и расположились на отдых на луку. Но как только враги заметили своих преследователей, они тотчас оседлали коней и стали строиться в боевом порядке. Наши же, видя, что те готовятся к атаке, остановились. Боясь довериться коварной судьбе, они сперва стали раздумывать, не лучше ли уклониться от боя, чем принять его. «Мы поступим неосмотрительно, — говорили некоторые из них, — если из-за столь малой добычи подвергнем себя опасности». Другим же из страха перед врагами казалось, что при спуске они могут испытать большие затруднения, чем при подъеме, потому что место это было настолько закрытым со всех сторон, что не имело сколько-нибудь безопасного выхода.

Однако тот человек, под началом которого находились всадники Буиссена, был хотя и одноглазым, но весьма отважным и опытным в военном деле. Поэтому как только он увидел, что его войско замялось в нерешительности, то, собрав людей, он встал в середину и сказал: «Чего вы медлите, люди благоразумные? Смотрите, если мы пожелаем сразиться, победа в наших руках; если же мы намерены уклониться, то

надежды выжить — никакой. Так что решайте, что благоразумнее, умереть с позором или жить в славе? Оружия у нас больше, войско лучше. Сами враги это также хорошо знают и полагают сражаться с нами не храбростью, а хитростью. Ведь они ведут наступление, пугая нас, будто непривычных к войне, надеясь обратить нас в бегство. Но если они увидят, что мы приготовились к бою, держимся храбро, верьте мне, они быстро покажут нам спины. Поэтому стойте твердо, бейтесь мужественно, не боясь смерти, с уверенностью в победе». Ободрив своих такими словами, он стал строить пехотинцев по отрядам, а всадников поставил в ряд, отдав приказ тем, которые должны были выступить первыми, и следующим за ними, чтобы все они смотрели на знамя предводителя. И так, когда все были удачно расставлены, то, немедленно развернув свои порядки против врагов, они начали понемногу продвигаться вперед. А враги, видя отвагу наших, тотчас пустив коней во весь опор, решительно бросаются на них. Наши же, сомкнув строй, выпустили вперед отряд пеших воинов с поднятыми копьями, а следующие, воткнув в землю рогатины, были готовы встретить нападающих, третьи, натянув луки, приготовились метать стрелы, четвертые — действовать мечами, а всадники, расположившись по кругу и выставив вперед копья, имели вид сильно укрепленной башни и являлись крепким оплотом всего войска. Когда враги увидели, что ряды наших твердо удерживаются на своих позициях, они остановились поодаль, не осмеливаясь нападать. Тогда предводитель нашего войска воскликнул: «Эй, храбрые мужи, пришел час отомстить врагам». И сам бросился вперед, а все войско последовало за ним.

Не мешкая, они сразу же вломились в ряды врагов, смешались с ними, завязали рукопашный бой и начали наносить удары обнаженными мечами. В течение какого-то времени победа оставалась сомнительной. Тогда предводитель сам стал напирать на Хранислава, обрушивая удар за ударом то булавой, то мечом. А тот, и сам муж воинственный, то парировал удары с помощью щита, то изо всех сил сам обрушивал удары на неприятеля. Наконец, собравшись, наш предводитель стремительно поразил Хранислава мечом; удар пришелся между шлемом и ошейником и отбросил его голову далеко от тела; и, обезглавленное, оно тотчас свалилось с коня и осталось лежать на земле. После этого бой прекратился, все цетинцы обратились в бегство и оставили поле боя за сплитчанами. А те, преследуя их с тыла, настигали бегущих повсюду среди лугов и гнали их до горной кручи. Возвращаясь домой с одержанной победой, они взяли голову Хранислава и, насадив на копье, несли до Салоны. И так в бурном веселье они вернулись домой. Вот так перестала мучить нас эта зараза.

XXVIII. О КОМИТЕ ПЕТРЕ

А после этого началась тяжелейшая война между комитом брибирским Григорием²⁸⁹ и сплитским комитом Буисеном. Буисен жил в Свиниграде²⁹⁰, и хотя он был человеком знатным, богатым и могущественным, он, однако, покровительствовал еретикам. А поскольку глубокая распря между ним и Григорием полыхала в течение долгого времени и столкновения не прекращались, положение обоих неуклонно ухудшалось, и все же, казалось, сторона Буисена брала верх. А ведь оба происходили из одного рода.

Однажды Буисен со своим войском окружил Брибир, и Григорий оказался запертым в своем укрытии, так что никто не мог ни войти туда, ни выйти. Григорий, будучи очень хитрым и ловким, устроил засаду и на рассвете, когда ночной караул ослабил бдительность, внезапно ворвался в лагерь Буисена; и прежде чем те успели взяться за оружие, они принялись жестоко избивать врагов, а самого Буисена взяли живым. И когда он предстал перед Григорием, то стал молить о пощаде. Но Григорий, человек суровый и жестокий, обратился к окружающим, нисколько не тронутый мольбой пленника: «Снимите с него кольчугу». И когда тот сам сделал это, Григорий, выхватив меч, вонзил в его живот со словами: «Вот какая пощада должна ожидать Буисена, который столько раз вызывал меня на бой».

Тогда сплитчане поставили себе комитом некоего Петра, господина Хума²⁹¹. Петр был человеком могущественным и воинственным, хотя и не без греха еретической скверны. Потому-то его не принял клир; но миряне, склонные к опрометчивым поступкам, составив заговор, в большом смятении толпой подошли к церкви и, отобрав у сторожа ключи, силой ввели его в церковь. После того как об этом узнал Аконций, он направил послание и подверг интердикту весь город. И почти на год прекратились богослужения. Архиепископ же Гунцел был в это время в Венгрии; а вернувшись к своей церкви, он довольно неосмотрительно отменил интердикт легата.

Между тем легат Аконций, направившись в Боснию, в течение долгого времени занимался истреблением еретиков. Слабый телом, он был, однако, горячим поборником католической веры. После того как его сразила тяжелая болезнь, перед кончиной он всецело предал себя Господу. И в 1222 году он там счастливо завершил свой жизненный путь²⁹².

XXIX.

О ВОЙНЕ, КОТОРАЯ
ВЕЛАСЬ ИЗ-ЗА ПОМЕСТЬЯ ОСТРОГ²⁹³

В то же время некие хорваты Толлен и Вильцета, сыновья Бутко²⁹⁴, со своей родней напали на поместье святого Домния, которое называется Острог и начали, вопреки запрету граждан, возводить укрепление, желая поселиться там со своими семьями, чтобы иметь возможность безнаказанно совершать привычные разбои. Они говорили, что являются наследниками этого места. А архиепископ, желая иметь их в качестве колонов и помощников, по простоте сердца дал согласие.

Тогда сплитчане стали готовиться к войне против них. Для этого они обратились к своему комиту Петру и призвали его; прибыв в сопровождении многочисленных всадников, он распорядился, чтобы все выступившее в поход войско с моря и с суши подошло к крепости. Был произведен подсчет численности городского войска, и в нем оказалось более трех тысяч воинов. После этого они стали мужественно биться под стенами крепости. Со своей стороны хорваты, расположившись за скалами, яростно оборонялись камнями, дротиками, стрелами. Сплитчане же, видя, что хорватов защищает укрепленная местность, изменили способ нападения. Быстро собрав большую кучу бревен и листья, они разожгли огонь под самыми скалами. Поднявшийся из-за этого костра дым слепил врагов; сгорают доски и настилы, которые они приспособили для своей защиты. Тогда наиболее бесстрашные юноши из наших, видя, что у врагов недостает ни сил, ни оружия, попытались добраться до них сквозь огонь, рассчитывая поразить их мечами. Но те, свалив с высокой скалы огромные камни, придавили ими, к сожалению, некоторых из наших, так что они, свалившись в огонь, разбившись и обгорев, испустили дух.

И так обе стороны бились в течение нескольких дней. При истощившихся уже запасах, бесконечно жалкие, физически изможденные, они надеются, что еще могут оказывать сопротивление; однако немного позже они уже склоняются к сдаче. Но прежде чем они приняли окончательное решение, вдруг один отряд храбрейших юношей — одни ползком, другие по тайным тропкам — неожиданно устремляется к крепости. В это время комит Петр со своим войском, взглянув наверх, видит, что те, стоя на скалах, уже вступили с врагами в рукопашный бой. И комит тотчас же закричал: «А теперь вперед, мужи, поскольку Господь даровал нам победу над нашими врагами». По этому зову все устремляются вперед и овладевают крепостью. И вскоре, захватив всех врагов с

женами и детьми, они потащили их к своим со связанными за спиной руками. После этого, согласно принятому решению, они завладели всем их имуществом, разрушили до основания церковь, основателями которой те себя провозглашали, разрыли могилы, из которых выкинули кости их предков и раскидали их по полю, чтобы они впредь не заявляли никаких прав на эту землю. Трогирцы предоставили помощь нашим, но скромную и недостаточную. Потом они привели в город пленных со связанными за спиной руками, и заключили их под строжайшую охрану. После того как они три дня пролежали без попечения, многие там и умерли — одни, истощенные голодом и жаждой, другие, задохнувшись в смраде темницы.

XXX.

О ВОЙНЕ, КОТОРАЯ ВЕЛАСЬ С ДОМАЛЬДОМ²⁹⁵

И так, сделав свое дело, комит Петр вернулся домой и жил в Хуме. А город Сплит, оставаясь без правителя, не мог быть в добром состоянии. Тамплиеры, согласно распоряжению короля, удерживали крепость Клис. Сплитчане же, которые большей частью по обыкновению пренебрегают полезным и соблазняются бесполезным, пресытились благами мира и покоя. Поэтому, всячески возводя напраслину на тамплиеров, они принялись разными способами добиваться их ухода из крепости, чтобы избавиться от мирного и благоразумного соседства. И получилось так, что после их ухода при помощи и попустительстве сплитчан эта крепость была сразу же захвачена Домальдом. Кто же оказался столь неразумным и помрачился рассудком, чтобы презреть безоружный орден и жаждать посадить себе на голову вооруженного неприятеля? А когда Домальд беспрепятственно обосновался в этой крепости, то, будучи хитрым и осторожным, сначала стал притворяться, что он желает жить со сплитчанами в дружбе. Однако, умело скрывая гнев, который он затаил из-за своего свержения, он выжидал час, когда он мог бы отомстить за свою обиду. Хитрость Домальда могла удаться потому, что большую часть преступлений перед Богом сплитчане совершили вместе с ним, так что и наказание должны были понести общее. Ведь они не могли, не нарушая клятвы, удалить этого самого Домальда с должности комита, равно как, не совершая святотатства, поставить вопреки запрещению церкви комитом Петра; и, наконец, они публично совершили еще вот такое преступление.

Был один бедный и простой священник; его привлекал к ответу из-за долгов некий чужестранец — славянин, который, обратившись в светский суд, предъявил иск. Священник явился по вызову суда и сослался на привилегию²⁹⁶, но один знатный человек по имени Кацета, встав во время заседания курии, нанес пресвитеру пощечину и, связав его, на глазах у всех передал в руки его обвинителя.

И вот на третий день в праздник Всех Святых по городу разнесся слух, что какие-то разбойники напали на поле. Тут же весь город бросился к оружию. Прошли они по мосту через Салону. Из Клиса же спустилось очень мало всадников Домальда. Но вскоре вся толпа обратилась в бегство и рассыпалась в разные стороны. Тогда были взяты в плен многие из знатных и богатых людей города, а именно Кацета, Дуим Формини, Леонард Каваль, Яков Душица, Хрисогон и более шестидесяти других; все они с позором были отправлены в крепость к Домальду²⁹⁷.

В ту же ночь Домальд направился к сплитским загонам и угнал почти тридцать тысяч овец; а людей, заковав в кандалы, отдал под стражу; словив их жестоким голодом и пытками, он выманил у них крупную сумму денег. Так что сплитчане после почти годовичного заключения смогли в конце концов освободиться лишь ценой большого материального ущерба.

А после этого Коломан, сын короля Андрея, герцог Славонии, в сопровождении вельмож спустился к морю и был принят сплитчанами с большим почетом. Был он тогда еще юным и не совершил ничего, достойного упоминания²⁹⁸.

XXXI.

О СКАНДАЛЬНОЙ ССОРЕ МЕЖДУ АРХИЕПИСКОПОМ И АРХИДИАКОНОМ

После этого в 1230 году капитул и весь клир при полном согласии избрали на вакантное место архидиакона каноника Фому на тридцатом году его жизни; архиепископ Гунцел в то время находился в отсутствии. Вернувшись, он вначале не пожелал принимать архидиакона, явившегося к нему с просьбой об утверждении; еще бы, он почти никогда не считал благие действия каноников достойными уважения. Но затем, видя, что все выдвижение в архидиаконы было проведено канонически, с соблюдением установленных правил, и так как не было ни малейшего разногласия среди каноников, которое в конечном счете могло бы дать повод для противодействия, он, благословив его, утвердил в должности

архидиакона и сам рукоположил его. Архидиакон был наделен соответствующими знаниями и в отпращивании своих обязанностей старался выказывать достаточно пылкости и усердия. Почитая справедливость, ненавидя бесстыдство, он горячо ратовал за то, чтобы соблюдались заветы святых и чтобы в церковных делах царил закон правды Божией.

И когда архиепископ допускал послабления в исправлении проступков подчиненных ему лиц, архидиакон, насколько мог, хлопотал об исправлении ошибок. Но так как архидиакону не всегда удавалось сдерживать своевольных, он подчас порицал понтифика за бездействие, побуждая и призывая его, чтобы он как добрый пастырь с большим рвением неусыпно заботился о пастве. Но тот уже так закошел в бездействии, что ему казалось дерзким и противным его нраву пытаться что-либо менять. Так что тревоги архидиакона были в тягость пресулу и не воспринимались им как содействующие пастырскому служению. Вследствие этого он неохотно советовался с ним по поводу церковных дел, но предпочитал приближать к себе тех, кто суетностью походил на него.

И так получилось, что некоторые из клириков, и прежде всего те, которые погрязли в своих пороках, оказались настроены весьма враждебно в отношении архидиакона. И эта неприязнь еще более усиливалась из-за того, что архидиакон по долгу своей службы наказывал за проступки тех, кого архиепископ, действуя вопреки архидиакону, освобождал от обвинений, совершенно не вникая в дело. Архидиакон же испытывал глубокую печаль и мучился не из-за того, что пресул старался унижить его достоинство, а потому что с ущемлением должностных прав архидиакона казалось, что весь заведенный в церкви порядок расстраивался и рушился. Ведь несомненная опасность для душ и явный позор для церкви Божией состояли в том, что те, кто должны были бы подвергнуться наказанию за свою несправедливую жизнь, отбросив стыд, наказывали невинных и еще более дерзко вершили свои издевательства.

А однажды архиепископ сказал собравшимся перед ним каноникам: «Я хочу, чтобы в церкви не было вакантных должностей». И тогда был назначен архипресвитером некий Петр, внук Мургия. Так как он был человеком властолюбивым и беспокойным, он принялся открыто ущемлять авторитет архидиакона, склоняя на свою сторону простаков и людей неразборчивых, и, определив себя вроде как их главой, прилагал все усилия, чтобы отвлечь их от должного почитания архидиакона, и добивался, чтобы его самого они уважали как стоящего будто бы выше всех²⁹⁹. Вот так в капитуле начался позорнейший раскол. А архиепископ, вместо того чтобы возвести стену против каждой из пылающих ненавистью сторон и вновь пробудить в чадах своих братскую любовь, принялся оказывать благоволение сборищу приверженцев архипресвитера, а

сторонников архидиакона подавлял, как мог, своей властью. Казалось, что ему больше нравилось, когда его каноники враждовали между собой, чем если бы они пребывали в единении и согласии.

Архипресвитер, видя, что Гунцел поддерживает его, а от архидиакона всеми своими помыслами был далеко, принялся все больше и больше разжигать в нем пламя ненависти к архидиакону. А поскольку тот был легковверным и искра этой неприязни уже разгорелась в его сердце, он легко доверялся слухам. Так что архиепископ с архипресвитером были единомышленны в угрозах архидиакону, тогда как раньше они никак не могли прийти к согласию. Теперь они стали открыто преследовать архидиакона, а после его апелляции угрожать интердиктом и отлучением. Сговорившись, они начали домогаться ни более ни менее как пожизненного его низложения. А чтобы навлечь на него народный гнев, они распорядились закрыть все церкви и прекратить все церковные службы. И бедствие, вызванное этим соблазном, настолько разрослось, что и в церквях, и за стенами церквей не только громко спорили, но в безрассудстве поднимали друг на друга руку. Безумие неистовой толпы кидало людей от одной партии к другой, весь город содрогался от жестокой распри. Почти все каноники были против архидиакона; но лучшие и наиболее пронизательные люди из городской знати и большая часть клира поддерживали архидиакона.

Так как в связи с этой смутой весь город, казалось, был охвачен неистовым волнением, архидиакон, опасаясь, как бы между гражданами не произошло какого злодеяния, и размышляя о превратностях времени, отправился к апостольскому престолу. Его сопровождали четверо благоволивших ему каноников. Архиепископ же, видя, что архидиакон отправился в курию, тотчас поспешил за ним, последовав уговорам своих пособников. Его сопровождала толпа каноников, которые сходились с ним в злонравии. А Фома упредил их на восемь дней, все еще не допуская, что пламя ненависти разгорится в их сердцах с такой силой, что они захотят взвалить на себя столь тяжкий труд погони. Хотя, по предложению Гунцела, они сговорились между собой, чтобы никто не называл его архидиаконом, он, однако, надеялся, что, получив указ от апостольского престола, он по возвращении домой сможет успокоить смуту. Но когда он увидел, сколько прибыло людей, возбужденных бесстыдной к нему завистью, он сразу затрепетал. Что же удивительного? Ведь он оказался почти в одиночестве против многочисленного войска врагов, людей столь влиятельных, что на них только и опиралась власть Сплитской митрополии. Тут были архиепископ, архипресвитер, сакриста, примицерий³⁶⁰ и множество других, прикрывающихся письмами, свидетельскими показаниями, только и ждущих, как бы заглотать архидиакона с головой; а ему са-

мому не на кого было уповать, кроме как на Бога, который вершит суд в пользу всех подвергшихся произволу; убежденный единственно в своей честности, он в спокойствии духа ожидал исхода дела.

А в это время господин папа Григорий IX находился в Перудже³⁰¹. И архидиакон Фома благодаря старанию и покровительству некоторых людей, которых он раньше не знал, был допущен к папе, когда он был в зале лишь с вице-канцлером³⁰². И, преклонив перед ним колени, он стал обстоятельно, по порядку излагать свое дело. Сам милостивейший отец благосклонно выслушал его и, словно осведомленный обо всем, выразил ему глубокое сочувствие в связи со столькими тяготами и спросил его, не желает ли он судиться по этому делу с архиепископом в курии. Архидиакон ответил: «Непременно, святой отец». Тогда папа сказал стовшему подле вице-канцлеру: «Предупреди кардинала Оттона, чтобы он внимательно выслушал обе стороны об обстоятельствах дела». И архидиакон, поблагодарив его и облобызав его стопы, вышел, исполненный радости.

А архиепископ со своей сворой, увидев, что архидиакону с такой легкостью была предоставлена аудиенция и что он наперекор им получил аудитора, сильно обеспокоился. Придя к папе, они добивались, чтобы им был предоставлен в качестве аудитора кардинал Райнерий, на которого они твердо полагались. Но господин папа никоим образом не соглашался. Поэтому архиепископ со своей сворой явился по вызову к кардиналу Оттону и уже в более миролюбивых выражениях пожелал, чтобы дело полностью рассматривалось без судебного шума и весь процесс был бы представлен как примирение. Но кардинал с самого начала отказался, остерегаясь, что стороны могли сговориться между собой для какого-нибудь преступления. В конце концов архиепископ, видя, что его план не вполне способствует достижению желаемого успеха, стал глубоко раскаиваться в затеянном. Тогда, в частности, явившись втайне от своих сообщников к архидиакону, он пытался льстивыми речами расположить его к себе, опасаясь, как бы тот не обвинил его в каком-либо преступлении. Но архидиакон, мало веря лести архиепископа и зная его привычку менять по обстоятельствам слова и обличье, настойчиво двигал свое дело перед кардиналом. Все его спутники, кроме одного, разъехались.

Итак, в назначенный день обе стороны предстали перед судом. Тут архидиакон, составив прошение, принял своими показаниями уличать архиепископа в некоторых проступках. Со своей стороны архиепископ со своими людьми возвели на архидиакона некоторые вздорные и незаконные обвинения, говоря, что он в исполнении своих служебных обязанностей перешел границы, установленные отцами. Это препирательство продолжалось в течение многих дней, после чего кардинал, который

был человеком в высшей степени пронизательным, поняв, что они возвели обвинения на архидиакона лишь из-за застарелой неприязни и для разжигания ненависти, стал тогда весьма сурово укорять архиепископа за то, что тот позволил появиться в Сплитской церкви источнику такой низости; и вместо того, чтобы, как добрый пастырь, который душу свою полагает за овец своих³⁰³, противостоять затаившемуся волку, он счел за лучшее, чтобы при его участии между братьями разыгрались скандальные раздоры. Тогда он спросил у сторон, не хотели бы они до вынесения решения прийти к мирному и полюбовному согласию; Гунцел немедленно согласился, так как он ничего другого и не хотел, как только вытащить свою ногу из силка, который он расставил для других, а попался сам. Однако его сообщники, упорствуя в злом умысле, взбунтовались против архиепископа, призывая не соглашаться на примирение. Кардинал, сильно выбравив их, с трудом унял их волнение. Наконец, когда с обеих сторон было дано обещание, что они будут придерживаться всех рекомендаций аудитора, преслу и его рой в душевной тоске, с мрачными лицами вернулись на постоянный двор. И, не ожидая решения кардинала, один за другим, словно потерпев кораблекрушение, они стали возвращаться восвояси. Тогда досточтимый Оттон, благоразумно освободивший архидиакона от обвинения и полностью восстановив его в должности, наказал архиепископу, чтобы тот относился к нему с отеческой любовью как к товарищу и сыну и ни в коем случае не позволял, чтобы против него плелись столь низкие интриги невежественных людей. Гунцел же, опустив голову, отвечал, что он желал бы исполнить это с готовностью и усердием.

В это время явился нунций с письмами достопочтеннейших епископов Трегуана Трогирского, Николая Хварского и двух других с обвинениями против архиепископа и оправданием архидиакона, которые они направили господину папе. Когда Гунцел услышал об этом, то, не перенеся дальнейшего ожидания, уехал, даже не получив благословения. Когда кардиналы ознакомились с этими письмами, то хотели вернуть архиепископа в суд, в случае, если бы архидиакон пожелал возобновить дело против него. Но господин Оттон, составив акт о примирении, ясно обозначил в нем, что по каноническим постановлениям относится к ведению каждой должности. Закончив таким образом все дела, достопочтенный кардинал передал копии решения — одну поверенным архиепископа, а другую архидиакону, и своей милостью отпустил его на родину, благословив и утвердив его по папскому рескрипту в должности архидиакона.

Это происходило в 1234 году, когда Оттон был кардиналом святого Николая в Тулианской темнице³⁰⁴.

XXXII.

О КОМИТЕ ГРИГОРИИ

В те времена после смерти комита Петра сплитчане поставили себе комитом знатного мужа Григория Брибирского³⁰⁵. От был человеком могущественным и богатым и в делах управления достаточно осмотрительным и расторопным; да и судьба осчастливила его и обилием детей, и удачей во всех делах. В целой провинции Хорватия никто не мог бы сравниться с ним в могуществе; он одолел всех своих врагов, и не было никого, кто решился бы протянуть руку к добру его самого и его братьев.

Так что когда он был поставлен комитом, сплитчане в течение некоторого времени довольно спокойно возделывали земли и пасли стада. Но так как он был занят множеством дел, то не мог оставаться в Сплите и направил туда одного своего викария, имевшего права комита, а сам мог жить в более удобных для него местах. И если когда-нибудь, что бывало крайне редко, он и приходил на зов, то не тревожился о благосостоянии города, а более всего стремился к собственному процветанию. Поэтому город, оставаясь без кормчего, как вдова без мужа, был обречен идти не вперед, а назад. Особенно сильно угнездилась в нем язва высокомерия, так что те, у которых оказывалось больше власти, будь то ректоры или консулы, мало заботились об общей пользе и, напротив, с выгодой для себя за скромное вознаграждение распродавали наиболее значительные коммунальные привилегии. Кроме того безнаказанно совершались кражи, убийства, разбои и всяческие преступления.

Ведь не было верного человека, который бы удерживал кормило правления всем населением, но все городское простонародье поврозь самовольно переходило под власть господ, что были посильнее и, держась за их опасное покровительство, затевало многие злодеяния. Из-за этого между самими магнатами возникало много поводов к вражде, так что они соперничали между собой в преступных делах, и тот считался старшим и лучшим, кто мог похвалиться большим коварством и кто больше преуспел в несправедности. Город был так разорен и растерзан, что городская курия оказалась не в состоянии соблюдать хоть какую-то твердость правосудия, разве только в отношении тех, кто погряз в крайней нужде и немощи.

Тогда граждане, из попустительства злу ставшие почти неукротимыми, принялись с легкостью менять власть в коммуне: то одна группа ставит одного комита, то другая — другого, не боясь клятвопреступления, не опасаясь пагубными действиями нарушить законы родины. В то время они прогнали с должности комита Григория и поставили комитом Домальда, который был его смертельным врагом. Снова прогнав До-

мальда, они поставили комитом Марка, сына Григория³⁰⁶. И это осуществлялось не сообща, а порознь, при взаимной ненависти и неприязни. Тем самым они навлекли на родину великие распри, утраты и беды.

Как говорят, в те времена несколько злокозненных граждан из ненависти к тем, кого почитал Григорий, подбили некоего Толлена, племянника комита Петра из Хума, пойти и угнать сплитский и трогирский скот. И он с немалым отрядом вооруженных всадников незаметно подъехал к месту под названием Босилон, где паслось множество овец, похитил у сплитчан 80 тысяч быков³⁰⁷ и отогнал их к себе; сплитчане же ничего не смогли вернуть. Однако их вооруженные отряды, переправляясь на кораблях, не раз опустошали большую часть его владений.

В то время жил один старик по имени Дуим, который, несмотря на преклонный возраст, отличался суровым и необузданным нравом. Считая себя оскорбленным сыновьями Витала из-за того, что они поколотили одну из его служанок, он не счел нужным обращаться в курию и дожидаться решения судей, но в гневе явился с двумя своими сыновьями к упомянутому юношам, сыновьям Витала, и первым делом осыпал их бранью. А те, будучи весьма глупыми и высокомерными, не пожелали умирить пыл, но ответили еще более нагло и заносчиво. От слов они перешли к потасовке, а затем, подстрекаемые дьяволом, выхватили кинжалы и выясняли отношения, не как подобает гражданам, а как врагам. Тогда весь город, возбужденный потасовкой, впал в неистовство, одни пускали в ход камни, другие — мечи. В результате в тот день валялись на площади, подобно презренным свиньям, бездыханные тела Дуима Драшко и двух его сыновей. Точно так же был побит камнями или мечами один из сыновей Витала по имени Домиций и многие другие. Однако спустя много дней младший сын Дуима и сын Витала пришли в себя. Тогда коммуна, собравшись, вынесла решение изгнать из города этих убийц и разрушить до основания их дома.

Таким образом сыновья Витала и сыновья Галлоны со своими припешниками ушли из города и обосновались в Задаре. Но после того как они пробыли там какое-то время, они стали выведывать, как им можно было бы вернуться на родину, хотя бы и силой. Тогда они наняли себе в помощь отряд пизанцев, которые были добрыми вояками, но достаточно скорыми на преступление. Они прибыли на двух вооруженных судах и, причалив в полночь в порту, по совету своих друзей и родственников тайно проникли в одну башню, которая находится над северными воротами. А поскольку они испытывали нужду в средствах, то начали строить преступные планы, рассчитывая с оружием в руках напасть на дома некоторых богатых людей и силой захватить их имущество. А в предвкушении этого они вдохновлялись собственной дерзостью, так как видели,

что у граждан нет ни главы, ни правителя. Как только в городе прослышали, что сыновья Витала вернулись с отрядом чужестранцев и что для совершения великих злодеяний они готовы дать волю своему безрассудству, тотчас их перепутанные недруги подняли против них весь город. Созвав всю негодующую коммуну на собрание, они послали к ним сказать, чтобы они немедленно убирались туда, откуда пришли, иначе буря народного негодования тут же сметет их. Тогда по совету своих доброжелателей они отступили и отошли к монастырю св. Стефана³⁰⁸, и здесь, воспользовавшись каким-то поводом, они испросили позволения остаться на два дня для передышки и получили его. В течение этого срока они подбирались к городу и, не страшась, вместе с друзьями и родственниками объедались и пьянствовали в садах. А их противники заперлись в башне Календы.

Однажды, когда уже в сумерках они увидели, что некоторые из тех, словно глумясь над ними, подходят к самому городу, то полагая для себя великим бесчестьем на виду у своих врагов целый день оставаться в заключении, Иоанн Цегайда и Лампридий, сын Дуима, с прочими своими пособниками покинули башню и направились к горе, как будто на прогулку, а вовсе не из желания подраться. Враги же их, не опасаясь, сидели за церковью св. Феликса³⁰⁹. Увидев, что на них идут их противники, они тотчас вскочили и, так как были более дерзкими, начали, несмотря на меньшинство, забрасывать тех камнями и не давали им двигаться дальше. А противная сторона, отвечая камнями на камни, пыталась вытеснить врагов с их позиций. После того как в течение некоторого времени они бились, находясь на расстоянии, сторонники сыновей Витала оказались настолько сильнее, что их противники вынуждены были отступить к своему укрытию. Но когда в городе стал слышен шум драки, люди сбегались на борьбу с сыновьями Витала, крича в один голос, чтобы те убрались, а не то погибнут. Тогда сторонники Дуима Драшко, видя, что из города спешат им на помощь, снова собравшись с силами, начали опять разворачиваться против своих врагов. Но подбежав к ним, они стали угрожать врагам уже не камнями, а копьями и мечами. А поскольку тем казалось позорным спастись бегством, то они, будучи почти безоружными, стали медленно отступать.

И вот внезапно их противники ринулись на них и первым набросившись сначала на Григория, сына Галлоны, пронзили все его тело копьями и кинжалами, и другого — Домиция, спешившего ему на помощь, убили подобным же образом. Совершив кровную месть, они с ликованием вернулись под защиту своей башни, закрывшись со всех сторон, чтобы противники ниоткуда не смогли напасть на них. А Иоанн, старший из сыновей Витала, стоявший со своими сообщниками у

ворот монастыря, услышав о горестной судьбе своих братьев, в печали и тревоге повернул к городу.

Тогда коммуна, собравшись, выразила поддержку другой партии, а сторонников Дуима заставила уйти в Трогир и, разрушив их дома, все их добро присудила Иоанну и его сообщникам. Поскольку обе партии постоянно ходили вооруженными и по причине соседства этих городов, все чаще они вредили друг другу не только исподтишка, но и в открытую, так что убийства, грабежи, избиения угрожали даже тем, кто не выступал ни за ту, ни за другую партию. Из-за столь глубокой распри весь город оказался в очень тяжелом положении, так что, как это обычно случается, не осталось почти никого, кто бы не боролся на той или другой стороне. Тогда родители стали бояться за своих сыновей, за свое добро и даже за свою жизнь. Ведь все были столь легки на расправу, что, казалось, гражданам грозило полное уничтожение.

Этот-то страх дал нашим повод задуматься о латинском управлении. Монахи братья-минориты начали тогда в своих проповедях убеждать граждан пригласить подесту из латинян³¹⁰. И особенно архидиакон Фома, созывая клир, часто взывал к народу, выдвигая много доводов в пользу того, что благосостояние города может быть восстановлено не иначе как лишь правлением латинян. В конце концов все сошлись на том, чтобы подеста был избран из латинян. На общем совете был поставлен вопрос, из какого города Италии нужно пригласить подесту. И вот желания всех сошлись на том, чтобы послать за подестой в город Анкону. Тогда выбрали двоих, принявших на себя посольские обязанности по данному делу, а именно архидиакона Фому и Миху, сына Мадия, и, связав их клятвой уладить все должным образом, они предоставили им официальное свидетельство о широких полномочиях, чтобы, отправившись в Анкону, они по своему усмотрению как можно успешнее выполнили подобное поручение.

И так приняв на себя посольские обязанности, архидиакон со своим товарищем, хотя и заметили, что некоторые из граждан остались недовольны этим, быстро снарядились в дорогу, отправились в путь после праздника Богоявления и после многих и слишком долгих мучений причалили, наконец, в Анконе незадолго до праздника Пасхи³¹¹. И так как уже пронесся слух, что прибывают сплитские нунции для избрания подесты, они были с соответствующими почестями приняты нобилиями города, которые с радостью оказали им гостеприимство и уделили заслуживающее благодарности внимание. В первую очередь нунции отправились к анконскому подесте, родом ломбардцу из Бергамо и, передав ему приветствия сплитчан, они изложили ему обстоятельства своего посольства, прося, чтобы он соизволил дать им необходимые советы. И он, бу-

дучи мужем благочестивым и добрым, пригласил их для частной беседы и принялся долго убеждать, чтобы они не допускали в столь важном деле никакой беспечности, никакой поспешности, но приступили к его выполнению, пользуясь советами только монахов и вообще верных людей. Он определенно указал им на немногих лиц, чьим советам они могли следовать, говоря: «Это из-за того, что здесь процветает людское коварство и что в большинстве своем одни из личного пристрастия хвалили бы то, что не достойно хвалы, а другие из личной неприязни стали бы порицать то, что не заслуживает порицания. В своих советах они будут искренне принимать во внимание не вашу пользу и выгоду, а свои интересы».

XXXIII.

О ПОДЕСТЕ ГАРГАНЕ

Так и было сделано. Придя к одному монаху из ордена братьев-миноритов, который хорошо знал добродетели и образ жизни каждого, они долго совещались с ним и порешили, что они никого другого не выберут на должность подесты, кроме как знатного мужа Гаргана де Арскиндис, о котором все отзывались хорошо. Тогда нунции, явившись к этому Гаргану, начали с ним переговоры, изложив ему свое намерение в отношении него и спрашивая, не пожелает ли он приехать на год для управления их городом. Он им благосклонно отвечал, что прежде он посоветуется с близкими и друзьями и только тогда ответит что-либо определенное. Потратив несколько дней на обдумывание, он, придя к ним, дал свое согласие на их предложение. Они договорились с ним относительно годичного жалования в 500 ливров анконской монетой, что и закрепили документально в составленном тут же договоре, а сам он дал клятву относительно ряда статей. И таким образом он принял должность подесты.

Покончив с официальными документами, он стал собираться в путь. Когда же об избрании Гаргана было объявлено подесте и совету Анконы, они, вполне одобряя действия сплитчан, звоном колокола и кличем глашатая созвали народ. И как только собралась огромная толпа, нунции вместе с Гарганом направились к общественному дворцу, и когда они вошли в курию, архидиакон обстоятельно рассказал о выполнении посольских поручений и избрании Гаргана — после того как они узнали о нем, и просил от имени своих сограждан, чтобы они по своему благоволению и одобрению направили Гаргана для управления городом Сплитом. Тогда анконский подеста, встав с места, выступил с пространной речью, как только не благодаря за столь высокую честь, оказанную им

сплитчанами. И всячески восхваляя Гаргана, он взял его за руку и вложил ее в руки нунциев.

Гарган же, набрав необходимое ему окружение, сел на корабль. С ним были один рыцарь, один нотариус, хорошие служащие, два боевых коня и значительное количество оружия. Его сопровождали многие знатные люди из его родственников, других [нобилей] коммуна Анконы направила в качестве нунциев в знак уважения к его персоне.

После долгого морского пути они, наконец, радостно пришвартовались в сплитском порту 15 мая, и как только в городе разнесся слух о приезде подесты, тотчас весь город устремился в порт. Там собрался народ всякого пола и возраста, чтобы увидеть того, кого они давно с нетерпением ожидали. Сойдя с корабля, он был встречен всем многочисленным клиром и народом с большой радостью и кротким почтением.

На следующий же день он послал осмотреть несколько помещений, где ему представлялось наиболее удобным отправлять свои служебные обязанности. И в конце концов он пожелал использовать дом комита Грубеша как общественный дворец и свое пристанище. А на третий день он распорядился собрать весь народ города, и на заседании курии первыми выступили нунции, излагая перипетии своего посольства и обращая внимание на его результат. Затем анконские нунции Матвей де Гирардо и Альберт, посланные своими гражданами для поддержки Гаргана, обстоятельно рассказали народу о его многочисленных достоинствах. А после этого встал Гарган и, будучи мужем речистым, говорил долго и остроумно. Поручившись клятвой за свое правление, он распорядился связать присягой все население, как нобилей, так и простой народ, чтобы они во всем подчинялись ему и следовали его распоряжениям. А всех присягнувших он приказал переписать и получилось почти две тысячи мужей. Тогда же он определил состав курии, назначил судей, камерариев³¹² и глашатаев. И так все управление он устроил по образцу итальянских городов, руководство которыми осуществлялось подестами.

Когда он обнаружил, что государственная казна, конечно же, была пустой, он своим заботливым старанием, очень скоро наполнил ее, никого не обременив. Ведь Бог наделил его такой благодатью, что все его боялись и слушались, будто он был ниспосланным Богом святым. И его почитали не только граждане, но почти из всей провинции стекались послушать его словно вдохновленные свыше суждения. Поистине всеми силами он стремился заключить со всеми мир, а заключив, твердо соблюдать его³¹³, противостоять гордым, покровительствовать смиренным, словно своим детям. Так что в короткое время весь город, будто выйдя из глубокого мрака запустения, обратился к свету.

Тогда стихли и те кровавые и страшные раздоры, о которых мы рассказали выше. Ведь сыновья Витала и родня Дуима благодаря заключенным между ними бракам установили вечный мир. И со славянами, которые неутомимо терзали город, мучая его постоянными грабежами, также были восстановлены мир и согласие. И в самом деле в то время и в городе и за его пределами было так спокойно, что не припоминали, когда здесь было лучше. Удалось это потому, что страх перед подестой держал всех граждан вместе и все, как бы неся общее бремя, сохраняли нерушимой крепость города, и никто из граждан не дерзал ни вести дружбу, ни враждовать с чужестранцами частным образом, но тот, кто был другом всему обществу, был любим каждым, кого же город держал за врага, был гоним всеми как общий враг.

И в это время словно чудом суждено было окончить жизненный путь двум непримиримым врагам сплитчан, а именно Толлену из Хума и другому Толлену — полицкому, которые так и не смогли жить в мире со сплитчанами.

Тогда же, в 1239 году, в начале июля на третий день произошло удивительное и страшное затмение солнца, когда все солнце померкло и затуманился прозрачный воздух, словно ночью возникли на небе звезды, и одна большая звезда мерцала близ солнца с западной стороны. Во всех вселился такой страх, что они с воплями метались, как безумные, думая, что наступил конец света. Случилось это в пятницу в тридцатый лунный день. И хотя это затмение солнца было видно по всей Европе, не сообщалось, что оно было в Азии и Африке³¹⁴. В том же году видна была звезда с ярким хвостом — комета, которая зависла на севере, будто бы над королевством Венгрия, оставалась на месте много дней и казалась знамением предстоящего великого события. Ведь в те дни уже долетела до слуха каждого горестная молва о том, что нечестивый народ татар вторгся в пределы христиан, в земли Рутении; однако многие считали это вроде бы шуткой.

XXXIV.

О ПРАВЛЕНИИ ГАРГАНА

Между тем Гарган, весьма осмотрительный и осторожный в управлении общественными делами, обнаруживал глубокие знания всегда, когда появлялась надобность принять решение, привести в порядок дела, дать оценку неправым деяниям. Так как он ценил честность, в его друзьях и близких знакомых состояли те, чье доброе имя и образ жизни были ему известны; и, напротив, не привечал тех, кого он знал как высокомер-

ных, заносчивых и пользовавшихся дурной славой. Часто призывая к себе молодых, он, как подобает любящему отцу, наставлял их: одного — как увеличить состояние законным путем, другого — относительно воинской службы, третьего учил честно выполнять общественные обязанности. Что же мне еще рассказать? Он никогда не успокаивался и всегда стремился и горел желанием изменить к лучшему положение всех и каждого. Он много размышлял над тем, как можно было бы прирастить славу города и его доход, стремясь к тому, чтобы умелым участием сохранить имеющееся и приумножить приобретенное, расходуя то, что с пользой следовало расходовать, и оберегая то, что следовало придержать. В отношении собственного имущества он был вполне заботлив и щедр, а общественного — суров и бережлив.

Тогда же среди граждан был проведен сбор средств, и на основе оценки всего движимого и недвижимого имущества каждый вносил по три с сотни, так что сумма всего сбора составила приблизительно четыре тысячи иперперов³¹⁵. Из этой суммы денег были уплачены долги коммуны и выкуплены золотые и серебряные сосуды, взятые из церковной казны и давно заложенные.

Как человек правоверный, он, разумеется, питал большое почтение к церкви и церковным служителям. Если когда-либо до его слуха доходили обращения против клириков святотатственные предложения злых и завистливых граждан, чтобы он в ущемление привилегий клириков возложил на них какую-либо общественную повинность или взysкивал с них подати, то он об этом даже и слышать не хотел. Заступник церкви и защитник клира, он резко выступал против всех подобных ущемлений. И, наконец, он с такой любовью следил за жизнью и нравами каждого из граждан, что не прошло и года, как он узнал дела и имена стариков и молодых, включая и мальчиков, так что обо всех он был так хорошо осведомлен, как если бы родился и вырос в этом городе. Кроме того он был так милостив к чужестранцам, воздавая им почести, что многие из прежних врагов города благодаря ему превратилась в самых верных его друзей. Он любил правдивых, обходил лживых и исполнял обязанности правителя, ведя незапятнанный образ жизни. На войне он был храбрым и отважным, в мирное время — мягким и смиренным; не найти было ни бедняка ни простеца, который не мог бы с легкостью войти к нему и который бы быстро не добивался восстановления своих прав. В отношении наказаний за преступления он выказывал не вялость, а строгость, так что для злодеяний не оставалось места. Меч судебной власти он использовал как для наказания преступников, так и для поощрения добрых людей. Воистину он знал, что добрым помогает доброта, тогда как злым вредит злоба. Действительно,

многие люди, от природы добрые, становятся злыми вследствие безнаказанности преступлений. И наоборот, некоторые вследствие каких-то безрассудных побуждений и были бы злыми, но приучаются быть добрыми под страхом наказания.

Гарган хотел, чтобы не только в его время, но и в последующем в городе Сплите был закреплен законный порядок управления. Поэтому он распорядился составить некую книгу, которую он назвал «Капитулярием» и в которую он определил записать все добрые обычаи, которые имелись в городе с давних времен, добавив многие другие законы, которые представлялись необходимыми в общественных и частных делах, а именно в судебном производстве, для того, чтобы правосудие вершилось по справедливости одинаково для всех. Эту книгу курия всегда имела под рукой, и без нее ни судьи, ни адвокаты не приступали к рассмотрению дел. «Капитулярий»³¹⁶ переписали для себя жители Трогира и другие, кого ревность к нашему правлению побуждала к глубокому его изучению.

В конце концов по прошествии большей части года подошло время выборов на следующий год. И когда по этому поводу собрался общий совет, не было никакого противостояния, но по всеобщему требованию кормило правления на второй год следовало принять тому же Гаргану. Однако нашлись-таки заносчивые люди, которые не желали видеть поддестой ни его, ни кого-либо другого, чтобы, живя без страха перед правителем, иметь возможность предаваться привычному беспутству; но и они не осмеливались выступать открыто, опасаясь навлечь на себя народный гнев. Ведь было постановлено и закреплено святостью присяги, чтобы никого не принимать в качестве комита, но чтобы город всегда управлялся поддестами и чтобы первый подеста не складывал с себя полномочий прежде, чем придет другой. Гарган принял предложенное избрание; жалование же его было увеличено настолько, что достигло суммы в тысячу либров нашей монетой. Избранный таким же образом и на третий год, Гарган принял правление, но как будто неохотно; жалование его составило тысячу триста либров, впрочем, он увеличил численность своих служащих.

В течение и этих двух лет Гарган был не менее ревностным, чем в первый год, и неустанно заботился о процветании общественных дел³¹⁷. Он распорядился возвести укрепление в месте, называемом «У камня», чтобы было охраняемое убежище от разбойников, которые имели обыкновение спускаться с горы Мосор и переправлять награбленное в горы. Однако, стесненный множеством других свалившихся на него дел, он был вынужден прервать начатое строительство укрепления.

XXXV.

О ВОЙНЕ, КОТОРУЮ ОН ВЕЛ С ПИРАТАМИ

На второй год своего правления он затеял дело, достойное всяких похвал. Так как он был противником беспутства, то, прилагая неутомимые старания, он принялся изыскивать, каким образом он мог бы способствовать укрощению неистовой свирепости пиратов; и, пригласив некоторых граждан, он стал с ними втайне совещаться и убеждать их, чтобы они начали угодную Богу и людям войну с омишанами. И хотя он заметил, что некоторые не знают, как им поступить, и не выражают всем сердцем своего согласия, тем не менее он горел стремлением исполнить какое-либо богоугодное для своего времени дело, для чего он задумал разогнать врагов Божьих и подвергнуть их преследованиям. Он так страстно желал их гибели, что, будучи осмотрительным во всяком деле, он, как казалось многим, недостаточно обдуманно вступил в войну. Ведь в жажде войны он, полагаясь на Божью помощь, выступил прежде, чем у сплитчан были в нужном количестве подготовлены суда и вооружение.

Найдя подходящий повод для выступления против них, когда некий Толлен, внук Мальдука, разграбил сплитские поля, он стал открыто готовиться к войне. А поскольку [грабители] наотрез отказались уплатить деньги за этот разбой, то у сплитчан появилось законное основание для того, чтобы всем как один выступить против них³¹⁸.

Тогда подеста, будучи человеком острого ума, в течение некоторого времени действовал тайком, доискиваясь, нет ли возможности хитростью взять укрепление. Однако попытка устроить засаду оказалась безуспешной, так как ее раскрыла ночная стража укрепления; а потому они в открытую пошли на них войной. Так, снарядив имевшиеся у них суда, впрочем, не вполне годные для военных действий, они двинулись в путь и устремились к острову Брач³¹⁹. Когда был произведен подсчет морских сил, то сплитский отряд составил около тысячи двухсот воинов. Предоставили помощь и трогиряне, но довольно слабую и незначительную.

А в то время острова Хвар и Брач держали Прибислав и Осор, сыновья Мальдука из Омиша. Тогда подеста направил жителям островов послание, требуя, чтобы они немедленно перешли на их сторону, и те, презрев власть омишан, приняли господство Сплита³²⁰. Они прибыли с благодарностью в сердце и, поклявшись в полной своей покорности, передали, согласно распоряжению подесты, все находившееся на острове имущество омишан — стада, табуны, посевы и все, чем они обладали. Сплитчане все это приняли и перевезли на материк; часть этого они на-

правили на продажу в Апулию, а еще одну часть распорядились держать под охраной на указанном острове. Осор, бывший князем на этом острове, в то время отсутствовал; омишане же, тайком снарядив суда, незаметно подплыли к острову и напали на четыре баркузия³²¹ сплитчан, которые были отведены к другому ключевому пункту острова. Однако им не удалось захватить ни одного человека. Тогда подеста, оставив для охраны острова двух знатных мужей Лампредия и Стефана и передав в их распоряжение отряд из пятидесяти добрых парней из городского простонародья, со всем войском отступил к городу. Пополнив свои силы, он направился к вражеским виноградникам и стал подряд уничтожать их, вырубать плодовые деревья и разорять все посевы.

Однажды, когда уже смеркалось, не ведавший о войне Осор плыл от острова к Омишу на военном судне. А сплитчане, увидев и узнав его, быстро приготовились окружить и захватить его. Что и было сделано; при приближении Осора сплитчане со своими многочисленными судами внезапно вырываются из гавани и, работая веслами, рассыпаются по воде и окружают его со всех сторон, чтобы не дать возможности врагам ускользнуть. Осор же, окруженный множеством врагов, видя, что он не может уклониться в сторону, воодушевил все же своих, прорвался между судами сплитчан и поплыл дальше. Так что в то время, когда, как казалось, кольцо вокруг него сжимается и он уже схвачен, он, словно скользкий угорь, вырвался из рук и ушел. Глубоко опечаленные его бегством, сплитчане вернулись восвояси.

Тогда Осор, который был еще более дерзким, чем прочие братья, стал изо всех сил готовиться к противодействию и сопротивлению сплитчанам. Он призвал к себе по обычаю всех мужчин из своей родни, назначил им жалованье, и вместе со своими братьями, которые весьма разбогатели на пиратских делах, они оснастили все бывшие в их распоряжении либурны, по количеству и качеству превосходившие сплитские. Выйдя из Омиша, они начали тайно и явно, используя любые уловки, вредить сплитчанам.

Когда сплитчане поняли, что их враги отнюдь не умерили пламени своего беспутства, но были готовы изо всех сил досаждать им, они начали сожалеть о своем замысле, более всего упрекая подесту за то, что он неосмотрительно и необдуманно решил ввязаться в военные действия, прежде чем были соответствующим образом подготовлены суда и войска. Тогда Гарган, взвалив на себя бремя забот, стал строить всевозможные планы, обдумывая, как бы ему одолеть дерзких врагов. Он распорядился соорудить одну трирему³²² наподобие галеи, которая была бы быстрее и лучше других, и почти за двадцать дней она была построена и снаряжена. Но подесту особенно огорчило, когда он увидел, что гражда-

нам не хочется затевать войну с врагами; и лишь с большим трудом он смог заставить их сесть на суда.

В ночь под праздник апостолов³²³ князь Осор подплыл со своими кораблями к острову Шолта³²⁴, и, в злобе продвигаясь по нему, они стали разорять все, что попадалось им на пути. Охрана острова вместе с крестьянами, разместившись в боевом порядке, некоторое время, как могла, оказывала сопротивление. Но так как в сравнении с врагами их было очень мало, они, опасаясь за собственную жизнь, оставили поле боя за врагами и ушли в более безопасные места. А омишане, видя, что путь им открыт, начали повсюду неистово набрасываться на добычу, нападать на крестьян, насиловать женщин, уничтожать посевы и творить всякие злодеяния. Подойдя к церкви блаженного Стефана, они разграбили все хозяйство и подожгли его. Ворвавшись в конце концов в церковь, они, как это в обычае у язычников, разрушили алтари и раскидали мощи, а затем, с нечестивой дерзостью осквернив злодейскими руками висевшую над алтарем саму евхаристию пресвятого тела, они сбросили ее на землю. И, ликуя, как после славной победы, они вернулись восвояси.

Но благословен Бог, который не дал остаться безнаказанным столь великому злодеянию. На третий день, пополнив свое военное снаряжение, они снова вышли из Омиша и направились к островам, чтобы овладеть ими. Среди ночи они сначала причалили к Брачу и, высадившись на берег, основательно приготовились к бою. Построившись с рассветом, они стали взбираться наверх с восточной стороны, и, когда все еще спали, они внезапно врвались в селения, хватая людей, грабя и поджигая дома.

Когда слух об этом несчастье разнесся по всему острову, у всех по телу пробежала ледяная дрожь. И тогда пятьдесят человек, оставленных охранять острова, мужественно приготовились к бою. Они призвали всех островитян прийти на помощь. А сами начали понемногу продвигаться вперед. И вот вдаль в долине показался один отряд, за которым следовала основная масса. Наши, наблюдая за ними сверху, остановились и начали решать, что делать, поскольку пришли лишь немногие островитяне. Враги же, видя горстку наших, казалось, дрожавших от страха, уверились, что они не дерзнут вступить с ними в бой, и, полагая, что те обратятся в бегство после первой же атаки, они, сбившись в кучу, разом с криками напали на наших. Нашим казалось безрассудным сражаться меньшинством против большинства, однако они считали, что было бы позорным и бесславленным отступить без боя, испугавшись одного вида [врагов]. Пока они колебались и обсуждали с разных сторон нужное решение, враги подходили все ближе и ближе.

Но тут в их сердцах разгорелся дух отваги, и один из них, по имени Стефан, стоявший во главе этих пятидесяти, в сильном воодушевлении

воскликнул: «Эй, люди, разве вы не знаете, что у нас есть законная причина для войны? Не забыли ли вы, что идущие на нас — это ненавидимые Богу и людям пираты? Разве весь христианский мир не предал их анафеме и не проклял их? Нас защитит наш Бог и правда, их погубит их несправедность. Так что не бойтесь, держитесь мужественно, стойте крепко, ибо Бог даст победу над врагами своими». Ободренные этим зовом, все решили вверять себя Богу и святому Домнию. И, построившись, стали смело наступать на врагов. Как только передние шеренги уже почти сошлись, Стефан закричал: «Отомсти, Господи, за кровь рабов твоих, пролитую этими псами». Тогда с обеих сторон стали с громкими криками пускать стрелы и дротики. А когда они схватились в рукопашном бою и пошли в ход мечи и кинжалы, с обеих сторон возникло небольшое замешательство. И тут ряды омишан, словно пораженные ударом с неба, были вдруг прорваны. И хотя немногие из них были ранены и убиты, они неожиданно повернули назад и в ужасе, как безумные, обратились в бегство.

А наши люди из победоносного отряда, возблагодарив Бога, поражающего нечестивых и спасающего верующих в него, без усталости разили с тыла бегущих, связывали пленных, забирали оружие. Но так как их было мало, они не могли повсюду угнаться за мечущимися врагами. Все же они преследовали их до кормы их бирем. Наткнулись они и на князя Осора, когда он, изнемогая под тяжестью оружия, с изувеченными руками пробирался к морю. Узнав его, они сразу его окружили. И когда один из них, выхватив меч, занес его над головой Осора, Лампредий, закрыв его своим телом, не позволил его убить; но, приведя к спуску, они посадили его, плененного и связанного, под стражу. Они захватили также многих известных врагов и всех их, заключив под стражу, оставили до решения подесты.

Те, кому удалось добраться до моря, дрожа от страха, в тревоге отплыли от берега и с малым количеством гребцов еле дотащились до дома. А на следующий день наши отправились разыскивать тех, кому удалось спрятаться, чтобы захватить их. И тут они обнаружили многих из лучших вояк, которые лежали бездыханными среди терновника безо всяких следов ранений. Это было как чудо, что они пали, сраженные не рукой человеческой, а собственным беспутством. Но даже и кое-кто из тех, что нашли спасение на кораблях, испустили дух прежде, чем пристали к берегу. Из наших же не погиб никто. Когда были отправлены в город гонцы сообщить о триумфальной победе, то Гарган не поверил радостной вести, поражаясь, как могло случиться, что горстка людей, не особенно опытных в военном искусстве, смогла одолеть этот сброд, опьяненный частыми кровавыми побоищами и не привыкший в пылу сражений считать с опасностью смерти. Когда, наконец, они поверили, что

пришла радостная победа, то в бурном ликовании быстро снарядили либуры и поплыли к острову.

Одновременно они выслали гонцов и распорядились доставить всех пленных к морю. Когда же князь Осор с остальными главарями предстал перед подестой, Гарган начал глумиться над ним, говоря: «Ну что, князь Осор, где же твоя высокомерная спесь? Где величайшая власть? Вот до чего докатился ты, считавший, что ни у императоров, ни у королей нет могущества, равного твоему! Знай же, что Божья справедливость сильнее людского безрассудства». С этими словами он приказал всех их с привязанными за спиной к бревну руками посадить на корабли, и в таком виде они предстали в городе. И тотчас после их прибытия подеста распорядился всех пленников развести по тюрьмам и заковать их ноги в кандалы; к ним была приставлена стража, а комита и главарей, закованных в железные кандалы, он распорядился строжайшим образом содержать под стражей в подвалах своего дворца. Поначалу он обращался с ними довольно мягко, ожидая, что, может, смягчатся их сердца и они доверятся ему. Но когда он увидел, что они закоснели в своей злобе настолько, что их невозможно повернуть к хорошим условиям мира и заключению соглашения, он начал изнурять их тюремной грязью, морить голодом, а некоторых и истязать побоями. И таким образом он вынудил их заплатить немало денег.

Тогда они начали вести разговоры о мире. Князь обещал, что все пиратские корабли будут переданы в руки подесты и что они никогда не будут строить других для новых разбоев. Но так как подобное соглашение со сплитчанами омишанам было неудобно, они немедленно прервали переговоры, настолько невозможным представлялось им полностью отказаться от привычного беспутства. Однако подеста желал освободить их не иначе, как выбив из их рук тот меч, которым они обыкновенно разили ни в чем не повинных людей. Подеста, разумеется, всем сердцем стремился искоренить чуму пиратского безумия, полагая, что он совершил бы великое богоугодное дело, если бы смог положить конец такому преступлению. Он склонял их к праведной жизни то ласковыми словами, то угрозами. Но они, люди злокозненного ума, искусно притворяясь, отклоняли советы подесты, предпочитая под страхом наказания служить дьяволу, чем жить по Богу, праведно и тихо. И так, прибегая к разным лукавым обещаниям, они десять месяцев провели в тюрьме.

Но в конце концов братья князя вместе с другими [родственниками], видя, что они смогут вызволить своих пленников из рук подесты, только если передадут сплитчанам корабли и полностью откажутся от нападений, согласились тогда на все и отправили в Сплит шесть имевшихся у них крупных судов и несколько захваченных ими когда-то ма-

лых. Они также приняли условие никогда больше не выходить на грабеж, связав себя клятвой и торжественно поручившись, что если они когда-нибудь нарушат ее, они выплатят сплитчанам две тысячи иперперов, и что, конечно же, они прежде всего будут воздерживаться от нападений на сплитчан, венецианцев и анконцев; а императору они предоставили заложников в знак того, что никогда не будут наносить вреда в пределах всего королевства Апулии. Они поклялись также соблюдать этот мирный договор в отношении всех друзей и союзников сплитчан. И с тем все их пленники были отпущены на свободу.

XXXVI.

О ТАТАРСКОЙ НАПАСТИ³²⁵

На пятый год царствования Белы, сына короля Венгрии Андрея, и на второй год правления Гаргана губительный народ татар приблизился к землям Венгрии³²⁶. А ведь тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов³²⁷, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами. Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше. А потом, пополнив свои воинские соединения прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов. Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили³²⁸, а самого короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа³²⁹. Двинувшись оттуда по направлению к Венгрии, они разоряли все на своем пути.

В то время, а именно в 1241 год от воплощения, 6 октября в воскресный день снова произошло солнечное затмение³³⁰, и весь свет померк, всех обьял сильный ужас, как и во время того затмения, которое произошло три года назад, о чем мы упоминали выше.

Итак, когда весть о пагубном нашествии татарского народа дошла до венгров, она была принята ими за шутку или бессмысленный вздор — то ли потому, что такие разговоры они часто слышали беспричинно³³¹, то ли оттого, что полагались на силу войска своего королевства³³². Да и

расслабились они от долгого мира, отвыкли от тяжести оружия; находя удовольствие лишь в плотских радостях, они закоснели в бездействии и лени. Ведь венгерская земля, щедрая всяким добром и плодородная, давала возможность своим сынам благодаря достатку наслаждаться неумеренной роскошью. Какое же другое стремление владело молодежью, кроме как расчесывать длинные волосы, холить свою кожу, менять наружность мужчины на женское обличье? Целые дни они проводили в изысканных застольях и приятных развлечениях. С трудом они просыпались в третьем часу дня. Проводя всю свою жизнь вместе с женщинами в солнечных лесах и восхитительных лугах, они не могли представить себе грома сражений, и ежедневно они предавались не серьезным делам, а пустякам. Впрочем, более здравомыслящие, обеспокоенные роковыми вестями, опасались нападения губительного народа. Поэтому они беспокоили короля и вельмож многократными призывами, чтобы те приняли меры предосторожности против великого несчастья, чтобы нападение нечестивого народа не было внезапным и чтобы он не принес беспечным людям больших страданий.

И наконец-то король, подталкиваемый этими призывами, выступил к границам своего королевства, дошел до гор, которые располагаются между Рутенией и Венгрией и далее до границ пелонов³³³. Оттуда он объехал и осмотрел все ненадежные подступы к стране и распорядился устроить длинные заграждения, вырубив мощные леса и завалив срубленными деревьями все места, которые казались легко проходимыми. А по возвращении он распорядился собрать всех князей, всех баронов и вельмож своего королевства, и все лучшие силы венгерского войска он сосредоточил в одном месте. Прибыл и его брат король Коломан³³⁴ со всеми своими силами.

Явились и пресулы Венгрии, которые, не довольствуясь скромным количеством челяди сообразно церковной сдержанности, везли несметные богатства, а впереди вели большие военные отряды. Прибыли архиепископы Матфей Эстергомский³³⁵ и Хугрин Калочский, оба со своими суффраганами; за ними следовало великое множество прелатов и монахов, которые стекались к королевскому военному лагерю, как овцы на заклание. Тогда они начали обдумывать общий план действий, потратив немало дней на рассуждения о том, как бы разумнее встретить приближающихся татар. Но так как разные люди имели разные мнения, то они и не пожелали прийти к какому-либо единодушному решению. Одни, скованные безмерным страхом, говорили, что нужно временно отступить и не вступать с ними в бой, поскольку это — варвары, от которых нет надежды на спасение и которые завоевывают мир не из жадности власти, а из страсти к наживе. Другие по глупому легкомыслию беспечно го-

ворили: «При виде нашей многочисленной армии они тут же обратятся в бегство». Вот так те, кому была уготовлена скорая гибель, не смогли прийти к единому решению.

И тут, пока они медлили с решением и попусту тянули время, к королю прискакал нежданный гонец с верным известием о том, что неисчислимое множество татарского народа уже пересекло границы королевства и находится поблизости. Тогда, покинув собрание, король и королевская знать начали готовить оружие, назначать командиров соединений, сзывать многочисленное войско. И, выступив от окрестностей Эстергома, они переправились через Дунай и направились в сторону Пешта, являвшегося большим поселением.

Вот так почти уже на исходе Четырнадцатидесятилетия, прямо перед Пасхой³³⁶ великое множество татарского войска вторглось в королевство Венгрия³³⁷. У них было сорок тысяч воинов, вооруженных секирами, которые шли впереди войска, валя лес, прокладывая дороги и устраняя с пути все препятствия. Поэтому они преодолели завалы, сооруженные по приказу короля, с такой легкостью, как если бы они были возведены не из груды мощных елей и дубов, а сложены из тонких соломинок; в короткое время они были раскиданы и сожжены, так что пройти их не представляло никакого труда. Когда же они встретились с первыми жителями страны, то поначалу не выказали всей своей свирепой жестокости и, разъезжая по деревням и забирая добычу, не устраивали больших избиений. Во главе этого войска были два брата, старшего из которых звали Бат, а младшего — Кайдан³³⁸. Они выслали вперед конный отряд, который, приблизившись к лагерю венгров и дразня их частыми вылазками, подстрекал к бою, желая испытать, хватит ли у венгров духа драться с ними. Что же касается венгерского короля, то он отдает приказ отборным воинам выйти им навстречу.

Построившись и удачно расположившись, они выступили против них в полном вооружении и строгом порядке. Но отряды татар, не дожидаясь рукопашного боя и, как у них водится, забросав врагов стрелами, поспешно бросились бежать. Тогда король со всем своим войском, почти по пятам преследуя бегущих, подошел к реке Тисе; переправившись через нее и уже ликуя так, будто бы вражеские полчища уже изгнаны из страны, они дошли до другой реки, которая называется Соло³³⁹. А все множество татар встало лагерем за этой рекой в скрытом среди густых лесов месте, откуда венграм они были видны не полностью, а только частью. Венгры же, видя, что вражеские отряды ушли за реку, встали лагерем перед рекой. Тогда король распорядился поставить палатки не далеко друг от друга, а как можно теснее. Расставив таким образом повозки и щиты по кругу наподобие лагерных укреплений, все они разместились

словно в очень тесном загоне, как бы прикрывая себя со всех сторон повозками и щитами. И палатки оказались нагромождены, а их веревки были настолько переплетены и перевиты, что совершенно опутали всю дорогу, так что передвигаться по лагерю стало невозможно, и все они были как будто связаны. Венгры полагали, что находятся в укрепленном месте, однако оно явилось главной причиной их поражения.

Тогда Бат, старший предводитель татарского войска, взобравшись на холм, внимательно осмотрел расположение войска венгров и, вернувшись к своим, сказал: «Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты словно в тесном загоне». И тут он приказал всем своим отрядам, построенным в их обычном порядке, в ту же ночь атаковать мост, соединявший берега реки и находившийся недалеко от лагеря венгров.

Однако один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля и сказал: «Этой ночью к вам переправятся татары, поэтому будьте настороже, чтобы они внезапно и неожиданно не набросились на вас». Тогда король Коломан со всем своим войском выступил из лагеря; за ним последовал со своей колонной архиепископ Хутрин, который, конечно, и сам был мужем воинственным и смелым, всегда готовым к бою. В полночь они подошли к указанному мосту. Тут какая-то часть врагов уже перешла через него; увидев их, венгры тотчас напали на них и, мужественно сражаясь, очень многих положили, а других, прорывавшихся назад к мосту, сбросили в реку. Поставив стражу у начала моста, они в бурном ликовании вернулись к своим. Так что весьма обрадованные победным исходом, венгры уже почувствовали себя победителями и, сняв оружие, беззаботно проспали всю ночь. Татары же, поставив на своем конце моста семь осадных орудий, отогнали венгерскую стражу, кидая в нее огромные камни и пуская стрелы. Прогнав таким образом стражу, они свободно и беспрепятственно переправились через реку — одни по мосту, а другие вброд. И вот, когда совсем рассвело, взору открылось поле, наводненное великим множеством татар. Часовые же, добежав до лагеря и крича что есть мочи с трудом смогли поднять спавших безмятежным сном. Разбуженные, наконец, печальной вестью, они не торопились, как того требовала минута великой опасности, схватить оружие, вскочить на коней и выступить против врагов; но, не спеша поднявшись с ложа, они норовили по своему обыкновению причесать волосы, пришить рукава³⁴⁰, умыться и не особенно стремились ввязываться в сражение. Однако король Коломан, архиепископ Хутрин и один магистр воинства тамплиеров, как и подобало отважным людям, не предавались, как прочие, без-

мятежному сну, но всю ночь не смыкали глаз и были начеку, и как только они услышали крики, сразу же бросились из лагеря. А затем, надев на себя воинские доспехи и построившись клином, они смело бросились на вражеские ряды и какое-то время с большой храбростью бились с ними³⁴¹. Но так как их было ничтожно мало в сравнении с бесчисленным множеством татар, которые, словно саранча, постоянно возникали из земли, то они, потеряв многих своих товарищей, вернулись в лагерь.

И Хугрин, будучи человеком безупречной смелости и бесстрашия, возвысив голос, стал бранить короля за беспечность, а всех баронов Венгрии обвинять в праздности и косности, в том, что в столь опасной ситуации они и о своей жизни не подумали, и не позаботились о спасении всего королевства. В результате некоторые решились отправиться с ними, а другие, пораженные внезапным страхом, словно обезумевшие, не знали, какой стороны держаться и куда благоразумнее направиться. И так трое упомянутых предводителей, не медля, еще раз вышли [из лагеря] и вступили в бой с врагами. И именно Хугрин с такой отвагой устремился в самую гущу врагов, что те с громкими криками бежали, как от ударов молнии. Подобным образом и Коломан, и тамплиер со своими соратниками-латинянами истребили много врагов. Когда тяжело раненные Коломан и архиепископ не могли более сдерживать напор толпы, они еле выбрались к своим. А магистр тамплиер погиб со всем отрядом латинян; многие из венгров тоже пали в этом бою.

И вот приблизительно во втором часу дня все многочисленное татарское полчище словно в хороводе окружило весь лагерь венгров. Одни, натянув луки, стали со всех сторон пускать стрелы, другие спешили поджечь лагерь по кругу. А венгры, видя, что они отовсюду окружены вражескими отрядами, лишились рассудка и благоразумия и уже совершенно не понимали, ни как развернуть свои порядки, ни как поднять всех на сражение, но, оглушенные столь великим несчастьем, метались по кругу, как овцы в загоне, ищущие спасения от волчьих зубов. Враги же, рассеявшись повсюду, не переставали метать копья и стрелы. Несчастливая толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать. Никто не желал советоваться с другими, но каждый волновался только о себе, будучи не в силах заботиться об общем спасении. Они не защищались оружием от ливня стрел и копий, но, подставив спины, сплошь валились под этими ударами, как обычно падают желуди с сотрясаемого дуба. И так как всякая надежда на спасение угасла, а смерть, казалось, растекается по лагерю перед всеобщим изумленным взором, король и князья, бросив знамена, обращаются в бегство.

Тогда оставшиеся воины, с одной стороны, напуганные повальной смертью, а с другой — объятые ужасом перед окружившим их всепожи-

рающим пламенем, всей душой стремились только к бегству. Но в то время как они надеются в бегстве найти спасение от великого бедствия, тут-то они и наталкиваются на другое зло, ими же устроенное и близко им знакомое. Так как подступы к лагерю из-за перепутавшихся веревок и нагроможденных палаток оказались весьма рискованно перекрыты, то при поспешном бегстве одни напирали на других, и потери от давки, устроенной своими же руками, казалось, были не меньше тех, которые учинили враги своими стрелами. Татары же, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда. А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех. Как осенние листья, они падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обгаренная кровью своих сынов, адела от края и до края. Тогда жалкие остатки войска, которыми еще не насытился татарский меч, были прижаты к какому-то болоту, и другой дороги для выхода не оказалось; под напором татар туда попало множество венгров и почти все они были поглощены водой и илом и погибли. Там погиб и тот прославленный муж Хугрин, там же приняли смерть епископы Матвей Эстергомский и Григорий Дьерский³⁴² и великое множество прелатов и клириков.

О Господи Боже, почему ты обрек на столь жестокую кончину, осудил на столь ничтожное погребение облеченных церковным саном, назначенных для служения тебе? Поистине многие приговоры твои непостижимы. Несчастные страдальцы, насколько больше они могли бы помочь себе и своему народу добрыми делами и горячими молитвами, вознося их в святых храмах к твоему грозному величию, чем ночуя в лагере мирян, препоясавшись материальным оружием.

Вот так священники сделались тем же, что и народ³⁴³, один отряд объединил их в сражении, и общая гибель стала для них наказанием. Тогда если кто и смог выбраться из этого омута, не имел никакой надежды избежать смерти от меча, потому что вся земля, как от саранчи, кишела вражескими полчищами, которым было чуждо всякое чувство милосердия, чтобы пощадить поверженных, пожалеть пленных, отпустить изне-

могших, но которые, как дикие звери, жаждали только человеческой крови. Тогда все дороги, все тропинки были завалены трупами.

И вот миновал первый день всеобщего истребления, за которым последовали другие с еще более мрачными предвестиями. Так с наступлением вечера, когда татары были уже утомлены и отправились отдыхать, жаждущим бегства не открылось свободного прохода. Куда бы они ни сворачивали в полной темноте, они натыкались на тела несчастных, еще дышавших или стонавших от ран, но большей частью неподвижных, спавших вечным сном, раздувшихся, как кожаные мехи. В первую ночь ужас охватывал при виде такого количества мертвых, валявшихся всюду, словно бревна или камни. Но в последующие дни ужасные картины стали привычны, и страх уступил воле к спасению. Так что иные, не отваживаясь бежать при свете дня, мазали себя кровью убитых, прятались среди трупов и таким образом находили у мертвых надежную защиту. А что мне рассказать о чудовищной жестокости, с которой каждый день они терзали города и села? Сгнав толпу кротких женщин, стариков и детей, они приказывали им сесть в один ряд, и, чтобы одежды не запачкались кровью и не утомлялись палачи, они сначала стаскивали со всех одеяния, и тогда присланные палачи, поднимая каждому руку, с легкостью вонзали оружие в сердце и уничтожали всех. Более того, татарские женщины, вооруженные на мужской манер, как мужчины, отважно бросались в бой, причем с особой жестокостью они издевались над пленными женщинами. Если они замечали женщин с более привлекательными лицами, которые хоть в какой-то мере могли вызвать у них чувство ревности, они немедленно умерщвляли их ударом меча, если же они видели пригодных к рабскому труду, то отрезали им носы и с обезображенными лицами отдавали исполнять обязанности рабынь. Даже плененных детей они подзывали к себе и устраивали такую забаву: сначала они заставляли их усесться в ряд, а затем, позвав своих детей, давали каждому по увесистой дубинке и приказывали бить ими по головам несчастных малышей, а сами сидели и безжалостно наблюдали, громко смеясь и хваля того, кто был более меток и кто одним ударом мог разбить череп и убить ребенка. Куда уж дальше? У них не было никакого почтения к женщинам, любви к детям, сострадания к старости; с одинаковой жестокостью уничтожая весь род человеческий, они казались не людьми, а демонами. Когда они подходили к обителям монахов, навстречу им, как бы выказывая должное почтение победителям, выступал собор клириков, облаченных в священные одежды, распевающих гимны и славословия, с дарами и подношениями, чтобы вызвать их сострадание к себе. Но те, совершенно лишенные милосердия и человеколюбия, презирая религиозное послушание и насмехаясь над их благочестивой простотой, обнажали мечи и без всякой жа-

лости рубили им головы. А затем, вламываясь в ворота, все разорвали, поджигая постройки, оскверняя церкви; они разрушали алтари, раскидывали мощи, из священных облачений делали ленты для своих наложниц и жен.

Что же до короля Белы, то он с Божьей помощью, едва избежав гибели, с немногими людьми ушел в Австрию³⁴⁴. А его брат король Коломан направился к большому селению под названием Пешт, расположенному на противоположном берегу Дуная; в это место, прослышав о неудачном исходе войны и узнав о гибели всего войска, сбежалось великое множество венгров и людей из других, обитавших по обоим берегам Дуная народов, поскольку они возлагали надежду на массу собравшегося тут простого народа — пришлого и местного. Но король Коломан отговаривал тех, кто лелеял дерзновенные замыслы и считал, что они в состоянии противостоять небесному мечу. Он советовал им лучше пойти в другие места в поисках надежного укрытия для своего спасения. Но так как они не приняли спасительного совета, король Коломан отделился от них и ушел за реку Драву, где было место его постоянного пребывания.

А толпы простого народа с присущим им безмерным упорством стали укреплять местность, возводить вал, делать насыпь, плести ивовые щиты и в суете делать всяческие приготовления. И вот, прежде чем главные работы были выполнены наполовину, внезапно появились татары, и страх и малодушие охватили всех венгров. Тогда свирепые предводители [татар] как хищные волки, ненасытность которых разжигается неутолимый голодом и которые обычно с вожделием смотрят на овчарни, выглядывая добычу, так и эти, подчинясь звериной натуре, осматривают все селение дикими глазами, раскидывая необузданным умом, выманить ли венгров наружу или, ворвавшись к ним, одолеть в сражении мечом. В результате, став лагерем вокруг этого селения, отряды татар со всех сторон пошли на него в наступление, с ожесточением забрасывая его стрелами и меча в центр его тучи копий. Венгры, затеяв неудачный мятеж, со своей стороны пытались изо всех сил защищаться, используя баллисты и луки, выпуская на боевые порядки врагов огромное количество копий, бросая множество камней из камнеметных машин. Но пущенные прямо в цель смертоносные татарские стрелы разили наверняка. И не было такого панциря, щита или шлема, который не был бы пробит ударом татарской руки. И вот однажды, когда бой длился уже два или три дня и достойный жалости народ уже понес огромные потери, несчастные ослабевшими руками не оказывали никакого сопротивления, а местность не была в достаточной мере защищена, татары предприняли стремительное наступление, и в дальнейшем уже не было ни стычек, ни какого-либо противодействия. Тогда несчастных стали истязать с такой яростью и не-

истовством, что это не поддается описанию. Поистине вся эта зараза за-топила Пешт³⁴⁵. Именно там меч Божеского возмездия более всего обогрился кровью христиан. Так что когда туда вступили татары, что еще оставалось несчастному народу, как не сложить руки, стать на колени, подставить шею мечу. Но жестокое варварство не насытилось морем пролитой крови; страсть к убийству не иссякла. Во время резни стоял такой треск, будто множество топоров валило на землю мощные дубовые леса. К небу возносился стон и вопль рыдающих женщин, крики детей, которые все время видели своими глазами, как беспощадно распространяется смерть. Тогда не было времени ни для проведения похоронных церемоний, ни для оплакивания смерти близких, ни для совершения погребальных обрядов. Грозившее всем уничтожение заставляло каждого горестно оплакивать не других, а собственную кончину. Ведь смертоносный меч разил мужей, жен, стариков и детей. Кто смог бы описать этот печальнейший из дней? Кто в состоянии пересчитать стольких погибших? Ведь в течение одного дня на небольшом клочке земли свирепая смерть поглотила больше ста тысяч человек. О, сколь же жестоки сердца поганого народа, который без всякого чувства сострадания наблюдал за тем, как воды Дуная обогрились человеческой кровью.

После того как их жестокость, казалось, насытилась совершенными убийствами, они, вышедши из селения, подождли его со всех сторон, и тотчас на виду у врагов его поглотило ненасытное пламя. Одна часть несчастного народа с женами и детьми бежала в обитель проповедников, полагая, что величайшая опасность не достигнет укрывшихся за толщей стен. Но стена обители нисколько не защитила тех, кому было отказано в Божеской помощи. И в самом деле, когда подошли татары и всей мощью навалились на обитель, всех ожидала гибель, и в огне устроенного ими пожара самым ужасным образом было уничтожено почти десять тысяч человек вместе с обителью и всем добром. Свидетельством такой великой и страшной резни является множество непогребенных костей, которые, собранные в большие кучи, представляют для видевших их чудовищное зрелище.

Тем временем татарские полчища, опустошив всю Трансильванию и выгнав венгров из задунайских земель, расположились в тех местах, собираясь остаться там на все лето и зиму. А чтобы устроить тех, кто обитал на другой стороне Дуная, они сложили на берегу реки многие кучи из несметного количества собранных тел. А некоторые из них, насадив на копья детей, как рыб на вертел, носили их по берегам реки. Они уже не знали ни счета, ни меры захваченной добычи. Кто сосчитал бы бесконечное множество коней и других животных, или богатств и сокровищ или несметную военную добычу, которой радовались разжившиеся ею

враги? Сколько же было пленников, мужчин и женщин, юношей и девушек, которых они держали под строгой охраной, принуждая к разным рабским повинностям?

Тогда из-за столь тяжелого несчастья, свалившегося на христиан, один монах был охвачен безмерной скорбью, дивясь и томясь горячим желанием постичь причину того, почему всемогущий Бог позволил мечу язычников разорить венгерскую землю, когда там и вера католическая процветала и церковь пребывала в силе и благоденствии; и как-то ночью ему было видение и он услышал голос : «Не удивляйся, брат, и приговор Божий пусть не кажется тебе несправедливым, потому что, хотя милосердие Божее и выдержало многие преступления этого народа, но Бог никак не смог стерпеть нечестивого распутства трех епископов». Но о ком именно это было сказано, мне достоверно не известно³⁴⁶.

В это время прибыл со всей своей семьей и задержался у Загреба вернувшийся из Австрии король Бела³⁴⁷. И вокруг него собрались все те, кто смог избежать татарского меча, и они оставались там все лето в ожидании исхода событий.

XXXVII.

О СВОЙСТВАХ ТАТАР

Теперь я немного расскажу о свойствах и облике этого народа по тому, как я смог узнать об этом от тех, кто с особым вниманием исследовал этот предмет.

Их страна расположена в той части света, где восток соединяется с севером³⁴⁸, и упомянутые племена на своем родном языке называют себя монголами³⁴⁹. Доносят, однако, что расположена она по соседству с далекой Индией и король их зовется Цецаркан³⁵⁰. Когда он вел войну с одним соседним королем, который обесчестил и убил его сестру, то победил его и уничтожил; а его сына, бежавшего к другому королю, стал преследовать и, сразившись с ним, уничтожил его вместе с тем, который готовил ему убежище и помощь в своем королевстве. Он вторгся с оружием и в третье королевство и после многих сражений возвратился с победой домой³⁵¹. Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, он стал крайне чванливым и высокомерным. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которые могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему миру великую силу своей власти, доверяясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух сво-

их сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира. И, таким образом, они выступили и почти за тридцать лет прошли по всем восточным и северным странам, пока не дошли до земли рутенов и не спустились, наконец, к Венгрии.

Название же татары не является собственным именем народа, но они зовутся так по названию какой-то реки, которая протекает в их краях; или же, как считают некоторые, «тартар» означает «множество». Но хотя и было их огромное множество, однако в упомянутом сражении, как говорят, у венгров войск было больше. Но нет в мире народа, который был бы так искусен в военном деле, который бы так же мог побеждать врагов будь то стойкостью или военной хитростью, особенно в сражениях на открытой местности. Кроме того, они не связаны ни христианским, ни иудейским, ни сарацинским законом, а потому им не ведома справедливость и не соблюдают они верности клятве. Вопреки обычаю всех народов они не принимают и не посылают посольств ни в отношении войны, ни в отношении мира. Внешним видом они вызывают ужас, у них короткие ноги, но широкая грудь, лица у них круглые, белокожие и безбородые, с изогнутыми ноздрями и узкими, широко поставленными глазами. Доспехи их представляют собой некое одеяние из кусков воловьих кож, составленных наподобие металлических пластинок, однако они непробиваемы и очень надежны. Шлемы у них и железные и кожаные, мечи — серповидные, а колчаны и луки прикреплены по-военному к поясу. Их стрелы длиннее наших на четыре пальца, с железными, костяными и роговыми сильно заостренными наконечниками. Основание стрел настолько узкое, что едва ли подходит к тетиве наших луков. Знамена у них небольшие с полосами черного и белого цвета с шерстяным помпоном наверху. Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков как дикие козы. А после трехдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы.

Равным образом и люди почти не заботятся о запасах еды, кормяся исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью. У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из них немного страшится и не бросается в исступлении навстречу гибели, они немедленно отрубают ему голову. Сами татары неохотно подвергают свою жизнь опасности, но если кого-либо из них на-

стигнет смерть в бою, они тут же хватают его и, перенеся в укромное место, зарывают в землю, заравнивая могильный холм и утрамбовывая это место копытами лошадей, чтобы не было заметно следов погребения. Почти ни одна из быстрых рек не является для них препятствием, через которое они не могли бы переправиться верхом на лошадях. Но если они натываются на какую-либо непреодолимую водную преграду, они сразу же сплетают из прутьев корзины наподобие лембов³⁵²; покрыв их сырыми кожами животных и нагрузив их снаряжением, они садятся в них и переправляются безбоязненно. Они пользуются войлочными и сделанными из кожи палатками. Лошади у них настолько хорошо приручены, что сколько бы их у одного человека ни было, все они бегут за ним, как собаки. И как много ни собралось бы людей, они, как немые, не проронят почти не звука, но и ходят молча и молча сражаются³⁵³.

Итак, после краткого рассказа об этом вернемся к основной теме. Когда в конце концов над венгерским народом была одержана победа и слух о величайшем несчастье быстро разнесся повсюду, почти весь мир содрогнулся, и все провинции охватил такой страх, что, казалось, ни одна из них не сможет избежать нечестивых рук. Говорят, сам римский император Фридрих³⁵⁴ думал не о сопротивлении, а о том, как бы ему укрыться. Тогда многие ученые люди, изучавшие древние писания, заключали, главным образом из слов Мефодия мученика, что это и есть те народы, которые должны явиться перед пришествием Антихриста³⁵⁵. Тогда начали укреплять города и замки, волнуясь, что они хотят пройти до Рима, опустошая все на своем пути.

А король Бела, опасаясь, как бы татары, перейдя Дунай, полностью не разорили остальную часть королевства, послал в город Альбу взять мощи блаженного короля Стефана³⁵⁶, а также многие церковные ценности, и переправил все это со своей женой — госпожой Марией и маленьким сыном Стефаном, тогда еще двухлетним младенцем³⁵⁷, в приморские края, прося и наказывая сплитчанам взять все это на хранение, а королеву с сыном принять под свою верную защиту. Но госпожа королева по прибытии, поддавшись на уговоры некоторых соперников сплитчан, не пожелала посещать Сплит, а забрала все королевские сокровища и разместила в крепости Клис. Вместе с ней пришли также многие знатные дамы, у которых татары убили их мужей. Подеста же Гарган и сплитские нобили не раз приходили к госпоже и настоятельно просили ее, смилив свой гнев, удостоить город своим пребыванием, но королева отказалась. И все же, оказывая ей многочисленные почести, они часто являлись к ее двору с дарами и приношениями.

Тем временем король Коломан из мира сего блаженно переселился к Господу. Был он человеком, более склонным к благочестию и религиоз-

ности, чем к управлению государственными делами. Похоронили его в обители братьев-проповедников у Чазмы³⁵⁸ в укромном мавзолее, поскольку татары — этот нечестивейший народ — злодейскими руками оскверняли могилы христиан, прежде всего наиболее знатных, и раскидывали их кости.

XXXVIII.

О БЕГСТВЕ ВЕНГРОВ

По прошествии января³⁵⁹ зимняя стужа лютовала более обыкновенного, и все русла рек, покрывшись от холода льдом, открыли прямой путь врагам. Тогда кровожадный вождь Кайдан с частью войска выступил в погоню за королем. А наступал он огромными полчищами, сметая все на своем пути. Так, спалив вначале Будалию³⁶⁰, он подошел к Эстергому и начал всеми силами атаковать это селение и, захватив его без особого труда, поджег и всех находившихся в нем истребил мечом; добычи же ему досталось немного, так как венгры все свое имущество свезли в горное укрепление. Пройдя оттуда напрямик к городу Альбе, он сразу же сжег дотла все жилые дома предместья; осаждая город в течение нескольких дней, он постоянно штурмовал его, чтобы завладеть им, но так как место это было достаточно защищено множеством разлитых вокруг болот и обороняли его отборные отряды латинян с помощью установленных со всех сторон машин, то нечестивый предводитель, обманутый в своих надеждах, после тщетных попыток отступил. Он спешил настичь короля, поэтому на своем пути он не мог производить значительных опустошений, и, как от летнего града, пострадали только те места, через которые они прошли.

Но прежде чем они переправились через воды реки Дравы, король, предчувствуя их появление, со всей своей свитой спустился к морю, покинув стоянки в загребских землях. Тогда разные люди в поисках отдаленных убежищ рассеялись по всем приморским городам, которые казались им наиболее надежными укрытиями. Король же и весь цвет оставшейся части венгров прибыли в сплитские земли. В королевской свите состояли многие церковные прелаты, многочисленные вельможи и бароны, а количество прочего простого народа обоего пола и всякого возраста почти не поддавалось исчислению. Когда господин король приблизился к воротам города, весь клир и народ, выйдя процессией, приняли его с должным почетом и покорностью, предоставив ему столько места для размещения внутри стен, сколько он пожелал. С ним пришли сле-

дующие магнаты: епископ Загребский Стефан и другой Стефан — Вацкий³⁶¹, поставленный архиепископом Эстергомским; Бенедикт, препозит³⁶² альбский, канцлер королевского двора, избранный на калочскую кафедру; Варфоломей, епископ Пяти церквей³⁶³, и некоторые другие епископы. Кроме того, прибыли: Хутрин, препозит чазменский, препозит Ахилл, препозит Винценций, препозит Фома и такое множество других прелатов, что перечислять их мы полагаем излишним. Были также следующие первые лица курии: бан Дионисий, комит курии Владислав, магистр-казначей Матвей, магистр-конюший Орланд, Димитрий, Маврикий и много других знатных мужей, все со своими семьями и домочадцами. А подеста Гарган, выказывая преданность и старательность в удовлетворении королевских желаний, ревностно пекся о том, чтобы и граждане обнаруживали готовность в исполнении королевских распоряжений и чтобы королевская милость согрела всех граждан благосклонным вниманием и расположением.

Сплитчане сделали все, чтобы угодить королю, за исключением лишь того, что не смогли подготовить для него одну галею так быстро, как настоятельно требовал король, убегая от ярости татар. Королевское сердце перенесло это обстоятельство недостаточно спокойно. Король не пожелал оставаться в Сплите, но, отбыв с женой и со всеми своими сокровищами, задержался в Трогире³⁶⁴, полагая, что там, благодаря близости островов, он получит более надежную защиту от натиска врагов. И со всем своим двором он нашел пристанище на близлежащем острове.

XXXIX.

О ЖЕСТОКОСТИ ТАТАР

А нечестивый предводитель, не желая ничего оставлять в целости, увлекаемый впавшим в безумие войском, кинулся вслед за королем. Желая лишь только королевской крови, он со всей яростью стремился уничтожить короля. Но он смог истребить немногих славян, поскольку люди прятались в горах и лесах. Он продвигался вперед, словно шел не по земле, а летел по воздуху, преодолевая непроходимые места и самые крутые горы, где никогда не проходило войско. Ведь он нетерпеливо спешил вперед, полагая настичь короля прежде, чем тот спустится к морю. Но после того как он узнал, что король уже находится в безопасности, в приморских краях, то замедлил шаг. И когда все войско подошло к воде, называемой Сирбий³⁶⁵, он сделал здесь короткую остановку. И тут жестокий истязатель приказал собрать вместе всех пленных, которых он при-

вел из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо овец, он, послав палачей, повелел всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания и, казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы. И чтобы кому-нибудь не показалось, что эта лютая резня была совершена из жадности к добыче, они не сняли с них одежд, и все полчище смертоносного народа, разместившись в палатках, стало в соседстве с убитыми в бурном веселье пировать, водить хороводы и с громким хохотом резвиться, будто они совершили какое-то благое дело.

Снявшись отсюда, они возобновили поход по хорватским землям. И хотя они уже были рядом, сплитчанам все еще казалось это невероятным. Но когда одна их часть сошла с горы, тут-то некоторые из них внезапно появились под стенами города. Сплитчане же, поначалу не признав их и полагая, что это — хорваты, не пожелали с оружием в руках выступить против них. А венгры при виде их знамен оцепенели, и их охватил такой страх, что все они бросились к церкви и с великим трепетом приняли святое причастие, не надеясь больше увидеть света этой жизни. Некоторые плакали, кидаясь в объятия жен и детей и, в горести раздирая грудь, со страшными рыданиями восклицали: «О мы несчастные, что толку было так терзать себя бегством, зачем преодолевать такие пространства, если мы не смогли избежать меча преследователей, если здесь нас ждала гибель?» Тогда бежавшие под защиту городских стен создали у всех ворот города сильную давку. Они бросали лошадей, скот, одежду и домашнюю утварь; не дожидаясь даже своих детей, гонимые страхом смерти, они бежали в более безопасные места. Сплитчане же оказывали им гостеприимство, проявляя к ним большое расположение и чело-веклюбие и, как могли, облегчали их участь. Но бежавших было так много, что их не вмещали дома и они оставались на улицах и дорогах. Даже благородные матроны лежали у церковных оград под открытым небом. Одни прятались под мрачными сводами, другие — в освобожденных от мусора проходах и гротах, третьи устраивались где только было возможно, даже в палатках.

Татары же, разя мечом всех, кого могли найти в открытом поле, не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни немощных; они находили удовольствие в том, чтобы с варварской жестокостью лишить жизни даже съедаемых проказю. Однажды один их отряд, подойдя к стенам и осмотрев с разных сторон весь город, в тот же день удалился. Сплитчане стали готовить машины и устанавливать их в нужных местах. И вот спустя несколько дней пришел Кайдан с небольшой частью своего войска,

так как для всей конницы не было в достаточном количестве травы — ведь было начало марта, когда свирепствовали сильные холода. Татары, полагая, что король расположился в крепости Клис, начали со всех сторон штурмовать ее, пуская стрелы и меча копыя. Но поскольку это место было укреплено природой, они не смогли причинить значительного ущерба. Тогда татары, спешившись, стали ползком с помощью рук карабкаться наверх. Люди же, находившиеся в крепости, сталкивая на них огромные камни, нескольких из них убили. Еще более рассвирепев из-за этой неудачи, они, ведя рукопашный бой, подступили вплотную к высоким скалам, грабя дома и унося немалую добычу. Но когда они узнали, что короля там нет, то перестали осаждать крепость и, оседлав коней, поскакали к Трогиру. К Сплиту же свернули немногие из них.

И тогда граждане, находясь в замешательстве не столько от собственного страха, сколько от вида охваченных паническим ужасом венгров, задумали оставить город и со всем добром и домочадцами уйти под защиту островов. Они стали распускать пустые слухи, сочиняя разные напрасные сплетни. Одни говорили, что татары делают огромные машины и множество военных орудий, с помощью которых они попытаются разрушить города. Другие утверждали, что они насыпают кучи земли и камней с горы величиной и, оказываясь таким образом выше городов, легко ими завладевают.

Однако отряды татар вместе с нечестивым предводителем расположились на трогирском берегу. Король, видя, что войско татар спустилось напротив его убежища, и полагая, что ему будет небезопасно оставаться на близлежащих островах, переправил государыню со своим потомством и со всеми сокровищами на нанятые им корабли, сам же, сев на одно судно, поплыл на веслах, осматривая вражеские порядки и выжидая исхода событий. А предводитель Кайдан, исследуя все окрестности этого места, выяснял, не может ли он подойти к стенам города на конях. Но когда он узнал, что водное пространство, которое отделяет город от материка, непреодолимо из-за глубокого слоя ила, ушел оттуда и, вернувшись к своим, послал к городу гонца, сказав ему, какие слова он должен произнести. Подойдя к мосту, тот громко закричал по-славянски: «Говорит вам это господин Кайдан, начальник непобедимого войска. Не принимайте у себя виновного в чужой крови, но выдайте врагов в наши руки, чтобы не оказаться случайно подвергнутыми наказанию и не погибнуть понапрасну». Но стражи городских стен не отважились дать ответ на эти слова, поскольку король наказал, чтобы они не откликались ни единым словом. Тогда все их полчище, поднявшись, ушло оттуда той же дорогой, какой и пришло. Оставаясь почти весь март в пределах Хорватии и Далмации, татары вот так пять или шесть раз спускались к городам, а затем возвращались в свой лагерь.

А покинув земли Хорватии, они прошли по дукату Боснийской провинции. Уйдя оттуда, они прошли через королевство Сербия, которое зовется Рашкой, и подступили к приморским городам Верхней Далмации. Миновав Рагузу, которой они смогли причинить лишь незначительный ущерб, они подошли к городу Котору и, предав его огню, проследовали дальше. Дойдя до городов Свач и Дривост³⁶⁶, они разорили их мечом, не оставив в них ни одного мочащегося к стене³⁶⁷. Пройдя затем еще раз через всю Сербию, они пришли в Болгарию, потому что там оба предводителя; Бат и Кайдан, условились провести смотр своим военным отрядам. Итак, сойдясь там, они возвестили о заседании курии. И, сделав вид, что они выказывают расположение пленным, приказали объявить устами глашатая по всему войску, что всякий, кто следовал за ними, доброволец или пленный, который пожелал бы вернуться на родину, должен знать, что по милости вождей он имеет на то полное право. Тогда огромное множество венгров, славян и других народов, преисполненные великой радостью, в назначенный день покинули войско. И когда все они двух- или трехтысячной толпой выступили в путь, тотчас высланные боевые отряды всадников набросились на них и, изрубив всех мечами, уложили на этой самой равнине.

А король Бела, после того как определенно узнал от высланных лазутчиков, что нечестивый народ уже покинул королевство, немедленно отправился в Венгрию. Королева же с королевским сыном осталась в крепости Клис и пребывала там до сентября. А две ее дочери — девушки-девицы³⁶⁸ умерли, и они с почестями были похоронены в церкви блаженного Домния.

И хотя все Венгерское королевство было истощено ненасытным мечом варварского неистовства, последовавший сразу же губительный голод довел в конце концов несчастный народ до полного истощения. Ведь из-за угрозы татарского безумия несчастные крестьяне не могли ни засеять поля, ни подобрать плодов прежнего урожая. Так что при отсутствии съестных припасов несчастные люди падали, сраженные мечом голода. По полям и дорогам лежали бесчисленные трупы людей, и полагают, что жестокое бедствие голода принесло венгерскому народу не меньшее опустошение, чем губительная свирепость татар. А после этого словно из дьявольского логова появилось множество бешеных волков, только и жаждавших человеческой крови. Уже не тайком, а в открытую они забегали в дома и вырывали младенцев у матерей; но не только младенцев, а даже и вооруженных мужчин они раздирали своими страшными зубами, нападая на них стаями.

И так все Венгерское королевство, беспрестанно мучимое в течение трех лет тремя названными бедами — оружием, голодом, зверьми, по приговору Божьего суда сурово поплатилось за свои грехи.

XL. О СМЕРТИ ГУНЦЕЛА

Пока происходили эти события и королева все еще пребывала в крепости Клис, покинул этот свет архиепископ Гунцел, обремененный годами старик, который возглавлял Сплитскую церковь двадцать два года³⁶⁹. В свое время он посвятил следующих епископов, суффраганов этой церкви: Николая Скрадинского³⁷⁰, а после его смерти посвятил занявшего это место другого епископа по имени Варфоломей. Оба были из города Сплита. На Хварское епископство он посвятил Николая, который был сплитским каноником³⁷¹. На Сеньское епископство он посвятил Борислава, а после его смерти заменил его Иоанном. В Нинской церкви он посвятил Самсона. Все трое были венграми по происхождению. В Крбаве он возвел в епископы одного юношу по имени Сарацин, который был из родни князя Домальда.

В те дни капитулом и клиром Сплитской церкви совместно обсуждался вопрос об избрании понтифика. Тогда из-за дерзости мирян, но прежде всего вследствие усилий Гаргана, правда умеренных и осторожных, в сплитские архиепископы был избран домогавшийся этого господин Стефан, загребский епископ, который в то время находился в Сплите. Этот самый епископ был очень богат золотом и серебром, в изобилии имел разные драгоценные вещи. При мирском блеске он, щедрый и учтивый, был со всеми радушен и приветлив, поскольку всеми силами стремился завоевать расположение и получить громкую известность в народе. Возвратившись в Загреб, он послал к римскому престолу, добиваясь одобрения своего поставления. Однако в то время после смерти доброй памяти папы Григория между кардиналами произошел такой раздор, что замещение верховного понтифика тянулось почти два года³⁷². А потому вопрос об избрании этого самого епископа в течение всего этого времени оставался нерешенным.

XLI. О ВОЗМУЩЕНИИ ИЗ-ЗА МОНАСТЫРЯ СВ. СТЕФАНА

Между тем Гарган по истечении трех лет своего правления возвратился домой³⁷³. Сплитчане же поставили подестой одного юношу по имени Иоанн из дома князей вегленских³⁷⁴. Он, как умел, управлял рес-

публикой, следуя по стопам Гаргана. Но его, по возрасту переменчивого, легко было склонить к невежественным поступкам.

Поскольку в это время монастырь св. Стефана был без настоятеля, архидиакон Фома и капитул были приглашены прийти туда и вместе с братьями этой обители позаботиться об избрании аббата. С этой целью архидиакон вместе со всем капитулом отправился в монастырь и с большим рвением и должным вниманием повели разговор о выборах аббата. Монахи, уединившись в особом помещении и какое-то время посоветовавшись между собой, сошлись на одном своем собрате по имени Леонард, единодушно избрав его в аббаты, и, представив его архидиакону и капитулу, просили, чтобы они вместо архиепископа утвердили его. Видя, что они все провели надлежащим образом, архидиакон с капитулом, посоветовавшись, утвердили проведенное избрание.

Но как только в городе прослышали об этом, все от мала до велика бросились к подесте с криками: «Помоги, господин подеста, ведь архидиакон вместе с некоторыми клириками на ваш позор и в ущерб всему городу осмелился назначить аббата». И вот сбежались все, оглашая воздух сумбурными криками. Иные, не зная причины возмущения, просто следовали за подестой. Но те, кто преследовал архидиакона злобной ненавистью, радовались, что представился случай навредить ему. Все суетились, будто объявилась свирепая банда разбойников. Вооружались не мечами и копьями, а жестокой ненавистью и лживыми речами. Их не удерживал страх перед сражением, так как они знали, что их ждет безоружный неприятель.

Мирные каноники оставались в монастыре, поскольку, не зная за собой ничего дурного, они не подозревали никакого злого умысла. Но вот разъяренный юноша с неистовой толпой силой врывается в ворота монастыря. Тут были мальчики, старики и юноши, охваченные безумным порывом, сотрясающие воздух громкими криками, с дрожащими губами, с полыхающим в душе пламенем гнева и ярости. Отпустив поводья своего безумия, они бросаются на каноников, осыпая одних руганью, других — ударами. Особенно сильно ухватившись нечестивыми руками за архидиакона, они раздирают в клочья всю его тунику. Ворвавшись затем в келью монахов, они грабили их пожитки, били утварь, выискивая, как бы им поймать упомянутого Леонарда, чтобы избить, а, возможно, и убить его. Были все же некоторые граждане, которым не нравилось столь преступное безрассудство, которые сердцем и душой проклинали неразумные поступки. Но так как глупцов бывает бесчисленное множество, необходимо было уступить толпе и закрыть глаза на ее безобразия.

Возвратившись, наконец, из монастыря и торжествуя, словно после победы над врагами, они собрались в городском дворце, и, открывая со-

брание, мудрый подеста стал кичиться в своей речи, говоря: «Мужи опытные, сегодня исполнено весьма славное дело, которое, без сомнения, послужит благу города и возвышению вашей чести». Но так как при мальчике-правителе город и управлялся по-мальчишески, то не было никого, кто бы скорбел о поправном правосудии, кто бы в защиту дома Израиля дал отпор поднявшимся против него. Какой стыд, даже сами клирики, сляясь оправдать из ненависти к архидакону такое преступление, лукавыми речами поощряли стремление сумасбродных граждан.

Потом разыскиваемый по всевозможным укромным местам Леонард был, наконец, обнаружен, и так как огонь безумия уже несколько поутих, они не слишком распускали руки, а притащили его во дворец и, направив против него копыя угроз, силой вынудили отречься. Капитул же, лишенный пастырской защиты, стерпел позор своего бесчестья и потому, что следовал осторожному правилу — смягчать суровость, когда толпа выходит из себя, и потому что они видели — настало такое время, когда людская испорченность при суровом наставлении не исправляется, а усугубляется. Поэтому осудив и отлучив от церкви всего нескольких лиц — зачинщиков совершенного преступления, они позволили мирянам подыскать аббата по своему усмотрению.

Тогда они направили в Апулию одного мирянина вместе с монахами, наказав им поискать по монастырям этой земли, кого они могли бы поставить аббатом. Что и было сделано. И они привели одного [монаха] из монастыря Кавы³⁷⁵ по имени Бизонций. Так как он ничего не знал о допущенном злодеянии, и, казалось, пришел с чистой совестью, то был избран аббатом монастыря.

Но не спит и не дремлет тот, кто стережет Израиль. Ведь не проходят безнаказанными нечестивые деяния против закона Божьего. И потому, когда миряне радовались, что они вышли как бы победителями и добились вопреки церкви исполнения своего желания, будто чудо произошло, свершилось Божеское возмездие. Действительно, в тот самый день и час, когда упомянутый аббат, сойдя с корабля, вступил в монастырь, каштелян³⁷⁵, который командовал замком Клис, спустившись со своими к Салоне, пронзил стрелами двух знатных сплитских юношей и утопил их в реке. Это преступление стало источником тяжелейших столкновений между венграми и сплитчанами, и началась мучительная война, в ходе которой город был тяжело наказан людскими и материальными потерями.

И вот однажды венгры в союзе с хорватами из Книнской крепости спустились в боевом строю и, пройдя без всякого шума, быстро продвинулись почти к самым стенам, намереваясь совершить разбойное нападение. Сплитчане же, поднятые по неожиданной и внезапной тревоге, бросились к оружию, чтобы вступить с ними в бой. Сомкнутый строй венг-

ров и хорватов расположился на некотором расстоянии, а подеста оставался в раздумье напротив, ожидая, когда же подоспеет из города побольше вооруженных воинов. Но один из воинов подесты, который стоял вторым от него, человек большей, чем приличествовало, горячности и смелости, не вытерпев длительной задержки боя и пустив во весь опор коня, направил оружие на врагов. Конечно, он надеялся на удачный для себя исход, так как неоднократно одерживал над ними победу. Вслед за ним устремились и другие, кто горел нестерпимым желанием отомстить за преступления против города. А подеста с остальными, не желавшими в сомнительных делах испытывать игру судьбы, держался вдалеке. Столкнувшись тогда с боевыми порядками врагов, те начали мужественно биться. Но так как они не имели поддержки от своих, то меньшинство легко было побеждено большинством. Ведь те, кого Божье возмездие определило к наказанию, не могли одинаково проявлять смелость и испытывать страх. Так как они оказались разделены душой и телом, то на отважных обрушился меч, а робкие из-за их позорного малодушия были ввергнуты в презрение. Упомянутый воин пал, пронзенный мечами, и вместе с ним знатный муж Феодосий — первый среди лучших граждан, кто был повержен вражеским оружием и с чьей смертью весь город впал в уныние. При том, что были и еще убитые, несчастный день принес нам слишком много горестей и печали. Но на том злосчастная схватка не закончилась, и после этого, пережив много потерь и обид, мы пребывали в горести, и лишь с трудом пламя этой ссоры было в конце концов укрощено и погашено.

По окончании года своего правления подеста Иоанн ушел, и его сменил Бернард из Тергеста, человек пожилой, но суровый и беспокойный от привычки воевать³⁷⁷. Был он храбрым и жадным до славы, решительным в военном деле, неповоротливым в делах гражданского управления.

XLII.

О ВТОРОМ ВЗЯТИИ ЗАДАРА³⁷⁸

В то время задарские граждане, воодушевленные успехами, стали спесивыми и, презрев бывшее, когда они процветали при наилучшем состоянии дел, пожелали изведать новое и сомнительное. Восстав против венецианского владычества, они вознамерились выйти из-под его бремени. Выделяясь силой и богатством среди жителей своей провинции на море и на суше, они начали пресыщаться барышами от морского дела и из тщеславия решили изведать воинской славы. Они радовались, что среди возведенных поселений и укреплений летает их военная конница.

А потому, разорвав старинный договор о верховной власти, презрев святость клятвы, они показали себя открытыми врагами венецианцев³⁷⁹.

Но венецианцы, как люди осмотрительные и хитроумные, поначалу не отвечая на противозаконные действия и спокойно перенося потери, прежде всего высвободили всех пленных и возвратили деньги, которые были у них в Задаре. Затем они постепенно подготовили мощное и большое морское войско и, сделав много машин и изготовив многочисленное военное снаряжение, незадолго до праздника блаженного Петра с большим флотом во множестве пристали в Задаре³⁸⁰. После обстрела его со всех сторон из машин и баллист, они повели с ними непрерывное ожесточенное сражение. Граждане Задара также выставили машины против машин венецианцев, были у них и многочисленные штурмовые отряды славян и венгров, с помощью которых они, насколько могли, сопротивлялись вражеской свирепости. А дней через восемь – десять случилось так, что стрелой был легко ранен бан Дионисий, которого король направил в помощь задарцам в качестве командира и предводителя воинских сил. Напуганный ранением, он приказал воинам вынести себя из города. Когда это увидели задарцы, их охватил страх, и они помрачались умом, и, полагая, что бан мертв, они потеряли надежду на возможность сопротивляться натиску венецианцев без помощи венгров³⁸¹. А потому, оставив тотчас поле боя, они обратились в бегство и, захватив из домов, что могли, кинулись к воротам и, проломив двери, вышли наружу. Но так как из-за множества бегущих возникла сильная давка, некоторые стали карабкаться на стену и, привязав к креплениям веревки, один за другим спускались с [другой стороны] стены и уходили. Венецианцы же при виде обратившихся в бегство врагов немедленно при полном снаряжении высадились с кораблей, и, осторожно продвигаясь вперед и без кровопролития позволив всем уйти, они таким образом овладели всем городом почти без всяких потерь с той и другой стороны³⁸².

Кратко коснувшись этого, вернемся к основной теме.

XLIII.

О ВОЙНЕ, КОТОРАЯ РАЗРАЗИЛАСЬ МЕЖДУ СПЛИТЧАНАМИ И ТРОГИРЯНАМИ³⁸³

Тем временем между сплитчанами и трогирянами разразилась война из-за того, что трогиряне, основываясь на одной привилегии, которую король Бела, будучи в Трогире, выдал им на некоторые королевские земли, пожелали прибрать к рукам некоторые патримониальные владения сплитчан, которые

были включены в границы, устанавливаемые этой самой привилегией³⁸⁴. Так что подеста Бернард, снарядив суда, вышел из Сплита и захватил пятьдесят трогирян, которых, привезя в Сплит, препроводил в тюрьму.

В те дни появился один монах из ордена миноритов по имени Гирард, родом из Модены, человек весьма известный и почитаемый за великую святость, через которого Бог, как говорили, уже явил многие чудеса³⁸⁵. Видя, что между этими городами разгорается жестокая вражда, он глубоко опечалился. И, беспокоясь, как бы разгорающийся по дьявольскому наущению пожар междоусобной и преступной войны случайно не привел к кровопролитию между родными и соседями, принялся взывать к враждующим сторонам, на разные лады уговаривая их прийти к согласию. И вышло так, что из уважения к святому мужу оба города легко склонились к миру. Так что трогириане, отказавшись от того имущества сплитчан, на которое они претендовали на основании привилегии, получили своих пленных³⁸⁶.

Но прежде чем пленные были освобождены, сплитчане начали высказывать недовольство, досадуя в частых пересудах, что примирение такого рода привело к умалению достоинства и прав города. Когда об этом услышал Гирард, он весьма раздосадовался, но не переставал заклинять и увещевать, склоняя их сердца к любви и говоря, что та сторона, через которую будет нарушена благодать, не выиграет, а проиграет. Но так как договор, скрепленный святостью клятвы, торжественно вступил в силу, все пленные были освобождены, и буря раздора немного утихла.

Однако народная глупость не успокоилась, и старейшинам из-за заключения мира даже старались навредить, насмешками и бранью преследовали монахов. А когда вышеназванный святой муж удалился, через короткое время «снова открылся рубец плохо излеченной раны». Дело в том, что из-за некоторых незначительных, случайных поводов для обиды стала снова вскипать ненависть, скрытая в лицемерных сердцах. Такова уж обычная природа смертельной ненависти: если она не будет раздавлена собственной тяжестью, если не истощат ее потери и печали, она не будет знать покоя и, словно море, возбужденное бурными волнами, не стихнет, пока как бы силой не усмирится ниспосланным сверху дождем. Но сплитчане, умножая грехи, своим следующим преступлением немало усугубили тяжесть своего положения.

XLIV.

О БУНТЕ МИРЯН ВО ВРЕМЯ ВЫБОРОВ

Именно в это время вышеназванный загребский епископ, направив послание римскому престолу, всеми силами стремился добиться удовле-

творения своей просьбы — согласия в отношении своего требования на определенных условиях, которые не захотел принять во внимание господин Иннокентий, недавно возвысившийся до вершины апостольского престола³⁸⁷. Поэтому названный епископ известил Сплит об отказе от своего требования, предоставляя свободу избрания другого лица.

А через несколько дней в епископском дворце собрались вместе капитул и клир города, и на открывшееся высокое собрание были приглашены братья обоих орденов — миноритов и проповедников, и началось обычное обсуждение вопроса об избрании понтифика. Присутствовали и пришедшие самовольно подеста с народом: ведь они боялись, что без их участия не примут сколько-нибудь разумного решения.

Итак, сначала было объявлено слово Божие, и монахи стали заклинать и призывать, чтобы каноническое избрание проходило без волнения и смятения — по-божески и по форме вселенского собора. Перед всеми была вынесена книга [канонов] и было прочитано то, что относится к правилам, соблюдаемым при избрании. Но скудоумным не нравится то, что угодно Богу; называя зло добром, а добро — злом, считая мрак светом и полагая свет мраком, они подозревают, что в узаконенном нет ничего разумного и правильного. Ставя свои пагубные и смутные желания превыше установлений святых, направляя против мудрых и добрых дерзкие речи, они говорили, что нужно отвергнуть написанное и следовать одной лишь воле. И так как возникло немалое замешательство, Продан — первый среди пресвитеров, поднявшись, обратился к собранию с ласковыми словами, призывая всех, испросив помощь Святого Духа, сойтись на том, чтобы, не поддаваясь борьбе различных желаний, но следуя указаниям священных канонов, единодушно и согласно, законно и канонически провести избрание. И пропев торжественно и благоговейно гимн, все согласились, чтобы избрание было проведено канонически. Тогда были выбраны трое заслуживающих доверия старших членов капитула, которым после произнесения ими клятвы было поручено, разузнав решение каждого в отдельности, записать его и после того объявить на общем собрании. Что и было сделано. Эти трое, войдя в комнату, звали по одному каноников, которых было двадцать и которых после клятвы перед святым евангелием они просили, оставив те чувства, что часто мешают человеческой душе говорить правду, без пристрастия и ненависти, без зависти и соображений сиюминутной выгоды сказать, кого они считают наиболее достойным должности архиепископа и выбрать названного ими. Когда это было сделано, трое присяжных вышли из комнаты, взяв записи опроса. И когда им было велено огласить публично то, что было сказано тайно каждым в отдельности, они, открыв записи, прочли их во всеуслышание, и оказалось, что все едино-

гласно и единодушно избрали архидиакона Фому, за исключением четверых, из которых один вместе с тем же архидиаконом назвал трогирского епископа, трое остальных не пожелали избирать никого. Снова собравшись после этого и посоветовавшись, все шестнадцать сошлись на том же архидиаконе. Однако сам архидиакон, удивленный, что вопреки его собственному мнению он был настолько оценен братьями, что они посчитали его достойным столь высокого положения, поблагодарил их, но поскольку он не имел намерения принимать этот сан, он сказал, что в настоящее время он не может ни согласиться, ни отвергнуть избрание.

Тогда некоторые миряне, обезумевшие от приступа зависти и ненависти, услышав это, впали в сильную ярость и, придя к подесте и разжигая его насмешками, стали подстрекать его, говоря, что если это случится, то весь город, взбунтовавшись, окажется перед большой опасностью. И подеста, созвав толпу народа, издал указ, что если клир не откажется от своего намерения или архидиакон будет настаивать на избрании, никто не посмеет заключать с ними сделки по купле-продаже и водить с ними дружбу и приятельство. Но архидиакон, по природе кроткий и тихий, был мало склонен из честолюбия стремиться к почестям; он печалился не из-за тяжести собственных страданий, так как не считал себя избранным, но скорбел об испорченности тех, кто, разлагаясь от яда зависти, стремился противозаконными действиями запятнать красоту матери церкви. Они ходили по улицам и площадям, пылая огнем ярости, обращаясь к клирикам не иначе как с бранью, направляя на них стрелы своих угроз, осыпая руганью миноритов и проповедников. Одни делали вид, что действуют на законном основании, утверждая, что избрание потому не может оставаться в силе, что оно проводилось только представителями клириков без участия мирян. Другие же, отбросив стыд, прямо говорили, что не могут сдерживать яда злобы, который так сильно разъедает их сердца. И хотя они не имели повода для упрека, но, явившись к архидиакону в мятежном состоянии духа, одни из них просили, другие грубо напирали на него, угрожая разграбить имущество и разрушить дом, если он не отречется от избрания. Поскольку дело шло к насилию, архидиакон, втянутый в центр разъяренной толпы, иронически объявил о своем отказе. И хотя архидиакон видел, что некоторые клирики, подавленные страхом, колеблются, он не переставал, защищая крепость церкви, открыто и бесстрашно протестовать против всякого участия мирян в выборах. Он хотел, чтобы клирики по крайней мере провели другие выборы, как предписывают установления святых.

Среди старейших пресвитеров были хитрый примицерий Продан, племянник бывшего архидиакона Группция, и сакриста Николай. А в числе среди левитов были Мартин, Вит, племянник бывшего регента Анд-

рея, и Радозий, прозывавшийся Даниил, которые, ни во что ни ставя³⁸⁸ иступленное тиранство подесты и презирая ярость и угрозы черни, вполне свободно и бесстрашно выступали за почитание и незыблемость церковного права. Предводителем и зачинщиком нечестивого дела был некий пресвитер по имени Фуск — человек поистине черного нрава³⁸⁹, лишенный добродетельной скромности. Он в обществе нескольких глупых соучастников — врагов честных дел без устали кружил по городу, возмущая умы людей, наущичая, собирая толпы на кровавые бесчинства. Больше смерти боялся он, как бы тот, кто был соотечественником этих подлых людей, не достиг столь высокого положения.

И вот, когда слепая ярость его сумасбродства, казалось, достигла цели, все собрались к церкви и, чтобы у архидиакона не оставалось надежды на прежние выборы, не позволяли капитулу, устрашая его дерзкими возгласами, ни совершать богослужения, ни причащения высочайшего Тела, настаивая и громко крича, чтобы при их участии были проведены выборы другого лица. Архидиакон же, опасаясь, как бы наглая дерзость их неразумной ненависти не отпустила бы поводья настолько, что толкнула бы отчаянно устремившихся в бездну упрямых людей на совершение какого-либо страшного преступления, отказался [от избрания] согласно их заветному желанию, они, удовлетворенные, удалились. Отсюда и получилось, что они дали свое согласие на выдвигание трогирского епископа Трегуана, но не потому, что желали поставить его архиепископом, так как и его самого, и всех трогирцев они числили врагами, а для того, чтобы архидиакон вообще оказался лишенным права на избрание, и они радовались, что одержали победу над клириками.

Но урок немедленно последовавшего наказания с очевидностью показал, сколь опасно попирать незаконными действиями положение матери-церкви.

XLV.

О ВОЙНЕ, КОТОРУЮ СПЛИТЧАНЕ ВЕЛИ С ТРОГИРЯНАМИ

Во время этих событий подеста Бернард стал на погибель трогирянам делать машины и готовить крупные боевые силы. Трогирияне же, зная, что они уступают в силе и не надеясь, что они смогут противостоять беспощадному соседу, пришли в сильное волнение. Отправив тогда посольство, они в очень мягких и униженных выражениях просили ми-

ра, обещая всяческое удовлетворение. Но подеста, человек свирепого духа, услышав смиренные речи, впал в непомерное высокомерие и, следуя советам некоторых юношей, не желал склониться к дружественному союзу, но умножал угрозы³⁹⁰.

В результате сплитчане снарядили экспедицию, выступили с большим количеством имевшихся у них кораблей и подплыли к острову, расположенному напротив Трогира, впрочем, не для того, чтобы воевать, но желая своим появлением устроить души врагов. Но трогиряне при виде лишь части сплитского войска понемногу оправались от охватившего их страха и постепенно воодушевились, полагая, что лучше умереть от ран, чем жить в позоре. И без всякого обсуждения дела они внезапно устремляются к морю, комплектуют суда гребцами, вооружают их. Была там и одна большая и высокая триера, которую король Бела, уходя, оставил им на хранение и которая вышла в море, имея на борту отборных молодых людей из наемников и граждан. Снарядили они и две либуры, а также несколько небольших и коротких судов. В помощь к ним прибыло еще одно большое судно с brave юношами-наемниками из числа задарских беглецов. Все они, выйдя из гавани, отплыли на расстояние одной мили. Увидев многочисленный флот сплитской экспедиции, бороздящий воды береговой линии островов, они испугались и, повернув к городу носы кораблей, обратным курсом поспешили восвояси. Сплитчане же, видя, что те против ожидания вышли в море, весьма обрадовались и, предполагая, что если им удастся настичь их, они никоим образом не сумеют уйти, попытались, прежде чем те проскользнули к себе, что есть мочи налечь на весла и, гребя изо всех сил, задержать их копьями. И вот когда трогиряне спешили ускользнуть, их большая триера, попав на мель, завязла в грунте и застыла в полной неподвижности. Трогиряне в волнении и испуге не знали, что им делать. Наконец, снова обретя присутствие духа, они приободрились и, прикрепив две либуры с обеих сторон завязшей галеи, стали в полной боевой готовности ожидать атаки врагов. Подплыв на большом корабле, Бернард, в сражении горячий и бесстрашный, не пожелал дожидаться товарищей, но внезапно кинулся на врагов, и [сплитчане], натянув луки, стали теснить их стрелами, яростно грозить дротиками и копьями. А трогиряне со своей стороны, используя более высокую позицию, с кормы своей триеры, как из крепости, без устали забрасывали вражеское войско камнями, обращали против них тучи копий. Сплитчане же не взяли на свои суда ни одного камня, но они твердо стояли, загородившись щитами от града камней и орудя с кормы мечами и копьями. И поскольку сражение велось с такой решимостью, тут и там падали раненые и убитые.

О, страшная и преступная война, в которой вопреки законам природы отец восстал на сына, а сын — на отца, брат нечестивой рукой разил брата, друг — друга! Это была война не с врагом, а домашняя и гражданская война.

После того как большая часть дня прошла в звоне оружия и взаимных стычках, победный исход казался сомнителен для каждой из сторон. Но тут бой подошел к моменту, когда превосходящими силами сплитчан боевой строй врагов был оттеснен с кормы галеи и согнан к середине. И когда уже все шло к тому, что сплитские юноши бросятся на них, одна из либурн сплитчан с лучшим боевым отрядом, идя полным ходом на веслах, врзалась в одну из либурн трогирян, которая была прикреплена к боку большой галеи, и нос ее пришелся между веслами оказавшегося в середине судна. Тогда находившиеся на трогирском судне, затрепетав под натиском врагов, взобрались на галею, чтобы защитить ее, а судно, на котором они располагались, приподнялось, и нос сплитской либурны так крепко заклинило и он так сильно застрял, будто был прибит железными гвоздями. Несмотря на многочисленные попытки освободить его, все оказалось безуспешным, и таким образом либурна осталась плененной не человеком, а Богом. А враги, нависая над ними, не переставали забрасывать людей камнями, поражать копьями до тех пор, пока, прыгнув на [палубу], не одержали полной победы. А тем временем море, поднявшись вследствие обычного прилива, позволило триере всплыть, и они с попутным водным течением, радостные, с неожиданной добычей приплыли домой. Когда же сплитский флот хотел было возобновить бой с победителями, то, внезапно застигнутый спустившейся уже ночной мглой, печальясь и горюя, отступил от неприятеля. Тогда было захвачено в плен судно сплитчан и около шестидесяти человек из лучших граждан, и все они, закованные в кандалы, были заключены под стражу в тюрьму.

Вот так вершится цепь судеб — не по человеческому решению, а по Божьему соизволению, так что уступили в войне твердо полагавшиеся на свою доблесть, а отчаявшиеся в своих силах восторжествовали над врагами. Потому что победа в войне определяется не многочисленностью войска, а силой небесной. Пусть знают потомки, сколь напрасно сопротивление рожну! Ведь те, кто недавно, поправ церковные установления, радовались победе, вроде бы одержанной над кроткими клириками, ныне побеждены презренными врагами и искупают свой позор тяжелым тюремным наказанием. Ничто, как говорит Писание, не происходит на земле без причины. И именно так всем ходом вещей оказывается исполненным сказанное через пророка от лица церкви: «Он пошлет с небес и спасет меня, посрамит ищущего поглотить меня»³⁹¹.

Что же мне рассказать о других позорных военных действиях? Скорее нужно плакать, чем рассказывать о том, что из-за высокомерия и безрассудства самого подесты и, конечно, вследствие греховности граждан столько их было тогда взято в плен, столько загублено мечом, столько поглотило море! И потом трогириане в союзе с некоторыми славянами³⁹², то втихую, то в открытую вредя нам, совершали частые убийства и грабежи, и куда бы они ни направлялись по суше и по морю, они испытывали радость счастливых побед. У сплитчан, наоборот, все складывалось неудачно, и с каждым днем становилось все хуже. И ведь будто чудом получилось так, что точно на тридцатый день после того как они легкомысленно задумали нарушить права церкви, они потерпели поражение в той морской битве. А когда в четверг после Богоявления ими было опрочметливо нарушено положение о привилегии клириков, то в четверг на сырной неделе, в четверг после светлой Пасхи, в четверг на неделе Пятидесятницы³⁹³ они испытали самые тяжелые военные неудачи, большие потери людей и материальный ущерб.

Некогда предки трогириан босыми молили сплитчан о мире, неся всевозможные повинности и оказывая послушное почтение как старшим. Теперь же, напротив, наши граждане, взятые ими в плен, принуждены горячо желать мира с ними. Вот так исполнилось в отношении их то пророчество пророка Захарии, где говорится о клириках: «Касающийся вас, касается зеницы ока моего»³⁹⁴. И далее, как бы спрашивая, какому роду наказания должны быть подвергнуты таковые, он продолжает, говоря: «Я подниму руку Мою на них, и они сделаются добычею рабов своих»³⁹⁵. Пусть перестанет возноситься человеческое тщеславие, поскольку в военных делах действует одна лишь Божественная сила; как сказано Господом через пророка: «Величается ли секира перед тем, кто рубит ею?»³⁹⁶ и так далее. Ведь почему, как не по Божьему соизволению, неожиданно сложилось так, что та недавняя война с пиратами, которой почти никто не желал, закончилась радостной победой, а эта, которая почти всем была по душе, завершилась печальным поражением?

Возвратившись домой после этих событий, подеста обратился к церкви и, смиренно раскаявшись в скандальном мятеже, который он позволил разжечь злым людям во время избрании [архиепископа], просил прощения. В том же самом он раскаялся на общем собрании в городском дворце, объявив, что действия капитула были законными, а дерзость мирян — порочной и губительной.

Тогда сплитчане, не надеясь на свои силы, более всего положились на могущество боснийского бана Нинослава, пригласили его и, предоставив жалование из общественной кассы, поставили его городским комитом³⁹⁷. Придя в сопровождении многих сильных мужей, он отпра-

вился со сплитчанами на трогирские поля, и, оставаясь здесь почти две недели, они вырубали виноградники, повалили деревья, разорили все посевы и огороды.

По возвращении оттуда он направился в свою землю, препоручив правление городом на время своего отсутствия одному своему родственнику по имени Ричард, родом калабрийцу. Для охраны города он также оставил одного из своих сыновей с лучшим конным отрядом.

Но трогиряне, упершись, не захотели отпустить пленных, а направили посольство к королю и поведали ему обо всем, что бан вместе со сплитчанами учинил на их полях. Выслушав их, король сильно разгневался, и тотчас призвав своего полководца, могущественного человека по имени Дионисий, бывшего баном всей Славонии и Далмации, снарядил его в путь вместе с епископом Пяти церквей В(арфоломеем), неким комитом Михаилом³⁹⁸ и со многими другими знатными людьми Венгрии, строго наказав им, чтобы по прибытии в Далмацию они подвергли сплитчан наивозможно строгому наказанию. Другое войско он послал, чтобы отомстить боснийскому бану за безрассудные деяния.

Сплитчане также направили легатов к королю, извиняясь и, насколько возможно, приукрашивая содеянное. Но король, скрыв под лукавым ответом печаль своего сердца, сделал вид, что его это мало волнует, и отпустил их домой. А так как церковь оставалась без пастыря, то он попросил, чтобы на место архиепископа Сплитской церкви был избран чазменский пробст Хутрин, уверяя, что благодаря его знатности и учености будет процветать вся церковь и город, следуя его советам, несомненно найдет облегчение от многих бед.

Нунции, возвратившись, радостно передали ответы короля, однако они не принесли по поводу этого дела никакого королевского предписания. Граждане же, выслушав их и поверив, что все так в действительности и обстоит, сразу стали наступать на архидиакона и капитул и, скорее приказывая, чем советуя, потребовали, чтобы вместе с ними были проведены дерзкие выборы. Но поскольку архидиакону было известно высокомерие Хутрина, он не последовал настояниям мирян, говоря, что избрание не совершается поспешно и в светской суете, но по зрелому размышлению со стороны братьев и монахов.

Миряне же, разразившись по своему обыкновению бранью, пытались силой принудить к тому клириков. Оставив собрание, комит Ричард, судья Мургия и другие члены совета вошли в церковную камеру и при молчаливом согласии пресвитера Фуска силой, с помощью трех или четырех сообщников этой низости, захватили печать капитула; вынеся ее, они составили от имени капитула подложную грамоту и, снабдив ее печатью, отправили двух человек из нобилей, которые должны были,

объявив себя поверенными капитула, провести избрание в соответствии с пожеланием короля. Что и было сделано. Следуя наказу, нунции этого ложного посольства отправились к королю. И так как король находился тогда в землях Славонии, они быстро вернулись, сказав, что они провели избрание Хутрина и что король благосклонно расположен к городу и обещал гражданам много милостей.

Но в народе говорят: «У лжи короткие ноги, она с трудом ходит и быстро ловится»; ведь не бывает хорошего исхода в дурно начатом деле. И те, что называли короля милостивым, скорее могли сказать, что столь дерзновенными действиями навлекается гнев царя царей — Господа. И хваставшиеся, что оказали гражданам благодеяние, на самом деле принесли почти всему отечеству страшные несчастья и разорение.

И в самом деле, не прошло и двух недель, как появился полководец Дионисий с вышеназванными князьями и, собрав большое войско из венгров, далматинцев и славян, пришел в Салону и стал лагерем. Тогда сплитчане, явившись к ним, постарались задобрить их многочисленными подношениями и льстивыми речами. Но те, следуя королевскому указу, не удостаивали граждан благосклонным взглядом, но, грозя суровыми мерами, требовали заложников и крупную сумму денег. Но так как гражданам было тяжело прощаться со своей свободой, они ссылались на привилегии, согласно которым их город освобождался от подобного рода поборов и повинностей. Однако, презрев законные привилегии, те с крайней настойчивостью принуждали граждан выдать указанное. Когда же сплитчане со всей решимостью отказались сделать это, все войско поднялось и подступило к городу.

В 1244 год Господа за четыре дня до июльских ид³⁹⁹ в сплитском предместье произошло крупное сражение. Все войско, построенное в боевом порядке, начало бой у стены [предместья]. Венгры разделились на отряды и стояли с баном поодаль; были здесь епископ со своим отрядом, препозит Филет — со своим, трогириане — со своим, клисский каштелян также со своим и много других. Подойдя тогда к стене, они старались найти проход, через который они могли бы проникнуть внутрь. Но сплитчане, расположившись по кругу, копьями и камнями далеко отбросили наступавших врагов. Трогириане же, знакомые с этими местами, обойдя с запада, подобрались к подножию горы и завязали бой с той стороны стены, которая по своему местоположению была более уязвимой и имела меньше защитников. Став тогда против стены, они оказались выше тех, кто оборонял ее, и, забрасывая их градом камней, вынудили спуститься вниз, на равнинное место. А поскольку сограждане не осмеливались оставить другие места, на которые они были определены, то не могли и прийти к ним на помощь. Поэтому, забравшись вскоре на стену,

трогириане стали ожесточенно теснить тех, которые стояли уже внизу и не давали им спуститься со стены и продвинуться вперед. Но когда они огромной беспорядочной толпой приступом взобрались на стену, она сразу рухнула под их ногами и развалилась до основания. При виде открывшегося широкого пути все войско толпами потекло по этому проходу и, прорвавшись в предместье вплоть до обнесенных стенами домов, повели с гражданами рукопашный бой. Тогда было убито до десяти человек сплитчан, венгров же и славян уничтожено почти тридцать человек. Вот так, из-за того что стена оказалась слабой защитой, невозможно было сдерживать такую толпу, и притом над гражданами тяготел грех.

Тогда ворвавшиеся [в предместье] враги устроили с западной стороны пожар, и из-за сильного ветра в короткое время сгорели все деревянные и плетеные строения, а так как языки пламени яростно разносились ветром, то сгорело и почти двадцать каменных домов. И так в тот день в пределах стены предместья сгорело более пятисот строений. А объятые сильным страхом граждане, видя, что огонь все усиливается и пламя пожирает один дом за другим, опасались, как бы ненасытное пламя не перекинулось с объятых пожаром домов предместья на весь город.

Казалось, рассвет того дня был для Сплита последним. Некоторых охватил такой ужас, что Мургия, один из самых богатых и болтливых граждан, перенеся на несколько судов мешки с деньгами, говорил о необходимости сдачи венграм. Но другие, сохраняя присутствие духа, в резких словах упрекали его в трусости. Когда спустились сумерки и утихло разожженное врагами пламя, сплитчане послали к венграм, смиренно испрашивая мира. Однако бан, обрадованный победой, но и немало опечаленный своими потерями, ответил на это угрозами. Вот так закончился этот горестный и печальный день. А на следующий день бан с прочими князьями призвал сплитчан к себе, полагая, что встреча внутри городских стен была бы не столь безопасной, как снаружи, среди непрочных оград и слабых укреплений, и начал с ними переговоры о мире. Сплитчане же, находясь в стесненных обстоятельствах, — здесь они были окружены вражескими отрядами, а в Трогире удерживались в темницах двести граждан, — пошли на все, принужденные неизбежной необходимостью. Так, они согласились внести в королевскую казну шестьсот марок серебром и отдать в подтверждение своей неизменной верности шесть сыновей из знатных семей в качестве заложников. Венгерские же князья твердо обещали, что после заключения мира с трогирянами все пленные будут освобождены. Что касается некоторых других, включенных в договор статей, то перечислять их здесь нет нужды⁴⁰⁰.

И, уладив таким образом дело, вышеозначенные князья вернулись домой. Сплитчане же, уверовав в могущество Хутрина, надеялись благо-

даря ему исправить свое положение. Придя тогда к архидиакону и капитулу, они настаивали, чтобы те, дав согласие на избрание, поторопились послать за избранным. Однако архидиакон вместе с другими не соглашались, зная, что подобное избрание не имело силы, поскольку являлось величайшим позором для церкви. Но снедаемым пагубной язвой ненависти казалось, что архидиакон усердствует не ради справедливости, а старается ради себя и все еще питает надежду на то, что его прежнее избрание останется в силе. Тогда судья Мургия, пресвитер Фуск и другие, мучимые злым безрассудным подозрением, принялись активно подстрекать народ, добиваясь от архидиакона, чтобы он лично отправился за избранным. И хотя архидиакону не нравилась личность избранного, а в особенности — процедура незаконного избрания, он, однако, решил уступить, чтобы его не подозревали в каком-то злом умысле, но он ни за что не соглашался идти прежде, чем сами зачинщики безрассудства собственными устами не признались в том, что они действовали против Бога и своей совести, похищая печать и учиняя противоправные действия. Так что архидиакон отправился в путь не столько по доброй воле, сколько по принуждению. Пошел он в Венгрию в сопровождении мирянина Иоанна Витала. Там в присутствии господина короля Белы и его курии он, как бы то ни было, вновь избрал Хугрина. Последнему король там же предоставил должность комита в городе Сплите, управление над островами⁴⁰¹ и некоторыми другими имениями⁴⁰².

Когда архидиакон возвратился домой, он не нашел в живых ни Фуска, ни Мургию, ни некоторых других, которые более остальных беспутно и легкомысленно стремились к умалению прав церкви. А король, находившийся под праздник Пасхи⁴⁰³ на Уране, распорядился освободить всех пленных, получив от сплитчан пять тысяч либров.

Господин архиепископ Хугрин, придя с большим количеством всадников и клиентов, расположился на жительство в архиепископском доме. Позднее, по прошествии полных трех лет, в 1247 году от искупления, 20 октября, имея около сорока лет от роду, этот самый Хугрин по папскому распоряжению получил посвящение в церкви блаженного Домния из рук своих суффраганов, а именно епископов Трегуана Трогирского, Николая Хварского, Варфоломея Скрадинского и Филиппа Сеньского. Он был возвышен одновременно до положения архиепископа и комита, но, не довольствуясь этим, он всеми силами беспрестанно стремился к высшим почестям и богатству. Он кичился своим знатным происхождением, похвалялся юношеским пылом; статность и привлекательная наружность, выделявшие его среди других, не позволяли ему считать себя заурядным человеком. Всецело увлеченный мирскими делами, церковными, считая их вроде как излишними, занимался лениво и заботился о

них по возможности меньше. Отдавая всего себя светской суете, он не искал общества мудрых и благочестивых, а радовался, находясь в окружении военных. Но так как на содержание войска ему не доставало собственных средств, он протягивал руку к чужому и недозволенному, стремясь сравняться с венгерскими прелатами в образе жизни, одежде и количестве свиты. А потому он оказался суровым сборщиком податей и обременительным властителем и для клириков, и для мирян, и для монастырей. Он также попытался лишить каноников всех прав и обратить в свою пользу целых четыре части десятины, однако из-за сопротивления архидиакона и других ему это не удалось сделать, хотя вопреки обычаю своих предшественников он все-таки присвоил часть, предназначенную для бедных. Но так как ему не позволяли удовлетворить всю его алчность за счет церковного имущества, то узы любви не связывали взаимным согласием сердца [архиепископа и клириков], однако язва губительного раздора все чаще приводила их к спорам и препирательствам. Да и миряне были обмануты в своих надеждах ничуть не меньше, поскольку они полагали, что он будет сильным и воинственным противником врагов народа, а он, напротив, держа себя с ними мягко и миролюбиво, всю свою непреклонную строгость стремился выказать на гражданах. С добрыми людьми он был раздражителен и грозен, с дурными — щедр и учтив. И как-то так получилось, что для всех он оказался тягостным и невыносимым, из-за чего всегда и он к гражданам, и граждане к нему относились с подозрением и неприязнью.

Когда, как уже говорилось, он был, наконец, посвящен, то направил вышеназванного епископа сеньского в курию господина папы Иннокентия, который находился тогда в Лионе⁴⁰⁴, смиренно прося его, чтобы тот удостоил его паллий и прислал его. Получив паллий, епископ вернулся домой и вручил его, согласно папскому предписанию, в руки скрадинского епископа Варфоломея для передачи его архиепископу. Хотя этот епископ, оставив уже мирскую жизнь, вступил в орден братьев миноритов, однако прибыл по зову в Сплит и, как ему было велено, возложил паллий на архиепископа Хутрина.

В эти дни некоему брату Иоанну из ордена проповедников, венгру по происхождению, довелось быть избранным в епископы Скрадинской церкви. Представленный архиепископу, который находился тогда в тех местах, он получил от него утверждение, и тот взял его с собой в церковь митрополии для посвящения. Он послал также за суффраганами, при участии которых должно было состояться посвящение, и пригласил их.

Но в это время несчастного Хутрина настигла тяжелая болезнь, которая, постепенно усиливаясь, становилась все опаснее, и на одиннадцатый день он умер⁴⁰⁵. Так-то вот получилось, что накануне того дня, когда

он, в первый раз украшенный паллием, собирался совершить посвящение указанного епископа, он в этом самом паллии был положен в могилу и, таким образом, смог украсить паллием не божественную службу, а лишь погребальную процессию. А в те дни, когда Хугрин лежал на одре болезни и уже почти потерял всякую надежду на выздоровление, он призвал братьев из капитула и в их присутствии достаточно хорошо и в установленном порядке составил завещание; удивительно, что, сокрушаясь перед ними и перед другими монахами о грехах, он публично исповедался в некоторых своих проступках. А кроме того, с горькими слезами и стенаниями раскаиваясь в тайной исповеди перед своим духовником, он горячо сокрушался обо всем, обещая, если выживет, предоставить всякого рода возмещение; и каялся он в эти дни не однажды, а много раз. Конечно, он был человеком образованным, от природы наделенным даром слова и особенно сильным в Священном Писании. Ведь он в течение почти двенадцати лет учился в Париже на богословском факультете, получая средства на свое образование от своего дяди по отцу калочского архиепископа Хугрина⁴⁰⁶. Так, за крупную сумму денег он приобрел себе полный свод Библии с комментариями и глоссами, как она обычно читается учителями в школах.

Когда Хугрин умер и с почестями был погребен у церкви братьев-проповедников, суффраганы, прибывшие на посвящение скрадинского епископа, совершили торжественное погребение архиепископа, и брат Иоанн, пришедший для своего посвящения в епископы, по единодушному выбору был выдвинут на место архиепископа⁴⁰⁷.

Правление же Хугрина длилось со дня его посвящения до дня погребения год, два месяца и десять дней.

XLVI.

ОБ АРХИЕПИСКОПЕ РОГЕРИИ

Когда для улаживания дела по избранию искали нунциев в курию господина папы, то с трудом нашлись двое, которые приняли на себя это бремя — каноник Деса Корви и Драг, внук сплитского гражданина Сабакки. Всем казалось очень тяжелым и рискованным идти в Галлию, поскольку господин папа Иннокентий пребывал тогда в Лионе, и направлявшимся туда по пути грозили большие опасности по причине ссоры, бушевавшей между церковью и императором Фридрихом⁴⁰⁸.

Пустившись тогда в путь, названные нунции с большими предосторожностями пересекли Ломбардию. Прибыв, наконец, на место и выпол-

няя возложенные на них посольские обязанности, они почти в течение года были заняты продвижением дела. Так как было опасно и расточительно повторно отправлять посольство по тому же делу, избиратели, опасаясь, как бы случайно то, что было предложено, не оказалось бы отклонено (а именно так и произошло), добавили в своем послании к сказанному, что если верховному понтифику не угодно будет удовлетворить просьбу, пусть он по своей воле направит другого для управления Сплитской церковью со всей полнотой полномочий, возлагаемых на понтифика. Так и случилось, и папа, отказав в указанной просьбе, направил им одного апулийца из беневентских земель, из городка под названием Туррис Цеппа⁴⁰⁹, которого звали Рогерий. А был он клириком, капелланом кардинала Иоанна Толедского, который часто по своим и церковным делам посылал его в Венгрию⁴¹⁰. Этот Рогерий находился как раз там во время нашествия татар, попал к ним в руки, пробыл у них почти два года, скрываясь под видом презренного и бедного раба, и едва избежал смерти. Когда же он вернулся к своему владыке, то сам кардинал начал довольно настойчиво выдвигать его и добился того, что тот стал известен и попал в милость к господину папе.

Получив в конце концов посвящение и паллий, он отбыл из курии, и, пройдя через Ломбардию, прибыл в Венецию и, сделав там короткую остановку, приобрел необходимые ему вещи. Просидев почти двадцать лет в римской курии, он скопил немалую сумму денег. Поспешив оттуда в путь, он пошел через Каринтию⁴¹¹, и когда он следовал по землям Аквилеи, его с почетом принял господин патриарх Бертольд⁴¹², который отнесся к нему внимательно, предоставил людей для сопровождения на всем протяжении его диоцеза и щедро оплатил все его путевые издержки вплоть до границ Венгерского королевства. Вступив в земли Паннонии, он оказался в Венгрии и, явившись в курию господина короля Белы с рекомендательным письмом господина папы, он изложил весь ход дела о своем назначении в управление Сплитской церковью. Но его королевскому величеству не понравилось, что дело это было проведено без него, и он сильно вознегодовал, что тот был поставлен без его ведома и согласия. Скрыв, однако, свою досаду и возмущение, он позволил ему спокойно проследовать к месту своего архиепископского служения.

Прибыл он с двадцатью всадниками, с капелланами и домочадцами и, войдя в город в воскресенье второй недели Четырехдесятницы⁴¹³, был принят клиром и народом с большой радостью.

Архиепископ Рогерий был человеком достаточно усердным и в деле умножения материальных средств весьма ревностным и энергичным. Он стал подправлять дома и помещения епископии и с большим старанием отделять их. Он надстроил верхние этажи и террасы, довольно искус-

но сбитые из бревен и жердей, которые, казалось, были возведены более для красоты, чем для практических нужд. Он устроил винные погреба, снабдив их новым необходимым оборудованием. На реке Салоне он построил мельницы, завел плуги, приобрел лошадей и домашний скот. Но поскольку собственных средств на все ему не доставало, он крайне отягощал поборами многие церкви и монастыри. Вообще он стремился жить в почете, завел изысканную домашнюю утварь, хотел иметь роскошные одежды и давать дорогие пиры. Большую часть года он сидел дома и неохотно показывался на людях, разве только в почетном сопровождении толпы клириков и клиентов. Он желал иметь изысканный и изобильный стол, особенно когда бывали гости. На пиры он обычно приглашал приезжавших из разных городов знатных особ и заботился, чтобы им было предоставлено обильное угощение. А когда он выезжал для осмотра провинции, то всегда стремился иметь в своем сопровождении некоторых каноников и граждан.

XLVII.

О ПРИБЫТИИ КОРОЛЯ КОНРАДА

В то время король Конрад, сын бывшего императора Фридриха⁴¹⁴, выйдя из Германии, поспешил выступить для завоевания королевства Сицилии. Когда он спокойно плыл вдоль далматинского побережья на многочисленных триерах, всюду, где он желал пристать к берегу, города оказывали ему пышный прием, и все оказывали ему почести как могущественному королю⁴¹⁵.

Но так как его отец был осужден папой Иннокентием на Лионском соборе, лишен со всем своим потомством императорского сана и предан анафеме, то когда этот самый Конрад пристал в порту города Сплита, архиепископ Рогерий, понимая, что тот желал бы войти в город, распорядился запечатать церкви и прекратить всякие богослужения. А сам, поспешно покинув город вместе с архидиаконом Фомой и с некоторыми из старейшин, удалился в загородные поместья и оставался там все время, пока король находился в городе. Король же, видя, что архиепископ уклоняется от встречи с ним, сильно на него вознегодовал, и особенно потому, что, родившись в его королевстве, он был здесь возвышен до положения пресула. А между тем сплитские граждане охотно приняли его и разместили в епископских покоях.

Просматривая бумаги, обнаруженные им там в ящиках, он скрупулезно искал, не обнаружится ли случайно какого-нибудь документа, на основании которого он мог бы уличить его в неверности своему королю.

Низвергал он на него и немало других угроз. Пробыв, однако, здесь всего несколько дней, он с попутным ветром отправился в Апулию. И архиепископ вернулся к своему престолу.

XLVIII.

О ВТОРОМ ПРИЕЗДЕ КОРОЛЯ БЕЛЫ

Король же Венгрии Бела, осматривая рубежи своего королевства, спустился через Хорватию к городам Далмации и распорядился, чтобы ему было приготовлено пристанище при церкви святого Петра, расположенной между Салоной и Трогиром⁴¹⁶. И там он пробыл немало дней, сопровождаемый многими людьми, происходившими из самых разных мест. Ведь к нему как к государю стекалось отовсюду множество народа по разным делам, представленным на его рассмотрение. Потом на галее он переправился в порт города Сплита и, торжественно вступив в него, как и подобает королю, отмеченный знаками королевского достоинства, был принят с большим ликованием клиром и народом. Этот день и ночь он провел во дворце Николая Дуима, и часто посещавшие его граждане встречали у него весьма благосклонный прием и выслушивались им, держался он с ними очень ласково и приветливо. Тогда-то и стал он без волнения и суеты в неспешных речах выговаривать им относительно выдвигания архиепископа: то, что он — человек чужеземный и неизвестный, не из его королевства, и что они пожелали иметь наставника без его ведома и согласия. Но так как граждане приводили в свое оправдание разные доводы, король снисходительно примирился со случившимся, наказав мирянам и связав их узами клятвы, что впредь они не будут предпринимать попыток повторить содеянное. Однако же к архиепископу он всегда относился с должным почтением, и пока находился здесь, и сколько тот ни бывал у него в Венгрии, он часто приглашал его к себе и по-дружески беседовал с ним. У святого Петра король Бела оставался много дней. Наши граждане оказали ему почтение, доставив много радости, за что он их достаточно отблагодарил и, оставив их обласканными своими милостями, возвратился в Венгрию.

XLIX.

О ПРИЕЗДЕ КОРОЛЕВЫ

Спустя несколько лет госпожа королева Мария, происходившая из рода греческих императоров, отправилась из Венгрии, держа путь в зем-

ли Паннонии и Хорватии, имея целью проверить верность здешних народов ее сыну Беле, пребывавшему еще в детском возрасте, которого она поставила во главе этих земель, принадлежавших ему по естественному праву как второму сыну короля, тогда как первородный сын Стефан получил уже венец Венгерского королевства⁴¹⁷. Пришла она в сопровождении большого количества вельмож и военных и остановилась в Книнской крепости. Призвав туда всех знатных людей этих областей, она вела с ними переговоры по означенному делу.

А в те дни случилось так, что некоторые люди из гарнизона Клисской крепости, спустившись во время жатвы к Салоне, стали в некоторых местах растаскивать урожай сплитчан. Когда об этом прослышали в городе, сбежалось несколько не в меру смелых юношей и не по предписанию города, а в пылу безрассудной горячности выступили, чтобы отомстить за обиду и на насилие ответить насилием. Настигнув их, они затеяли с ними драку, и в этой драке было убито двое венгров.

Когда это дошло до слуха королевы, она очень разгневалась и, тотчас покинув Книнскую крепость, в сильном раздражении и негодовании спешно направилась со всем войском отомстить сплитчанам. Чувствуя, что королева идет с самыми опасными намерениями, они направили к ней послов и, обращаясь к ней с мольбами и обещаниями дать удовлетворение по ее усмотрению, просили, чтобы она, не гневаясь, благосклонно и милостиво удостоила своих верноподданных посещением, поскольку это злодеяние совершилось не по решению коммуны, а случайно, и его не следует вменять в вину тем, кто выступил на защиту своей собственности, но скорее надо приписать беспутству тех, кто стремился похитить чужое. Однако в ответ на разумные оправдания наших она ничуть не смягчила суровости своего сердца, отправилась в крепость Клис и расположилась в ней. Прибывший туда же архиепископ Рогерий, войдя к ней, приложил все усилия к тому, чтобы выпросить у нее, как для себя, так и для города, мира и милости. Но от его слов она сделалась еще более суровой, еще сильнее воспылала ненавистью к нему и к городу, подозревая его в том, что он был виновником всех зол, и если бы он с помощью друзей не выбрался из лагеря, то ему угрожала уготованная уже королевой опасность.

Сплитчане ежедневно направляли к ней монахов и послов, посылая подарки и подношения, лишь бы ее хоть как-то умиловить, но она, упорствуя жестоким сердцем в решимости мстить, никак не смягчалась. А было с ней большое войско, состоявшее из венгров, славян и куманов, которым она приказала с оружием в руках спустившись к городу угонять скот, жечь дома, совершать набеги на виноградники и поля и уничтожать без сожаления все, что только возможно. Сплитчане же,

понимая, какая большая опасность угрожает им, стали бдительно предпринимать меры к обороне города, готовить оружие и защитные заграждения и не выходили из города, а расположились в боевом снаряжении сразу за стенами. После того как ее люди причинили большой ущерб загородной территории, королева, видя, что не сможет силой добиться успеха в борьбе с городом, пошла на хитрость. Она притворилась, что уже успокоилась и ей более нет никакого дела до совершенного убийства, и благосклонно ответила городским послам, что хочет в дальнейшем жить с ними в мире и согласии и что они уже не должны ничего бояться. Она направила с ними трех или четырех комитов и около тридцати воинов с одними лишь мечами, висевшими у бедра, с которыми они, как это у них заведено, никогда не расставались, и секретно предписала им, чтобы они обольстили граждан ласковыми речами, какой-нибудь хитростью выманили их за стены, захватили бы в плен столько, сколько было бы возможно, и приволокли бы в крепость, а в противном случае истребили бы их мечами. Пришли послы с радостной вестью, что госпожа уже смилостивилась, и с уверенностью уговаривали граждан выйти, так как венгры сказали, что они не хотят войти в город, чтобы случайно не произошло какого-нибудь столкновения, но «пусть выйдут старейшины, и мы заключим с ними мирный договор». Граждане поверили мирным, но лукавым словам, не подозревая никакого обмана, поскольку королева передавала послам свои уговоры с ласковым выражением лица. Вышли, ничего не опасаясь, судьи, советники и немало других и прошли через восточные ворота к обители братьев-проповедников. Они сидели и мирно договаривались с ними о соглашении, когда венгры вскочили вдруг по данному знаку и, обнажив мечи, захватили пятерых граждан, а именно судью Десу Михаила, человека старого и почтенного, с его сыном Николаем и внуком Михаилом, сыном Леонарда, судью Иоанна Витала и судью Петра, сына Чернехи. Некоторые были ранены, а все остальные вырвались с Божьей помощью из их рук и убежали.

Прослышав о всем том зле, которое причинила сплитчанам королева, король Бела сильно опечалился и немедленно направил двух мудрых и благочестивых мужей из ордена братьев-миноритов, чтобы они умили ее гнев и спешно вернули ее в Венгрию. Но она, упорствуя в своей жестокости, распорядилась бросить в грязную темницу захваченных в плен и бесчеловечно и грубо доставленных в крепость нобилей. Впав в уныние от того, что не сумели принять мер предосторожности против такого варварства, несмотря на неоднократные предупреждения друзей быть осмотрительнее, сплитчане в печали и смущении снова и снова направляли королеве смиренные просьбы о том, чтобы она

милостиво отпустила нобилей, которых она распорядилась без всякой их вины захватить. Но она никак не соглашалась, однако, видимо, несколько успокоившись, она посоветовала им направить к господину королю надежных послов, обещая свое действительное посредничество перед ним. Переведя тогда пленных из Клисской крепости в Книнскую, она заключила их там под строжайшую охрану, а сама вернулась в Венгрию.

Сплитчане же направили в Венгрию вслед за королевой архидиакона Фому и Марина по прозвищу Бонаюнкта. Прибыв туда и получив дозволение предстать перед господином королем, они перед ним, а также перед королевой подробно и по порядку изложили обстоятельства посольства. Но королева, которая обещала свое действительное посредничество перед его королевским величеством в деле освобождения пленных, стала во многом обвинять сплитчан. Король же, слишком доверяя словам своей жены, ответил, что он удовлетворит просьбу сплитчан только в том случае, если они передадут ему двадцать четыре заложника из лучших людей города. Однако архидиакон, изложив содержание привилегии, которую город получил от прежних королей, никоим образом не захотел согласиться на передачу заложников. И таким образом не выполнив дела, они вернулись домой.

После этого на переговоры с гражданами был послан бан Роланд, который по прибытии передал королевское предложение, что они смогут вызволить своих сограждан из тюрьмы не иначе, как если передадут под охрану короля не менее двенадцати заложников, которых выберет сам король. Сплитчане же, вынужденные к тому крайней необходимостью, подчинились воле короля. И когда король с королевой проходили через Славонию и расположились в укреплении, которое называется Бихач⁴¹⁸, сплитчане отправили с архидиаконом, Дуимом Кассарием и Николаем Дуимом двенадцать мальчиков. Придя туда в день святой Пасхи, они передали мальчиков в руки короля и королевы, получив там в качестве комита, согласно выбору граждан, вышеназванного бана Роланда⁴¹⁹. А король с королевой радостно принял мальчиков, обещая милостиво обращаться с ними и не задерживать их надолго. И таким образом пленники, которые почти два года отбывали незаслуженное наказание в тюрьме, были освобождены и вернулись домой.

Полагая, что пора уже рассказать о смерти архиепископа Рогерия, мы возвращаемся к главной линии повествования.

Он правил в течение почти шестнадцати лет. Под конец заболел подагрой, он почти два года был прикован к одру болезни и мог двигаться не иначе как с чужой помощью. В конце концов ноги его отекли, стали кровоточить и загноились, так что он потерял способность

управлять всеми своими членами, и ему повиновался только язык. Когда же всякая надежда на выздоровление оставила его, он, чувствуя, что настает его последний день, пригласил некоторых из старейшин капитула и города и в их присутствии составил завещание. Он отказал все свое имущество — серебро, книги и одежды — племянникам и служителям, за исключением двух серебряных сосудов и двух золотых перстней, которые он оставил церкви в память о себе. Капитулу же он передал один серебряный вызолоченный кубок и несколько металлических тазов и распорядился употребить некоторую сумму денег на помин своей души; он наказал своим душеприказчикам распродать все плоды, вино, лошадей и все, что осталось в доме, и выплатить некоторые его долги. Однако архидиакон выступил против этого, говоря, что по закону прелат не должен составлять завещание, разве только в тех случаях, когда речь идет о вещах, нажитых за пределами церковной деятельности. Но граждане, движимые состраданием, позволили ему изъять свою волю.

При своей жизни он посвятил в сплитской церковной провинции следующих епископов — господина Иоанна Скрадинского и господина Ладислава Книнского. Господин Колумбан⁴²⁰ был посвящен в Римской курии, но по прибытии принес ему согласно обычаю и митрополичьему праву присягу. Посвятил он также епископа хварского Доброния.

Умер он на восемнадцатый день перед майскими календами 1266 года Господа⁴²¹. Он наказал, чтобы его похоронили рядом с господином Кресценцием⁴²² перед воротами главной церкви Сплита — св. Домния.

КОММЕНТАРИЙ

- 1 Цитата из сочинения церковного писателя и ученого Исидора Севильского (ок. 560–636) «Этимологии», или «Начала» (Etym. lib. XIV, cap. IV, 7, 8) приведена с характерным искажением. Исидор называет семь составляющих Грецию провинций, из которых Далмация — «первая с Запада» (prima ab Occidente). Без такого уточнения слово «prima» приобретает иной смысловой оттенок — «лучшая, важнейшая». Дельмис — см. прим. 3.
- 2 В начале I в. н. э. в результате деления римской провинции Иллирик возникли две новые провинции — Нижний Иллирик, или Паннония, большая часть которой располагалась на территории западной части современной Венгрии, и Верхний Иллирик, или Далмация, которая простиралась вдоль Адриатического побережья от реки Раша в Западной Истрии до устья албанского Дрина и уходила в глубь Балканского п-ва приблизительно до реки Савы. Центром ее был город Салона. По административной реформе императора Диоклетиана 297 г. провинция Далмация в свою очередь была разделена на две части: северные области составили новую провинцию Далмация со столицей в Салоне, а южные (начинавшиеся приблизительно от Будвы) — провинцию Превалитана со столицей в Скодре (совр. Шкодер в Албании). Представление автора о Хорватии как о части античной провинции Далмация укладывается в рамки развиваемой им ниже идеи об автохтонности хорватов на Балканах.
- 3 Дельмис — античный Дельминий (Delminium) был, согласно Страбону, главным поселением иллирийского племени дельматов; он подвергся разрушению римскими войсками в 155 г. и был вместе с окрестностями превращен в пастбище (Strab. VII, 5, 5). Дельмина — средневек. Думно (Дувно) — историческая область, располагавшаяся на западе современной Боснии и Герцоговины. Возле ее центра с одноименным названием (совр. Дувно) предположительно и локализуется Дельминий (*Zaninović M. Delminium // VAHD. Split, 1952, knj. 63–64, s. 45–56; Wilkes J. J. Dalmatia. L., 1969, pp. 179, 271, 371–372*). См. также прим. 89.
- 4 Ранневизантийская провинция Далмация вначале существовала в границах римской провинции. Но после варварских нашествий VI–VII вв. ее территория сократилась до нескольких прибрежных городов и островов. Эпир — ис-

- торическая область на западе Греции, у Ионического моря от Амбрахийского до Акрокеравнского мыса. Территория Эпира составляла римскую, а затем — ранневизантийскую провинцию Новый Эпир со столицей в городе Диррахии (совр. Дуррес на берегу одноименного залива). После варварских вторжений в административной фемной структуре Византии IX в. остатки провинций Превалитана (см. прим. 2) и Новый Эпир образовали фему Диррахий с центром в Диррахии. Из текста следует, что хронист включает в состав современной ему Далмации и земли бывшей провинции Превалитана, на которых располагалась средневековая Дукля (Зета), что отражало территориальные притязания Сплитской архиепископии (см. прим. 86). Залив Кварнер расположен на севере Адриатического моря между п-ом Истрия и о. Црес.
- 5 Указание на Стридон в Далмации как место своего рождения содержится в ряде сочинений св. Иеронима (342–420) — одного из великих учителей церкви, создателя Вульгаты (*De script. eccl.; Comment. in Sophon*). Проблему локализации Стридона пытались решить еще средневековые авторы, но до сих пор она остается дискуссионной. Наиболее распространенной является точка зрения о его расположении в районе современного Зрина (см. *Wilkes J. J. Dalmatia*, p. 271). В Далмации и Хорватии св. Иероним был особенно почитаем, как уроженец здешних мест.
- 6 Либурния — область, заселенная иллирийским племенем либурнов — северных соседей дельматов. Перед римским завоеванием либурны занимали Адриатическое побережье от реки Раша в Истрии до реки Крки, а также острова залива Кварнер (*Suić M. Granice Liburnije kroz stoljeća // Radovi Instituta JAZU u Zadru. Zagreb, 1955, sv. 2*). Мнение о жителях Либурнии как о пиратах было распространено в античной литературе (напр., *Livy X 2, 4*). «Либурнами» римляне называли также легкие быстроходные суда, конструкцию которых они заимствовали у либурнов. О них и идет речь в приводимой автором цитате из сочинения Марка Аннея Лукана (39–65 г. н. э.) «О гражданской войне, или Фарсалия» — *Lucan IV 530*.
- 7 Источник сведений о связи названия Иллирия с именем царицы амазонок неизвестен. Однако упоминание об амазонках как основательницах племени либурнов содержится в сохлжих Сервия (V в.) к тому месту из «Энеиды» Вергилия, которое Фома цитирует тут же ниже (*Serv. Verg. Aen. I 243*), что дает основание причислить труд Сервия к источникам хрониста. Сама же легенда об амазонках, записанная Сервием, очевидно, местного происхождения (*Alföldi G. Stellung der Frau in der Gesellschaft der Liburnen // Acta antiqua ASH. Bp., 1961, t. 9, p. 307–319*).

- 8 Эпизод об Антеноре основан на вольном пересказе соответствующего места «Энеиды» Вергилия (Verg. Aen. I 242–249). Вергилий рассказывает о бегстве Антенора от ахейцев через «бухты Иллирии, в глубь Либурнского царства» и далее через реку Тимав до места, где им был основан город Патавий. Появление в хронике Пада (По) и ошибочная локализация Патавия — Падуи может объясняться желанием реализовать фонетическое сходство названий. Венеция — область расселения племен венетов на северо-западном побережье Адриатического моря. Употребление хронистом мн. ч. — «ad partem Venetiagum» переключается со схожей грамматической конструкцией в средневековом названии Венецианской республики — *Comune Venetiagum*.

Дополнение хрониста о войнах Антенора с далматинцами находится в контексте средневекового мифотворчества в Далмации, направленного на удревление местной истории и придания ей большего веса, в частности, путем установления прямых связей с событиями Троянской войны. У ближайшего последователя Фомы — сплитского хрониста первой трети XIV в. Михи Мадия Салона выступает как современница Трои, известная тем, что она «передала в помощь грекам против царя Приама 72 вооруженных галей» (*Michae Madii Historia de gestis Romanorum imperatorum et summorum pontificum // Schwandtner J. Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Slavonicarum. Wien, 1768, v. 3, p. 645*).

- 9 Этот пассаж представляет собой контаминацию трех одновременных событий, которые последовательно излагаются в 23–25 главах II книги сочинения римского историка Флора «Эпитоме, или Извлечения из римской истории». Сообщение о проходе Августа по Иллирии соотносится с рассказом Флора о Паннонской войне 35–33 гг. до н. э. Упоминание о военных действиях некоего Виния против паннонцев соответствует описанию Флора военных действий 13 г. до н. э., которые было поручено вести Марку Виницию, наместнику Иллирика. Сообщение о борьбе некоего Юлия против далматинцев имеет параллели в рассказе Флора о подавлении дельматского восстания 6–9 гг. н. э. Вибием Постумом, консуляром, наместником Далмации. Хронист не только заимствовал у Флора соответствующие сведения и изложил их в исходной последовательности, но в определенной мере сохранил и фразеологические обороты своего источника (см. *Акимова О. А. Античные источники «Истории архиепископов Салоны и Сплита» // Советское славяноведение. М., 1981, № 3, с. 69–70*). Предположение Ф. Рачки об использовании хронистом в данном эпизоде «Римской истории» Веллея Патеркула (HS, p. 4, c) лишено оснований.

- 10 Кадм — легендарный царь Фив. Литературный источник этого пассажа неясен. В поэтических вариантах мифа о Кадме Кадм и его жена Гармония

- превращаются в змей уже после их переселения в Иллирию (Apol. Rhod. VI, 516 след.; Apollod. III, 5, 4).
- 11 Эпидавр (совр. Цавтат) — древнее иллирийское поселение, с IV в. до н. э. принадлежало грекам, затем стало римской колонией. Рагуза — см. прим. 73.
 - 12 Культ Кадма и Гармонии был распространен в древности в иллирийских землях (*Lisičar P. Legenda o Kadmu // Živa antika. Skoplje, 1953, god. 3, s. 241–261*). Сведения Фомы подтверждают непрерывность некоторых элементов этого культа в окрестностях Дубровника в Средние века. На их существование и в Новое время указывает рассказ английского археолога Артура Эванса, записанный им в 1875 г. По сообщению Эванса, «современные жители Цавтата и Конавле настойчиво следуют традиции», согласно которой пещера на горе Снежница недалеко от Цавтата является «подземным святилищем, где Кадм и Гармония превратились в змей и где после этого жил Эскулап» (*Evans A. J. Kroz Bosnu i Hercegovinu. Sarajevo, 1965, s. 305*).
 - 13 Неточная цитата из «Сатир» Горация (I 3, 26–27).
 - 14 Anquigene — реминисценция употребляемого в античной литературе эпитета фиванцев, родившихся из зубов дракона.
 - 15 Св. Иларион (ок. 292 г. – ок. 372 г.) — основатель монашества в Палестине. Сообщение об уничтожении Иларионом дракона возле Эпидавра содержится в его житии, написанном св. Иеронимом (AASS. P., 1870, Okt., t. IX, p. 16–43).
 - 16 Попытка наполнить мифические события реальным содержанием. Сочинения, содержащие подобный сюжет, неизвестны.
 - 17 Искажение хронистом имени Ариадны — дочери мифического царя Крита Миноса может объясняться желанием соответствующим образом этимологизировать название Адриатики.
 - 18 Литературный источник изложенной в хронике версии мифа о Тесее и Ариадне неясен. Указание на то, что Тесей похитил Ариадну, может свидетельствовать о знакомстве автора с вариантом мифа, изложенным Овидием в «Метаморфозах» (VIII 174–175).
 - 19 Либер — в римской мифологии древний бог плодородия и оплодотворяющей силы, отождествлявшийся с Вахком — Дионисом.

- 20 В литературных источниках, рассказывающих о легендарном царе пеласгов Итале, его брат Адрий не упоминается (*Serv. Verg. Aen. I 2*). Очевидно, используется какое-то местное предание. В «Житии Иоанна Трогирского» (см. прим. 131) содержится аналогичное известие в отношении Задара, который «был основан Адрием, братом Итала» (*Život svetoga Ivana Trogirskog // Legende i kronike. Split, 1977, s. 107*).
- 21 В других далматинских источниках слово «*adra*» не зафиксировано. Видимо, оно относится к утраченным глоссам и имеет соответствие в древнеиндийском «*adri*» — камень, скала (*Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959, Bd 1, S. 2*). Вместе с тем аналогичное этимологическое объяснение названия Адриатического моря содержится в раннесредневековых схолиях к Ювеналу и Вергилию — «*adra id est lapis, petra*», «*hadra id est petra*» (см. *Die Sprache der alten Illyrier / Hrsg. von Mayer A. Wien, 1959, Bd 2, S. 2*). Цитата — *Ovid. Elegia II 40*.
- 22 Салона (*Salona, Saloniae*) — город на далматинском побережье Адриатики, основанный сиракузскими греками в IV в. до н. э. Подчинен римлянами в 78–76 гг. до н. э. Столица римской и ранневизантийской провинции Далмация.
- 23 *Lucan IV 404*. В этой и некоторых других цитатах автор сохраняет принятую в античных источниках форму множественного числа названия города — Салоны.
- 24 Римская миля составляла примерно 1,5 км.
- 25 Весь следующий ниже пассаж об осаде Салоны Вультеем основан на тексте «Фарсалии» Лукана (*IV 403–460*), но имеет особую эмоциональную окраску. Не удовлетворившись сдержанным республиканизмом Лукана, хронист выступает как яростный противник Империи и Цезаря. Это во многом определяет и характер искажений исходного текста, в котором был отражен реальный ход событий. Заявление хрониста о верности Салоны Римской республике неверно. В действительности римские колонии в Далмации — Салона, Скардона и Нарона — выступали во время гражданских войн на стороне Цезаря. Чтобы помешать проникновению сторонников Помпея в Италию, по распоряжению Цезаря в Северный Иллирик были посланы с войсками его легаты, один из которых, Гай Антоний (брат триумвира) потерпел поражение от легата Помпея в 49 г. до н. э. и был захвачен в Салоне. Осада Салоны была снята только в 46 г. до н. э. после вылазки самих осажденных. Лукан следующим образом описывает попытку воинов Антония вырваться из Салоны. Антоний решил воспользоваться помощью союзных

войск полководца Басила, легата Цезаря, и бежать морем. Однако его успешно атаковал начальник флота Помпея Марк Октавий. Когда один из кораблей Антония оказался в безвыходном положении, командир отряда этого корабля Вультей призвал своих воинов умереть, но не сдаваться. У Фомы же Антоний — родственник Цезаря, который по его приказу отправляется на покорение Салоны; Вультей — полководец, сосредоточивший войска на островах салонского побережья; Базил — полководец армии Помпея в Салоне. Однако неудачный проход Вультея на материк, гибель Вультея и его воинов описаны в соответствии с текстом Лукана. В сообщении Фомы о выступлении против империи куретов (см. прим. 61), далматинцев и истрийцев могло найти отражение предание о реальном сопротивлении римской власти иллирийских племен, начиная с гражданских войн, в ходе которых далматинские племена в сущности отложились от Рима, до восстания паннонских и далматинских племен в 6–9 гг. н. э.

26 Брундизий — римская гавань на берегу Адриатического моря, конечный пункт Аппиевой дороги. Совр. Бриндизи в проливе Отранто.

27 Некоторые римские авторы писали о войне Гая Асиния Поллиона с дельматами (Flor. II 25; Ног. Carm. II 1, 16) (хотя современные историки ставят под сомнение саму возможность этой войны). Однако сообщение о захвате Поллионом Салоны появляется только в комментариях средневековых схолиастов к Вергилию и Горацию, прежде всего в глоссах Сервия к знаменитой четвертой эклоге Вергилия, в которой поэт предсказывает рождение младенца, с пришествием которого настанет эпоха мира и благоденствия. Некоторые видели в этом ребенке, как сообщает Сервий, сына Асиния Поллиона Салонина (Saloninus). Сервий пояснял, что Поллион назвал новорожденного сына Салонином в честь своего покорения Салоны (Serv. Verg. Ecl. IV II). Однако утверждение о завоевании Салоны Поллионом было лишено основания, так как Салона была верна Риму, а ее население было в основном романским. Что касается имени Салонин, то оно не является производным от названия Салона (Rose H. J. *The Eclogues of Vergil*. Berkeley; Los Angeles, 1942, p. 161–217).

Если факт захвата Салоны и рождения мальчика, которому дали имя в честь этой победы, мог быть известен хронисту из комментариев схолиастов, то подробности героического сопротивления Салоны не имеют соответствия в источниках, но согласуются с антиимперскими высказываниями Фомы в рассказе о битве за Салону во время гражданских войн.

28 Цитата из посвященной Поллиону оды (Ног. Carm. II, 1, 16).

- 29 Перу Поллиона принадлежит несколько трагедий.
- 30 2 Тим. IV, 16.
- 31 Здесь и далее в переводе сохранены слова оригинала — понтифик, принцепс, пресул, не имеющие в тексте хроники четкого терминологического соответствия и употребляющиеся по отношению к различным высшим церковным иерархам.
- 32 Рассказ о Тите близок по содержанию соответствующему месту распространенных в Средние века апокрифических апостольских деяний — римских преданий о Павле. Здесь сообщается, что Тит спешит прибыть в Рим из Далмации до приезда Павла и остается с ним до самой его смерти (Acta Apostolorum Apocripha / Ed. Lipsius R. A., Bonnet M. Lipsiae, 1891, P. 1, p. 23; Lipsius R. A. Die Apokriphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Amsterdam, 1976, S. 84–86, 404). Между тем упоминание о пребывании Тита в Далмации, содержащееся во Втором послании Павла к Тимофею, находится в контексте сетований Павла по поводу своего одиночества во время тюремного заключения в Риме (2 Тим. IV, 16; ср. AASS. P., 1863, Jan., t. 1, p. 163–164). Содержание апокрифов, видимо, более отвечало желанию хрониста показать близость к Павлу проповедника христианства в Далмации.
- 33 См. прим. 40.
- 34 Фламины — жрецы римских божеств. Институт фламинов имел сложную иерархическую структуру. Ранг каждого фламينا в этой иерархии определялся рангом его божества. Провинции и города могли иметь своих фламинов (*Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. P., 1896, t. 2, p. 1156–1188*). Хронист сводит устройство этого института к двум категориям, возможно имея в виду «старших фламинов» (*flamines majores* — фламины трех первых рангов) и «фламинов провинции» либо «фламинов муниципия». Сообщение об установлении церковной иерархии до некоторой степени перекликается с содержанием письма папы Григория VII от 1079 г. о порядке церковного управления в провинциях (*Das Register Gregors VII / Hrsg. von Caspar E. B., 1955, VI, 35*).
- 35 Эмилия — римская провинция, располагавшаяся к югу от По. Ее столицей была Плаценция (совр. Пьяченца) или Бонония (совр. Болонья). Факт назначения Петром Аполлинария на место архиепископа Равенны был широко известен по мартирологам и по знаменитой «Книге понтификов» Анье-

- ли (Agnelli Liber Pontificalis ecclesiae Ravennatis / Ed. Holder-Egger O. Hannoverae, 1878, p. 280–281).
- 36 Аквилея — город в Верхней Италии на северном побережье Адриатического моря, один из основных центров провинции Venetia cum Istris, объединявшей территории Венетии и п-ва Истрия. Сведения хрониста о Марке как о первом архиепископе Аквилеи были основаны, по всей видимости, на известной с X–XI вв. аквилейской (венецианской) легенде о направлении Марка апостолом Петром в Аквилею для основания там церкви (*Lipsius R. A. Die Apokriphen...*, S. 347).
- 37 Диоклетиан — римский император (284–305). Максимиан — его соправитель в 286–305 гг. Гонения против христиан были предприняты в 303–304 гг.
- 38 Аппиева дорога, проложенная в 312 г. до н. э. по инициативе Аппия Клавдия Слепого.
- 39 Julia Chrysopolis — совр. Борго-Сан-Донино в Северной Италии, в 33 км к юго-востоку от Пьяченцы.
- 40 Рассказ Фомы о Домнии, Домнионе и Анастасии отражает историю борьбы Сплитской церкви за утверждение ее епископальных прав в качестве преемницы Салонской церкви. В Салоне эти святые пользовались особым почитанием (*Dyggve E. History of Salonitan Christianity. Oslo, 1951*). Культ Домнии и Анастасия как культ патронов Сплитской церкви оформлялся в VII–XI вв. (см. *Чернышов А. В. Сплитская легенда о Домнии и Анастасии и политическая реальность далматинского средневековья // Общественное сознание на Балканах в Средние века. Калинин, 1982, с. 136–138*). Домний был епископом Салонны примерно в 284–304 гг. (*Bulić F., Bervaldi J. Kronotaksa solinskih biskupa uz dodatak: Kronotaksa splitskih nadbiskupa od razorenja Solina do polovine XI v. Zagreb, 1913, s. 15, 19*). Согласно церковной традиции, Домний и Анастасий были казнены в Салоне при Диоклетиане в 304 г. и захоронены здесь же (AASS. P., 1863, Jan., t. II, p. 257–264; P., 1739, Aug., t. IV, p. 407–409). Появление легенды о Домнии как ученике св. Петра отразило притязание Сплитской архиепископии на первенство в Далмации. По-видимому, вопрос о связи св. Домния с апостолом Петром наиболее остро стоял в начале X в. Церковный собор в Сплите в 925 г. признал достоверность этой связи, что было подтверждено и папой Иоанном X (HSM, p. 99–100; CD, v. I, p. 31–32, 35). В городе постепенно вводились регламентации по отправлению его культа, узаконенные впоследствии городским статутом Сплита 1312 г. Вместе с тем в Сплите сохранялась память о Домнии — жертве гонений Диоклетиана, что,

видимо, и нашло отражение в возникновении легенды о св. Домнионе. Ип. Делаёе считал, что появление в хронике Домниона явилось результатом стремления Фомы к рациональному истолкованию противоречивых сведений о Домнии (*Delehaye H. Santi dell'Istria e della Dalmazia // Bulletino di archeologia e storia dalmata. Split, 1900, № 5, p. 98*). Тенденцию в трансформации легенды о Домнии отражает текст HSM, где содержится также два варианта легенды, составленных на основе текста Фомы, но уже в обоих случаях Домний выступает в роли ученика апостола Петра (HSM, p. 25–27, 72–75). См. также прим. 84.

- 41 Диоклетиан не был отцом Максимиана.
- 42 Ruthenia — этим термином Фома ниже именуется русские земли. Здесь же речь вряд ли идет о Руси. В противном случае постройка Диоклетиана должна была находиться в Северо-Восточных Карпатах, так как автор знал, что граница между Русью и Венгрией проходила по Карпатам (см. с. 105). А. В. Назаренко допускает поэтому интерпретацию выражения «in confinio Ruthenie» не только как «на границе с Рутенией», но и (с учетом значения слова «confinium» в ряде венгерских юридических документов) — «марка» и, таким образом, рассматривает известие Фомы как подтверждение существованию в Венгрии эпохи Арпадовичей некоей «русской марки» в междуречье Савы и Дуная (упоминается в Житии Конрада, архиепископа Зальцбургского XII в. — «marcha Ruthenorum»). (*Назаренко А. В. О «Русской марке» в средневековой Венгрии — Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 302–306*). Неясно, однако, каким было население «русской марки» и чем она являлась в административном отношении.
- 43 В средневековой легенде «Страсти четырех святых венценосных» (*Passio Sanctorum quattuor coronatorum*) рассказывается о том, что «в одной из частей Паннонии [Диоклетиан] приказал построить храм в том месте, которое называется «У тучной горы», или, как указывается ниже, «Порфиновая гора» («*Pingvis mons*», «*mons Porphireticum*»). Работы выполнялись четырьмя художниками-христианами. Место строительства храма связывают с одной из гор массива Герече в Венгрии, где, как полагают, находились горные рудники по добыче гранита или порфира (Мученичество четырех святых венценосных, написанное Порфирием / Пер. с лат., коммент. Колосовской Ю. К. // *Вестник древней истории. М., 1992, № 4, с. 230*).
- 44 Геты — сев.-вост. фракийские племена. К I в. до н. э. заселили территории по обе стороны нижнего Дуная. В ряде средневековых источников фиксируется именование гетами современного им населения этих областей. Вме-

сте с тем в других списках хроники встречается вариант «in terra Gothorum» или «gotorum» (HS, p. 41, 1), т. е. «в земле готов». Если принять в качестве аутентичного этот вариант, то можно обнаружить соответствие ему в именовании автором «готами» современного ему славянского населения хорватских земель (см. гл. VII).

Rasia, Рашка — область, занимавшая Центральную и Южную Сербию, центр раннефеодального сербского государства. Под безымянным озером, возможно, имеется в виду Скадарское озеро (*Perićić E. Sclavorum regnum Grgura Barskog. Zagreb, 1991, s. 248*).

- 45 Dioclea — город на месте старого иллирийского поселения при слиянии рек Зеты и Морачи, один из основных центров провинции Превалитана. В начале VII в. город был разрушен аварами и славянами. По названию города южная часть провинции получила то же наименование (территория сербской Дукли). Название Диоклея возникло в результате вульгарной этимологизации более древнего названия — Doclea, основанной на местной легендарной традиции, которая приписывала основание города Диоклетиану. На давность этой традиции указывает аналогичное сообщение Константина Багрянородного (КБ, с. 110–111).
- 46 Дворец Диоклетиана — одно из наиболее выдающихся сооружений эпохи Поздней Римской империи — сравнительно хорошо сохранился до наших дней. Дворец был построен в местечке Аспалаф (см. прим. 47). В нем Диоклетиан, происходивший из этих мест, провел последние годы жизни после отречения в 305 г. В VII в. в его стенах возник город Spalatum — Сплит, основанный беженцами разрушенной варварами Салоны, о чем хронист повествует ниже. Храм Юпитера был превращен в Средние века в церковь Вознесения Марии (см. с. 42), а храм Асклепия — Эскулапа — в баптистерий Иоанна Крестителя.
- 47 Приводимая этимология апеллирует к используемому некоторыми античными авторами названию Pallanteum. Вергилий, например, пишет об укрепленном городе с таким названием, основанном Эвандром на Палатинском холме (*Serv. Verg. Aen. VIII 51*). В действительности название «Spalatum» происходит от названия местечка, где был сооружен дворец — Аспалаф, восходящего, по распространенному мнению, к слову «aspalathos», обозначавшему вид далматинского терновника. См. также прим. 77.
- 48 Гай, уроженец Салоны, стал римским епископом в 283 г., умер в 296 г. Рассказ о нем соответствует его жизнеописанию по мартирологу и каталогам римских первосвященников (AASS. P., 1866, Apr., t. III, p. 16–17). Фомой ис-

пользован также один из вариантов жития св. Себастиана, в котором фигурирует имя Гая (Ibid., p. 14). Себастиан был казнен в 283 г. за проповедь христианства в императорском войске.

- 49 Лев I Фракиец — император Восточной Римской империи в 457–474 гг. Антонин назван здесь ошибочно вместо Анфемия, возведенного на западно-римский престол в 467 г. и убитого в Риме в 472 г. Лев Младший — внук императора Льва, назначенный им своим преемником в 473 г., когда тому было четыре года; он был сыном не Юлия Непота — Непоциана, а будущего императора Зинона (474–491). Лев II прожил лишь несколько месяцев после смерти деда. На племяннице Льва I был женат Юлий Непот, назначенный Львом западно-римским императором. Равенна в V в. была столицей Западной Римской империи.
- 50 Гликерий захватил власть в Равенне в 473 г., но был низложен уже в следующем году и назначен архиепископом в Салону. В HSM текст Фомы дополнен сведениями о салонских архиепископах, живших до Гликерия и занимавших архиепископский престол в двухсотлетний промежуток между правлением Гликерия и настижением упомянутого ниже Натала, а также о салонских соборах начала VII в. (HSM, p. 76–85).
- 51 Пелагий занимал папский престол в 578–590 гг.; Григорий I Великий — в 590–604 гг.
- 52 Весь последующий рассказ об архиепископе Натале и его конфликте с архидиаконом Салонской церкви Гоноратом большей частью является компиляцией из писем папы Григория I, относящихся к концу 590 — началу 593 г. (Gregorii papae registrum epistolarum / Ed. Evald P., Hartmann L. M. Hannoverae, 1887, t. I, pp. 12, 25, 116–120, 152–154, 180–181, 190). В сравнении с текстом своего источника хронист допускает некоторое смещение акцентов, изменяет хронологию связанных с конфликтом событий, так что в его интерпретации изложенный в письмах сюжет оказывается максимально приближенным к перипетиям вражды самого Фомы со сплитским архиепископом Гунцелом, подробно описанным в XXXI главе хроники.
- 53 В письмах Григория обвинений Натала в необразованности нет. Но показательно, что хронист использует то же выражение (*esset inopis scientie*) в отношении своего супостата Гунцела (HS, p. 94), а рассказывая о себе, в первую очередь отмечает свою способность к наукам (с. 86).

- 54 Порицание Натала в забвении духовного чтения и пристрастии к застолю содержится в письмах от марта 592 г.; о пирах как основном грехе Натала Григорий рассуждает также в письме от августа 592 г. «О пирах праведных и неправедных» (*Gregorii registrum epistolarum*, t. I, p. 152–154). В неоднократных обвинениях папы по поводу разбазаривания Наталом церковной утвари в качестве получателей незаконных даров назывались только его родственники. В дальнейшем изложении конфликта хронист следует в основном тексту писем Григория, датированных мартом 592 г. (*Ibid.*, pp. 118, 119–120), в которых рассказывается также предыстория конфликта, начавшегося во время правления папы Пелагия.
- 55 Изложение окончания дела Натала и Гонората представляет собой подборку цитат (воспроизводимых с незначительными погрешностями) из первых писем Григория по поводу этого конфликта — Наталу от января 591 г. (*Ibid.*, p. 16) и Гонорату от ноября 590 г. (*Ibid.*, p. 12). В действительности дело завершилось уже после смерти Натала в марте 593 г., когда в апреле того же года Гонорат был оправдан особым папским предписанием (*Ibid.*, p. 190). Однако именно первые письма перекликались с распоряжением папской курии о восстановлении самого Фомы в правах и архидиаконской должности, которых он был лишен архиепископом Гунцелом. Кроме того факт реабилитации Гонората при живом противнике придавал рассказу более выраженный дидактический характер. После смерти Натала Григорий рекомендовал салонскому клиру избрать на архиепископский престол Гонората (*Ibid.*, p. 202). Но, несмотря на протекцию папы, Гонорат по каким-то причинам не был избран. Фома обходит молчанием этот эпизод, возможно, потому, что он соотносится с неудачной попыткой возведения в архиепископский сан самого Фомы.
- 56 В рассказе о следующем за Наталом салонском архиепископе Максиме, в котором описываются события 593–599 гг., хронист в основном следует тексту и хронологии писем папы Григория, адресованных епископам Далмации (*Ibid.*, p. 249), самому Максиму (*Ibid.*, pp. 254–255, 382, 402–404; t. II, *Nannoverae*, 1893, p. 172–173), клиру и нобилям Салоны (*Ibid.*, t. I, p. 404–405), равеннскому архиепископу Мариниану (*Ibid.*, t. II, p. 172–173), папскому нотарию Касторию (*Ibid.*, p. 173).
- 57 Дело Максима хронологически укладывается в период правления императора Маврикия (583–602). Употребление хронистом множественного числа А. Красовский объяснял особенностями использования Фомой термина «*imperatores*» — для обозначения высших византийских государственных сановников вообще (История, I, с. 593, прим. 2).

58 Сведения хроники и других балканских источников о локализации прародины готов, очевидно, имеют отношение к средневековой традиции, возникшей на основе многочисленных античных и раннесредневековых свидетельств о локализации готов в I-II вв. приблизительно около Чехии, между Эльбой и Одером, в Польше на Нижней Висле и т. п. (*Czarnecki J. The Goths in Poland. Florida, 1975*). В рамках этой традиции распространялись представления о пребывании готов на указанных территориях и в более поздние времена.

Рассказ хроники о приходе готов имеет общую легендарную основу с известиями «Летописи попа Дуклянина» (середина или конец XII в.), где рассказывается, как из «северной страны» вышли готы, предводительствуемые тремя сыновьями короля Свеллада — Брусом, Тотило и Остроило. Двое последних заняли провинцию Паннония, а затем разбили выступивших против них королей провинций Истрия и Далмация. Тогда же Тотилой была разорена и Салона. Спустя некоторое время Тотило, пройдя через Истрию и Аквилею, опустошил многие области Италии, а Остроило занял всю Далмацию и приморские области (*Ljetopis, s. 40–46; Летопис, с. 293–295*). Традиция, приписывающая Тотиле разорение Салоны, продолжала бытовать и позднее, найдя, в частности, отражение в сплитской хронике XIV в. Мичи Мадия (*Michae Madii Historia, p. 645*). Исторический Тотила был вождем остготов в 541–552 гг., и описание нападения Тотилы на Салону может рассматриваться как отражение военных действий у Салоны в период войн королевства остготов с Византией в 535–552 гг. Фома пишет лишь о частичном разрушении Салоны Тотилой, приводя это предание в соответствие с реальной хронологией завоевания Далмации и разорения Салоны варварами в начале VII в. (см. прим. 68).

58 Изложенная в этой главе версия этногенеза хорватов на Балканах примечательна использованием хронистом хорватской исторической традиции и имеет несколько временных пластов, отражающих определенные этапы социально-политического, этнического и культурного развития населения Далматинской Хорватии в Средние века. Сообщение о приходе на Балканы с территории Польши — «из Полонии» лингонов представляет наиболее древний пласт. Оно находит соответствие в одном из двух вариантов истории переселения хорватов на Балканы, сохранившихся в составе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и опирающихся на историческую традицию балканских хорватов, сложившуюся к середине X в. В 30-й главе трактата фиксируются племенные сказания о приходе в Далмацию одного хорватского рода — пяти братьев и двух сестер «вместе с их народом»; они завладели Далмацией, победив аваров, которые в свою очередь вместе с какими-то славянскими племенами отвоева-

ли ее у «ромеев» и вытеснили их в несколько городов Адриатического побережья (КБ, с. 128–131). Ниже Фома сообщает о том, что лингоны были славянами. Очевидно, хронистом подразумевалось не кельтское племя лингонов, а близкое ему по названию славянское племя лендзян, места обитания которых находились на Висле. Имя лендзян служило в Средневековье для обозначения поляков вообще (Исаевич Я. Д. Висляне и лендзяне в IX–X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1982, с. 160). Не случайно Миха Мадий, используя данные хроники Фомы, пишет о разорении Салонны «Тотилой, князем поляков» (Michae Madii Historia, p. 645). Возможно, хронист переносит легендарное предание о переселении на Балканы хорватских племен на неких лингонов, чтобы привести его в соответствие с мнением об автохтонности хорватов, которое он разделяет (см. прим. 61). Локализация прародины пришельцев (Польша и называемая ниже в тексте Чехия) в целом соотносится с территорией обитания предков хорватов до их переселения на Балканы, как она определяется в тексте Константина Багрянородного — «за Багиварией», «у Франгии» (т. е. у владений германского императора Оттона I за Баварией) либо «по ту сторону Турции» (т. е. к северу от Венгрии) — (КБ, с. 130–131, 134–135).

В представленном в трактате Константина втором варианте истории переселения рассказывается о приходе в Далмацию и победе над аvaraми хорватов, руководимых архонтом — отцом «некоего Порга» (КБ, с. 134–137). Оформление этой версии происходило, очевидно, уже в условиях формирования раннесредневековой хорватской государственности, когда большое значение должно было придаваться воссозданию генеалогии правящего рода. Указание в хронике на Тотилу как вождя переселенцев и упоминание ниже некоего готского владыки «всей Славонии» обозначает основное направление дальнейшего развития представлений о появлении хорватов на Балканах в рамках этой, так называемой «княжеской» традиции, — поиск предков хорватских правителей среди готов, которым удалось сокрушить Римскую империю. Аналогичный процесс нашел отражение и в «Летописи попа Дуклянина».

- 60 Наиболее ранним и относительно достоверным памятником, содержащим описание поселения хорватов на Балканы, является сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» (КБ, с. 130–131, 134–137). Реконструкция ранних этапов истории хорватов строится главным образом на сопоставлении содержащихся в нем сведений. Появление хорватов на Балканах обычно датируют 20–30-ми годами VII в. (напр., Šišić F. Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1962, s. 76; Byzanz im 7. Jahrhundert. B., 1978, S. 129 u. a.). К этому времени занятые ими впоследствии территории уже были заселены какими-то славянскими племенами, подвластными аварским хаганам, и самими аvaraми. В борьбе славянских племен против Аварского хаганата в

Приморской Далмации сложился под главенством хорватов племенной союз, в который вошли и находившиеся ранее под аварским господством славяне, и остатки аварского населения. Этнополитическая консолидация этого объединения способствовала утрате старых славянских племенных наименований (за исключением названия племени гачан) и закреплению общего этнонима «хорваты», известного в источниках с IX в. Менее распространено в литературе иное мнение, основанное главным образом на данных 30 главы труда Константина. Согласно ему, хорваты появились в Далмации в конце VIII в., во время военных действий франков против аваров; причем древней родиной хорватов называется Карантаня (*Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Hist. zavoda JAZU. Zagreb, 1977, v. 8, s. 5–88; ср. Klaić N. Najnoviji radovi o 29, 30 i 31 poglavlju u djelu De administrando imperio // Starohrvatska prosvjeta. Zagreb, 1985, s. 31–60*).

- 61 Куреты — в греческой мифологии демонические существа, составлявшие вместе с корибантами окружение Великой матери богов Реи-Кибелы. Их отличительным знаком был медный бубен, медный щит или оружие. Представление о тождестве хорватов и куретов, очевидно, продиктовано фонетической близостью названий. Трудно сказать, насколько широко была распространена идея о родстве хорватов и куретов и о некоей мифической Куреции как древней Хорватии. В других синхронных хронике источниках она не представлена. Вместе с тем представление об автохтонности хорватов на Балканах превалирует в сочинениях хорватских авторов XV–XVI вв.
- 62 Lucan IV 406–407. Цитата приводится в искаженном виде. У Лукана речь идет о куриктах (*curictes*) — жителей о. Курикта (о. Крк) у побережья Далмации.
- 63 Данное предположение основано на фонетической близости имени куретов с глаголом «сугго».
- 64 Verg. Georg. IV 50. В античных источниках нет сведений об описываемом христом обряде.
- 65 Представление о ранней христианизации хорватов оформлялось, очевидно, вместе с появлением мнения о них как о балканских автохтонах (о христианизации хорватов см. прим. 80). Указание на принадлежность их к арианам — реминисценция «арианства» готов (см. прим. 134).
- 66 Распространенное в литературе мнение о тождестве для хрониста готов и славян основано на некорректном переводе последней фразы — «*Gothi a pluribus dicebantur et nichilominus Sclāvi secundum proprietatem nomine eorum*

qui de Polonia seu Boemia venerant (HS, p. 26). См., например, перевод Н. Клаич — «готов звали и славянами по их имени, которое они получили в Полонии и Богемии (*Klacić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1971, s. 23), и схожий перевод В. Рисмондо (*Kronika*, s. 33). (В переводе А. Красовского упоминание здесь имени славян выпущено — История, с. 597.) На основе подобной интерпретации этой фразы обычно делается вывод и о близости или даже тождестве представлений о месте готов в этногенезе хорватов Фомы Сплитского и автора Дуклянской летописи, который прямо указывал, что «готы — это те же славяне» (*Ljetopis*, s. 49; *Летопис*, с. 298). Между тем в сентенции Фомы явны следы полемики по поводу об этом тождестве.

- 67 Ср. сообщение Константина Багрянородного о жителях далматинских крепостей, которые и в его время назывались «римлянами» (Ρωμαῖνοι) (КБ, с. 112–113).
- 68 Разорение Салоны произошло в результате нашествия на Далмацию аварских и славянских племен, вытеснивших романское и романизованное население в горы и в несколько приморских городов и островов. Точная дата падения Салоны не установлена. Согласно археологическим данным, в начале VII в. город действительно подвергся разграблению (*Katić L. Vjerodostojnost Tome Arcidakona i posljedni dani Solina // VAHD. Split, 1952, knj. 53*). По данным Константина Багрянородного, это событие произошло до воцарения Ираклия, т. е. до 610 г. Однако большинство исследователей относит падение Салоны к 612–615 гг., опираясь на датировку последнего христианского надгробия городского некрополя. Ряд хорватских ученых предлагают ныне более позднюю дату, поскольку при раскопках Салоны обнаружены византийские монеты 624/5 и 630/1 гг. (*Marović J. Reflexions about the year of the destruction of Salona // VAHD. Split, 1984, knj. 77, s. 293–314*; ср. *Jakšić N. Constantine Porphyrogenitus as the source for destruction of Salona // Ibid., s. 315–326*). Рассказ Фомы о падении Салоны приближен по времени к событиям начала VII в., т. е. времени фактического падения города: главы о нашествии «готов» и падении Салоны хронист помещает после описания конфликта между сплитским архидиаконом Максимом и папой Григорием I, продолжавшегося до 599 г. Проецируя, таким образом, историю завоевания Далмации «варварами» на хронологию аварской эпохи на Балканах, хронист, однако, не упоминает аваров. Между тем в первоначальных версиях о переселении, зафиксированных у Константина Багрянородного, законность прав хорватов на территории Далмации обосновывалась как результат разгрома ими аваров. В средневековых (западноевропейских и византийских) источниках было распространено мнение о близости аваров и готов. Но, видимо, глав-

ной причиной исчезновения аваров в используемых хронистом хорватских версиях о переселении была большая актуальность версии о победе «готов» над «римлянами» для обоснования славянскими правителями своих прав на далматинские города. При всем отличии версии Фомы от двух рассказов о взятии Салоны аварами и славянами Константина Багрянородного (КБ, с. 110–113; 128–131) генетическая связь основных их элементов, отражающих, видимо, историческую реальность (стремительность нападения, отеснение романского населения к морю) несомненна.

- 69 Перечисляются острова, расположенные к югу от Сплита: *Soluta* (Шолта), *Bratia* (Брач), *Faron* (Хвар), *Lysia* (Вис), *Corcira* (Корчула).
- 70 Паллий — шерстяной плат, который с IV в. получали при посвящении все епископы (позднее только католические) как символ пастыря, несущего на плечах овцу.
- 71 В сборнике биографий римских пап «*Liber pontificalis*» имеется свидетельство о том, что в 640 г. со специальным поручением от папы Иоанна IV (640–642), далматинца по происхождению, в далматинские земли прибыл аббат Мартин собрать уцелевшие после варварских нашествий христианские реликвии. Аббат отыскал мощи некоторых святых, в том числе Домния и Анастасия, и перенес их в Рим, где они были помещены в часовне св. Венанция в Латеранском дворце (*Liber pontificalis* / Ed. Duchesne L. P., 1955, t. 1, p. 330). Текстуальное сходство рассказа Фомы и пассажа «Книги понтификов» указывает на вероятный источник сведений хрониста. В часовне св. Венанция сохранились мозаичные изображения Домния в епископском облачении и Анастасия в костюме знатного горожанина. Описание Фомой надгробий, возможно, сделано на основании собственных впечатлений.
- 72 Эти события нашли отражение в посланиях папы Григория I салонскому епископу Наталу и поддиакону Антонию, датированных октябрём 592 г. (*Gregorii registrum epistolarum*, t. 1, p. 126). Документальное подтверждение в них факта принадлежности церкви Эпидавра Салонской архиепископии, очевидно, определило введение в текст хроники данного пассажа. Сплитская церковь как наследница Салонской активно противодействовала возвышению церкви Дубровника, считавшего себя наследником Эпидавра, до положения архиепископии.
- 73 Предполагается, что Эпидавр был разрушен аварами и славянами ок. 614 г. (*Dovan A. Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do početka VII v. (do propasti Epidauruma)* // *Anali Hist. in-ta JAZU u Dubrovniku*. Dubrovnik, 1966,

№ 10–11). Его жители нашли спасение на о. Раусий в 15 км к северо-западу по побережью, где позднее возник г. Рагуза — Дубровник. Константин Багрянородный рассказывает о разрушении Эпидавра славянами, об основании его жителями Рагузы и о поселении в Рагузе части беженцев из Салоны (КБ, с. 122–123). Излагаемая в хронике версия, приписывающая участие в основании Рагузы неких римских преступников, которые и разрушили Эпидавр, имеет явно издевательский оттенок.

- 74 Дубровницкий епископ в качестве суффрагана сплитского архиепископа упоминается в актах сплитских церковных соборов 925 и 928 гг. и послании папы Льва VI, подтверждавшем решения собора 928 г. (HSM, p. 103–109; CD, v. 1, p. 38–39). В литературе имеет хождение точка зрения, согласно которой в конце X в. во время ослабления в Далмации византийского господства в Дубровнике было учреждено архиепископство; причем называются различные годы и организаторы этого учреждения — сама Византия, основатель болгарского Македонского царства Самуил, римские папы (*Barada M. Dalmatia Superior // Rad JAZU. Zagreb, 1949, knj. 270, s. 97 u. a.; Mandić D. Osnutak dubrovačke nadbiskupije // Mandić D. Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. Roma, 1963, s. 274 u. a.*). Вместе с тем некоторые исследователи считают, что существование Дубровницкой архиепископии надежно документируется лишь с XII в., и ссылаются при этом на послания пап Каликста II (1119–1124), Иннокентия II (1130–1143) либо Евгения III (1145–1153), подвергая сомнению аутентичность папских булл более раннего времени, подтверждавших предоставление паллия епископу Дубровника, в частности булл Бенедикта VIII 1022 г. (CD, v. 1, p. 61–62) и Григория VII 1067 г. (CD, v. 1, p. 143–144) (см. *Калић Ј. Црквене прилике у српским земљама до стварања архијепископије 1219 године // Међународни научни скуп «Сава Немањин — Свети Сава».* Београд, 1979, с. 36–45; *Perićić P. Sclavorum regnum...», s. 51–57,* здесь же история вопроса).
- 75 Lucan IV 404–405.
- 76 Yadria — Задар (Jader, Jadera) — первоначально поселение либурнов. При Августе здесь была основана римская колония. После разрушения Салоны Задар стал центром византийской Далмации. Между Сплитом и Задаром установились отношения соперничества. Желание обосновать свое превосходство нашло отражение и в сплитской легенде об основании города частью беженцев из Салоны. Йадр — р. Йадро. Некий основатель города Йадрий — видимо, персонаж какой-то местной легенды. Константин Багрянородный фиксирует легенду, очевидно, задарского происхождения о возникновении Задара раньше Рима (КБ, с. 124–125).

- 77 *Spatiosum erat palatium*. Название *Spalatum* хронист, таким образом, этимологизирует как соединение частей этих слов («просторный дворец»). Впоследствии в Сплите имела хождение схожая версия его названия. В хронике Михи Мадия сообщается, что название города означает «*Salone palacium letum*» или «*Salone palacium latum*», и потому печать города содержит надпись «*palacium letum Spaletum Salone quietum*» (Michae Madii Historia, p. 645).
- 78 Рассказ о переселении бывших жителей Салоны на материк и об урегулировании их отношений с «князьями готов и славян» схож с соответствующим эпизодом из сочинения Константина Багрянородного: «С того времени, как названные славяне поселились [здесь], овладев всем пространством Далмации, [обитатели] ромейских крепостей живут возделыванием земли на островах. Но так как паганы постоянно пленяли их и истребляли, они покинули эти острова, стремясь возделывать землю на материке. Однако этому воспрепятствовали хорваты, ибо они еще не платили подати хорватам, а все, что с недавнего времени отдают славянам, они вносили своему стратигу. Будучи не в состоянии прожить, они явились к приснопамятному василевсу Василию, поведав ему обо всем изложенном. Поэтому блаженный сей Василий постановил, чтобы они все даваемое стратигу отдавали славянам и жили с ними в мире, а стратигу бы предоставляли небольшую часть в знак подчинения императору». И далее Константин называет суммы этой во многом символической дани, причем для Сплита эта сумма была в два раза большей, чем для всех остальных городов (КБ, с. 134–135). Упоминание имени Василия I (867–886) как инициатора установления «подати мира» (как ее называют в литературе) согласуется и с его политикой по упрочению власти в западнобалканских землях, и со сложившейся тут в его время политической ситуацией. Текст Фомы объясняет подоплеку выплаты городами дани: по всей видимости, оплачивалась обрабатываемая горожанами земля, расположенная за городской территорией. А жители Сплита пользовались также землями своей «старой родины» Салоны. Сходство текстов Константина и Фомы указывает на длительное существование местного предания, отразившего процесс утверждения власти хорватов на далматинских землях и урегулирования в этой связи отношений с Византией.
- В литературе имеются и иные, менее приемлемые датировки данного события, основанные на поисках неких названных в хронике византийских «императоров» — соправителей. Так, одна из популярных точек зрения относит его к 641 г. и связывает с именами соправителей Константина II и Гераклеона (Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925, s. 282).

- 79 Хроника Фомы — единственный источник, рассказывающий об Иоанне Равеннском. Фома помещает сообщение о нем после описания событий

VII в., связанных с разрушением Салоны, и перед перечнем следующих за Иоанном сплитских архиепископов, правление которых относится к IX в. Возможно, хронист намеренно затемняет датировку деятельности Иоанна, стремясь удревнить историю Сплитской архиепископии (см. *Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 84–86). Исследователи не сомневаются в историчности фигуры Иоанна Равеннского, но предлагают различные датировки его деятельности в широком хронологическом диапазоне с VII до X в., приводя в соответствие со своими доказательствами и датировку надписи на найденном в Сплите саркофаге некоего архиепископа Иоанна, которого они идентифицируют с Иоанном Равенским (*Barada M. Episcopus chroatensis // Croatia sacra. Zagreb, 1931, v. 1, s. 164 et al.; Karaman Lj. Razgovori o nekim problemima domaće historije, arheologije i historije umjetnosti // Anali Hist. In-ta JAZU u Dubrovniku. Dubrovnik, 1959, sv. 8–9, s. 126 et al.*). Однако пока нет достаточно надежных оснований для отождествления Иоанна из надписи на саркофаге с Иоанном Равенским. Первое документальное известие об учреждении митрополии в Сплите содержится в актах сплитского церковного собора 925 г., в которых и провозглашается факт ее образования (HSM, p. 99).

- 80 Утверждение Фомы дало основание ряду авторов видеть в Иоанне Равенском крестителя хорватов и считать, что их крещение было осуществлено священниками из далматинских городов вскоре после появления хорватов на Балканах (так называемая «далматинская теория» крещения хорватов) (см., например, *Barada M. Episcopus chroatensis, s. 164 et al.*). Утверждение христианства у хорватов в качестве официальной религии произошло, очевидно, в IX в., причем на этот процесс оказывали влияние различные силы, прежде всего Рим, Византия и Аквилейский патриархат. Гипотезы о более ранней дате крещения хорватов опровергаются данными археологии (погребальный обряд) (*Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX st. Zagreb, 1980, s. 78–79*). Однако, согласно косвенным данным, уже с VII в. далматинское романское духовенство играло активную роль в обращении в христианство представителей хорватской знати (см. *Наумов Е. П. Общественно-политические сдвиги в сербских и хорватских землях и христианская миссия на Балканах // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988, с. 70–99; ср. Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 84–86, 196–206). Согласно сообщениям Константина Багрянородного, хорваты получили крещение из Рима при «архонте» Порине (КБ, с. 132, 133) или Порге (КБ, с. 136, 137). Этих персонажей обычно идентифицируют с хорватским князем Борной (ум. 821 г.). Рассказы о крещении хорватов Константина Багрянородного и о деятельности Иоанна Равеннского объединяет представление о решающей роли Рима в христианизации хорватов. В этих рассказах, видимо, нашла отражение борьба хор-

- ватских церковных и светских деятелей за политическую и церковную независимость от Византии. Традиция, приписывающая Риму крещение хорватов, была известна в римской курии второй половины IX — первой трети X в., признавалась и поддерживалась ею (*Katičić R. Methodii doctrina // Slovo. Zagreb, 1986, sv. 36, s. 11–44*).
- 81 Ср. сообщение Константина Багрянородного о том, что от дворца Диоклетиана «сохранилось до наших дней немного, среди прочего — помещение епископии крепости» (КБ, с. 124–125).
- 82 Церковь Вознесения Марии.
- 83 В одном сплитском бревиарии в составе жизнеописания св. Домния имеется запись о том, что после нашествия готов и разрушения Салоны граждане бежали на близлежащие острова и оттуда пришли во дворец Диоклетиана, где стали жить и, выбросив идолов из храма Юпитера, посвятили этот храм богородице Марии, а затем с помощью архиепископа Иоанна перенесли туда из Салоны мощи св. Домния (*Documenta, p. 288*). Гипотезе об использовании Фомой данного текста в качестве своего источника (*Gunjača S. Ispitivanje i dopune starijoj hrvatskoj historiji. Zagreb, 1973, t. 1, s. 190–192*) недостает обоснованной датировки текста бревиария.
- 84 Источник этой главы — далматинский текст «Перенесение мощей св. Домния», наиболее ранние версии которого предположительно относятся к XI в. (см. прим. 130). Вместе с тем сведения о захоронении Домния и Анастасия в Сплите противоречат рассказу VIII главы хроники о перенесении и захоронении их мощей в Риме. Вопрос о подлинности мощей в Риме и Сплите запутан и неясен (см. *Istorija svetoga Dujma i Staša // Legende i kronike. Split, 1977, s. 43–44*). Хотя сам факт перенесения каких-то мощей (под видом останков Домния и Анастасия) вполне вероятен в связи с утверждением Сплитской церковью своих епископальных прав в качестве преемницы Салонской церкви. Наиболее ранней фиксацией факта захоронения этих святых в Сплите является сообщение Константина Багрянородного о захоронении св. Домна в храме его имени, который «служил [некогда] усыпальницей и самому василевсу Диоклетиану», и о том, что «покоится в сей крепости и св. Анастасий» (КБ, с. 124–125).
- 85 Ниже называются имена лишь некоторых из сплитских архиепископов. О порядке наполования салонских и сплитских архиепископов см. в: *Bulić F., Bervaldi J. Kronotaksa solinskih biskupa uz dodatka: Kronotaksa splitskih nadbiskupa od razorenja Solina do polovine XI v. Zagreb, 1913*.

- 86 Несмотря на отделение от Далмации в конце III в. провинции Превалитана, прибрежные территории последней продолжали именоваться Далмацией. В средневековых памятниках, начиная с XII в., встречаются названия Верхняя (Superior) Далмация — области к югу от Дубровника до реки Бояны и Нижняя (Inferior) Далмация — территории к северу от Дубровника до Истрии (*Barada M. Dalmatia Superior // Rad JAZU. Zagreb, 1949, sv. 270, s. 93*). В сплитской церковной традиции первенство сплитского епископа в Далмации обосновывалось наследованием Сплитской церковью территории, прав и привилегий Салонской архиепископии, что нашло наиболее полное отражение в актах сплитских соборов 925 и 928 г. (*HSM, p. 99–102, 105–106*). Мнение о роли Сплитской церкви как о «матери, наставнице и госпоже» всех далматинцев высказывалось различными сплитскими иерархами и в позднее Средневековье (*CD, t. 2, p. 149, 159 et al.*).
- 87 Суффраганы — епископы, подчиненные архиепископу (митрополиту).
- 88 До учреждения Сплитской митрополии в 925 г. сплитские прелаты по традиции именовались салонскими.
- 89 Дельминий (Дувно) (см. прим. 3) входил в состав средневекового Дуклянского государства и в дуклянской политической и церковной легендарной традиции, зафиксированной в «Летописи попа Дуклянина», играл важную роль как место проведения (*Dalma, Дуванско поле*) собора, утвердившего с одобрения и при активной помощи папских и константинопольских посланников само существование дуклянской державы и церковную организацию Дукли, причем «король Светопелек» выступил на соборе инициатором посвящения архиепископов: «одного — в Салоне, а другого — в Диоклее» (*Ljetopis, s. 50–55; Летопис, с. 304–308*). Упоминание здесь дельмийского епископа как сплитского суффрагана обозначало сферу территориальных интересов Сплитской архиепископии в связи с образованием и существованием Барско-Дуклянской архиепископии (см. прим. 109).
- 90 Siscia — совр. Сисак при впадении Кульпы в Саву. Квирин — мученик гонений Максимиана — был сисакским епископом в нач. IV в., принял мученическую смерть в 303 г. Сисакская епископия существовала еще в эпоху Римской империи, но дата ее основания неизвестна. Сначала она подчинялась Сирмийской (Сремской) митрополии, а затем — Салонской. На территории Сисакской епископии в конце XI в. было основано Загребское архиепископство (см. прим. 156).
- 91 Нижеследующий список сплитских архиепископов не полон. Вполне возможно, что их имена взяты из грамот сплитского архива, что и объясняет

особенности приводимых датировочных формул, в частности упоминание в них имен хорватских правителей (*Rački F. Kada i kako se preobrazi hrvatska kneževina u kraljevinu // Rad JAZU. Zagreb, 1872, sv. 18, s. 72–73; Šišić F. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik hrvatskog arheološkog društva. Nova serija. Zagreb, 1914, sv. 13, s. 71*).

- 92 В послании папы Иоанна VIII от 879 г. далматинским прелатам упоминается Иоанн, «архипресвитер салонского престола» (CD, I, p. 16–17), что дало основание для сомнений если не в историчности фигуры Юстина, то в предложенной Фомой датировке его деятельности и в существовании в это время в Сплите епископии (*Bulić F., Bervaldi J. Kronotaksa..., s. 151–153; cr. Klaić N. Povijest Hrvata..., s. 238*).
- 93 Франкский император Карл Толстый (881–888). Правление хорватского князя Бранимира, по сведениям Иоанна Диакона, началось в 879 г. (*Iohannis Diaconi Chronicon // Cronache veneziane antichissime. Roma, 1890, v. 1, p. 126*). Далматинская надпись упоминает о нем под 888 г. (*Documenta, p. 375*). Его преемник Мунцимир — Мутимир занял престол до 892 г.
- 94 При сплитском архиепископе Иоанне проводился сплитский церковный собор 925 г. (*HSM, p. 102–106*). Хорватский правитель Томислав — ок. 910–925 г.
- 95 В 970 г. византийским императором был Иоанн Цимисхий (969–976). Правление Држислава относится в целом ко второй половине X в.
- 96 Вопрос о времени коронации хорватских князей дискусионен. Это событие связывается и с именем Томислава, и Држислава (*Beuc C. Rex i regnum na nadgrobnom natpisu kraljice Jelene // Starine. Zagreb, 1980, knj. 58, s. 1–8*), и Звонимира (вторая половина XI в.) (*Klaić N. Povijest Hrvata..., s. 291*). Последняя точка зрения согласуется с появлением в грамотах Звонимира формул, свидетельствующих об особом почитании королевского трона и королевских регалий — мантии, меча, скипетра, короны. Вызывает споры и вопрос о времени присоединения к Хорватии Далмации. Датировка создания хорватско-далматинского объединения временем правления Томислава, предложенная еще Ф. Рачки, противоречит известиям византийских источников, по которым в X в. Далмация находилась на положении византийской фемы. Сторонники присоединения Далмации при Држиславе (см. *Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953, t. 1, s. 197*) основываются только на сведениях Фомы и полагают, что Држислав получил Далмацию в награду за помощь, оказанную им империи в войне против болгарского короля Самуила. Однако, как показал Я. Ферлуга, Држислав умер до войны Византии

- против Самуила (*Ферлуга О. Византиска управа у Далмацији*. Београд, 1957, с. 87–88). Больше сторонников приобрела точка зрения о присоединении Далмации к Хорватии (при сохранении значительной автономии далматинских городов) во второй половине XI в. при Петре Крешимире IV либо при Звонимире (*Ferluga J. Byzantium on the Balkans*. Amsterdam, 1976, p. 147; *Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 387–389).
- 97 Титул патрикия имел в X–XI вв. почетный характер и не связывался с исполнением каких-либо политических функций. Именование в Византии «эпархами» иностранных правителей было обычным (*Ферлуга О. Византиска управа у Далмацији*, с. 89). Византия поддерживала сына Држислава — его наследника на хорватском престоле Светослава в борьбе со свергнувшими его младшими братьями Крешимиром III и Гоиславом. Братья вынуждены были в начале XI в. признать власть императора Василия II, с чем, видимо, и могло быть связано наделение хорватских правителей византийской титулатурой. Так что сообщение об этом хроники признается исторически достоверным (*Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 323, 330).
- 98 Капуа — город, расположенный к северу от Неаполя. Герман был капуанским епископом в первой половине VI в. Его имя упоминается и в «Летописи попа Дуклянина» в связи с обозначением времени появления готов в Далмации (Летопис, с. 40; *Ljetopis*, s. 293).
- 99 Карантания — раннефеодальное государство словенцев, располагавшееся в VII–XI вв. в бассейне р. Муры и верховьях р. Савы. Марония — часть Далмации от устья Неретвы до Сплита, территория средневекового Неретлянского княжества. Хум — историческая область между Дубровником и рекой Неретвой, территория будущей Герцеговины. Сведения о границах хорватского государства основываются на исторической традиции, отражавшей территориальные притязания хорватских правителей. По сообщению Константина Багрянородного, в X в. граница Хорватии проходила по реке Цетине (КБ, с. 132–133).
- 100 Все сведения о ранней венгерской истории, сообщаемые хронистом в этой главе, имеют соответствия в различных венгерских источниках, и прежде всего в официальной венгерской историографии — средневековом своде хроник Венгрии «Деяния венгров» («*Gesta Ungarorum*»). Упоминание Фомой массагетов в качестве предков венгров, очевидно, основано, как отмечал еще Ф. Рачки (HS, p. 42, b), на распространенном в Средневековье представлении (восходящем к Прокопию) о тождестве массагетов и гуннов. Отождествление венгров и гуннов встречается у западноевропейских

авторов X–XII вв. (биограф Фридриха Барбароссы Готтфрид из Витербо и др.). Под их влиянием в XIII в. в Венгрии создается миф о родстве или даже тождестве венгров и гуннов и об Аттиле как вожде и тех и других (см. *Kosáry D. Bevezetés a magyar történelem forrásaiba és irodalmába. Bp., 1951, 1. k., 38–39. l.*), зафиксированный прежде всего в тексте «Деяний гуннов» (XIII в.) (в составе «Деяний венгров»). Употребление хронистом названия Магерия (от самоназвания мадьяры) свидетельствует о знакомстве с содержащимся в венгерских памятниках предании о том, что венгры вышли из той части Скифии, которая зовется Магерией (варианты — *Magogia, Mogoria, Mogeria*). Мотив «Паннония — пастбище римлян» появляется в венгерских памятниках с XI в. и получает большое распространение к середине XIII в. (*Györffy Gy. Formation d'Etat au IX-e s. suivant le «Gesta Hungarorum» // Nouvelles études historiques. Bp., 1965, v. 1, p. 36–53*). В венгерских источниках сообщается также о жестоком избиении и порабощении жителей Паннонии венграми и об их последующих разрушительных набегах на окрестные земли. Хула Фомы в адрес венгров и Аттилы также согласуется с определениями венгерских источников («венгры когда-то были бичом христиан», «Аттила — угроза мира, бич Божий» и пр.), и главным образом в житии Стефана Святого (конец XI — начало XII в.). При том, что использование Фомой текстов венгерской историографии несомненно (см. очевидные параллели: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. Domanovszky A. // SRH. Bp., 1937, v. 1, p. 235, 248–251 et al.*; *Simonis de Keza Gesta Hungarorum / Ed. Domanovszky A. // Ibid., p. 146 etc.*; *Legenda S. Stephani regis maior et minor / Ed. Bartoniek E. // SRH. Bp., 1938, v. 2, p. 378, 402*), трудно связать текст Фомы с каким-то определенным источником (ср. Летопис, с. 9).

- 101 Петр был действительно современником хорватского князя Трпимира, однако княжение Трпимира приходится приблизительно на 846–864 гг., а его сына Мунцимира — 892–910 гг. Искажение хронологического ряда хорватских князей допущено, очевидно, сознательно и связано с территориальными притязаниями сплитской церкви. Не ранее XII в. на основе старых грамот были составлены две дарственные — от имени Трпимира 852 г. и от имени Мунцимира 892 г., утверждавших право Сплитской церкви на владения находящейся на хорватской территории церкви св. Георгия Путальяского (CD, I, p. 24. О датировке грамот см. *Klaić N. O trpimirovoj darovnici kao diplomatskom i historijskom dokumentu // VAHD. Split, 1967, knj. 62, s. 105–155*). В грамоте 892 г. встречаются все три имени — Петр, Трпимир и Мунцимир, поэтому надо полагать, что источником сообщения Фомы была именно эта грамота (ср. *Bulić F., Bervaldi J. Kronotaksa..., s. 168–169*). Указанные в грамотах земли служили основанием для вооруженных конфликтов между Сплитом и славянским окружением на протяжении XII–XIII вв. (ниже Фома описывает

- эти события). Представляя Трпимира и Мунцимира преемниками Држи-слава (см. прим. 96), хронист тем самым утверждал их право на королевский титул, что придавало больший вес сплитским фальсифицированным грамотам, изданным от их имени.
- 102 Василий II (Болгаробойца) (976–1025), Константин VIII (соправитель Василия — 976–1025; самост. правл. — 1025–1028), Крешимир III (ок. 1000 – 1039).
- 103 Престанций упоминается в сплитских документах после 1020 г. в связи с передачей по наследству своему сыну церкви св. Марии (CD, t. I, p. 59–60).
- 104 Геца — венгерский князь (972–997). Сообщение о Гезе основано на данных венгерского жития св. Стефана: только в этом памятнике Геца называется «четвертым правителем» (*princeps quartus*) (*Legenda S. Stephani*, p. 378, 403), причем хронист пользовался одним из ранних списков жития, поскольку в списках начиная с XIII в. слово «четвертый» было исправлено на «пятый». Однако хронист ошибается в датировке крещения Гезы (имевшем место в 974 г.), разбив известием о нем рассказ об архиепископе Павле.
- 105 Последняя из известных грамот, упоминающих архиепископа Павла, действительно относится к 1030 г. (*Documenta*, p. 39–40), но в Византии тогда соправительствовали Роман III Аргир (1028–1034) и императрица Зоя (1028–1050).
- 106 В других источниках сведений об этом соборе нет. На основании данных Фомы устанавливается приблизительная дата его проведения — в 1030 г. (см. *Waldmüller L. Die Synoden in Dalmatien, Kroatien und Ungarn. Paderborn etc.*, 1987, S. 49).
- 107 Котор (в тексте — *Chatharo, Cataro*) — город в глубине Которской бухты на Адриатике; Антибари — название города Бар на далматинском побережье Адриатики по его местоположению — против итальянского города Бари; Улцинь (*Dulcignum*) — город на далматинском побережье к югу от Бара; Свач (*Suacium*) — город недалеко от Улциня на р. Буне. Данные этого пассажа отражают территориальные притязания Сплитской архиепископии. Котор, согласно решениям сплитского собора 925 г., назывался в числе так называемых «восточных», т. е. верхнедалматинских суффраганий Сплитской митрополии (HSM, p. 104). Однако по крайней мере с 1022 г. он был суффраганией Бари на итальянском побережье Адриатики (*Codice diplomatico Varese. Bari*, 1964 [reed. 1897], t. 1, p. 22, № 11). Улцинь и Бар приблизительно в VIII в. с образованием византийской фемы Диррахий входили в

ее состав, и в начале XI в. их епископы находились в подчинении митрополита Диррахия, признававшего власть константинопольского патриарха (см. *Калић Ј.* Црквене прилике..., с. 30–31). Которская, Барская и Ульцинская епископии упоминаются в качестве суффраганий Дубровницкого архиепископства в булле папы Бенедикта VIII 1022 г., подлинность которой оспаривается (см. прим. 74). Наличие в данное время епископии в Сваче вызывает обоснованные сомнения (*Станојевић Ст.* Борба за самосталност католичке цркве у Неманићској држави. Београд, 1912, с. 37). См. также прим. 109.

108 На о. Хвар действительно имеется мыс Епископов (*Punta dei vescovi*). Однако это название вряд ли имеет отношение к упоминаемому — весьма гипотетическому — кораблекрушению (*Станојевић Ст.* Борба за самосталност..., с. 37; ср. *HS*, р. 42, е). В других источниках факт гибели епископов не зафиксирован, однако в литературе обсуждается возможная дата этого события (*Foretić F.* La Chiesa di Ragusa (Dubrovnik) in rapporto alla Chiesa di Spalato (Split) // *Vita religiosa, morale e sociale ed i Concili di Split (Spalato) dei sec. X-XI.* Padova, 1982, р. 410).

109 История образования во владениях Салонской, а затем Сплитской церкви независимой от нее митрополии по-иному представлена в дуклианской и дубровницкой исторических традициях. Легендарный рассказ «Летописи попа Дуклианина» относит образование Дуклианской архиепископии к эпохе Кирилла и Мефодия, когда на соборе на Дуванском поле король после своей коронации «учредил для Нижней Далмации митрополию в Салонской церкви, а для Верхней Далмации Дуклианскую церковь сделал митрополией» (Летопис, с. 301–306; *Ljetopis*, s. 48–54). Дубровницкая традиция зафиксирована в трудах дубровницких авторов XVI–XVIII вв. (обзор см. в: *Perićić P.* Sclavorum regnum..., s. 58–61). По их представлениям, в конце X в. дуклианский архиепископ Иоанн после завоевания западно-болгарским царем Самуилом Диоклеи бежал в Дубровник и после смерти местного епископа был избран на его место, сохранив за собой не только право называться архиепископом, теперь уже дубровницким, но и прежнюю подвластную территорию.

Изображая стихийное бедствие как естественную и единственную причину учреждения митрополии в Баре, Фома тем самым представляет наиболее приемлемую для Сплитской церкви версию событий, в результате которых она лишилась своих верхнедалматинских суффраганий. Хотя в представленной в хронике версии событий Дуклия не упоминается, образование митрополии в Баре было связано со стремлением правителей сербской Дукли к установлению собственной митрополии (*Станојевић Ст.* Борба за самосталност...; *Perićić P.* Sclavorum regnum..., s. 31–74; *Lesny J.* Studia nad początkami Serbskiej monarchii Nemaniczków pol. XI — kon. XII w.

Wrocław; W-wa, 1989, s. 79–96). В 70–е гг. XI в. выбор князя Дукли Михаила I Воиславлевича пал на Дубровник как на столицу будущей митрополии. В силу ряда причин (раскол папства, противоречия на этой основе внутри дубровницкой церкви, конкурирующее противодействие Сплитской церкви) этот план не был реализован. При сыне и наследнике Михаила I — Михаиле Бодине антипапой Климентом III в 1089 г. была выдана булла о создании Дуклянской митрополии в Баре и о предоставлении паллия барскому епископу Петру. Суффраганиями Барского архиепископства стали Котор, Ульцинь, Свач, Скадар, Дривост, Полат, а также церковные провинции Сербии, Боснии и Травунии. Текст буллы сохранился лишь в копии XVII в., однако его аутентичность не вызывает сомнения (*Kehr P. Papsturkunden in Rom // Nachrichten von der königliche Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen, 1890, Bd 2, S. 148*). Что касается буллы 1067 г. об основании Барской митрополии, выданной от имени папы Александра II (*Documenta p. 201–203*), то существует мнение о ней как о более позднем фальсификате, появление которого обязано стремлению Барской церкви укрепить права на митрополию ссылкой на имя папы Александра, а не изгнанного из Рима Климента III (*Sforza F. Bari e Kotor. Casano; Bari, 1975, p. 65–66*). Сплитская церковь в течение длительного времени не признавала территориальных прав Барской архиепископии. Однако основная борьба за территориальное и статусное влияние развернулась во второй половине XII — первой половине XIII в. между Баром и Дубровником. В 1167 г., в условиях потери Дуклянским государством политической самостоятельности и признания им византийского суверенитета, Барская епископия распоряжением папы Александра III переходила в управление Дубровницкой архиепископии (*CD, t. 2, p. 109–110; PL, v. 200, p. 463*). В 1247 г. после смерти барского архиепископа Иоанна кафедра Барской епископии была вообще упразднена, и распоряжением папы Иннокентия IV капитул Бара был переведен в распоряжение Дубровницкой церкви. Это вызвало горячее противодействие барских клириков, которое привело в конечном счете к восстановлению архиепископии и к поставлению Римом в 1248 г. архиепископом Бара Плато Карпини, призванного решить спор миром. В 1252 г. конфликт Барской и Дубровницкой церквей рассматривался в папской курии. Здесь Карпини при обосновании прав Бара опирался на дуклянскую историческую традицию, полагая, что в Далмации имелось лишь две законные архиепископии — в Салоне и Диоклее, наследницами которых стали церкви Сплита и Бара; что касалось Дубровницкой архиепископии, то, по мнению Карпини, она должна была подпадать под юрисдикцию сплитского архиепископа, (*CD, t. 4, p. 482–483, ср. Ljetopis, s. 48–49*). По всей видимости, сочувственное представление хронистом факта установления Барской епископии и дискредитирующее Дубровник заявление о принадлежности его церкви Бару следует

рассматривать в контексте деятельности Карпини в конце 40-х — начале 50-х гг. XIII в. Об отношении Фомы к Плано Карпини можно судить по активному использованию хронистом сочинения Карпини о татаро-монголах (см. прим. 325).

- 110 Апсар (Absarum) — город и остров Црес. Трогир (Tragurium) — город на побережье Адриатики, основанный греческими колонистами в III в. до-н. э.
- 111 Парохия — округ, приход.
- 112 Вегла (Veglia) — остров и город Крк. Раб (Arbe) — остров и город. Сень (Segnia, Senia) — город на берегу Адриатики в Северной Далмации. В актах сплитского церковного собора 928 г. в числе еkkлесий в этой части Далмации назывались Задарская, Рабская, Кркская и Апсарская (HSM, p. 104). Территория кркской епископии могла включать в себя территории жупаний Винодола и Сенья (*Klacić N. Povijest Hrvata...*, s. 381), которые в конце XII в. вместе с жупаниями Гацка и Буже составляли владения Сеньской епископии (CD, II, p. 193). Первое надежно документированное известие о епископии Сенья относится к 1169 г. (*Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke crkve među Hrvatima. Zagreb, 1973, s. 94*).
- 113 Нин (Nona) — древнеримский город недалеко от Задара, позднее — резиденция первых хорватских князей и епископов хорватской церкви после возникновения Нинской епископии в IX в. (см. прим. 145). Епископия в Нине была вновь учреждена при хорватском правителе Крешимире IV, в третьей четверти XI в. Белград (Belgradum) — совр. Биоград на Адриатическом побережье Далмации. Белградской епископии принадлежали земли от Нина и Карина до Скрадина и Брибира.
- 114 По сообщению венецианского дожа и хрониста XIV в. Андреа Дандоло, Белград в Далмации был разрушен венецианцами в 1125 г. (*Andreae Danduli Chronica per extensum descripta aa. 46–1280 / A cura di Pastorello E. Bologna, 1938, P. 1, p. 272*). Задар был занят венецианцами в 1117 г. Перенос престола епископии в Скрадин (Scardona) — город на месте старого иллирийского поселения, находящегося примерно в 40 км ниже от Биограда, был, очевидно, связан со стремлением Венгрии, под чьим суверенитетом находилось тогда Адриатическое побережье, удалить престол епископии от подчиненной Венеции территории.
- 115 Шибеник (Sibenicum) — город-порт на Адриатическом побережье.

- 116 Мукар (Mucarum) — совр. г. Макарска на побережье в 60 км к востоку от Сплита. В сохранившихся документах нет упоминаний ни об одном макарском епископе с VI до XIV в. Крайна (Craina) — область между нижним течением рек Цетине и Неретвы. Стон (Stagnum) — город на перешейке, связывающем п-ов Пелешац с материком.
- 117 Претензии Сплитской церкви на Хумскую землю основывались на зафиксированном в актах сплитских соборов первой трети X в. факте признания хумским князем Михаилом Вишевичем власти Сплитского архиепископа (HSM, p. 96 et al.).
- 118 Книн (Tinium, Tenenum) — центр одноименной жупании в Хорватии; во второй половине XI в. при хорватском короле Звонимире был местом его резиденции. Существует несколько версий относительно местонахождения церкви св. Марии — с ней идентифицируют различные археологические остатки культовых сооружений в Книне и его окрестностях (*Karaman Lj. O revizije iskopina u Biskupiji kod Knina // Starohrvatska prosvjeta. Zagreb, 1955, ser. III, № 4, s. 219; Gunjača S. Oko položaja kninske katedrale // Ibid. Zagreb, 1958, № 6*).
- 119 В следующей главе помещен рассказ о хорватском епископе. На основе сведений Фомы возникла популярная концепция о поставлении независимого от Сплитской архиепископии епископа Хорватии при хорватском правителе Крешимире III приблизительно между 1024 и 1030 г. (*Barada M. Episcopus chroatensis, s. 201*). В источниках более позднего времени хорватский епископ выступает как «амбулантный», т. е. не имеющий постоянной резиденции (*Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke..., s. 94*). Статус «резиденциального епископа» он получил только в 1185 г. на церковном соборе в Сплите (см. прим. 209).
- 120 Цетина (Cetina) — область в среднем течении р. Цетины, территория одноименной старохорватской жупании. Клевна (Cleuna) — территория старохорватской жупании с одноименным центром (совр. Ливно) у истока Бистрицы. Клис (Klissa) — крепость в 4 км от Салоны. Мосор (Massarum) — хребет Мосор между Клисом и р. Цетине. Омиш (Almisium) — город в устье р. Цетины. Крбава (Korbauiia) — территория старохорватской жупании в средней части Далмации. Железные Альпы — см. прим. 155; имеются в виду земли Славонии, вошедшие в основанную ок. 1094 г. Загребскую епископию (см. прим. 156). Список в целом отражает территориальные притязания Сплитской архиепископии. К конфликтам XII-XIII вв. из-за этих земель хронист будет обращаться не раз.

- 121 Возможно, имеется в виду кардинал-епископ Иоанн Портосский, легат папы Льва IX (1048/49–1054). С последним в таком случае может быть идентифицирован названный выше папа (HS, p. 46, a). Однако при отсутствии надежных сведений не исключены и предположения об идентификации этого папы с Виктором II (1055–1057) и Стефаном IX (1057–1058) (см. *Waldmüller L. Die Synoden...*, S. 52).
- 122 В других источниках сведений об этом соборе нет.
- 123 В приводимой аргументации Дабрала имеется существенная несообразность: епископам и Восточной церкви не позволялось иметь жен. В Западной церкви практика celibата была окончательно утверждена лишь в результате реформ второй половины XI в. До этого времени в источниках встречаются упоминания о женатых епископах (в том числе и в Далмации). Так что сообщение о Дабрале может рассматриваться также в контексте развития уставов Западной церкви. В целом оправдания Дабрала отражают логику решений соборов того времени в отношении celibата. Так, в заключениях собора 1057 г., созванного папой Стефаном IX, говорится, что в Восточной церкви — одна традиция, в Святой Римской церкви — другая; их священники, диаконы и поддиаконы вступают в брак; в Западной же церкви никакому священнику не позволено иметь жену (*Hefele C. J. von. Conciliengeschichte. Freiburg, 1879, Bd 4, S. 792–797*).
- 124 Стефан (Иштван) I (997–1038) — венгерский князь, с 1000 г. — король. Перечисление его добродетелей и благодеяний восходит к апологии Стефана в его житии (*Legenda S. Stephani*, p. 363–440). Хронист неточен в датировке. Сообщение о получении Стефаном знаков королевского достоинства, имевшем место в 1000 г. (*Ibid.*, p. 384), помещено им после известия о прибытии в Далмацию в середине XI в. папского легата Иоанна.
- 125 Иоанн умер в 1059 г. (HS, p. 47, a).
- 126 Обычно этого не названного по имени легата идентифицируют с Майнардом — легатом папы Николая II (1059–1061) (HS, p. 47, b; *Kronika*, s. 186). Еще одна гипотеза связывает его с легатом Теузо (Theusus) из Корчупольского кодекса XII в., где в составе жизнеописания папы Александра II (см. прим. 133) содержится известие о далматинском соборе, проводившемся этим легатом. Согласно гипотетической датировке, собор мог состояться между мартом и сентябрем 1060 г. (*Waldmüller L. Die Synoden...*, S. 60–64). Однако вопрос об идентификации самого Теузо остается открытым.

- 127 Лаврентий был сплитским архиепископом в 1060–1099 гг.
- 128 Существует ряд грамот, изданных от имени хорватского короля Звонимира с подтверждением старых и предоставлением новых дарений Сплитской церкви (CD, I, p. 141, 160, 161, 180–181).
- 129 Букв. *ciminile manicatum* = *aquamatile* — сосуд, в котором священник во время службы оmyвает руки (HS, p. 48, a).
- 130 Известно шесть редакций жития св. Домния — ученика апостола Петра, три — св. Анастасия и три — «Перенесения мощей». Вопрос о том, какие из них принадлежат клирику Адаму Парижскому, проезжавшему через Далмацию в 80-х гг. XI в., остается спорным (см. *Istorija svetog Dujma i svetog Staša*, s. 16–17).
- 131 Источник рассказа об Иоанне — его житие, составленное в 1203 г. трогирским епископом Трегуаном на основе текстов XII в. (*Život svetoga Ivana Trogirskog // Legende i kronike. Split, 1977, s. 59–121*). Вероятная дата посвящения Иоанна — 1064 г. (*Ibid.*, s. 91).
- 132 О Майнарде и его деятельности, в том числе и в качестве легата папы Николая II (1159–1161) см.: *Gatto L. Mainardo vescovo di Silvacandida e abate di Pomposa // Rivista della Chiesa in Italia. Roma, 1962, v. 16, p. 201–248*.
- 133 Собор, о котором идет речь, состоялся при папе Николае II в 1059 (HS, p. 49, c) или в 1060 г., возможно, в первой его четверти (*Waldmüller L. Die Synoden...*, S. 62, ср. *Barada M. Prilozi kronologiji hrvatske povijesti (1062–1075) // Rad JAZU. Zagreb, 1957, knj. 311, s. 186–192*). Ошибочное упоминание в связи с этим собором имени папы Александра (Александра II, занимавшего папский престол в 1061–1073 гг.) может объясняться тем, что он в письме 1061 г. подтверждал постановления собора (CD, I, p. 95–96), а именно это письмо и послужило источником хронисту. Предположение об использовании Фомой этого письма высказывалось еще в издании фрагментов хроники Л. де Хайнеманом (Heipemann, p. 570, a). Характерно, однако, что схожая датировка деятельности Майнарда на посту папского легата — временем понтификата Александра II — содержится в жизнеописании папы Александра из Корчульского кодекса XII в., где рассказывается о том, что папа направил в Хорватию своего апокрисария Майнарда в связи с расследованием коварного убийства короля Крешимира его братом Гоиславом (*Foretić V. Korčulanski kodeks 12 stoljeća i vijesti iz doba hrvatske narodne dinastije u njemu // Starine. Zagreb, 1956, knj. 46, s. 23–44*). Сплитский со-

бор — один из провинциальных соборов, созванных после Латеранского собора 1059 г. в Риме и имевших целью поддержать принятые на нем реформы, направленные прежде всего на запрещение симонии и браков священников. Главные решения сплитского собора касались именно этих вопросов. В одном из пунктов постановлений собора говорилось о том, чтобы «славян, если они не знакомы с латинскими письменами, не допускать на священные должности». Клирикам запрещалось также носить длинные волосы и бороду (CD, I, p. 96).

- 134 Оценка, данная Мефодию, перекликается с заявлением папы Иоанна по поводу распространения в Хорватии богослужения на славянском языке, имеющимся в материалах сплитского церковного собора 925 г.: «И не дай Бог, если кто из верующих, почитающих Христа . . . найдет прибежище в учении Мефодия, решительно нам не известном из каких-либо писаний святых отцов» (HSM, p. 95). Негативный отзыв Фомы о Мефодии служит между тем свидетельством сохранения в далматинской среде памяти о деятельности солунских братьев. В течение какого-то времени представления о создании славянской письменности, основанные на этом воспоминании, видимо, сосуществуют с новыми, в которых роль изобретения глаголического алфавита начинает приписываться св. Иерониму. Наименование славянской азбуки «готской» связано с особенностями употребления хронистом термина «готы» — не только для обозначения этноса, исторически связанного с хорватами (такое употребление восходит к хорватской исторической традиции — см. прим. 57, 58), но и как синоним «еретика» — глаголита, что могло иметь определенную историческую подоплеку на далматинской почве. С утверждением мнения о родстве готов и хорватов на стадии формирования самостоятельного хорватского государства и использования этой идеи в обосновании превосходства Хорватии над городами византийской Далмации, название «готы» неизбежно должно было наполниться в сознании горожан отрицательным смыслом, который усиливался, очевидно, реминисценцией христианской несправедливости готов, исповедовавших арианство. В нижеследующем рассказе (видимо, из круга городских преданий) о священнике Ульфе, стремившемся восстановить в хорватских землях богослужение на славянском языке, термин «готы» наполнен именно таким содержанием: «готами» именуются в нем хорваты, добивающиеся права отправлять церковные службы на своем языке (ср. *Havlik L. E. Dukljanská kronika a Dalmatinská legenda*. Praha, 1976, s. 4). Показательна схожесть имен главного «арианского» совратителя хорватов священника Ульфа и известного готского епископа IV в. Ульфилы (Вульфилы) — создателя готской азбуки (ср. *Zimmermann H. Die ersten Konzilien von Split im Rahmen der*

Geschichte ihrer Zeit // Vita religiosa morale e sociale ed i concili di Split (Spalato) del sec. X–XI. Padova, 1982, p. 19).

- 135 Епархия св. Руфины города Порто-Санта-Рафина в Средней Италии.
- 136 Аллюзия на Мф. 7, 15–16.
- 137 Все предлагавшиеся идентификации Иоанна с одним из нескольких кардиналов по имени Иоанн — современников описываемых событий — оказывались неудачными из-за недостатка сведений (см., например, (Mandić D. Papinska poslanstva i kronologija hrvatske povijesti druge polovine 11 stoljeća // Mandić D. Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. Rom, 1963, s. 361. Автор предлагает пять возможных вариантов).
- 138 На основании сопоставления данных хроники предлагались различные датировки этого собора в пределах 1061–1063 гг. и его идентификации с известными соборами (Gunjača S. Ispravci i dopune..., t. 1, s. 90–95; Barada M. Prilozi kronologiji..., s. 192–195; Waldmüller L. Die Synoden..., S. 69–74).
- 139 Сатирический рассказ Фомы об искоренении глаголизма в Хорватии, наполненный фантастическими деталями, отражает как отношение к глаголическому богослужению самого автора, так и историческую реальность XI в., когда римские папы — реформаторы боролись с попытками ведения церковных служб на национальных языках. Видимо, не случайно описываемые события связываются с Крком — одним из важных центров глаголизма. Предпринимались попытки исторической конкретизации рассказа. Одна из гипотез, нашедшая многочисленных сторонников, в качестве его исторической подоплеки выделяет события схизмы папы Александра II и Кадала (Cadalus) — антипапы Гонория II; при этом предполагается, что при проведении реформ церкви Далмации оказались расколотыми, священники Крка поддерживали Гонория II и выступали против решений сплитского собора (Klaić N. Historijska podloga hrvatskog glagoljaštva u X i XI stoljeću // Slovo. Zagreb, 1965, № 15/16, s. 225–281). Ряд исследователей видит доказательство историчности фигуры Цедеды в имени Sedeh, прочитываемом ими в надписи на мраморной колонне из Сплитского археологического музея (впервые чтение было предложено в работе Barada M. Episcopus Chroatensis, p. 197 i d.). Высказывались, однако, сомнения в правильности прочтения и в том, что это вообще имя собственное (Gortan V. Natpis na mramornom stupu Splitskog nadbiskupa Pavla // Historijski zbornik. Zagreb, 1964, № 17, s. 423–429). Предлагались различные идентификации имен персонажей рассказа с местными хорватскими именами, в частности, Уль-

- фус — Вук, Цедеда — Здеда, Подеба — Потех(а) (*Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke...*, s. 49).
- 140 Александр II умер 21 апреля 1073 г., папа Григорий VII (1073–1085) был избран на следующий день.
- 141 Сипонте — город в Апулии, с 1285 г. — Манфредония.
- 142 Факт проведения собора папским легатом Гирардом подтверждается данными грамоты, датированной ноябрем 1075 г., в которой говорится об улаживании Гирардом конфликта между монастырем св. Христогона и епископом Задарским Стефаном и сообщается о созыве Гирардом собора (CD, I, p. 136–137).
- 143 Имя биоградского епископа Феодосия не упоминается в документах с 1065 г. В 1075 г. биоградским епископом был Престанций (Opći šematisam katoličke crkve u Jugoslaviji. Zagreb, 1975, s. 308).
- 144 Это сообщение противоречит как известию самого Фомы об участии в соборе нинского епископа, так и данным о нинских епископах, относящимся ко времени, предшествующему собору (Opći šematisam..., s. 308). Возможно, собор лишь узаконил уже свершившийся акт восстановления Нинской епископии (см. прим. 145).
- 145 Первое документальное свидетельство об учреждении Хорватской епископии в Нине содержится в письме папы Николая I, датированном концом 50-х — 60-ми годами IX в. (Documenta, p. 185). С появлением этой епископии в Далмации сложилась противоречивая ситуация: юрисдикция Сплитской церкви, считавшей себя наследницей Салонской, ограничивалась территорией диоцезов старых далматинских городов, тогда как Нинская епископия, охватывая территорию Хорватии, занимала большую часть земель бывшей Салонской архиепископии. В правление князя Бранимира епископом Нина стал Феодосий (879–886). В 886 г. он был избран главой Сплитской церкви и в течение короткого времени занимал сразу две епископские кафедры, что в дальнейшем способствовало притязаниям Нинской епископии на приобретение прав и привилегий Салонской церкви. Как следует из актов сплитского собора 925 г., при Томиславе и нинском епископе Григории существовала реальная возможность объединения всех далматинских диоцезов под главенством нинского епископа (HSM, p. 101–103), усиление которого, по всей видимости, опиралось на авторитет Томислава. На сплитском соборе 928 г., когда Томислава уже не было в живых, Нинская

- епископия была упразднена, а ее диоцезы перешли под юрисдикцию Сплитской церкви (Ibid., p. 103–104). Известие Фомы о старой Нинской епископии Н. Клаич полагала доказательством непосредственного знакомства хрониста с актами сплитских церковных соборов X в. (*Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 25).
- 146 Император Михаил VII Дука занимал византийский престол в 1071–1078 гг. В 1060 г. императором был Константин X Дука (1059–1067). Стефан I правил в Хорватии приблизительно в 1030–1058 гг.; его сын Крешимир IV в 1058–1074 гг.; Звонимир — Звонимир в 1076–1089 гг.
- 147 Монастырь св. Бенедикта (позднее — св. Райнерия) в Сплите был учрежден, согласно фундаментальной грамоте, выданной архиепископом Лаврентием, в 1069 или, по уточнению издателей грамоты, в 1068 г. (CD, I, p. 110, 112).
- 148 Более подробных сведений о соборе нет. В связи с этим трудно идентифицировать и личность кардинала Иоанна. На основании данных Фомы собор обычно датируют 1078 г. (см. *Waldmüller L. Die Synoden...*, S. 93–94). Факт проведения собора не в столице архиепископии — Сплите, а в Нине, на хорватской территории, и его решения отвечают ситуации в Хорватии времени правления Звонимира, который опирался в своей политике на папство, стремился к установлению тесных связей со сплитским архиепископом, владения которого располагались на подвластной Звонимиру территории, и к усилению своего влияния в далматинских городах.
- 149 Лена — Елена, жена Звонимира, сестра венгерских королей Гезы I и Ласло I. Ее имя упоминается в документах сплитского монастыря св. Стефана 1078 и 1083 гг. (CD, I, p. 164, 182).
- 150 На полях Загребского списка хроники имеется запись, что базилика св. Стефана в Солине была усыпальницей королей Хорватии (HS, p. 55, 3).
- 151 Лаврентий умер в 1096/7 г.
- 152 Архиепископ Кресценций возглавлял Сплитскую церковь предположительно с 1099 и до 1112 г. Булла, подтверждающая его права митрополита, была выдана папой Пасхалием II в 1102 г. (PL, 163, p. 96; CD, II, p. 45).
- 153 Рассказ о завоевании венграми Далмации и Хорватии написан под явным влиянием хорватской исторической традиции и пронизан идеей собствен-

ной вины хорватов за иноземное правление, введенное в результате пагубных раздоров в Хорватском королевстве. Эта идея оформлялась в среде далматинских хорватов, очевидно, на протяжении XIII–XIV вв. Наиболее глубокое ее осмысление представлено в так называемой «Легенде о смерти короля Звонимира», дошедшей до нас в составе хорватской редакции «Летописи попа Дуклянина» (*Ljetopis*, s. 67–68). В «Легенде» последний монарх суверенной Хорватии Звонимир представлен идеальным правителем, помогавшим церкви и народу и приумножавшим богатства страны. Откликнувшись на просьбу папы и «царя великого города Рима» помочь в освобождении гроба Господня, он призвал хорватов выступить на защиту святых мест. Но хорваты, не желая идти на верную смерть, накинулись на Звонимира и «пролили кровь своего доброго короля и господина». И Звонимир, «лежа в крови, проклял тогда неверных хорватов, чтобы они никогда больше не имели господина своего языка, но всегда были подчинены [господину] языка чужого», так что «по своей воле хорваты попали в неволю к венгерскому королю». Вариант легенды об убийстве Звонимира содержится и в «Большой истории Салоны» сразу за упоминанием об архиепископе Кресценции (*HSM*, p. 110–112). В средневековой венгерской историографии поход венгров на Хорватию 1091 г. мотивировался наследственным правом короля Владислава — Ласло I Святого (1077–1095) на хорватские земли: после смерти Звонимира, не оставившего наследников, сестра Ласло Елена «молила о помощи» брата против врагов своего мужа Звонимира, и брат «по праву монарха» занял земли Далмации и Хорватии (*Chronici Hungarici compositio*, p. 406).

- 154 Звонимир умер в 1089 г. В документах монастыря св. Стефана 1078 и 1083 гг. упоминается имя его сына Радована (*CD*, I, p. 164, 182). Других данных о нем нет. Последователем Звонимира на хорватском королевском престоле был некий Стефан, упоминаемый в ряде сплитских документов 1088–1090 гг., касающихся земельных пожалований сплитским монастырям (*Documenta*, p. 147–152; *CD*, I, p. 188–192), хотя подлинность некоторых из них вызывает сомнение (*Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 489–491).
- 155 Неточный перевод хорватского названия «Gvozd». Слово «gvozd» имело различные значения, в частности «железо», «скала», «темный густой лес». В Загребском списке на полях приписка: «Железные Альпы, называемые Гвозд (Gwozd)» (*HS*, p. 57, a). Гвозд, или Петрова Гора, — горный массив, отделяющий приморские области Хорватии от континентальных (от Славонии).
- 156 Фома, очевидно, был знаком с текстом жития Ласло (*Legenda S. Ladislai regis // SRH. Вр.*, 1938, v. II, p. 519). Хронист не упоминает о территориаль-

- ных потерях Сплитской архиепископии в результате завоевания венграми хорватских земель. Ок. 1094 г. Ласло с одобрения антипапы Климента III основал Загребскую епископию с подчинением ей принадлежавших ранее Сплитской церкви северохорватских земель в бассейне рек Муры, Дравы, Савы, Купы, Саны и Врбаса (*Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke...*, s. 67).
- 157 Описание военных действий Ласло против половцев, выступающих здесь под именем «скифы», не расходится с данными венгерских источников (ср. *Chronici Hungarici compositio*, p. 367, 416). Половцы впервые вторглись в Венгрию в 1071 г. Здесь описывается вторжение 1091 г.
- 158 Ласло умер 29 августа 1095 г. Коломан (Кальман) — венгерский король в 1095–1116 гг.; увенчан короной Хорватии и Далмации в Биограде в 1102 г.
- 159 Трогирская рукопись на этом месте содержит вставку, отсутствующую в Сплитском списке, но вошедшую во все остальные списки хроники. В ней излагается содержание договора двенадцати хорватских родов о присоединении Хорватии к Венгрии, якобы заключенного их представителями с королем Кальманом в 1102 г. Основываясь на том факте, что текст договора по существу является дополнением к данной главе, Ф. Рачки приписывал его авторство Фоме (*Rački F. Ocjena starih izvora za hrvatsku i srpsku povijest srednjega vijeka // Književnik. Zagreb, 1864, g. 1, sv. 3–4, s. 378*). Его вывод впоследствии не был поддержан в историографии, хотя среди исследователей нет согласия в вопросе о времени составления договора, определяемого и как памятник, синхронный описываемым событиям, и как более поздняя подделка (см. *Antoljak S. Pacta ili Concordia od 1102 godine. Zagreb, 1980*). Точка зрения о составлении этого текста в XIV в. (*Klaić N. Pacta ili Conventa ili Tobožni ugovor izmedju kralja Kolomana i Hrvata 1102 g. // Zadarska revija. Zadar, 1983, g. 32, № 6*) согласуется с тем, что именно в это время в далматинских грамотах появляются сведения о «союзе двенадцати родов», который объединял хорватские земли в «Королевство Хорватию» во главе с венгерским королем и представители которого пользовались значительными привилегиями.
- 160 Во время похода Кальмана на Далмацию, начавшегося в 1105 г., первым был подчинен Задар, а уже позднее, в 1107 г., — Сплит и Трогир (см. *Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953, t. 1, s. 669*). Ошибку Фомы в хронологии событий похода Кальмана Н. Клаич объясняет тем, что хронист основывался на фальсификате дарственной Кальмана Сплитской церкви, выданной якобы в 1103 г. (*Klaić N. Povijest Hrvata...*, s. 523). Вполне вероятно, что Сплиту в наказание за оказанное венгерскому королю сопротивление иммунитетные привилегии вообще не были предоставлены. Это подтвер-

ждается и сведениями хроники, в частности, тем, что архиепископом города стал фаворит (*gratiosus*) Кальмана и что в Сплите остался венгерский военный отряд. Фома также не сообщает о конкретных привилегиях, предоставленных городу королем. Между тем о характере выдаваемых Кальманом привилегий можно судить по тексту грамоты, выданной Кальманом Трогиру с конкретным перечислением иммунитетных пожалований. В ней оговаривается право клира и народа самим избирать епископа и князя, запрещается пребывание в городе без согласия на то горожан венгров и других чужестранцев и пр. (CD, II, р. 19). Рассказ Фомы отражал стремление сплитского населения и высшего клира города (из чьей среды, очевидно, и вышла фальсифицированная дарственная 1103 г.) обосновать городские привилегии в условиях венгерского суверенитета венгерскими законодательными актами. Вместе с тем подоплеку рассказа Фомы о первенстве Сплита в получении привилегий следует искать в описываемых им ниже событиях 40-х гг. XIII в., когда венгерский король Бела IV занимал в отношении Сплита откровенно враждебную позицию, одновременно выдавая новые и подтверждая старые привилегии Трогиру и Задару.

- 161 Итальянские правители во главе далматинских городов могли появиться после того, как в 1097 г. города на короткое время перешли под покровительство венецианского дожа, носившего титул «императорского севаста» (см. CD, I, р. 207–208). Приор Адриан вместе с архиепископом Манасом упоминается в сплитской грамоте 1112/3 г.
- 162 Попытка захвата города может быть хронологически приурочена к началу военных действий Кальмана против Венеции, имевших место в 1115–1117 гг. Причина внезапного бегства Адриана, несмотря на одержанную победу, может, таким образом, крыться в его происхождении из города Треviso — соседа и союзника Венеции (ср. HS, р. 61, b).
- 163 Название обязано своим происхождением греческому богослужебному возгласу «*Kyrie eleyson*» («Господи, помилуй»). Совр. название горы — Марьян.
- 164 Приор Чернеха упоминается в сплитской грамоте 1119 г. (CD, II, р. 31)
- 165 Епископ Миха упоминается в задарской грамоте 1129 г. (CD, II, р. 39–40).
- 166 *Sapella curiae* — церковь при епископском дворе, домовая церковь епископа. В Сплитском списке на полях приписка: «церковь св. Иоанна архиепископской курии» (HS, р. 63, 10).

- 167 Plebanus — священник какого-либо района, села или города.
- 168 Primicerius — первый в какой-либо должности, звании, группе. Хронист при употреблении термина не конкретизирует его значение.
- 169 Как следует из послания папы Иннокентия II по поводу предоставления Гаудию паллия, Гаудий получил посвящение от эстергомского архиепископа «в нарушение старого права римских пап посвящать салонских архиепископов» (PL, v. 179, p. 476; CD, II, p. 48). В связи с этим обстоятельством Гаудий получил паллий из Рима только в 1139 г. после обращения венгерского короля Белы II (1131–1141) к папе защитить сплитского архиепископа от непокорных суффраганов (см. *Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke...*, s. 85; *Matanić A. Dalmatiae ac totius Croatiae primas. Roma, 1952, s. 55*).
- 170 Очевидно, имеется в виду папа Адриан IV (1154–1159) (*Waldmüller L. Die Synoden...*, S. 147).
- 171 Имеется послание сплитского архиепископа Абсолона, датированное приблизительно 1160 г. (CD, II, p. 90–91).
- 172 Гаудий проигнорировал решение папы об отстранении его от должности, поскольку был посвящен эстергомским архиепископом. А архиепископ Петр по крайней мере с 1164 г. имел титул и полномочия папского легата (*sedis apostolice legatus*) (CD, II, p. 99–100). В качестве сплитского архиепископа Петр упоминается в источниках 1161–1166 гг.
- 173 Narna — совр. г. Нарни в Умбрии (Италия).
- 174 Альба — город Alba Regalis к юго-западу от Пешта, в королевстве Венгрия служил местом коронации и погребения королей (совр. г. Секешфехервар).
- 175 Петрана упоминается в качестве задарского комита в грамоте, изданной сплитским архиепископом Петром в 1146 г. (CD, II, p. 100).
- 176 Задарская епископия была учреждена буллой папы Анастасия IV (1153–1154) в октябре 1154 г., что мотивировалось папой следующим образом: Задар некогда подчинялся Салонской церкви, но после разрушения Салоны возник другой город, Сплит, находящийся под венгерским господством; Задар и еще несколько городов, оставаясь свободными, не позволили епископам занимать свои прежние кафедры, поэтому в городах, свободных от подчинения венгерскому королю, ставились новые епископы и архиепископы. В Задаре

учреждалась митрополия с подчинением ей епископов Раба, Крка, Апсары и Хвара (Jaffé Regesta, II, p. 101; CD, II, p. 76–78). Идея учреждения Задарской архиепископии исходила от Венеции. Уже в 1155 г. по распоряжению папы Адриана IV Задарская архиепископия передавалась в подчинение патриарху Градо, т. е. переходила в ведение Венецианской церкви (PL, v. 188, p. 1387; CD, II, p. 79–80). Инициатива Венеции в этом вопросе признавалась ее подданными: в памятнике первой половины XIII в. «История дождей венецианских» причина восстания Задара против Венеции в 1156 г. усматривается именно в том, что венецианский дож подчинил задарского архиепископа градскому патриарху (Historia ducum Venetorum // MGH. Scriptorum. Napovegae, 1883, t. 14, p. 74). Усиленная поддержка была оказана Венеции Римской курией, что обуславливалось стремлением папства поощрять Венецию как своего союзника в борьбе с Византией за влияние в Южной Италии. Не раскрывая роли Рима и Венеции, хронист всю вину за отделение Задарской церкви переносит на сплитчан и на самих задарских клириков.

- 177 После потерь верхнедалматинских и северохорватских владений (см. прим. 109, 156) и образования Задарской архиепископии в управлении митрополии Сплита находились Нинская, Трогирская, Стонская, Сеньская, Скрадинская епископии (*Buturac J., Ivandija A. Povijest katoličke...*, s. 84–98), причем Скрадинская епископия была основана ок. 1160 г. (*Ibid.*, s. 346), а Сеньская — еще позже (см. прим. 209).
- 178 Из-за хварской епископской кафедры между Сплитской и Задарской церковью разгорелись особенно жаркие споры. В 1181 г. затяжной конфликт был разрешен папой в пользу Сплита (CD, II, p. 178–179, 309–310).
- 179 Это сообщение следует рассматривать в контексте отношений церквей Дубровника и Бара (см. прим. 109). В 1153 г. при содействии папы Анастасия IV в подчинение Дубровнику переходили суффрагании Барской церкви, в том числе и сопротивлявшиеся такому переподчинению епископы которский, ульцинский и дривастийский (CD, II, p. 72–73). Возможно, дубровницкому архиепископу в течение некоторого времени подчинялся и епископ хварский (ср. *Станојевич Ст. Борба за самосталност...*, с. 48–50). Дубровницкий архиепископ Андрей упоминается в документах 1167–1174 гг.
- 180 Легатом папы Александра III в Венгрии в 1165–1167 гг. был кардинал Альберт.
- 181 О желании «клира и народа Сплита» избрать Альберта архиепископом говорится в письме папы Александра III, направленном Альберту в августе 1167 г. (PL, v. 200, p. 461; CD, II, p. 108–109).

- 182 Еще на римском синоде 1075 г. Григорий VII запретил светским властям осуществлять назначение, смещение и перевод епископов. Борьба сплитских мирян за инвеституру составляла суть данного конфликта — первого из описываемых в хронике конфликтов подобного рода. Комит Иоанн упоминается в документах 1167–1174 гг.
- 183 Папа Григорий VIII — октябрь–декабрь 1187 г.
- 184 Папа Александр III — 1159–1181 гг.
- 185 Гирард был архиепископом Сплита в 1167–1175 гг. Как и его предшественник Петр, он имел титул и полномочия папского легата (CD, II, р. 117, 121–123). Верона, откуда происходил Гирард, входила в ломбардскую лигу городов, поддерживавших папу Александра III в его борьбе с германским императором Фридрихом Барбароссой.
- 186 В 1164 г. византийскому императору Мануилу (1143–1180), стремившемуся к восстановлению границ Византии периода ее расцвета, удалось на время (до 1180 г.) отвоевать у Венгрии практически всю территорию Далмации в границах Римской империи (за исключением Задара и островов Раб и Паг, оставшихся в руках венецианцев). Отвоєванные земли были поделены на две области. Первую составляли Хорватия и города Северной Далмации, вторую — Дукля и южнодалматинские города. Сплит стал главным городом первой из них и резиденцией императорского наместника (см. *Novak G. Povijest Splita. Split, 1978, d. 1, s. 95–96*).
- 187 Букв. «ad urbem regiam».
- 188 Описывается конфликт Гирарда с горожанами, имевший место в начале 70-х гг. XII в. Признавая византийский суверенитет, города Далмации в церковном отношении оставались под властью римских пап. Гирардом, как и его предшественником Гаудием, было издано распоряжение, подтвержденное буллой папы Александра III, согласно которому архиепископу, идущему к византийскому императору или венгерскому королю, путевые издержки из церковных средств не оплачивались (CD, II, р. 127–128; PL, v. 200, р. 688). Когда Гирард находился у папы, докладывая существо конфликта, сплитчане направили ему послание с просьбой вернуться. Тогда Гирард поставил условие, чтобы сплитчане «не принуждали нас и не допускали, чтобы нас принуждали идти к константинопольскому императору или куда-либо еще» (CD, II, р. 128). Однако в Сплит Гирард так и не вернулся (*Novak G. Povijest Splita, s. 103–104*).

Папа Александр III в течение длительного времени находился в изгнании на юге Италии, поскольку римский престол был захвачен сторонниками германского императора. Новым назначением папа, таким образом, приближал Гирарда к себе.

- 189 Положение Сплита как центра вновь завоеванной Византией Далмации (см. прим. 186), выделение императором дотаций его гражданам обеспечивали поддержку города византийской власти. В конце 60-х гг. XII в. венгерский король с помощью верных хорватских вассалов возвратил себе на короткий срок Хорватию и стремился вновь подчинить далматинские города. Именно к этому времени относится рассказ, воспроизводящий, очевидно, местное предание о нападении некоего хорватского князя Релса — Хрели на Сплит.
- 190 Posturium, Postirium — от «post turre» («за башней») — Пистура, одна из площадей Сплита.
- 191 Гирард умер в 1175 г.
- 192 Sacrista — казначей и хранитель церковного имущества.
- 193 Callium, Callis — совр. Гальи в Тоскане.
- 194 На полях рукописи приписка: «Пресулам можно иметь серебряные и золотые сосуды и другие драгоценные предметы» (HS, p. 71, 10).
- 195 О деятельности архиепископа Райнерия в Сплите см.: *Novak G. Povijest Splita*, s. 104–111.
- 196 Данное сообщение находится в контексте истории борьбы за епископскую кафедру Хвара между Сплитской и Задарской церковью (см. прим. 178).
- 197 Фридрих I Барбаросса (ок. 1125 – 1190) — германский король с 1152 г., император Священной Римской империи с 1155 г. В Венеции в 1177 г. Фридрих подписал договор, по которому он признавал суверенность папы в делах церкви и отказывался поддерживать антипап.
- 198 Папа Александр III вышел из Апулии 10 марта 1177 г. и прибыл на о. Вис. 13 марта он был в Задаре, откуда поехал «по островам славян и по приморским городам Истрии». 24 марта он был уже в Венеции (*Regesta*, p. 770).

- 199 Ко времени описываемых событий относятся первые упоминания Райнерия в качестве папского легата (CD, II, p. 140–141, 147).
- 200 *Duces* — зд. «дуки», поскольку речь явно идет о византийских должностных лицах, выполнявших обязанности воинских начальников, правителей административных районов.
- 201 Восторженное отношение хрониста к византийскому суверенитету обязано тому, что территориально-политические интересы императора Мануила в этой части Балкан совпадали со стремлением Сплитской церкви к восстановлению ее первенствующего здесь положения. В Сплите располагалась резиденция византийского наместника, а подвластная Византии территория Далмации охватывала земли Сплитской, прежней Барско-Дуклянской и Дубровницкой архиепископий. О возросшей роли Сплитской митрополии в это время свидетельствует письмо барского епископа Григория архиепископу Райнерию, относящееся к концу 70-х гг. XII в., в котором Григорий, рассуждая о прежней славе Салонской церкви, объявлял о своем решении признать Сплитскую церковь, как наследницу Салонской, «матерью и госпожой», прося взамен оказать ему поддержку перед папой для получения им паллии, т. е. восстановления Барской архиепископии (CD, II, p. 159).
- 202 Других данных о пребывании Райнерия в Константинополе нет. Вместе с тем сообщение Фомы укладывается в логику некоторых политических акций императора Мануила, направленных на реализацию идеи объединения католической и православной церквей, тем более что Райнерий имел статус папского легата. Существует мнение о связи миссии Райнерия в Константинополь с решением проблемы восстановления Барско-Дуклянской архиепископии (*Perićić P. Sclavorum regnum...*, s. 227–228).
- 203 *Ex genere Casitorum*. Многочисленное и разветвленное семейство Качичей укреплялось во второй половине XII в. на прибрежной территории приблизительно от Сплита до реки Цетине. Лишь в 1258 г. Качичи впервые признали венгерского короля своим господином. До этого времени их княжество с центром в Омише было по существу самостоятельным. Основной статьей дохода его жителей было пиратство. Сильный флот обеспечивал им господствующее положение на море, и Качичи собирали дань с обоих берегов Адриатики.
- 204 Активность архиепископа Райнерия в деле расширения владений Сплитской церкви подтверждается письмом императора Мануила I своему наместнику в Далмации и Хорватии Рогерию, датированным мартом 1180 г.

Из письма следует, что Райнерий направлял запросы в Константинополь по поводу захвата земель Сплитской церкви в Сринине (Полица) Качичами. По решению Мануила, в случае, если доказательства архиепископа относительно прав церкви на эти территории подтвердятся привилегиями, зафиксированными «в документах», Рогерий обязывался изгнать захватчиков и наложить на них интердикт (CD, II, p. 165). Очевидно, в это время по инициативе Райнерия составляется ряд фальшивых грамот, оправдывающих притязания высшего клира города на некоторые соседние территории (см. *Клаић Н.* Још једном о тзв. привилегијама типа трогирског // *Историјски часопис.* Београд, 1973, т. 20, с. 52–72). В частности, тогда могла быть составлена грамота от имени Кальмана, закреплявшая за Сплитской церковью земли на Мосоре (CD, II, p. 11) и от имени венгерского короля Гезы I подтверждавшая дарение земель в Сринине хорватским князем Бранимиром (Ibid., p. 86–87). Райнерий, видимо, ожидал гнева «славян». Во всяком случае при оформлении права Сплитской церкви св. Варфоломея на владения некоторыми землями Райнерий не удержался от угроз в их адрес (Ibid., p. 167).

- 205 После смерти Райнерия в Далмации развивался его культ. С конца XVI в. он почитался как святой и мученик, хотя официальный церковный декрет о его почитании не был издан (см. *Buturac J., Ivandija A.* *Povijest katoličke...*, s. 86). На основе текста Фомы вплоть до XIX в. создавались житийные и стихотворные сочинения о Райнерии, причем в некоторых из них Райнерий выступал в образе борца с турками (см. *Život svetoga Arnira / Ured. Fisković S. // Legende i kronike.* Split, 1977, s. 123–147).
- 206 4 августа. В Ватиканском, Трогирском и Загребском списках хроники — «на второй (secondo) день августовских нон». В Сплитском списке «secondo» исправлено на «pridie» — «в канун» (HS, p. 75, 2).
- 207 Византийский император Мануил умер 24 сентября 1180 г. После его смерти Далмация перешла под власть венгерского короля Белы III.
- 208 Собор состоялся в 1185 г. Из текста следует, что архиепископское правление Петра Китилена началось в том же, 1185 г., т. е. в течение пяти лет сплитская кафедра была вакантной. В рассказе об этих событиях в HSM сообщается о поставлении Петра Китилена сплитским архиепископом в 1182 г., однако в связи с его посвящением называется имя папы Урбана III, возведенного на папский престол лишь в 1185 г. (HSM, p. 123). Сопоставление обоих рассказов см. в: *Gunjača S.* *Ispravci i dopune...*, t. 1, s. 144–145.

- 209 В сплитском соборе 1185 г. принимали участие епископы книнский, трогирский, скрадинский, нинский, сеньский, крбавский, хварский. На соборе были осуждены «все еретические секты», выступавшие «против Святой Римской церкви и ее учения», уточнены границы сплитской церковной территории (в частности, постановлено, что Сплитская церковь «должна владеть всем Мосором»), приняты решения, касающиеся запрещения браков священников, ограничения вмешательства мирян в дела церкви и пр. (CD, II, р. 192–194). В Крбавскую епископию, согласно решениям собора, вошли территории Крбавы, Модруше, Лики, Новиград и Дрежник (CD, II, р. 193), т. е. северо-западные земли Далматинской Хорватии. Вместе с учрежденной ранее, в 60-е гг. XII в., Сеньской епископией она должна была укрепить положение Сплитской архиепископии в этом районе, находящемся по соседству с епископиями отделившегося Задарского архиепископства (см. прим. 176). В HSM содержится более подробный рассказ о соборе, основанный на тексте актов самого собора (HSM, р. 123–124).
- 210 Собор состоялся во время понтификата Луция III (1181–1185), а постановления собора были одобрены папой Урбаном III в Вероне в 1186 г. (PL, 202, р. 1446; CD, II, р. 202–204).
- 211 На соборе 1185 г. были приняты специальные постановления, касающиеся удовлетворения нужд Сплитской церкви и ее клира. В частности, монахи монастыря св. Стефана должны были предоставлять сплитским каноникам на Пасху «двух баранов, двух еще не стриженных ягнят, две амфоры вина, пятьдесят пшеничных хлебов» (CD, II, р. 194–195). За канониками закреплялось также право получать «двенадцать праздничных трапез в год, десятую часть десятин их парохий, субботнее вино» и пр. (Ibid., р. 196). Из послания папы Иннокентия III сплитскому архиепископу Бернарду от 1206 г. известно, что Петр Китилен требовал от сплитских клириков передачи ему присвоенной ими четвертой части десятины и городских пожертвований, а также покрытия издержек сплитским архиепископам на поездки в Рим. Клирики не соглашались на эти требования и со своей стороны добивались исполнения пункта о предоставлении им трапез и вина. В связи с взаимными претензиями противоборствующие стороны были заслушаны в папской курии, однако назначенное разбирательство не привело к удовлетворительному для обеих сторон решению (CD, III, р. 56–58). См. также прим. 251.
- 212 Из текста следует, что правление Петра Китилена должно было закончиться в 1187 г., однако в качестве сплитского архиепископа он упоминается в сплитских документах еще и в 1189 г. (CD, II, р. 234, 236, 240). Coloca — совр. г. Калоча в Южной Венгрии.

- 213 Имя архиепископа Петра упоминается в сплитских документах 1191–1196 гг.
- 214 С 1181 г. епископия Хвара находилась в подчинении Сплитской архиепископии. См. прим. 176.
- 215 Папа Луций III управлял церковью из Вероны в последний период своего понтификата — с июля 1184 до ноября 1185 г. Николай в качестве епископа Хвара и Брача упоминается уже в 1184 г. (CD, II, p. 190).
- 216 Данное сообщение находится в контексте венгеро-венцианских отношений (см. *Klaić N., Petricoli I. Zadar u srednjem vijeku. Zadar, 1976, s. 170*). В 1183 г. Задар перешел под власть венгерского короля. Ибранный после этого задарский архиепископ Петр до своей смерти в 1193 г. не признавал церковной власти «далматинского примаса» — градского патриарха и вследствие этого не получал из Рима подтверждения своего архиепископского достоинства. Задарская церковь считалась вакантной до 1198 г. Ибранный тогда мирянами кандидат вызвал негодование папы Иннокентия III (1198–1216) (PL, 214, p. 14; CD, II, p. 289–290). Жителями Задара при поддержке венгерского короля был тогда избран хварский епископ Николай Манзавини, к неудовольствию папы также не пожелавший находиться в подчинении патриарха Градо (PL, 214, p. 492; CD, II, p. 304–305). В качестве задарского архиепископа он упоминается в документах 1198–1199 гг. В 1200 г. Иннокентий III вынес решение о его отлучении, формальной причиной которого было присвоение им сразу двух епископских кафедр (PL, 214, p. 870; CD, II, p. 352). Хронист, таким образом, следует позиции Рима.
- 217 См. прим. 176. Миха был поставлен хварским епископом в 1198 г.
- 218 Венгерский король Бела III (1173–1196).
- 219 Ошибка хрониста. Видимо, папа Целестин III (1191–1198). Папа Иннокентий III вступил на престол в 1198 г. уже после смерти Бела III.
- 220 Житие Владислава — Ласло I Святого создавалось в 1192–1218 г. (*Legenda S. Ladislai, p. 515–527*). Ласло был возведен в ранг святых папой Целестином III в 1198 г.
- 221 Четырдесятница — Великий пост. Кардинал Григорий умер в Сплите в апреле 1192 г. (CD, II, p. 254; ср. Heinemann, p. 575, 4).

- 222 Генрих — Имре род. в 1174 г., коронован в 1186 г., венгерский король в 1196–1204 гг.
- 223 Из текста ясно, что сплитские миряне стремились к деятельному участию в выборах архиепископа. Это, видимо, и определило негативное отношение к кандидатуре, представленной папе Иннокентию III.
- 224 Clusium — совр. г. Кьюси в Тоскане.
- 225 А. Соловьевым была выдвинута гипотеза о тождестве Аристодия и Растудия записи Баталова боснийского евангелия 1393 г., в которой Растудий выступает как глава боснийской церкви. Основываясь на этой записи, А. Соловьев заключал, что Растудий был первым «дедом» боснийской церкви, который переселился в Сплит в 1200 г. после отречения бана Кулина (под давлением папы Иннокентия III и венгерского короля Имре) от ереси и продолжал здесь проповедовать свои идеи до 1203 г., когда он вместе с братом Матвеем также отрекся от ереси. Через некоторое время Растудий возвратился в Боснию опять в качестве «деда» (*Solovjev A. Vjersko učenje bosanske crkve // Rad JAZU. Zagreb, 1949, knj. 270, s. 28–32*). Эта гипотеза была широко поддержана в историографии (см., например, развитие этой гипотезы в работе: *Mandić D. Bogomilska crkva bosanskih krstjana. Chicago, 1962*). Оппоненты этой гипотезы считают Растудия современником записи Баталова евангелия и, таким образом, отрицают предложенную идентификацию Аристодия. Высказываются сомнения и в патаренстве сыновей Зоровавеля, которые, как греки, могли принадлежать Восточной церкви (*Драгојловић Д. Крстјани и јеретичка црква Босанска. Београд, 1987, с. 120–122, 160–161*).
- 226 В конце 1200 г. папа Иннокентий III писал венгерскому королю Имре, что архиепископ Бернард изгнал из Сплита и Трогира «немалое число патаренов», которые нашли прибежище у боснийского бана Кулина. И чтобы «эта болезнь . . . не захватила соседние земли и не перекинулась на Венгерское королевство», папа призывал короля изгнать всех еретиков из Боснии и из Венгрии и забрать все их имущество (CD, II, р. 350–351). Отсутствие более полных данных о патаренской ереси в далматинских городах дает основание сомневаться в ее широком здесь распространении (*Драгојловић Д. Крстјани.*, с. 129; ср. *Antoljak S. Heretici u srednjovjekovnom Zadru i njegovoj okolici // Rad Centra JAZU u Zadru. Zadar, 1974, № 21, s. 15*).
- 227 Согласно привилегии, выданной королем Эндре II архиепископу Бернарду в 1207 г., Бернард и его преемники «навечно освобождались от уплаты всех податей со всех мельниц на реке Салоне», в том числе и от уплаты шести

частей муки, семь частей которой принадлежали бану» (PL, 214, p. 871; CD, III, p. 31–32).

- 228 Сын Имре Ласло — Ласло III, родился в 1199 г., коронован в 1204 г. Его матерью была Констанция, дочь арагонского короля Альфонса II.
- 229 Эндре — младший брат Имре, будущий венгерский король Эндре II (1205–1235) находился в Далмации в 1200 г. Эндре носил титул герцога Далмации, Хорватии (с 1196/7), Хумской земли (с 1198 г.) и Рамы (Боснии) (с 1199 г.). Эндре стремился узурпировать королевский трон, занятый Имре. Хроника Фомы — единственный источник, сообщающий подробности этой борьбы.
- 230 Начало раздора между братьями относится к 1197 г.
- 231 Кене, или Кнегинец близ Вараждина.
- 232 Имре умер в декабре 1204 г.
- 233 Ласло III умер 7 мая 1205 г.
- 234 Эндре короновался 25 мая 1205 г.
- 235 В главе описывается завоевание Задара крестоносцами в 1202–1203 гг. во время Четвертого крестового похода 1199–1204 гг. В 1183 г. Задар, отвергнув владычество венецианцев, принял покровительство венгерского короля. Попытка Венеции отвоевать город в начале 90-х гг. закончилась неудачей. Хронисты Четвертого похода высказывают разные версии причин, побудивших крестоносцев принять предложение Венеции сломить сопротивление Задара. Из сообщения Робера де Клари следует, что захваченной добычей рыцари надеялись расплатиться с Венецией, предоставившей им корабли для переправы (*Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986, с. 13–14*). Жоффруа де Виллардуэн пишет, что в случае завоевания Задара венецианцы готовы были отсрочить уплату рыцарями их долга за флот (*Geoffroy de Villehardouin. La conquête de Constantinople // Historiens et chroniqueurs du moyen âge. P., 1963*).
- В рассказе Фомы явно обнаруживает себя симпатия к Венеции. Вместе с тем здесь заметно и влияние иной традиции, отличающейся расположением к Задару, а, возможно, и собственно задарской. Наличие повествовательных элементов, как близких, так и чуждых венецианской версии событий, устанавливается при сравнении рассказа Фомы с текстом сочинения венецианского дожа и хрониста XIV в. Андреа Дандоло. Описывая события

1202–1203 гг., связанные с взятием Задара, Дандоло пользовался попеременно хроникой Фомы — если его изложение не расходилось с желательной для Дандоло интерпретацией событий, и — если противоречило ей — текстом так называемой Хроники Джустиниани, воспроизводящей текст несохранившейся части «Истории дождей венецианских» (*Venetiarum historia vulgo Petro Iustiniano Iustiniani filio adiudicata / A cura di Cessi R., Benatto F. Venetia, 1964*). Характерно стремление хрониста по возможности умолчать о роли Венгрии в этих событиях. Между тем завоевание города рассматривалось современниками прежде всего как нанесение ущерба венгерскому королю Имре, под опекой которого находился Задар (см. PL, t. 214, p. 1179–1182). И сам Имре обращался за помощью к папе Иннокентию III в деле возвращения ему Задара (CD, III, p. 19). Венецианские же источники интерпретировали захват города как восстановление нарушенного задарцами венецианского господства (*Venetiarum historia*, p. 163). По-видимому, введение в описание Венгрии мешало основной цели автора — изобразить разорение города как возмездие за провинности его жителей.

- 236 В 1198 и 1199 гг. папа Иннокентий III неоднократно выступал с призывами к четвертому крестовому походу.
- 237 Текст договора Венеции с крестоносцами о переправе, заключенный в 1201 г. (*Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien, 1964, T. 1, S. 362–368*) был, очевидно, неизвестен Фоме. Но его пересказ близок Хронике Джустиниани. В обоих источниках речь идет только о двух пунктах договора — о количестве предоставляемых венецианцами судов и о соглашении относительно общих операций, причем в обоих случаях цифра предоставляемых по договору Венецией кораблей и перевозных средств в сравнении с текстом самого договора увеличена в несколько раз. В договоре эта цифра составляет 50, в хронике Фомы — ок. 200, в Хронике Джустиниани — примерно 250 (*Venetiarum historia*, p. 134–135).
- 238 Источники не уточняют, какого рода ересь была распространена в Задаре. Некоторое представление об отношениях задарских священнослужителей с официальной церковью могут дать выдвигаемые папой Григорием IX в начале 30-х гг. XIII в. обвинения против ряда задарских клириков в клятвопреступлении, прелюбодеянии, воровстве, безбожии (см. *Brandt M. Jedna epizoda o borbi oko uvodjenja papinske desetine u Dalmaciji // Historijski zbornik. Zagreb, 1957, v. 7, № 1–4, s. 145–164*). Фома, очевидно, принимал участие в искоренении этих пороков в Задаре. В письме папы Григория IX задарскому архиепископу Иоанну последний порицался за помехи, чинимые франци-

сканцам, стремящимся избавить город от «еретического позора». В случае дальнейшего непослушания папа грозился наделить соответствующими полномочиями против Иоанна сплитского архиепископа Гунцела и архидиакона Фому (CD, III, p. 446–447). О возможности распространения в Задаре во второй половине XII — первой половине XIII в. еретических учений см.: *Antoljak S. Heretici...*, s. 7–17; *Драгојловић Д. Крстјани...*, с. 128).

- 239 Крестоносцы вышли из Венеции 8 октября 1202 г., по пути в Далмацию сделали остановку в г. Пула в Истрии и прибыли в Задар в ночь с 10 на 11 ноября.
- 240 Симон IV, сеньор Монфора (? — 1218), вассал французской короны. Не желая участвовать в нападении на Задар, покинул войско и отбыл в Венгрию. Энрико Дандоло — венецианский дож в 1192–1205 гг.
- 241 День св. Грисогона — святого покровителя города — приходится на 24 ноября. Та же дата разорения Задара называется в хронике Анонима Гальберштадского (*Anonymi Halberstadensis De peregrinatione Greciam et adventu reliquiarum de Grecia libellus // Exuviae sacre Constantinopolitanae. Genevae, 1877, v. 1, p. 12*). О других датировках события см. *Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская историография XI–XII вв.)*. М., 1966, с. 283, 284.
- 242 Хроника Джустиниани также ставит захват Задара в заслугу венецианцам, не упоминая об участии в операции крестоносцев (*Venetiarum historia*, p. 135–136). Следуя венецианским источникам, Фома обходит молчанием гневные письма папы Иннокентия III в адрес разорителей христианского Задара с угрозой их отлучения (PL, t. 214, p. 1178–1182; t. 215, p. 957). Более того, текст хроники явно противоречит папским посланиям. Так, выгораживая венецианцев, Фома пишет, что они не тронули церквей. Между тем папа особенно негодует из-за разграбления венецианцами церквей (PL, t. 214, p. 1179).
- 243 Константинополь был взят 13 апреля 1204 г.
- 244 Очевидное влияние антивенецианской традиции. Андреа Дандоло смягчает здесь текст Фомы. У него задарцы лишь «неблагоразумно нападали на венецианские корабли» (*Andreae Danduli Chronica*, p. 321). Далее Дандоло следует тексту Фомы без изменений.
- 245 Укрепление св. Михаила на о. Углан.

- 246 «Gagetanes» — жители итальянского города Гаэты, расположенного к северу от Неаполя.
- 247 Урана — п-ов Вранец.
- 248 Зд. — «Gaietanis».
- 249 Эпизод о захвате укрепления задарцами в интерпретации хроники Джустиниани сводится к констатации факта, что задарцы «атакуют венецианцев и занимают [остров]» (*Venetiarum historia*, p. 137). Дандоло в данном случае предпочитает текст хроники Джустиниани. Расцветивание Фомой поражения венецианцев явно восходит к задарской традиции. Согласно венецианским источникам, торжество жителей Задара было недолгим. Напуганные восемнадцатью венецианскими галейми, они направили посольство к Райнерию, сыну дожа Энрико Дандоло, и подчинились власти Венеции (*Venetiarum historia*, p. 137; *Andreae Danduli Chronica*, p. 321). В рассказе Фомы это сообщение отсутствует, отчего в нем наблюдается логическая несообразность — одержав убедительную победу, задарцы все же подчинились дожу. Но именно вследствие такого противоречия создается впечатление о добровольном подчинении Задара Венеции.
- 250 Договор 1204 г. ставил Задар в зависимое положение. Епископ Задара избирался из представителей венецианского клира и утверждался патриархом Градо, а комит — из венецианской знати и утверждался дожем. Задар был лишен права восстанавливать укрепления, обязывался выплачивать Венеции ежегодную дань, оказывать ей военную помощь и т. п. В качестве гарантии соблюдения договора Задар отправил в Венецию тридцать заложников (CD, III, p. 45–47).
- 251 Спор архиепископа Бернарда с канониками явился продолжением их конфликта с архиепископом Петром Китиленом (см. прим. 211). Основным предметом спора была четвертая часть десятины и городских пожертвований, присвоение которой клириками архиепископ считал незаконным и сам претендовал на ее получение. Папа Иннокентий III уведомлял Бернарда в июле 1206 г., что римской курией после длительного рассмотрения дела предписано сплитским клирикам возвратить архиепископу указанную часть десятины и пожертвований, а архиепископу — ежегодно выплачивать им из этой суммы 20 перперов в качестве компенсации (CD, III, p. 56–58).
- 252 Из посланий папы Иннокентия III известно, что в начале XIII в. архиепископ Бернард «изгнал из Сплита и Трогира немало патаренов», нашедших приют в

- Боснии (PL, t. 214, p. 871; CD, II, p. 351). Иннокентий III призывал его также разобраться с боснийскими катарами (PL, t. 214, p. 1108; CD, III, p. 14–15).
- 253 Источники второй половины XII — первой половины XIII в. представляют факты неприязни и даже откровенной вражды, выказываемой верхнедалматинскими епископами, в том числе и скрадинским, в отношении Дубровника, которому они были формально подчинены (*Станојевић Ст.* Борба за самосталност..., с. 59–61, 67, 101). Посвящение Бернардом скрадинского епископа, видимо, следует рассматривать в контексте этих фактов.
- 254 Табеллион — составитель договоров и совещаний.
- 255 Трегуан стал трогирским епископом в 1206 г.
- 256 Речь идет о IV Латеранском соборе 1215 г., на котором было принято 70 канонов, составивших основу нового церковного законодательства.
- 257 В этой главе речь идет о Пятом крестовом походе 1217–1221 гг. В нем приняли участие венгерский король Эндре II со значительным войском, некоторые южногерманские князья, австрийцы и голландцы.
- 258 Букв. «super comptas». Л. де Хайнеманн предполагал, что имеется в виду «сунта» — индустрий, верхняя туника (Heinemann, p. 578, 1).
- 259 Прием, устроенный сплитской коммунной королю, стоил больших денег и мирянам, и капитулу (CD, III, p. 180).
- 260 Крепость Клис, закрывавшая проход к Сплиту со стороны гор, имела для города важное стратегическое значение, чем и обуславливалось желание горожан распространить власть города на крепость, находившуюся во владениях хорватских феодалов. Магистр Понций (Pontius de Cruce) был приближенным короля Эндре II, сопровождал его в крестовом походе. Поставленный Эндре II королевским наместником в Хорватии и Далмации, он за свои заслуги был награжден здесь некоторыми земельными пожалованиями (CD, III, p. 174–176), а Клис был определен местом его пребывания. Это назначение, очевидно, имело целью ограничить влияние одного из наиболее сильных хорватских феодалов — Домальда (см. прим. 272), который не только претендовал на крепость, но и рассчитывал получить от короля в управление земли Далматинской Хорватии.
- 261 Во время пребывания Эндре в Далмации им было направлено посольство к венецианскому дожу Пьетро Циани и заключен с ним договор, по которо-

- му за обеспечение переправы по морю дож добился от короля обещания не претендовать более на Задар (Listine o jednošajih između južnoga slavenstva i Mletačke republike. Zagreb, 1869, knj. 1, p. 29). Умолчание хронистом этого принципиального для описываемых событий факта, очевидно, связано с его нежеланием раскрывать роль Венгрии в венецианско-задарских отношениях.
- 262 Стефан Первовенчаный — великий жупан Сербии с 1196 г., с 1217 г. — король Сербского государства, принял корону от папы Гонория III (1216–1217).
- 263 Африканские арабы средневековых западноевропейских и византийских источников.
- 264 Искаженная цитата из «Фарсалии» Лукана (Lucan I 70–71). В рукописи — поздняя запись на полях об авторстве Лукана и соответствующая цитата (HS, p. 91, 6).
- 265 Очевидцы так называемой «венгерской» фазы Пятого крестового похода (1217–1218) единодушны в более чем скромной оценке действий венгерского короля и результатов его похода, полагая, что неудачными военными действиями король нанес удар по крестоносному движению (см. A history of the Crusades. — V. 2 The later Crusades, 1189–1311 / Ed. by Wolff R. L., Hazard H. W. Madison, 1969, p. 388–394). Реабилитирующая короля версия, которая связывает окончание похода Эндре с попыткой его отравления, по всей видимости, венгерского происхождения.
- 266 В Антиохии Эндре II сосватал своему сыну Эндре дочь правителя Киликийского армянского государства Левона II.
- 267 Федор I Ласкарь (? — 1222) — никейский император (1204–1222) после взятия Константинополя крестоносцами. Короновался в 1208 г. Бела — будущий венгерский король Бела IV (1235–1270), род. в 1206 г.
- 268 Оханус — болгарский царь Иван Асень II (1218–1241). Дочь Эндре II — Мария.
- 269 Архидиакон Группий упоминается в сплитском документе 1219 г. (CD, III, p. 170).
- 270 В сплитских документах 1217–1219 гг. в качестве сплитского архиепископа называется некий Славиг (Slavig) (CD, III, p. 164, 170, 172). Однако в письме папы Гонория III от 29 июля 1220 г. сплитскому капитулу с подтверждением избрания архиепископа Гунцела упоминается о шести пре-

- дыдущих попытках избрания сплитского архиепископа и об отказе всех шести кандидатов быть архиепископами Сплитской церкви из-за ее бедности (CD, III, p. 182).
- 271 Имя бана Юлы упоминается в документах 1213 и 1219 гг. (*Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis* / Ed. Fejer G. Buda, 1829, t. 3, v. 1, p. 148, 272).
- 272 Домальд был одним из наиболее влиятельных хорватских феодалов первой четверти XIII в. Происхождение его неясно. К 1200 г. он стал приближенным венгерского герцога Эндре, будущего короля Эндре II, который часто прибегал к его услугам, жалуя в благодарность земли (CD, III, p. 101–102). В 1202 г. Домальд действовал на стороне Задара против осаждавших город крестоносцев (*Ibid.*, p. 44). В первой четверти XIII в. он избирался комитом ряда далматинских городов.
- 273 Гунцел был избран архиепископом в 1220 г. (CD, III, p. 182).
- 274 Папа Гонорий III указывал Роберту, что если, по его мнению, Гунцел может оказаться полезным Сплитской церкви, пусть он утвердит его избрание и посвятит в архиепископы (CD, III, p. 182). Веспрем — город в Венгрии близ северной оконечности озера Балатон.
- 275 Город в Лацио в Центральной Италии.
- 276 О посольстве Аконция папа Гонорий III сообщает в письме комиту и жителям Сплита 13 апреля 1221 г. (CD, III, p. 191–192). Целью посольства было обуздать пиратов — «неких славян и далматинцев», которые «нападают, захватывают и убивают» крестоносцев, направляющихся в Святую землю.
- 277 Иер. 2, 24.
- 278 В действительности успехи Аконция в борьбе с омишскими пиратами, несмотря на поддержку венгерского короля (CD, III, p. 187), были более чем скромными и кратковременными. В том же 1221 г. Аконций обратился к «капитулу и клиру» Сплита с просьбой предоставить ему корабль до Задара, так как боялся «нечестивых» Качичей, которые «могут устроить засаду, чтобы навредить нам» (*Ibid.*, p. 205). Однако сплитчане в бой не рвались, и папа Гонорий III был вынужден напомнить им о необходимости войны с пиратами в связи с их новыми акциями (*Ibid.*, p. 191–192). На отвоеванных Аконцием островах Качичи вновь обосновались уже к середине 20-х гг.

- 279 Из письма папы Гонория, отправленного из Латерана 4 декабря 1221 г. и адресованного Гунцелу и веспремскому епископу Роберту, следует, что папа послал Гунцелу паллий через сплитского каноника Вульказия, нунция Гунцела (CD, III, р. 198). Однако каким-то образом паллий оказался в руках легата Аконция. Рогова — придунайский город к северо-востоку от Белграда.
- 280 С начала XIII в. в латинских источниках, прежде всего в документах папской курии, появляются сведения о «еретичестве» боснийской церкви. В конце 1221 г. папа Гонорий III призвал Аконция (который, спасаясь от Качичей, находился в Задаре) отправиться в Боснию и участвовать там в преследовании еретиков. С призывами к борьбе с еретиками Боснии папа обратился также к венгерскому королю и эстергомскому архиепископу (CD, III, р. 196–197, 198–199). В ожидании их помощи Аконций оставался в Задаре, затем, очевидно, присутствовал на соборе далматинских епископов в Дубровнике, созванном для организации борьбы с еретиками, после чего снова вернулся в Задар (CD, III, р. 202–203, 209–210, 217–218). Так что, вопреки сведениям Фомы, до Боснии он, видимо, так и не добрался.
- 281 Области Северной Италии.
- 282 Vrixiana — г. Брешиа в Северной Италии.
- 283 Речь идет о землетрясении 25 декабря 1222 г.
- 284 15 августа.
- 285 Св. Франциск Ассизский (1182–1226), учредитель названного по его имени нищенствующего ордена.
- 286 Вероятная параллель с Мф. 14, 36.
- 287 Сообщение относится к 1221 г., когда сплитским комитом был избран хорватский феодал из Луки Буисен — Вишен.
- 288 В 1210 г. Домальд расправился с какими-то соперниками Эндре, за что тот расплатился с ним цетинской жупанией с селением Триль (CD, III, р. 201). С этим, вероятно, связаны нападения цетинцев на сплитские земли сразу после изгнания Домальда из города.
- 289 Семейство брибирских князей Шубичей, к которому принадлежал Григорий, укреплялось на территориях, расположенных между владениями крских

князей и Качичей. Их резиденция располагалась в Брибуре, находившемся к северо-западу от Скрадина. Возвышение Шубичей сопровождалось в первой трети XIII в. борьбой с другими феодальными кланами, стремившимися к расширению влияния в Хорватии и Далмации. Буисен — Вишен был, возможно, родственником Шубичей.

- 290 Свиниград — крепость Звониград на реке Зрмане.
- 291 С конца XII в. Хум входил в состав сербского государства Неманичей и находился под управлением наместников, назначаемых центральной властью. Вместе с тем некоторые сведения о суверенных правителях Хума конца XII — середины XIII в. говорят о достаточно формальном подчинении Хума или о самостоятельном статусе части его земель (см. *Грачев В. П. Сербская государственность в X–XIV вв. М., 1972, с. 220–225*).
Петр стал сплитским комитом в 1225 г.
- 292 Ошибка хрониста. Аконций был жив еще и в 1223 г. (CD, III, p. 229–230).
- 293 Острог — хорватское селение между Салоной (Солином) и Трогиром.
- 294 Ниже упоминается некий Толлен из Полицы как один из главных врагов Сплита. Ф. Рачки допускал, что он и названный здесь Толлен — одно и то же лицо и что, таким образом, Бутко и его родня происходят из Полицы (HS, p. 216, 224).
- 295 Предыстория рассказа Фомы такова. Усиление Домальда в Хорватии и Далмации привело к ухудшению его отношений с венгерским королем. Некоторые акции Эндре II в пользу Трогира против Домальда в 1217 г. были связаны со стремлением последнего распространить свое влияние на Трогир и обложить его данью (CD, III, p. 162, 165). Посягательства Домальда на крепость Клис также натолкнулись на противодействие Эндре, передавшего ее в ведение отряда ордена тамплиеров во главе с магистром Понцием, представлявшим интересы короля в Хорватии и Далмации. Хотя Домальд и занял Клис в 1223 г., ему не удалось одолеть своих противников, и прежде всего брибирских князей, и Эндре наградил брибирских князей Григория Шубича и Стефана (Степко), в то время трогирского комита, принадлежавшими Домальду приморскими землями «вследствие предательства, которое он совершил против королевской короны» (Ibid., p. 231).
- 296 Имеется в виду привилегия, согласно которой лица духовного звания освобождались от подсудности светским судам.

- 297 О нападении Домальда на городские угодья Сплита и пленении им «многих знатных и богатых граждан» свидетельствует сплитская грамота 1227 г. Сплитский нобиль Дуим Формини был одним из патронов церкви св. Петра, упоминается в грамоте 1227 г. (CD, III, p. 267).
- 298 Кальман — второй сын короля Эндре II. Родился в 1208 г. В 1214 — герцог Галиции, в 1216 г. после своего старшего брата Белы получил в управление Далмацию и Хорватию. В Сплите находился 1 августа 1226 г.
- 299 Архидиакон в католической церкви был вторым лицом после епископа в делах церковного управления. Он наблюдал за поведением духовенства, играл важную роль в церковном суде, заведовал церковным имуществом, в отсутствие епископа замещал его, а в случае смерти епископа заведовал всеми церковными делами на правах викария. В административном отношении архидиакон стоял выше архипресвитера, но, как диакон, занимал более низкую ступень в церковной иерархии.
- 300 Примицерий — зд., возможно, старший священнослужитель в кафедральной церкви (см. прим. 168).
- 301 Папа Григорий IX (1227–1241) находился в Перудже с сентября 1234 г. по сентябрь 1235 г.
- 302 Вице-канцлером в 1235 г. был магистр Бартоломео.
- 303 Аллюзия на Ин. 10, 11. 15.
- 304 Tullianum — построенная при Сервии Туллии в VI в. до н. э. подземная часть государственной тюрьмы в Риме.
- 305 Положение Петра в Сплите было, очевидно, достаточно прочным, поскольку Григорий Брибирский смог добиться места комита Сплита только после его смерти, последовавшей в 1226 г. (CD, III, p. 259). Григорий стал комитом в начале 1227 г.
- 306 Несмотря на обращение венгерского герцога Кальмана к жителям Сплита с просьбой дать отпор Домальду (CD, III, p. 326), они вновь избрали его своим комитом в 1229 г. Еще раз он занял место комита в 1235 г. Григорий избирался сплитским комитом в 1232 и 1234 гг. Сын Григория Марк упоминается в грамоте 1237 г. (CD, IV, p. 22).

- 307 В тексте — «*bovibus*», что, однако, противоречит смыслу предыдущего утверждения, что в том месте паслись овцы. Очевидная описка переписчика: «*bovibus*» вместо «*ovibus*».
- 308 Монастырь св. Стефана «среди пиний» располагался в западной части города на берегу моря. Он был основан в начале XI в.
- 309 Церковь св. Феликса X в. находилась на берегу моря.
- 310 Латиняне — зд. итальянцы.
- 311 Богоявление — один из двенадцатых праздников, празднуемый 6 января. Пасха в 1239 г. приходилась на 27 марта.
- 312 Камерарий — казначей, ведающий поступающими в государственную казну доходами.
- 313 Первой крупной акцией Гаргана было заключение в 1239 г. договора между враждовавшими Сплитом и Трогиром. Этот договор во многом обуславливался отношениями Трогира и родного города подесты — Анконы, которых связывали «давние мир и дружба», подтвержденный несколькими договорами; последний из них (до избрания Гаргана) был заключен в 1236 г. (CD, IV, р. 12–13). Гарган примирил Трогир и Сплит ценою некоторых уступок со стороны последнего. Так, в случае ведения совместных военных действий Сплит обязывался обеспечить предоставление двух третей флота и сухопутных войск, оплачивать две трети расходов на совместные посольства и пр. Текст договора был составлен гражданином Анконы Петром Трансмундо (CD, IV, р. 85–86).
- 314 См. прим. 330.
- 315 Иперпер — византийская золотая монета достоинством 20 динариев.
- 316 Текст «Капитулярия» не сохранился. Однако в преамбуле Статута Сплита 1312 г. отмечается, что его положения составили основу городского закона (*Statuta et leges civitatis Spalati* / Ed. Hanel J. J. Zagrabiae, 1878, р. 4).
- 317 Одной из наиболее крупных акций подесты в это время было подписание договора Сплита с хумским князем Андреем (сентябрь 1241 г.), по которому сплитчане получали право беспошлинной торговли на территории, подвластной Андрею (CD, IV, р. 134–135).

- 318 Рассказ хрониста дополняется текстом договора Брача со Сплитом, заключенного в связи с окончанием войны 1240 г. В нем говорится, что Гарган начал военные действия после того, как омишский князь Осор отказался «предоставить гарантии . . . коммуне Сплита относительно возмещения ущерба в скоте, который Тольен . . . некогда угнал со сплитских угодий» (CD, IV, p. 112).
- 319 Хронист умалчивает о неудавшейся попытке Гаргана захватить Омиш (CD, IV, p. 112), предшествовавшей подчинению им о. Брач.
- 320 Договор между Брачем и Сплитом был заключен 19 мая 1240 г. (CD, IV, p. 112–113).
- 321 *Barcosium, barcosium* — это название употреблялось в далматинских городах в отношении весельных кораблей различных размеров — от небольших лодок до крупных палубных кораблей (*Vekarić S. Vrste i tipovi dubrovačkih brodova XIV st. // Anali Historijskog instituta JAZU u Dubrovniku. Dubrovnik, 1962–1963, god. 10–11, s. 30–31*).
- 322 Триремы и упоминаемые ниже биремы — типы военных кораблей, имевших соответственно три и два ряда весел. Вместе с тем они могли иметь одну, две или три мачты для парусов.
- 323 29 июня — день свв. апостолов Петра и Павла.
- 324 Остров Шолта принадлежал Сплиту.
- 325 Рассказ Фомы о татаро-монгольском нашествии (главы 36–39) является одним из основных источников сведений об истории вторжения татаро-монголов в Западную Европу в 1241–1242 гг. В исследованиях, посвященных вторжению и использующих сведения из хроники, традиционно подразумевается, что автор, бывший очевидцем нашествия войск Кайдана на Далмацию, написал свой рассказ по свежим следам событий (см., например, *Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977, с. 210–227; Soldo A. J. Provala Tatara u Hrvatsku // Historijski zbornik. Zagreb, 1968/1969, knj. 21–22*). Между тем среди источников самого Фомы обнаруживаются не только современные и по времени предшествующие нашествию сочинения, но и более поздние произведения. Прежде всего — это труд Платона Карпини «История монголов», написанный на основе сведений, собранных Карпини во время его путешествия к татаро-монголам в 1244–1245 гг. и представленный папе Иннокентию IV в

виде отчета осенью 1247 г. Его текст мог стать известным Фоме скорее всего после назначения Карпини в 1248 г. архиепископом Бара. Общеизвестный факт использования Фомой сочинения каноника Рогерия «Горестная песнь о разорении Венгрии». Рогерий был свидетелем нашествия татар на Венгрию, некоторое время провел в татарском плену, бежал. Свои воспоминания он литературно оформил в 1244 г. в послании папе Иннокентию IV. Однако прямых текстовых параллелей между рассказами Фомы и Рогерия не наблюдается. Характер сходства и отличия фактологической стороны этих рассказов дает основание предположить, что Фома либо воспроизвел текст Рогерия по памяти, либо, что более вероятно, воспользовался устным рассказом самого Рогерия, ставшего в 1249 г. сплитским архиепископом. Так что рассказ Фомы о татарском нашествии был написан скорее всего спустя несколько лет после вторжения в Западную Европу.

- 326 В 1240 г.; Бела IV был коронован в 1235 г.
- 327 Рутены — русские; куманы — половцы.
- 328 4 февраля 1238 г. татаро-монгольские войска осадили Владимир, но затем повернули к Суздалю и 5 февраля разорили его; 7 февраля был сожжен Владимир.
- 329 Великий князь владимирский Юрий Всеволодович (сын Всеволода Большое Гнездо) (1218–1238) стоял на реке Сити, когда пришла весть о сожжении Владимира и гибели его семейства. Юрий Всеволодович погиб 4 марта 1238 г. в битве на Сити.
- 330 Солнечные затмения 3 июня 1239 и 6 ноября 1241 г. действительно наблюдались в Юго-Восточной Европе (*Oppolzer Th. Kanon der Finsternisse. Wien, 1887*).
- 331 Нападения татар в Венгрии опасались по крайней мере с 1237–1238 гг. (*Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940, т. 3, с. 88–89; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979, с. 173*).
- 332 Хронист умалчивает о важных исторических и политических факторах, которые привели к поражению венгров. Между тем в «Горестной песне» Рогерия им отводится центральное место. Нежелание хрониста рассматривать объективные причины поражения может объясняться тенденциозностью хрониста в отношении Венгрии. К моменту нашествия в Венгрии обострились противоречия между королем и светскими магнатами из-за стремления короля Бе-

- лы IV расширить границы королевского домена за счет конфискации земель магнатов. Рогерий красноречиво пишет о недовольстве магнатов королем, подробно анализируя его причины (*Rogerii Carmen Miserabile* // SRH. Вр., 1938, v. 2, p. 553–559). По хронике Фомы о существовании этих раздоров можно лишь догадываться. Следствием антимагнатской политики Бельи IV было резкое сокращение военных сил страны. Накануне вторжения, пишет Рогерий, «король ... не имел в своем распоряжении вооруженных сил» (*Ibid.*, p. 564). Фома же несколько раз повторяет утверждение о наличии у Венгрии сильной армии. Поражение Венгрии представляется, таким образом, еще более сокрушительным.
- 333 Имеются в виду Карпаты. Рогерий сообщает, что для обеспечения охраны горного прохода из Галицкой Руси король Бела направил своего царедворца (*Rogerii Carmen*, p. 560). Пелоны — поляки.
- 334 Младший брат венгерского короля получал в XIII в. титул «младшего короля», и ему передавались в управление территории Далмации, Хорватии и Славонии. Поэтому хронист называет королями и Белу, и Кальмана.
- 335 Эстергом (*Strigonium*) — город на правом берегу Дуная на севере Венгрии.
- 336 В 1241 г. Пасха приходилась на 31 марта.
- 337 Татары вторглись в Венгрию с трех сторон — из Польши, Руси и Трансильвании. По пути они разорили польские и моравские города и трансильванские немецкие поселения.
- 338 Батый, будущий хан Золотой Орды, был внуком, а Кайдан — братом Чингисхана. Кайдан вместе с Субутаем предводительствовал частью татарского войска, вторгшегося в Венгрию со стороны Трансильвании.
- 339 Solo — р. Шайо. Рогерий, повествуя о преследовании венграми притворно отступавших от Пешта татар, указывает, что венгры переправились через р. Шайо недалеко от впадения ее в Тису, а татары расположились на равнине (*Rogerii Carmen*, p. 569). Ситуация, описываемая в хронике, когда венгры переправляются через Тису, а татары укрываются в лесах у р. Шайо, вряд ли была возможна: Шайо — правый берег Тисы, и венграм для встречи с татарами пришлось бы вновь переправляться через Тису.
- 340 В костюмах XIII в. появляются вшитые рукава. Первоначально рукава пришивались на день, а вечером отпарывались, так как одежда была тесной и снять ее иначе было невозможно.

- 341 Сражение у р. Шайо произошло 11 апреля 1241 г.
- 342 Дьер — город на северо-западе Венгрии на р. Раба.
- 343 Ср. Ис. 24, 2.
- 344 Бела бежал к австрийскому герцогу Фридриху II Бабенбергу. При отсутствии боеспособной армии основные надежды на отражение ожидаемого нападения татар Бела возлагал на половцев во главе с ханом Котьяном, которые были приняты на поселение в Венгрию (см. *Palocsi-Horvath A. L'immigration et l'établissement de Comans en Hongrie // Acta Orientalia ASH. Вр., 1975, t. 29, p. 313–333*). Однако половцы вызвали раздражение как магнатов, видевших в них своих соперников, так и венгерских крестьян, которых они грабили и чьи поля травили (Rogerii Carmen, p. 554, 556). Поэтому когда распространился слух о приближении татар, хан Котян был обвинен магнатами в соучастии с ними и (при подстрекательстве Фридриха Бабенберга, стремившегося к расстройству венгеро-половецкого союза) умерщвлен вместе со своими приближенными (*Ibid.*, p. 566–567). Татары считали половцев своими беглыми подданными, поэтому половецкое войско, опасаясь за свою судьбу, двинулось на юг, разоряя по пути венгерские поместья, переправилось через Дунай и ушло в Болгарию.
- Фридрих Бабенберг вынудил бежавшего к нему короля Белу выплатить (по разным сведениям, сообщаемым Рогерием) от 7 до 10 тысяч марок, занял три западных венгерских области (Шопронь, Мошон, Пожонь) и фактически начал военные действия против венгров у западной границы (*Ibid.*, p. 574–575). Ни о половцах, ни о действиях Фридриха Бабенберга Фома не упоминает.
- 345 Игра слов: «in Pestio» («в Пеште») — «pestis» («чума»). Пешт — город, основанный в XII в. на левом берегу Дуная и составивший впоследствии часть Будапешта.
- 346 Целенаправленное жестокое уничтожение татарами венгров породило в Европе различные слухи, в которых кровавая расправа над венграми представлялась карой за их грехи. В то же время в ряде западноевропейских источников в качестве основных причин особой свирепости татар в отношении венгров называются убийство венграми татарских послов (*Аннинский С. А. Известия, с. 88–89*) и принятие ими под свое покровительство половцев (см. *Richard J. Les causes des victoires mongoles d'après les historiens occidentaux du XIII-e siècle // Central Asiatic journal. Wiesbaden, 1979, v. 23, № 1–2, p. 106–108*).
- 347 Эти события имели место в мае 1241 г.

- 348 Цитата из «Истории монголов» Плано Карпини (*Джованни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 25*).
- 349 Синонимичное употребление этниконов «татары» и «монголы» получило распространение в Европе только после появления труда Карпини, где впервые было употреблено название «монголы».
- 350 *Sesarcanus* — очевидно, Чингисхан.
- 351 Рассказ о победах Цекаркана — Чингисхана над тремя правителями имеет много общего с историей, изложенной в письме венгерского миссионера Юлиана епископу Перуджи, написанном в 1238 г. (*Аннинский С. А. Известия, с. 83–84*).
- 352 Лемб — остроносое быстроходное судно.
- 353 Приведенное Фомой реалистическое описание быта, нравов и вооружения татар в целом совпадает с описанием Карпини. Оно лишено гиперболизации, характерной для документов, современных нашествию.
- 354 Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) — германский король с 1212 г., император с 1220 г.
- 355 Вследствие поражения крестоносцев у Тивериадского озера и взятия в 1187 г. Салах-ад-Дином Иерусалима в христианском мире с начала XIII в. стали необычайно широко распространяться эсхатологические настроения. Внезапное появление в Европе татаро-монголов было воспринято как предвестие гибели. Тогда же получило хождение известное «Откровение», приписываемое мученику начала IV в. Мефодию Патарскому о народе Гог и Магог, который, разрушив стену, сооруженную против него Александром Македонским, появится перед пришествием Антихриста. О распространенности такого рода представлений и в Венгрии свидетельствует письмо венгерского епископа епископу парижскому, датированное 1239–1240 гг. (см. *Матузова В. И. Английские источники, с. 174*), в котором говорится о татарах как о народе Гог и Магог.
- 356 См. прим. 174.
- 357 Будущий венгерский король Стефан (Иштван) V (1270–1272).

- 358 Cesma — г. Чазма на р. Чесме, притоке Савы.
- 359 Речь идет о событиях 1242 г.
- 360 Будаля — Буда, основанный в XII в. на правом берегу Дуная город, составивший часть Будапешта. С 1242 г. — столица Венгерского королевства.
- 361 Вац — город на Дунае к северу от Пешта. .
- 362 Prepositus — пробст, в католической церкви настоятель соборного капитула, монастыря; священник.
- 363 Quinque ecclesiae, Фюнфкирхен (совр. Почай) — город к югу от Дебрецена; его название связано с расположенными в его окрестностях пятью церквями.
- 364 Бела IV был в Трогире в марте 1242 г., затем снова появился там в мае, откуда вместе с избранным эстергомским епископом Стефаном переправился в Клис. В Трогире он предоставил его жителям новые и подтвердил старые привилегии, в том числе право на владение территориями, на которые претендовала сплитская коммуна (CD, IV, р. 146–148, 153). Это привело к расторжению сплитско-трогирского договора, заключенного Гарганом. Привилегии были выданы также Задару, Клису и островам Крку и Хвару (Ibid., р. 144–145, 151–152, 162–163). Отвоєванный сплитчанами у пиратов соседнего Омиша Брач перешел под управление хварских жупанов (Ibid., р. 151). Сплитские привилегии подтверждены не были.
- 365 Букв. «ad quamdam aquam». Неясно, о каком месте идет речь. Предположительно — район совр. Сребреницы в среднем течении Дрины, место средневековых рудниковых разработок серебра, меди и др. металлов (Soldo A. J. Provala Tatar..., s. 384).
- 366 Дривост — поселение на р. Буне к северо-востоку от Шкодера.
- 367 Ср. 3 Цар. 16, 11.
- 368 На саркофаге в церкви св. Домния сохранилась надпись: «В этой тесной могиле покоятся бездыханные тела достославной Катарини и блистательной Маргариты, дочерей короля венгров Бела IV и королевы греков Марии Ласкарис; им пришлось бежать от нечестивых татар, смерть настигла их в Клисе, и тела их были перенесены сюда, в Сплит».

- 369 Гунцел умер в 1242 г.
- 370 Николай был скрадинским епископом в 1228–1229 гг.
- 371 Сплитский каноник Николай был поставлен хварским епископом ок. 1230 г.
- 372 Папа Григорий IX умер 22 августа 1241 г. Папский престол после него занял Целестин IV (25 октября). После смерти Целестина в ноябре того же года новый папа Иннокентий IV был избран только 25 июня 1243 г.
- 373 Гарган вернулся в Анкону в мае 1242 г.
- 374 Князья крские на протяжении XIII в. постепенно укреплялись на северо-западных землях Далматинской Хорватии. Их влияние в Хорватии при опоре на венгерскую власть возросло после оказанной ими помощи королю Беле IV во время татаро-монгольского нашествия. В марте 1242 г. Бела, находясь в Трогире, выдал новые и подтвердил старые привилегии сыновьям Буго, князя Крка, среди которых был назван и Иоанн (CD, IV, р. 144). Первое упоминание Иоанна в качестве сплитского комита относится к июню 1242 г. (Ibid., р. 155).
- 375 Кава — город в 4 км к северо-востоку от Салерно.
- 376 Каштелян — начальник гарнизона крепости.
- 377 Бернард был поставлен подестой в 1243 г. Тергест — совр. г. Триест в Северной Италии на берегу Триестского залива Адриатического моря.
- 378 В главе содержится рассказ о неудавшейся попытке Задара освободиться от венецианского господства в 1242 г. Здесь так же, как и в рассказе о первом взятии Задара венецианцами, прослеживается сочетание как близкой венецианской, так и иной, задарской или другой антивенецианской, точек зрения на события и стремление умолчать о роли в них Венгрии. Хроника Дандоло в описании этих событий в целом воспроизводит фабулу рассказа хроникера Фомы, хотя в данном случае прямых текстовых заимствований не отмечается (см. прим. 235).
- 379 Во время пребывания Бела IV в Клисе в мае 1242 г. к нему явилось задарское посольство с просьбой принять Задар под свое покровительство. Король согласился и утвердил договор своего брата Кальмана с жителями Задара о переходе их под власть венгерского короля (CD, IV, р. 162; Andreae

- Danduli Chronica, p. 353). Согласие Венгрии на предоставление помощи Задару квалифицировалось в «Венецианской хронике» Мартина де Канале второй половины XIII в. как начало войны венгерского короля с Венецией (*Martino de Canale. Cronique des Veneciens // Archivio storico Italiano. Firenze, 1845, t. 8, p. 390*).
- 380 Флот состоял из 26 галей и 20 других судов. Во главе его стоял Райнерий Дзено, который вез с собой Иоанна Михаила, бывшего ранее задарским комитом (*Andreae Danduli Chronica, p. 353*).
- 381 Дионисий был венгерским королевским наместником в Хорватии и Далмации — «баном и князем Славонии». Данное сообщение проясняется сведениями венецианских хроник, в которых рассказывается об уходе венгров из Задара после того, как его покинул Дионисий (*Martino de Canale, p. 400; Andreae Danduli Chronica, p. 356*). По данным (несомненно преувеличенным) Мартино де Канале, в сражении участвовало 10 тысяч пехих и конных венгерских воинов (*Martino de Canale, p. 394*). Объяснение в хронике Фомы причин поражения жителей Задара обнаруживает влияние антивенецианской традиции. Если венецианские хроники подчеркивают неумелые военные действия защитников города и исключительное военное искусство венецианцев (см. *Ibid.*, p. 400), то Фома видит причину неудач задарцев в трусливом поведении бана Дионисия, напуганного легким ранением. Дандоло пишет о тяжелом ранении Дионисия (*Andreae Danduli Chronica, p. 354*).
- 382 Задар передавался дожу по соглашению между Венецией и Венгрией от 29 июня 1244 г. Венгерский король признавал права венецианцев на Задар. В том же году Задар заключил договор с Венецией, признав ее власть над городом (*Urkunden, T. 2, p. 419–420; Andreae Danduli Chronica, p. 355*).
- 383 Сплитско-трогирские войны 1242–1244 гг. имеют долгую предысторию. Территория, подвластная Трогиру, простиралась почти до Салоны — Солина. На некоторые земли, пограничные с территорией сплитской коммуны, претендовала Сплитская церковь, оформившая свои притязания фальсифицированной дарственной от имени венгерского короля Кальмана, в которой в качестве владений Сплитской церкви упоминались пограничные «селения Острог и Лабин», а также церковь св. Стефана «со всеми примыкающими землями» (*CD, II, p. 10–11*). В 1185 г. в решениях очередного сплитского собора за сплитским архиепископом Петром было признано право на владение находящимися на трогирской территории церквями — св. Марты и св. Петра Клубучского (*Ibid.*, p. 193).

- 384 Конфликт произошел из-за того, что земли, которые Сплит считал своими (селение Острог, область Бихач и территория церкви св. Виталиса — CD, IV, р. 198), были заняты трогирянами на основании привилегий, предоставленных Трогиру Белой IV, которые касались земель от селения Острог до селения Смоквицы (Ibid., р. 147–148, 154). Нападение на эти земли произошло с ведома венгерского короля (Ibid., р. 185, 186) и с помощью гарнизона Клисской крепости (Ibid., р. 184).
- 385 Гирард — папский легат, представитель ордена францисканцев из Апулии — действовал вместе со своими помощниками францисканскими монахами Павлом и Андреем (CD, IV, р. 197). Mutina — совр. Модена на севере Италии на Паданской равнине.
- 386 Согласно условиям договора, разработанного Гирардом, «церкви св. Домния» возвращались селение Острог «со всем принадлежащим ему имуществом и прилегающими землями», территория Бихача и церкви св. Виталиса. Договор, заключенный 11 сентября 1243 г., предусматривал взаимное возмещение нанесенного ущерба и возвращение владельцам всех наследственных земель. Подписи трогирского епископа Трегуана и Фомы стоят первыми под текстом договора (CD, IV, р. 197–198). Характеристика в хронике конфликта как братоубийственной междоусобной войны совпадает с ее определением в договоре Гирарда.
- 387 Папа Иннокентий IV (1243–1254). См. прим. 372.
- 388 Букв. «pedens» — «испускающая газы».
- 389 Игра слов: «Fuscus» — «fuscus» (темный).
- 390 Война возобновилась после того, как трогиряне отказались вернуть означенные в договоре Сплита с Трогиром земли: в грамоте короля Белы, изданной после акции Бернарда (см. гл. XLV), подтверждаются все выданные ранее Трогиру привилегии и сообщается о посягательствах Сплита на то, «что недавно было пожаловано королем» (CD, IV, р. 208).
- 391 Пс. 56, 4.
- 392 Комитом Трогира в это время был Степко Шубич. См. прим. 289.
- 393 Сырная, или масляная, неделя — последняя перед Великим постом; Пятидесятница — пятидесятый день после Пасхи, день сошествия св. Духа на апостолов.

- 394 Зах. 2, 8.
- 395 Зах. 2, 9.
- 396 Ис. 10, 15.
- 397 Боснийский бан Матвей Нинослав (1235–1250) был поставлен сплитским комитом в 1244 г.
- 398 Михаил — вараждинский князь (HS, p. 195, b).
- 399 12 июля.
- 400 Договор с Дионисием датирован 19 июля 1244 г. В тексте договора называется иная сумма — 1000 марок. Центральные пункты договора, посвященные решению спорных земельных вопросов, обходятся хронистом молчанием. Согласно этим пунктам, вся территория «от межевого столба до Трогира» вместе с территорией Острога отдавалась трогирской коммуне; все привилегии сплитчан на участки, расположенные на этой территории, аннулировались; Трогир получал спорный остров Сан-Стефао. Договор подписали и представители семейства Качичей, которые ранее претендовали на некоторые земли, включенные в текст договора (CD, IV, p. 235–236). В 1245 г. определенные Дионисием границы владений двух городов были подтверждены венгерским ставленником Хутрином — сначала архиепископом, а затем и комитом Сплита (Ibid., p. 279). Распри из-за спорных территорий продолжались и позднее (Ibid., p. 208–209).
- 401 Имеются в виду острова Брач и Хвар.
- 402 После избрания Хутрина Бела изменил свое отношение к Сплиту. Сплитской архиепископии была пожалована Цетиньская жупания (CD, IV, p. 212–213); Бела способствовал и улаживанию сплитско-трогирских отношений (Ibid., p. 255–256).
- 403 В 1245 г. Пасха приходилась на 23 апреля.
- 404 Lugdunum. В Лион из-за вражды с Фридрихом II Гогенштауфеном удалился папа Иннокентий IV и пробыл здесь с 29 ноября 1244 г. до 19 апреля 1251 г.
- 405 Хутрин умер 27 ноября 1248 г.

- 406 Хугрин был калочским архиепископом в 1219–1242 гг.
- 407 Иоанн, бенедиктинский монах, был племянником Хугрина (Heinemann, p. 596, 4).
- 408 Декретом лионского собора от 17 июля 1245 г. император Фридрих II был отлучен от церкви и объявлен низложенным как император римский, король германский и сицилийский.
- 409 Беневенто — герцогство, затем — княжество в Южной Италии с центром в г. Беневенто. О. Хольдер-Эггер допускал возможность идентификации названия *Turris Ceria* (в Ватиканском списке — *Turris Cerit*) с местечком *Toggesuso* возле Беневенто (Heinemann, p. 597, 2).
- 410 В письме от 30 апреля 1249 г., адресованном архидиакону Фоме и сплитскому капитулу, папа Иннокентий IV заявляет, что не допустит предложенного сплитским капитулом Иоанна на место сплитского архиепископа, а ставит во главе Сплитской церкви капеллана, кардинала Толедо Иоанна (CD, IV, p. 389).
- 411 Каринтия — историческая область в Центральной Европе, в бассейне р. Дравы. С распадом в XI в. Карантии выделилась в отдельное герцогство.
- 412 Бертольд — аквилейский патриарх в 1218–1251 гг.
413. 20 февраля 1250 г.
- 414 Император Фридрих II умер 19 декабря 1250 г. В Германии и Италии ему наследовал его сын Конрад (1250–1254). Несмотря на то что папой Иннокентием в январе 1249 г. был объявлен крестовый поход против Фридриха, его положение оставалось прочным до самой его смерти, и он находил поддержку во многих странах.
- 415 В 1251 г. Конрад IV через Виченцу, Падую и Фриульскую марку добрался до Истрии и оттуда направился в Апулию, куда прибыл в январе 1252 г.
- 416 Поездка короля состоялась в 1251 г.
- 417 Старший сын Бела IV и Марии Стефан (будущий король Стефан — Иштван IV) был коронован 30 августа 1245 г., а в 1246 г. стал баном Славонии. В должности бана Славонии ему наследовал в 1261 г. его

младший брат Бела. Королева Мария тогда же отправилась в Хорватию и Далмацию, чтобы «навести порядок и составить ясное представление о положении во владениях дражайшего сына нашего правителя Бела» (*Tkalčić I. Monumenta historicae liberae regiae civitatis Zagrabiae. Zagreb, 1889, v. 1, p. 31–32*). Бела, назначенный отцом своим преемником на королевском троне в 1267 г., умер в 1269.

- 418 В Бихаче король с королевой находились в марте 1262 г.
- 419 Бан Роланд был сплитским комитом в 1262–1268 гг.
- 420 Колумбан был преемником Трегуана на месте трогирского епископа.
- 421 14 апреля.
- 422 Кресценций — см. прим. 152. В HSM имеется запись о том, что после смерти тело архиепископа Кресценция было помещено в «мраморный саркофаг при входе в церковь св. Домния с северной стороны» (HSM, p. 113).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абсалон, архиепископ Сплитский 57, 186
Август, Октавиан, римский император 25, 27, 149, 164
Адам Парижский, клирик 47, 178
Адриан, комит Сплита (1113) 55, 185
Адриан IV, римский папа 186, 187
Адриана, см. Ариадна
Адриан, мифол., брат Итала 26, 151
Аконций, легат папы Гонория III 77–79, 82, 201
Александр II, римский папа 48, 51, 174, 177, 178, 180, 181
Александр III, римский папа 59, 62, 174, 187–189
Александр, медик, венгерский клирик 73
Александр Македонский, царь Македонии 210
Альберт, кардинал, легат папы Александра III 187
Альберт, житель Анконы 95
Альфонс II, арагонский король 195
Анастасий Аквилейский, святой 29, 39, 42, 48, 71, 154, 163, 167, 178,
Анастасий IV, римский папа 57, 186, 187
Андрей, Эндре II, венгерский король 67, 68, 72–74, 85, 104, 194, 199–204
Андрей, дубровницкий архиепископ 58, 187
Андрей, князь Хума 205
Андрей, францисканский монах 214
Андрей, каноник сплитской церкви 70
Андрей, житель Сплита, регент 128
Аноним Гальберштадский, хронист 197
Антенор, один из троянских старейшин 25, 149
Антихрист 210
Антоний, Гай, легат Цезаря, полководец 26, 27, 151, 152
Антоний, поддиакон 32, 39, 163
Антонин, см. Анфемий
Анфемий, в хронике – Антонин, император Западной Римской империи 31, 157
Аполлинарий, святой, первый епископ Ра-
венны 28, 34, 153
Ариадна, в хронике – Адриана, дочь царя
Миноса 26, 150
Арий, александрийский священник, зачи-
натель арианства 51
Аристодий, сын Зоровавеля, житель Задара,
еретик 66, 194
Арпадовичи, венгерская королевская ди-
настия 155
Асклепий, Эскулап, бог врачевания 30, 150,
156
Аттила, вождь гуннов 44, 171
Ахилл, венгерский прелат 117
Базилий, в хронике - полководец армии
Помпея 27, 152
Бартоломео, магистр, вице-канцлер Рим-
ской курии 204
Басил, легат Цезаря, полководец 152
Бат, Батый, монгольский хан 106, 107, 114,
120, 208
Бела II, венгерский король 186
Бела III, венгерский король 65–67, 191, 193
Бела IV, венгерский король 74, 104, 111, 113,
115, 120, 125, 130, 136, 139, 141, 143, 185,
200, 207, 209, 211, 212, 214–217
Бела, младший сын Бела IV, бан Славонии
142, 217
Бенедикт VIII, римский папа 164, 173
Бенедикт, епископ Калочский 117
Бернард, архиепископ Сплитский (1192–1217)
65–68, 70–73, 192, 194, 198, 199
Бернард, подеста Сплита (1243) 124, 126,
129, 130, 212, 214
Бертольд, аквилейский патриарх 139, 216
Бизонций, аббат сплитского монастыря
св. Стефана 123
Борислав, епископ Сеньский 121
Борна, Порг, Порин, хорватский князь 160,
166
Бранимир, хорватский князь 43, 169, 181,
191
Брус, мифол., сын короля Свевлада, вождь
готов 159
Буго, крксый князь 212
Будимир, хорватский феодал из Цетине 79,
80
Буйсен из Луки, Вишен, хорватский феодал,
комит Сплита 79, 80, 82, 202, 203

- Бутко, хорватский феодал 203
- Вах, одно из имен Диониса 26
- Варфоломей, епископ Пяты Церквей 117, 133
- Варфоломей, епископ Скрадинский (нач. XIII в.) 71
- Варфоломей, епископ Скрадинский (ок. 1228–1229) 121, 136, 137
- Василий I, византийский император 165
- Василий II, византийский император 44, 170, 172
- Василий, епископ Апсарский 51
- Веллей Патеркул, римский историк 149
- Венандий, святой 163
- Венера, богиня садов, красоты и любви 35
- Вений, в хронике полководец армии Августа 25, 149
- Вергилий Марон, римский поэт 36, 148, 149, 151, 152, 156
- Вибий Постум, консуляр, наместник Далмации 149
- Виктор II, римский папа 177
- Виллардуэн, Жоффруа, участник IV крестового похода, хронист 195
- Вильцета, сын Бутко, хорватский феодал 83
- Виниций, Марк, римский полководец, наместник Иллирика 149
- Винценций, венгерский прелат 117
- Вит, житель Сплита 128
- Вита, сплитский диакон 78
- Витал, житель Сплита 91, 92, 96
- Вишен, см. Буисен
- Владислав, Ласло I Святой, венгерский король 53, 66, 182–184, 193
- Владислав, комит венгерского королевского двора 117
- Всеволод Большое Гнездо, великий князь владимирский 207
- Вульказий, Ульказий, диакон сплитской церкви 76, 78, 202
- Вультей, командир корабля, сражавшийся под началом Гая Антония 27, 151, 152
- Вульфила, см. Ульфила
- Гай, римский папа 30, 156, 157
- Галлона, житель Сплита 91
- Гарган, Гарган де Арскиндис, подеста Сплита 94–96, 98, 100, 102–104, 115, 117, 121, 122, 205, 211, 212
- Гармония, дочь Ареса и Афродиты, жена Кадма 149, 150
- Гавдий, архиепископ Сплитский 56, 57, 186, 188
- Геца, венгерский князь (972–997) 44, 46, 172
- Геца I, венгерский король (1074–1077) 182, 191
- Генрих, Имре, венгерский король 66–68, 194–196
- Георгий, Юрий Всеволодович, великий князь владимирский 104, 207
- Гераклеон, византийский император 165
- Герман, епископ Капуанский 43, 170
- Гирард, капеллан Римской курии, архиепископ Сплитский (1167–1175) 59, 61, 188, 189
- Гирард, архиепископ Сипонтинский, легат папы Григория VII 51, 181
- Гирард, францисканский монах 126, 214
- Гликерий, император Западной Римской империи, епископ Салоны 31, 157
- Гог и Магог, в эсхатологических мифах антагонисты «народа божьего» 210
- Гоислав, хорватский князь, сын Држислава 170, 178
- Гольфанг, см. Ульф
- Гонорий II, Кадал, Cadalus, антипапа 180
- Гонорий III, римский папа 74, 76, 78, 200–202
- Гонорат, архидиакон салонской церкви 31–34, 157, 158
- Гораций Флакк, римский поэт 27, 150, 152
- Готтфрид из Витербо, биограф Фридриха Барбароссы 171
- Григорий I Великий, римский папа 31–34, 39, 157, 158, 162, 163
- Григорий VII, римский папа 51, 153, 164, 181, 188
- Григорий VIII, римский папа 59, 188
- Григорий IX, римский папа 88, 121, 196, 204, 212
- Григорий, епископ Барский 190
- Григорий, епископ Дьерский 109
- Григорий, епископ Нинский 51, 181
- Григорий, епископ Рабский 51
- Григорий, епископ Хорватский 51
- Григорий, клирик Задарской церкви, избранный сплитским архиепископом 56
- Григорий Брибирский, Григорий Шубич, комит Сплита 82, 90, 91, 202–204
- Григорий де Кресценцио, кардинал, папский легат 66, 193
- Григорий, сын Галлоны, житель Сплита 92
- Григогон, святой покровитель Задара 69, 197

- Группий, внук Фирмы, архипресвитер Сплитской церкви, епископ Нинский 71, 72, 76
- Группий, сын Продана, архидиакон Сплитской церкви 71, 74, 79, 128, 200
- Гунцел, сын Корнелия, архиепископ Сплитский 74–79, 82, 85, 87, 89, 121, 157, 158, 197, 200–202, 212
- Дабрал, архиепископ Сплитский 44, 46, 176
- Дабро Диций, архидиакон Сплитской церкви 55
- Дандоло Андреа, венецианский дож и хронист 175, 195–198, 212, 213
- Дандоло Энрико, венецианский дож 69, 197, 198
- Делее Ип. 155
- Деса Корви, каноник Сплитской церкви 138
- Деса Михаил, сплитский судья 143
- Десса Макарелли, претендент на епископский престол Трогира 56
- Димитрий, придворный венгерского короля 117
- Диоклетиан, римский император 28–30, 35, 40, 147, 154–156, 167
- Дионис, бог плодоносящих сил природы 150
- Дионисий, бан, венгерский наместник в Хорватии и Далмации 117, 125, 133, 134, 213, 215
- Диржислав, Држислав, хорватский князь 43, 169, 170
- Доброний, епископ Хварский 145
- Домальд, хорватский феодал, комит Сплита 75, 79, 84, 85, 90, 121, 199, 201–204
- Домиций, сын Витала, житель Сплита 91, 92
- Домний, Домн, святой 28, 29, 31, 38, 42, 43, 47, 48, 52, 63, 83, 102, 154, 163, 167, 178
- Домнион, мученик 28, 29, 154, 155
- Драг, житель Сплита 138
- Држислав, см. Диржислав
- Дуим, Дуим Драшко, житель Сплита 91–93, 96
- Дуим, внук Гумая, житель Сплита 66
- Дуим Кассарий, житель Сплита 144
- Дуим Формини, сплитский нобиль 85, 204
- Евгений III, римский папа 164
- Елена, Лена, жена хорватского короля Звонимира 52, 182, 183
- Захария, пророк 132
- Звонимир, см. Свинимир
- Зинон, император Восточной Римской империи 157
- Зоровавель, Зороавель, житель Задара 66, 194
- Зоя, византийская императрица 172
- Иван Асень II, в хронике – Оксан, Ochanus, болгарский царь 74, 200
- Иероним, святой, церковный писатель 25, 148, 150, 179
- Иисус Христос 28, 29, 44, 179
- Иларион, святой, основатель монашества в Палестине 26, 150
- Имре, см. Генрих
- Иннокентий II, римский папа 164, 186
- Иннокентий III, римский папа 65, 66, 68, 72, 192, 194, 196–199
- Иннокентий IV, римский папа 127, 137, 138, 140, 174, 206, 207, 212, 214–216
- Иоанн IV, римский папа 38, 163
- Иоанн VIII, римский папа 168
- Иоанн X, римский папа 154, 179
- Иоанн, архиепископ Сплитский (кон. IX в.) 51, 168
- Иоанн, архиепископ Сплитский (1-я пол. X в.) 43, 169
- Иоанн, архиепископ Сплитский (сер. XI в.) 46, 48
- Иоанн, бенедиктинский монах, епископ Скрадинский, избранный архиепископом Сплитским (сер. XIII в.) 137, 138, 216
- Иоанн, архиепископ Барский 174
- Иоанн, архиепископ Дуклянский (кон. X в.) 173
- Иоанн, архиепископ Задарский 196, 197
- Иоанн, епископ Сеньский 121
- Иоанн, епископ Скрадинский 145
- Иоанн, епископ Трогирский 48, 51, 151, 178
- Иоанн, внук Куциллы, епископ Нинский 71
- Иоанн, кардинал, папский легат (XI в.) 50, 52, 177
- Иоанн, комит Сплита 58, 188
- Иоанн, представитель семейства князей Крка, подеста Сплита 121, 124, 212
- Иоанн Витал, Иоанн, сын Витала, житель Сплита 92, 136, 143
- Иоанн Диакон, венецианский хронист 169
- Иоанн Массагалиа, житель Сплита 56
- Иоанн Михаил, комит Задара 213

- Иоанн Портогосский, кардинал-епископ, легат папы Льва IX 46, 177
- Иоанн Равеннский, первый сплитский архиепископ 41–43, 165–167
- Иоанн Толедский, кардинал 139, 216
- Иоанн Цимиский, византийский император 169
- Иоанн Цегайда, житель Сплита 92, 93
- Ионий, священник Сплитской церкви 61
- Иракий, византийский император 162
- Исидор Севильский, епископ, церковный писатель и ученый 25, 147
- Итал, легендарный царь пеласгов 26, 151
- Иштван, см. Стефан I
- Йадрий, легендарный основатель г. Задара 40, 164
- Кадал, см. Гонорий II
- Кадм, в греч. мифол., сын финикийского царя Агенора, основатель Фив 26, 149, 150
- Кайдан, монгольский хан 106, 114, 116, 118–120, 206, 208
- Каликст II, римский папа 164
- Кальман, см. Коломан
- Карл III Толстый, король Восточно-Франкского и Западно-Франкского королевств 43, 169
- Касторий, папский нотариус 34, 158
- Катарина, дочь венгерского короля Белы IV 211
- Катальд, сын Формина, каноник Сплитской церкви 70, 74, 79
- Кацета, сплитский нобиль 85
- Кациты, Качичи, знатный хорватский род 63, 190, 191, 201–203, 215
- Квирик, мученик, епископ Сисакский 43, 168
- Кирилл, славянский первоучитель 173
- Кляич Н. 162, 182, 184
- Климент III, антипапа 174, 184
- Коломан, Кальман, венгерский король (1202–1114) 53, 54, 184, 185, 191, 204, 213
- Коломан, Кальман, сын венгерского короля Эндре II, «младший» король, герцог Славонии 85, 105, 107, 108, 111, 115, 208, 212
- Колумбан, епископ Трогирский 145, 217
- Конрад, архиепископ Зальцбургский 155
- Конрад, Конрад IV, сын Фридриха II, германский император 140, 216
- Константин II, византийский император 44, 165
- Константин VII Багрянородный, византийский император 156, 159–167, 170
- Константин VIII, византийский император 172
- Константин X Дука, византийский император 182
- Констанция, дочь арагонского короля Альфонса II, мать венгерского короля Ласло III 195
- Котян, половецкий хан 209
- Красовский А. 158, 162
- Кресценций, архиепископ Сплитский (ок.1100–1111) 52, 54, 145, 182, 183, 217
- Крешимир III, правитель Хорватии, сын Држислава 44, 170, 172, 176, 178
- Крешимир IV, правитель Хорватии, сын Стефана I 52, 175, 182
- Крискент, апостол 28
- Кулин, боснийский бан 194
- Лаврентий, епископ Апсарский, архиепископ Сплитский 47, 48, 51, 52, 178, 178
- Ладислав, епископ Книнский 145
- Лампреди, сплитский нобиль 100, 102
- Лампреди Марисх, епископ Задарский 57, 58
- Лампреди, сын Дуима Драшко, житель Сплита 92
- Ласкар, Федор I Ласкар, никейский император 74, 200
- Ласло I Святой, см. Владислав
- Ласло III, венгерский король 195
- Лев, Лев I Фракиец, император Восточной Римской империи 31, 157
- Лев Младший, Лев II, император Восточной Римской империи, внук Льва I, сын Зинона 31, 157
- Лев VI, римский папа 164
- Лев IX, римский папа 177
- Левон II, правитель Киликийского армянского государства 200
- Лена, см. Елена
- Леонард, монах из Сплита 122
- Леонард Каваль, сплитский нобиль 85
- Либер, в римской мифол. бог плодородия 26, 150
- Лукан, Марк Анней, римский поэт 25, 35, 40, 148, 151, 152, 161, 200
- Лукар, сын Дуима Цикле, архидиакон Сплитской церкви, епископ осторовов Хвара и Брача 57, 61, 62

Луций III, римский папа 65, 192, 193

Маврикий, византийский император 158
Маврикий, придворный венгерского короля 117

Мадий, житель Сплита 56

Майнард, епископ-кардинал, легат папы Николая II 48, 50, 177, 178

Максим, епископ Салонской церкви 33, 34, 158, 162

Максимиан, римский император 28, 29, 154, 155, 168

Мальдук, омишский князь 99

Манас, архиепископ Сплитский 54, 185

Мануил I Комнин, византийский император 62, 64, 188, 190, 191

Маргарита, дочь венгерского короля Белы IV 211

Мариан, архиепископ Равеннский 34, 158

Марин, архиепископ Сплитский 43

Марин Бонаюнкта, житель Сплита 144

Мария, Богоматерь 42, 167

Мария, дочь венгерского короля Эндре II 200

Мария, Мария Ласкаръ, жена венгерского короля Белы IV 115, 141, 211, 216, 217

Марк, евангелист 28, 154

Марк, сподвижник св. Себастиана 30

Марк, сын Григорий Шубича, комит Сплита 91, 204

Мартин, архиепископ Сплитский 43

Мартин, аббат 38, 163

Мартин, житель Сплита 128

Мартин де Канале, венецианский хронист 213

Мартин Манзавини, клирик Задарской церкви, епископ островов Хвара и Брача 57, 58, 61, 62, 65

Марцеллиан, сподвижник св. Себастиана 30

Матвей, архиепископ Эстергомский 105, 109

Матвей, магистр-казначей венгерского королевского двора 117

Матвей, сын Зоровавеля, житель Задара, еретик 66, 194

Матвей де Гирардо, житель Анконы 95

Матвей Мауруте, каноник сплитской церкви, епископ Крбавский 64

Матвей Нинослав, боснийский бан, комит Сплита 132, 215

Мефодий, славянский первоучитель 48, 173, 179

Мефодий Патарский, мученик 115, 210

Микусо, епископ Книнский 72

Минос, царь Крита 26

Миха, епископ Задарский 55, 56, 185

Миха, епископ Хварский 65, 193

Миха, священник Сплитской церкви 63

Миха, сын Мадия, житель Сплита 93

Миха Мадий, сплитский хронист (XIV в.) 149, 159, 160, 165

Михаил, вараждинский князь 133, 215

Михаил, сын Леонарда, сплитский нобиль 143

Михаил Бодин, князь Дукли, сын Михаила I Воиславлевича 174

Михаил Вишевич, хумский князь 117

Михаил I Воиславлевич, князь Дукли 174

Михаил VII Дука, византийский император 52, 181

Мургия, сплитский судья 133–136

Мунцимир, Мутимир, хорватский князь, сын Трпимира 44, 169, 171, 172

Назаренко А. В. 155

Натал, епископ Салонский 31–33, 39, 157, 158, 163

Неманичи, сербская королевская династия 203

Непот Флавий Юлий, в хронике – Непоциан, император Западной Римской империи 31, 157

Николай I, римский папа 181

Николай II, римский папа 177, 178

Николай, епископ Скрадинский 121, 212

Николай, епископ Хварский 89, 121, 136, 193, 212

Николай, каноник Сплитской церкви 72

Николай, пресвитер Сплитской церкви, сакриста 128

Николай, представитель рода Качичей 63

Николай, сын Десы Михаила, сплитский нобиль 143

Николай Дум, сплитский нобиль 141, 144

Николай Манзавини, епископ островов Хвара и Брача, архиепископ Задара 65, 193

Нинослав, боснийский бан 132

Овидий Назон, римский поэт 26, 150

Оксан, Охалус, см. Иван Асень II

Октавий Марк, начальник флота Помпея 27, 152

- Орланд, магистр-конюший венгерского королевского двора 117
- Осор, сын Мальдука из Омиша, князь о. Брач 99–103, 206
- Остроило, сын короля Свевлада, легендарный вождь готов 159
- Оттон I, германский король, император 160
- Оттон, кардинал (1234) 88, 89
- Павел, апостол 28, 153, 154
- Павел, архиепископ Сплитский 44, 172
- Павел, францисканский монах 214
- Павлин, епископ (кон. VI в.) 34
- Пасхалий II, римский папа 132
- Пелагий II, римский папа 31, 32, 157, 158
- Петр, апостол 28, 153–155, 178
- Петр, архиепископ Задарский 193
- Петр, архиепископ Сплитский (IX в.) 44, 171
- Петр, паннонский аббат, архиепископ Сплитский (1189–1194) 64, 65, 193
- Петр, сын Китилена, архиепископ Сплитский (1185–1189) 64, 65, 70, 191, 192, 198, 213
- Петр, барско-дуклянский епископ 174
- Петр, диакон Сплитской церкви 75, 76
- Петр, хумский князь, комит Сплита 82–84, 90, 203, 204
- Петр, внук Мургия, диакон и пресвитер Сплитской церкви 78, 86
- Петр, сын Чернехи, сплитский судья 143
- Петр Камазий, клирик задарской церкви 57
- Петр Крешимир IV, правитель Хорватии 170
- Петр Ломбардский, архиепископ Сплитский (ок. 1161–1166) 57, 186, 188
- Петр Трансмундо, гражданин Анконы 205
- Петрана, комит Задара 57, 186
- Пиций, каноник сплитской церкви 65
- Плано Карпини, Джованни, архиепископ Барский, автор сочинения о татаро-монголах 174, 175, 206, 207, 210
- Поллион, Гай Асиний, римский поэт и политический деятель 27, 152, 153
- Помпей Гней, римский полководец и политический деятель 27, 151, 152
- Понций, Pontius de Gruce, венгерский наместник в Хорватии и Далмации 73, 199, 203
- Порг, см. Борна
- Порин, см. Борна
- Потепа, Подеба, хорватский аббат 49, 50, 181
- Престанций, епископ Биоградский 181
- Престанций, примарий Сплита 44, 172
- Приам, в греч. мифол. последний царь Трои 149
- Прибислав, сын Мальдука из Омиша, князь Хвара 99
- Продан, пресвитер Сплитской церкви 127, 128
- Прокопий Кесарийский, византийский историк 170
- Пьетро Циани, венецианский дож 199
- Радда Маруле, клирик Сплитской церкви 64
- Радован, сын хорватского короля Звонимира 183
- Радозий Даниил, житель Сплита 129
- Райнерий, архиепископ Сплитский 61–64, 189–191
- Райнерий, кардинал 88
- Райнерий, сын дожа Энрико Дандоло 198
- Райнерий Дзено, предводитель венецианского флота 213
- Растудий, дед боснийской церкви 194
- Рачки Ф. 149, 169, 170, 184, 203
- Релес, Хреля, хорватский князь 59, 60, 189
- Рея-Кибела, в греч. мифол. Великая мать богов 161
- Рисмондо В. 162
- Ричард, комит Сплита 133
- Робер де Клари, пикардийский рыцарь, хронист 195
- Роберт, епископ Веспремский 76, 78, 201, 202
- Рогерий, архиепископ Сплитский 138–140, 142, 144, 207–209
- Рогерий, византийский наместник в Далмации и Хорватии 190, 191
- Роланд, венгерский бан, комит Сплита 144, 217
- Роман III Аргир, византийский император 172
- Салах-ад-Дин, египетский султан 210
- Салонин, сын Асиния Поллиона 27, 152
- Самсон, епископ Нинский 121
- Самуил, болгарский царь 164, 169, 170, 173
- Сабака, житель Сплита 138

- Сарацин, епископ Крбавский 121
 Свевлад, мифический король готов 159
 Светопелек, мифический король Дукли 168
 Светослав, хорватский князь, сын Држи-
 слава 170
 Свинимир, Дмитрий Свинимир, Звонимир,
 хорватский король 52, 169, 170, 176,
 178, 182, 183
 Себастиан, святой 30, 157
 Север, Великий Север, житель Салоны 40, 42
 Сервий, позднеантичный схолиаст 148, 152
 Сервий Туллий, римский царь 204
 Симон IV де Монфор, французский сеньор,
 участник IV крестового похода 69, 197
 Славиц, Slavig, архиепископ Сплитский 200
 Соловьев А. 194
 Стефан, епископ Вацкий, архиепископ
 Эстергомский 117, 211
 Стефан, епископ Загребский 117, 121
 Стефан, епископ Задарский 51, 181
 Стефан, Стефан Первовенчанный, король
 Сербского государства 74, 200
 Стефан, Степко Шубич, брибирский князь,
 комит Трогира 203, 214
 Стефан, сплитский нобиль 100–102
 Стефан, хорватский правитель (кон. XI в.) 183
 Стефан IX, римский папа 177
 Стефан I, хорватский князь (1035–1058) 52,
 182
 Стефан I Святой, Иштван I, венгерский
 король 46, 115, 171, 172, 177
 Стефан V, Иштван V, венгерский король
 115, 142, 210, 216
 Страбон, греческий географ 147
 Субутай, монгольский полководец 208
- Тезей, сын афинского царя Эгея 26, 150
 Теузо, папский легат 177
 Тимофей, апостол 28, 153
 Тирпимир, Трпимир, хорватский князь 44,
 171, 172
 Тит, апостол 28, 153
 Толлен, внук Мальдука, Тольен, представитель
 семейства омишских князей 99
 Толлен, племянник хумского князя Петра
 91, 96
 Толлен, сын Бутко, хорватский феодал 83,
 203
 Толлен из Полицы 96, 203
 Томислав, хорватский князь 43, 169, 181
 Тотила, король остготов 35, 159, 160
- Тотило, сын мифического короля Свевлада,
 вождь готов 159
 Трегуан, епископ Трогирский 71, 72, 89, 129,
 136, 178, 199, 214, 217
 Трпимир, см. Тирпимир
- Ульказий, см. Вульказий
 Ульф, Гольфанг, хорватский священник
 48–51, 179, 180
 Ульфила, Вульфила, готский епископ 179
 Урбан III, римский папа 191, 192
- Федра, дочь Миноса, сестра Ариадны 26
 Федор I Ласкар, см. Ласкар
 Феодосий, византийский император 43
 Феодосий, нинский и сплитский епископ
 181
 Феодосий, епископ Биоградский 51, 181
 Феодосий, житель Сплита 124
 Ферлуга Я. 169
 Фест, римский наместник 28
 Филет, священник, предводитель венгер-
 ского военного отряда 134
 Филипп, епископ Сеньский 136
 Флор, Анней Юлий, римский историк 149
 Флоренций, епископ Эпидаврский 39
 Фома, Фома Сплитский, архидиакон сплит-
 ской церкви, хронист 85, 87, 88, 93, 122,
 128, 140, 144, 149, 150, 152, 154–158, 160,
 162, 163, 165, 166, 169, 173, 175, 176, 178–
 182, 184, 185, 190, 191, 195–198, 202, 203,
 206–210, 212–214, 216
 Фома, венгерский прелат 117
 Формин, епископ Нинский 51
 Франциск Ассизский, учредитель нищенст-
 вующего ордена 78, 202
 Фридрих I Барбаросса, германский король,
 император Священной Римской им-
 перии 62, 171, 188, 189
 Фридрих II Гогенштауфен, германский ко-
 роль, германский император 115, 138,
 140, 210, 215, 216
 Фридрих II Бабенберг, австрийский герцог
 209
 Фуск, пресвитер сплитской церкви 129, 133,
 136, 214
- Хайнеман Л. де 178, 199
 Хольдер-Эггер О. 216
 Хранислав, хорватский феодал из Цетине,
 брат Будимира 80, 81

- Хреля, см. Релес
Хрисогон, сплитский нобиль 85
Хроматий, сподвижник св. Себастиана 30
Хугрин, архиепископ Калочский 105, 107–109, 138, 216
Хугрин, архиепископ Сплитский, комит Спли-та 133–138, 215
Хугрин, венгерский прелат 117
- Цедеда, хорватский лжеепископ 49–51, 180, 181
- Цезарь, Гай Юлий, римский полководец и государственный деятель 26, 27, 151, 152
- Цекаркан, см. Чингисхан
- Целестин III, римский папа 193
- Целестин IV, римский папа 212
- Чернета, архипресвитер церкви островов Брача и Хвара 58
- Чернеха, сплитский комит 55, 56, 185
- Чингисхан, в хронике – Цекаркан, основатель Монгольского государства 113, 208, 210
- Шубич Григорий, см. Григорий Брибирский
- Шубич Степко, см. Стефан
- Шубичи, хорватский княжеский род 202, 203
- Эванс А. 150
- Эндре, сын венгерского короля Эндре II 200
- Эндре II, см. Андрей
- Эскулап, см. Асклепий
- Ювенал, Децим Юний, римский поэт 151
- Юла, венгерский бан 75, 201
- Юлиан, венгерский миссионер 210
- Юлий, в хронике полководец армии Августа 26, 149
- Юпитер, царь богов 30, 42, 156, 167
- Юрий Всеволодович, см. Георгий
- Юстин, архиепископ Сплитский 43, 169
- Яков Душица, сплитский нобиль 85

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

- Аварский хаганат 160
авары 156, 159, 160, 162, 163
Австрия, герцогство 111, 113
Адриатика, Адриатическое море 26, 40, 148, 150–152, 154, 172, 175, 190, 212
Адриатическое побережье 28, 72, 147, 148, 160, 175
Адрия (Adria), одно из названий Далмации 26
Азия 96
Аквилея, г. 28, 139, 154
Акроеравнский мыс 148
Альба (Alba), Alba Regalis, Секешфехервар, г. 57, 115, 116, 186
Амбрахийский мыс 148
Анкона, г. 72, 93–95, 205, 212
Антибари, Бар, г. 45, 172–174, 187, 207
Антиохия, г. 28, 47, 74, 200
Апсар (Absarum, Arsarum), Црес, г., о. 148, 175, 187
Апулия (Apulia, Appulia) 62, 66, 100, 104, 123, 141, 181, 189, 214, 216
Аспалаф, сел. 156
Афины 47
Африка 96
- Бавария, Багивария, страна 160
Балатон, о. 201
Балканы, Балканский п-ов 147, 159, 160–162, 165, 190
Бар, см. Антибари
Бари, г. 172
Белград, серб. г. 202
Белград (Belgradum), хорв. г., см. Биоград
Беневенто, г., обл. 216
Бергамо, г. 93
Биоград, Белград, Belgradum, хорв. г. 45, 175, 184
Бистрица, р. 176
Бихач (Bichicium), крепость 144, 214, 216
Богемия (Boemia), Чехия 36, 159, 162
Болгария (Bulgaria) 74, 120, 209
- болгары 74
Болонья (Bononia), г. 71, 78, 153
Борго-Сан-Донино, см. Юлиа Хризополис
Босния (Bosna, Bosina), Рама 66, 78, 82, 120, 147, 174, 194, 195, 199, 202
Бояна, р. 168
Брач (Bratia), о. 38, 58, 99, 101, 163, 193, 206, 211, 215
Брешиа (Brixiana), г. 78, 202
Брибир (Berberium), г. 82, 175, 203
Брундизий (Brundisium), Бриндизи, г. 27, 152
Будалия (Budalia), Буда, г. 116, 211
Будапешт, г. 209, 211
Будва, г. 147
Буже, обл. 175
Буна, р. 172, 211
- Вараждин, г. 195
Вац, г. 211
Вегла (Veglia), Крк, г., о. 161, 175, 180, 187, 211, 212
Венгрия (Hungaria), Турция, страна 53, 54, 56–58, 65–68, 71, 72, 75–77, 82, 96, 104–106, 108, 114, 118, 120, 133, 136, 139, 141, 143, 144, 147, 155, 160, 170, 171, 175, 184, 186–188, 192, 194, 196, 197, 200, 201, 207–213
венгры (hungari), гунны (Hunni), мадьяры 44, 46, 52, 54, 55, 64, 72, 75, 104, 106–109, 111, 112, 115, 116, 118, 120, 123, 125, 134, 142, 170, 171, 183, 185, 208, 209, 213
Венетия, провинция 25, 28, 149, 154
венеты 149
Venetia cum Istris, провинция 154
Венеция (Venetiae), Венецианская республика 62, 68, 69, 72, 139, 149, 175, 185, 187, 189, 195–198, 213
Верона (Verona), г. 59, 65, 188, 193
Веспрем, г. 201
Византия 148, 159, 164–167, 169, 170, 172, 187–190

¹ В указателе приняты следующие сокращения: г. – город, о. – остров, п-ов – полуостров, обл. – область. В скобках дается форма написания, использованная в тексте хроник.

- Винодол, обл. 175
 Вис (Lysia, Lissa), о. 38, 62, 163, 189
 Висла, р. 159, 160
 Витербо, г. 77
 Виченца, г. 216
 Владимир, г. 207
 Восточная Римская империя 157
 Вранец, см. Урана
 Врбас, р. 184
- Г**
 Галатия (Galatia) 28
 Галицкая Русь 208
 Галлия (Gallia) 138
 Гальи, см. Калле
 Гацка, обл. 175
 Газта, г. 198
 Гвозд, см. Железные Альпы
 Герече, горный массив 155
 Германия (Germania) 140, 216
 Герцеговина 147, 170
 геты (Getae) 30, 155
 готы (Gothi) 35, 36, 41, 43, 49, 50, 156, 159, 161–163, 165, 167, 170, 179
 Градо (Gradum), г. 57, 187, 193, 198
 греки (Graeci, GraV) 47, 150, 151
 Греция (Graecia, Grecia) 25, 26, 28, 74, 147, 148
 гунны, см. венгры
- Д**
 Далматинцы 27, 55, 134, 149, 152, 166
 далматы, дельматы 25, 26, 147, 148, 152
 Далмация (Dalmatia, Dalmatiae) 25–28, 33, 35, 38, 41–44, 48, 49, 51, 52, 59, 62, 66, 69, 70, 77, 119, 133, 141, 147–149, 151, 153, 154, 158–162, 164, 165, 168–170, 174–184, 188–191, 195, 197, 199, 203, 204, 206, 208, 213, 217
 Далмация Верхняя (Dalmatia Superior) 43–45, 120, 168, 173
 Далмация Нижняя (Dalmatia Inferior) 43, 45, 168, 173
 Дебрецен, г. 211
 дельматы, см. далматы
 Дельмина, Думно, Дувно, обл. 25, 43, 147
 Дельминий, см. Дельмис
 Дельмис (Delmis), Дельминий (Delminium), г. 25, 43, 147, 168
 Диоклея (Dioclia), г. 30, 156, 168, 173, 174
 Диррахий (Diraschium), Дуррес, г. 25, 74, 148, 173
 Диррахий, фема 148, 172
- Д**
 Драва (Drava, Dravus), р. 26, 46, 53, 111, 116, 184, 216
 Дрежник, г. 192
 Дривост, г. 120, 174, 211
 Дрина, р. 211
 Дрин, р. 147
 Дубровник, см. Рагуза
 Дуванско поле, Dalma. 168, 173; см. также Дельмис
 Дувно, см. Дельмина
 Дувно, г. 147, 168
 Дукля, Зета, страна 148, 156, 168, 173, 174, 188
 Думно, см. Дельмина
 Дунай (Danubius), р. 44, 106, 111, 112, 115, 155, 208, 209, 211
 Дуррес, см. Диррахий
 Дьер, г. 209
- Е**
 Европа 96, 209, 210
 Европа Западная 206, 207
 Европа Центральная 216
 Европа Юго-Восточная 207
 Епископов мыс 173
- Ж**
 Железные Альпы, Гвозд, Петрова Гора, горный массив 46, 53, 176, 183
- З**
 Загреб (Zagrabia), г. 113, 121
 Задар (Iader, Iadera, Iadria), Иадрия, г. 40, 45, 54, 58, 62, 68–70, 72, 91, 124, 125, 151, 164, 175, 184–189, 193, 195–198, 200–202, 211–213
 Западная Римская империя 157
 Звониград, см. Свиниград
 Зета, р. 156
 Зета, см. Дукля
 Зрин, г. 148
 Зрмана, р. 203
- И**
 Иерусалим (Jerusalem), г. 28, 210
 Иллирик (Illiris, Illiricum), римская провинция 28, 147
 Иллирик Верхний, римская провинция 147, 151
 Иллирик Нижний, римская провинция 147
 Иллирия 25, 148–150
 Индия (India) 113
 Ионическое море 148
 истрийцы (Istrii) 27, 152
 Истрия (Istria, Ystria), п-ов, область 28, 38, 44, 69, 147, 148, 154, 159, 168, 189, 197, 216

- Италия (Italia, Ytalia) 35, 93, 151, 154, 180, 186, 189, 201, 214, 216
 Италия Северная 154, 202, 212
 Италия Южная 187, 216
 Йадр (Iader), Йадро, р. 40, 164
 Йадриа, см. Задр
- Кава, г. 123, 212
 Калле (Cale, Cagli), Гальи, г. 61, 189
 Калоча, г. 192
 Капуа, г. 170
 Карантания, страна 43, 161, 170, 216
 Карин, г. 175
 Каринтия (Carinthia), обл. 139, 216
 Карпаты, горы 155, 208
 Кварнер (Quarnarius sinus), залив 25, 148
 Кене, Кнегинец, крепость 195
 Клевна (Cleuna), Ливно, г., обл. 46, 176
 Клис, (Clisa, Clisia, Clissa), крепость 46, 73, 80, 84, 85, 115, 119–121, 123, 142, 144, 176, 199, 203, 211, 212, 214
 Кнегинец, см. Кене
 Книн (Tinium), г., крепость 46, 123, 142, 144, 176
 Конавле, обл. 150
 Константинополь, г. 59, 62, 69, 190, 191, 197, 200
- корибанты (Coribantes), мифические предки хорватов 35, 161
 Корчула (Corcira), о. 38, 163
 Котор (Cataro), г. 120, 172, 174
 Которская бухта 172
 Крайна (Craina), обл. 45, 176
 Крбава (Corbavia), обл. 46, 64, 121, 176, 192
 Крит (Creta), о. 28
 Крк, см. Вегла
 Крка, р. 148
 Кульпа, р. 168
 куманы (Cumani, Cumanorum gens), половцы, скифы 53, 104, 184, 207, 209
 Купа, р. 184
 куреты (Curetes), мифические предки хорватов 27, 35, 36, 152, 161
 Куреция (Curetia), мифическая древняя Хорватия 35, 161
 Кьюси (Clusium), г. 66, 194
- Лабин, селение 213
 латиняне (Latini) 36, 60, 93, 204
 Лацио, обл. 201
 лендяне 160
- Либурния (Liburnia) 25, 148, 149
 либурны (Liburni) 148, 164
 Ливно, см. Клевна
 Лигурия (Liguria), обл. 78
 Лика (Lusa), обл. 192
 лингоны (Lingones) 35, 159, 160
 Лион (Lugdunum), г. 137, 138, 215
 Ломбардия (Lombardia), обл. 138, 139
 Лука, обл. 79, 202
- Магерия (Mageria), мифическая прародина венгров 44, 171
 мадьяры, см. венгры
 Макарска, см. Мукар
 Манфредония, см. Сипонте
 Марония, обл. 44, 46, 170
 Марьян, гора 185
 массагеты (Massagetes) 44, 170
 Модена (Mutina), г. 126, 214
 Модруше, обл. 192
 монголы (Mongoli), см. татары
 Морача, р. 156
 Мосор (Massagum), гора 46, 62, 98, 176, 191, 192
 Мошон, обл. 209
 Мукар (Mucarum), Макарска, г. 45, 176
 Мура, р. 170, 184
- Нарни (Narna), г. 186
 Нарона, г. 151
 Неаполь, г. 170, 198
 Неретва, р. 170, 176
 Нин (Nona), г. 52, 72, 175, 181, 182
 Новиград, г. 192
 Новый Эпир, римская и визант. провинция 148
- Одер, р. 159
 Омиш (Almisium, Dalmisium), г. 46, 100, 101, 176, 190, 206, 211
 Острог (Ostrog), селение 83, 203, 213–215
 Отранто, пролив 152
- Паг, о. 188
 Пад (Padus), По, р. 25, 149, 153
 Падуя, см. Патавий
 Палестина 150
 Паннония (Pannonia) 25, 30, 44, 65, 139, 142, 147, 155, 159, 171
 паннонцы (Pannoni) 25, 149
 Париж (Parisii), г. 138
 Патавий, Падуя, г. 25, 149, 216

- Пелешац, п-ов 176
 пелоны, поляки 105, 160, 208
 Перуджа (Perusium), г. 66, 71, 88, 204, 210
 Петрова Гора, см. Железные Альпы
 Пешт, г. 106, 111, 112, 186, 208, 209, 211
 Плаценция, см. Пьяченца
 По, см. Пад
 Пожонь, обл. 209
 Полат, г. 174
 Полица, обл. 191, 203
 половцы, см. куманы
 Польша, Полония (Polonia) 35, 36, 159, 162, 208
 поляки, см. пелоны
 Порто-Санта-Рафина, г. 180
 Почай, см. Пять Церквей
 Превалитана, римская провинция 147, 148, 156, 167
 Пула, г. 197
 Пьяченца, Плаценция, г. 153, 154
 Пять Церквей (Quinque ecclesiae), Фюнф-кирхен, Почай, г. 117, 133, 211
- Раб (Arbe), о., г. 175, 187, 188
 Раба, р. 209
 Равенна (Ravenna), г. 28, 34, 41, 61, 64, 153, 157
 Рагуза (Ragusium), Дубровник, г. 26, 39, 45, 58, 120, 150, 163, 164, 168, 170, 174, 187, 199, 202
 Рама, см. Босния
 Раусий, о. 164
 Раша, р. 147, 148
 Рашка (Rasia), обл. 30, 74, 120, 156
 Рим (Roma) 27–30, 34, 38, 39, 49, 51, 52, 66, 72, 78, 115, 153, 157, 163, 164, 166, 167, 174, 179, 183, 186, 187, 192, 193, 204
 римляне (Romani) 27, 44, 151, 163
 Римская империя 27, 29, 151, 156, 160, 168, 188
 Римская республика 26, 27, 151
 Рогова (Rogova), г. 78, 202
 Русь, см. Рутения
 русские, см. рутены
 Рутения (Rutenia, Ruthenia), Русь 30, 96, 105, 155, 208
 рутены (Ruteni), русские 104, 107, 114, 207
- Сава (Sava), р. 26, 147, 155, 168, 170, 184, 211
 саксонцы (Saxones) 72
 Салона, р. 85, 123, 140, 142, 194
- Салона (Salona, Salonae), Солин, г. 25–32, 34–36, 38–43, 51, 70, 81, 134, 141, 147, 149, 151, 152, 154, 156–160, 162, 164–168, 174, 176, 203, 213
 Сана, р. 184
 Сан-Стефано, о. 215
 сарацины 74
 Свач (Suagium), г. 120, 172–174
 Свиниград (Suinigradus), Звониград, крепость 82, 203
 Секешфехервар, см. Альба
 Сень (Senia), г. 175
 Сербия (Servia), страна 30, 74, 120, 156, 174, 200
 Сипонте, Манфредония, г. 181
 Сирбий (Sirbium) 117
 Сирия (Syria) 74
 Сисак, Siscia, г. 43, 168
 Сити, р. 207
 Ситирион (Sytirion), р. 29
 Сидилия (Sicilia) 140
 Скадар, см. Шкодер
 Скадарское озеро 156
 Скардона (Scardona), см. Скрадин
 скифы, см. куманы
 Скифия, мифическая прародина венгров 171
 Скодра, см. Шкодер
 Скрадин, Скардона (Scardona), г. 45, 151, 175, 203
 Славония (Sclavonia) 36, 41, 43, 47, 50, 53, 133, 134, 144, 160, 176, 213, 216
 славяне (Sclavi) 36, 38, 41, 48, 60, 63, 85, 96, 117, 120, 125, 132, 134, 156, 160, 162–165, 189, 191
 Смоквица, селение 214
 Снежница, гора 150
 Солин, см. Салона
 Соло (Solo), Шайо, р. 106, 208, 209
 Спалато, см. Сплит
 Сплит, Спалато, Spalatum, г. 25, 40–43, 47, 51, 53, 54, 56, 58, 59, 62, 65–67, 72, 73, 75–77, 84, 90, 94, 98, 99, 103, 115, 117, 119, 121, 126, 127, 135–137, 140, 141, 145, 154, 156, 163–167, 169–171, 174, 176, 182, 184–190, 193, 194, 198, 199, 201, 204–206, 211, 214, 215
 Сребренница, г. 211
 Сринин, селение 191
 Стон (Stagnum), г. 45, 176
 Стридон (Strido), г. 25, 44, 148
 Суздаль (SUSDalium), г. 104, 207

- Татары (Tatari), монголы, татаро-монголы 96, 104–107, 109–120, 139, 206–211
- Тевтония (Teutonia) 35
- Тергест, Триест, г. 212
- Тивериадское озеро 210
- Тимав, р. 149
- Тиса (Tysia), р. 106, 208
- Трансильвания 112, 208
- Тоскана (Tuscia), обл. 66
- Травуния, обл. 174
- Тревизо, г. 55, 185
- Триест, см. Тергест
- Триестский залив 212
- Триль, селение 202
- Трогир (Tragurium), г. 54, 66, 71, 93, 98, 117, 119, 125, 130, 135, 141, 175, 184, 185, 194, 198, 203, 205, 211–215
- Троя 149
- Туркия, см. Венгрия
- Туррис Цепиа (Turris Cēpia), Торресусо, селение 139, 216
- Углан, о. 197
- Улцинь, Dulcignum, г. 172, 174
- Умбрия, обл. 186
- Урана, Урания (Hurania), Вранец, о. 70, 72, 76, 136, 197
- Фивы, г. 149
- Флоренция (Florentia), г. 71
- Франгия, страна 160
- франки 69
- Фриульская марка 216
- Фюльфкирхен, см. Пять Церквей
- Хвар (Faron, Pharum), о. 38, 58, 99, 163, 173, 187, 189, 193, 211, 215
- Хорватия (Chroația, Chrovacia, Chrovatia) 25, 28, 35, 41, 43, 45, 46, 48, 50–54, 62, 77, 90, 119, 120, 123, 124, 141, 142, 147, 148, 161, 169, 170, 176, 178–184, 188–190, 195, 199, 203, 204, 208, 212, 213, 217
- Хорватия Далматинская 159, 192, 199, 212
- хорваты (Chroati, Chroates, Chroate, Chrovati) 35, 43, 49, 52, 83, 118, 159–162, 165, 166, 179, 183
- Хум (Chulmia), Хумский дукат, Хумский комитат 44, 45, 82, 84, 91, 170, 195, 203
- Цавтат, см. Эпидавр
- Цетина, р. 45, 170, 176, 190
- Цетина (Cetina), обл. 46, 176, 215
- Црес, см. Алсар
- Чазма (Cesma, Zasma), г. 116, 211
- Чесма, р. 211
- Чехия, см. Богемия
- Шайо, см. Соло
- Шибеник (Sibenicum, Sibenicense catrum), г. 45, 175
- Шкодер, Скодра, Скадар г. 147, 174, 211
- Шолта (Soluta, Solta), о. 38, 101, 163, 206
- Шопронь, обл. 209
- Эльба, р. 159
- Эмилия (Emilia), римская провинция 28, 78, 153
- Эпидавр (Epidaurus, Epitaurus), Цавтат, г. 26, 39, 150, 163, 164
- Эпир (Epirus, Epyrus), обл. 25, 27, 147, 148
- Эстергом (Strigonium), г. 106, 116, 208
- Юлиа Хризополис (Julia Crisopolis), Борго-Сан-Донино, г. 29, 154

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА ЛАТИНСКОГО ТЕКСТА

Текст Фомы Спалатского воспроизводится по изданию, которое подготовил в 1894 г. Fr. Rački для серии *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. Это издание вышло в качестве 28 тома этой серии уже после смерти издателя под названием: *Scriptores. Volumen III. Thomas archidiaconus: Historia Salonitana. Digessit Fr. Rački. Zagrabiae 1894. In taberna libraria eiusdem societatis typographicae* (контртитул: *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Edidit Academia scientiarum et artium Slavorum meridionalium. Volumen vigesimum sextum. Zagrabiae 1894. Ex officina societatis typographicae.*). ((1),(V), 225, (1) стр. + отд. лист факсимиле (после стр. [226]); 21,6 × 14,7 см).

Fr. Rački пользовался, самостоятельно или из вторых рук, пятью рукописями: *codex Spalatensis* (кон. XIII – нач. XIV в.), *codex Vaticanus 6525* (написан вскоре после смерти Фомы Спалатского, т. е. вскоре после 1268 г.), *codex Tragurinus*, *codex Zagrabiensis*, *codex Barberinianus* (все датировки рукописей даны по стр. [IV] издания Fr. Rački).

Орфография латинских слов дается везде по названному изданию и не исправляется; в вопросах употребления прописных и строчных букв, а также пунктуации я, однако, счел необходимым отойти от него и приблизить текст к современным нормам издания латинских авторов. Помещенный в составе гл. 17 текст, озаглавленный *Memoriale...*, дается, как и в издании Fr. Rački, шрифтом меньшего кегля, так как, по вполне обоснованному мнению издателя, этот текст представляет собой позднейшее прибавление. В тех немногочисленных случаях, где, как мне кажется, Fr. Rački неверно передает чтение рукописей, я, не имея возможности сличить издание с самими рукописями, постарался, тем не менее, отметить эти места, используя обычные знаки < > (угловатых скобок) для обозначения моих прибавлений и [] (квадратных скобок) для обозначения того, что, по моему мнению, должно быть удалено. Курсивом выделены литературные цитаты, как эксплицитно выделенные, так и скрытые.

А. И. Солопов

INCIPIT ISTORIA SALONITANORVM PONTIFICVM ATQVE SPALATENSIVM

(I. DE DALMATIA)

Dalmatia secundum Isidorum est prima pars Grecie, et dicitur a Delmi ciuitate antiqua, que ibi fuit; sed ubi hec ciuitas Delmis in Dalmatie partibus fuerat, non satis patet. uerumtamen Dalmatia dicebatur olim largius; censebatur enim cum Chrouatia una prouintia. est enim regio quedam in superioribus partibus, que dicitur Delmina, ubi antiqua menia hostenduntur; ibique fuisse Delmis ciuitas memoratur. nunc uero Dalmatia est regio maritima, incipiens ab Epyro, ubi est Dirachium, et protenditur usque ad sinum Quarnarium, in cuius interioribus est oppidum Stridonis, quod Dalmatie, Pannonieque confinium fuit. hec fuit patria tellus Beati Hieronymi egregii doctoris. dicta est Dalmatia alio nomine Liburnia, a quodam genere nauis piratice, que in usu erat apud illos; unde Lucanus: *pugnacesque mari Graia cum classe Liburnos*. exercebant piraterium propter oportunitatem locorum, quia mare illud ob multitudinem insularum latebrosum et portuosum est ualde.

Dicta est etiam hec prouincia Illiris a quadam regina Amasonum, que ibi regnauit, de cuius stirpe dicuntur illi populi traxisse originem. per mare huius prouincie transiuit Anthenor Troyanus, qui sue urbis euadens excidium cum gente Dalmatica prelia multa commisit; ad ultimum peruenit ad partem Venetiarum. idem progrediens super horas Padi fluminis edificauit ciuitatem Patauium, que nunc Padua nuncupatur, sicut in Virgilio legitur.

In istoriis uero Romanorum habetur, quod cum Imperator Augustus in partibus Illiricis exercitum duceret et ipse alio properaret, misit quandam duces Venium nomine contra Pannonios, qui duobus acribus fluuiis circumuallantur, Draua et Saua; contra Dalmaticos ibidem misit duces Iulium cum exercitu multo, qui Dalmate, commorantes in siluis, circumadiacentes prouincias latrocinando uastabant; qui Iulius congressus cum eis, uictoriaque potitus, gentem illam, licet esset efferum genus hominum, coegit ab armis discedere et terram fodere aurumque de uenis terre purgare.

Secundum poetarum fabulas Cadmus dicitur in eandem deuenisse prouinciam, quando in serpentem mutatus est. fuit autem ciuitas eius Epitaurus, que est iuxta Ragusium, in qua est magnum antrum; et usque hodie opinio est ibi habitare draconem; unde poeta: *cur in amicorum uitis tam cernis acutum ut serpens Epithaurius*. ob hanc causam populi dicebantur anguigene. et etiam de Beato Illarione legitur, quod magnum ibi draconem peremit. secundum ystoriam uero idem Cadmus rex fuit in Grecia, qui depulsus regno uenit in Dalmatiam factusque pirata seuissimus ceepit quasi lubricus anguis per mare discurrere, nauigantibus insidiari et quoscumque poterat opprimere impotentes.

Adria nichilominus hec prouintia nuncupatur ab Adriane filia Minois regis, quam rapuit Theseus et per mare nauigans, cum iam ipsam exosam haberet, reliquit in

quadam insula solam, et aufugit cum sorore ipsius Phedra; sed Bachus, qui et Liber pater dicitur, eam inueniens sibi in uxorem accepit. quidam dicunt, quod Adria dicitur a quodam Adrio Ytali tratre, qui regnauit ibidem; uel secundum quosdam Adria dicitur ab adra, quod est lapis, quia lapidosa et montuosa est hec prouintia. unde Ouidius: *subdita montane brac(h)ia Dalmatie.*

II. DE SALONA

Fuit autem metropolis ciuitas Dalmatie Salona, urbs magna et antiqua, de qua dicit Lucanus: *qua maris Adriaci longas ferit unda Salonas.* dicta autem est Salona a salo, hoc est a mari, quia in litore maris sita est. longa uero idcirco dicta est, quia modicum lata, sed in longum ferre sex milliariibus uersus occidentalem plagam protendebatur.

Hec ciuitas tempore bellorum ciuilium fidem inconcussam Romane Rei Publice obseruans dominium Cesaris respuebat. quam ob rem ad subiugandum eam misit Cesar Antonium cognatum suum cum magno nauali exercitu; ipse uero insequendo Pompeium a Brundusio transuectus est in Epirum. tunc Antonius premisit quendam ducem nomine Vulteum, qui in insulis Salonitani litoris exercitum coadunaret. sed ex parte Pompei erant in Salona duo duces, Basilius et Octauius. isti coegerant magnas populorum adiacencium cateruas, uidelicet Curetum, Dalmatinorum et Ystrorum, expectantes Cesaris partes, ut cum eis confligerent. sed Vulteus famis sitisque coarctatus penuria non potuit ulterius in insulis commorari, et licet esset undique hostium uallatus insidiis, tamen quandam nauem cum meliori sociorum manu conscendens uoluit latenter transponi in terram; sed hostium insidiis circumpositis nauis in medio transitu intercepta est, cumque nauis hereret immobilis, uidens Vulteus, quod non pateret uia diuertendi, cohortatus est suos, ut pro honore Cesaris mori fortiter parati essent, antequam in hostiles inciderent manus. sicque factum est; nam cum uiderent Pompeianos iaculis, lapidibus et sagittis instare, iamque paratos ad nauem manus apponere, intusque insilire, defessus iam Vulteus cum suis, cum diutissime uiriliter restitisset, ne uiui ad manus hostium deuenirent, mutuis se uulneribus confoderunt et mortui sunt. audiens ergo Antonius interitum Vultei et suorum comilitonum non apposuit ulterius uenire Salonam, sed ad Cesarem reuersus est. in tantum autem ciuitas hec fidem inuiolatam rei publice custodiuit, quod patrata Cesar totius orbis uictoria et iam solus ad mundi monarchiam prouectus adhuc ciuitati Salone minime imperabat.

Quam ob rem post Cesaris necem Octauianus Augustus misit quendam illustrem uirum ex consulibus nomine Asynium Pollionem cum exercitu multo, qui Salonam Romano imperio subiugaret. tunc Pollio in Dalmatiam ueniens multis bellis cepit impugnare Salonam. unde obsessa ciuitas et diutius naualli et equestri exagitata congressu tandem in manibus Romanorum tradita est. in qua obsidione natus est Pollioni filius, cui Saloninus nomen imposuit. tunc uero magna pars ciuitatis illius destructa fuit, maiores etiam munitiones dirute, ne Romane Rei Publice rebellare ulterius posset. peracta ergo uictoria Pollio cum suo exercitu reuersus est Romam, ubi cum magna gloria et laudis triumpho a Senatu populoque Romano susceptus est, de quo in odis concinens

Oratius dicit: *cui (laurus) eternos honores Dalmatico peperit triumpho*. fuit autem iste Pollio non solum armis strenuus, sed etiam poetica facundia insignis librosque nonnullos lyricis metris composuit.

III.

DE SANCTO DOMNIO ET SANCTO DOMNIONE

Primus itaque Beatus Paulus Apostolus (fuit), qui ab Ierusalem usque Illiricum repleuit Euangelio Christi; non tamen ipse per se intrauit Illiricum predicare, sed misit Titum discipulum suum, sicut dicit ad Timoteum: *Crescens abiit in Galatiam, Titus in Dalmatiam*. hic ergo Beatus Titus ad Dalmatie partes adueniens et uerbum salutis gentibus illis predicans non longo illic tempore mansit, sed audiens, quod Beatus Paulus a preside Festo iussus esset Romam pergere, statim omissis omnibus preueniens eum expectauit in Vrbe. quo cum Beatus Apostolus accessisset ibique uerbum Dei diutius predicauit, cum autem per Spiritum Sanctum cognosceret in eadem urbe suum martirium consummandum, de ecclesiis Gretie disponere curauit. quam ob rem Beatum Titum non remisit ad Dalmatias, sed ad Gretiam, ubi magis erat notus, pontificem eum constituens apud insulam Cretam.

Cuius loco Beatus Petrus, Apostolorum Princeps, direxit quendam discipulum suum nomine Domnium, natione Syrum, patria Antio(h)enum, qui Dalmatie populis uerbum uite, quod per Titum inchoatum fuerat, predicaret. hoc enim Beatus Petrus statuerat, ut pontifices Christiane religionis sic disponerentur per urbes singulas totius orbis, quemadmodum apud gentiles fuerat antiquitus constitutum. in illis enim urbibus, in quibus erant gentiles antistites, qui dicebantur protoflamines, fecit ordinari episcopos, in metropoles uero prouintiarum, ubi erant archiflames, archiepiscopos censuit statuendos. unde per oras Adriatici sinus tres direxit pontifices: Apollinarem Rauenne, que est metropolis totius prouintie Emilie; Marcum Euangelistam Aquileie, que preerat Venetie et Ystrie; Domnium uero in Salonam direxit, que caput erat Dalmatie et Chrouatie. in qua denique ciuitate diutius predicans multosque per totam prouintiam a gentilitatis errore conuertens non paruum Christo ecclesiam adunauit ibique agonem sui martirii felici cruore peregit. ab huius ergo preeminencia apostolice dignitatis omnes successores sui archiepiscopalia insignia per Sedem Apostolicam sortiuntur. hic autem cum multis aliis passus est, qui eum uno mense ad martirii gloriam precesserunt.

Postmodum uero tempore Diocletiane et Maximiniane persecutionis alter simili nomine martir fuit, qui Domnionis uocabulo a nomine pontificis Domnii modicum differt. sed hic fuit unus ex cubiculariis Maximiani tyranni. cum ergo iste Domnio maioris dilectionis apud Imperatorem prerogatiua gauderet, ipse coronam imperii conseruabat et ipsam tempore debito super Imperatoris uerticem imponebat, erat autem occulte Christianus. et cum uideret Maximianum adeo crudeliter in Christianos deuenire, ut multos a sancto proposito deterreret, ipse utpote Christianissimus et deuotissimus exortabatur martires in sancto proposito finaliter perdurare: tunc fecit oportunitatem eis etfugiendi tyranni rabiem et ad Romanam urbem diuertendi. quod cum ad Maximiani deuenisset notitiam, acrius in eum persecutionis deseuit insania, ita ut ad

primam confessionem Christiani nominis, expoliatus regio habitu, nisi ydolis immolaret, illico susciperet sententiam capitalem. sed Beatus Domnio, tyranni declinans seuitiam, Romam fugiens properabat. et dum iret uia Claudia prope ciuitatem quandam, que Iulia Crisopolis appellatur, satellites Imperatoris post ipsum currentes inuaserunt eum et strictis mucronibus circumdantes amputauerunt caput eius. ipse uero martir uirtute diuina propriis manibus caput suum de terra dicitur eleuasse et ibidem quendam fluuium qui Sytirion nominatur firmis gressibus transuadasse; ibique sepultus aliquo tempore requieuit. cum autem Dominus multa per eum miracula operaretur, ex multis prouintis pro sanitate adipiscenda ad locum ipsum confluebant. tunc Salonitani ciues, quia equinomius erat Beato Domnio pontifici, abeuntis rapuerunt corpus Beati Domnionis et cum magna reuerentia locauerunt Salone. qua de re, propter nominis consonantiam, multotiens uocabulum Domnionis pro nomine Domnii et e conuerso confuse describitur.

Eodem tempore Beatus Anastasius Aquilegensis apud Salonam martirium pro Christi nomine suscepit.

IV.

DE CONSTRUCTIONE EDIFICII, QVOD SPALATVM NVNCVPATVR

Per idem tempus Dioclitianus, pater Maximiani, qui ex Dalmatie partibus oriundus extitit, ob res ab eo pro Re Publica multum strenue gestas a Senatu populoque Romano Imperator fuerat constitutus. hic super omnes alios predecessores suos immanissimus Christianorum extitit persecutor. qui cum per uniuersum orbem fideles Christi beluina feritate persequi non cessaret, uelut rabidus leo sitim sue perfidie Christiano cruore non poterat satiare, propter ipsius siquidem edicta pestifera tot millia Christianorum cotidie trucidabantur, ut pene uideretur totius humani generis excidium imminere. unde a suis aulicis tyranno suggestum est, ut tam crudele reuocaret edictum, ne tanta hominum cedes cotidie fieret, quia timendum erat, ne forte toto mundo in exterminium dato non esset cui posset ulterius imperare. tunc Dioclitianus tale moderamen sue uoluit adhibere seuitie, dans legem, ut qui nollet a Christiana cultura recedere, non, ut prius, statim capite plecteretur, sed bonis omnibus expoliatus ad diuersa metalla et ad fodiendas arenas exul patria dampnaretur.

Itaque in diuersis mundi partibus iussit Imperator ob Augustalem memoriam multa edificia erigi, ad quorum laboriosas operas dampnaticios quosque, maxime Christianos, mitti precepit. preter alia quidem multa edificia Rome tecit fieri thermas; in Pannonie partibus in confinio Rutenie quoddam construxit edificium ex lapidibus porfreticis satis excellens, quod adhuc, licet dirutum, magnum tamen inde transeuntibus admiracionis spectaculum prestat, sicut legitur in istoria quatuor coronatorum. in terra uero Getarum, que nunc Seruia seu Rasia nuncupatur, prope stagnum quoddam ciuitatem fecit construi, quam ex suo nomine Diocliam appellauit. et quia Dalmatinus erat origine, nobilium edificium prope Salonam edificari iussit in modum urbis munitissime, quasi imperiale Palatium, in quo templa facta sunt ydolorum Iouis, Asclepii, Martis,

sicut apparet usque in hodiernum. diem. in hoc edificio Dioclitianus matrem suam habitare fecit, tradens ei Salonam cum tota prouincia. hoc scilicet edificium Spalatum dictum est a Pallantheo, quod antiqui spaciosum dicebant Palatium.

His temporibus Gaius, similiter natione Dalmaticus, Summus Pontifex factus est Apostolice Sedis. fuit autem iste Gaius tempore Sebastiani martiris, qui cum Chromatio Vrbi prefecto, Marcelliano et Marco agonizantes martirio confortabat. quamuis enim esset de genere Dioclitiani Cesaris, non tamen pacem Christianis optinere potuit, quin immo persecutionis turbo cum ceteris eum inuoluit martiribus. XII fere annis Apostolice presidens Ecclesie cum triumpho martirii perrexit ad Dominum.

V.

DE CLICERIO ET NATALI SALONITANIS PRESVLIBVS

Ea tempestate Salona óptimo statu pollebat, magna ciuium et extraneorum populositate florebat, persecutionis uero iam cessante procella ecclesia suum paulatim resumpsit uigorem. multitudo cleri, que ibi erat, ecclesiasticis cepit institutionibus informari, pluresque presules post Beatum Dominum seriatim successerunt. de aliquibus, prout scire potuimus, ad posterorum memoriam aliqua disseuimus.

Tempore Leonis Imperatoris, cum Antoninus tyrannus fuisset Imperator designatus, propter res infideliter gestas in Palatio interemptus est. idem Leo Leonem iuniorem filium Nepotiani copulata sibi quadam nepte sua in matrimonio loco Antemii apud Rauennam Cesarem ordinauit. hic ergo Leo regno potitus legitimo Clicerium quondam, strenuum uirum, qui sibi ante illud tempus tyrannico more regnum imposuerat, caute ab imperio expellere uoluit. unde uolens eum extra regni negotia quasi priuatum manere apud Salonam Dalmatie episcopum fieri fecit.

Temporibus uero Pelagii et Gregorii, egregii doctoris, Romanorum Pontificum, fuit quidam archiepiscopus Salone Natalis nomine eiusdem indigena ciuitatis, qui cum multorum esset propinquorum potentia circumfultus, multum a pontificali honestate deuius incedebat. cum enim esset inops scientie, non lectioni erat deditus, sed epulis, et cotidianis conuiuuiis cum cognatis et amicis uacabat: et quod erat deterius, thesauros ecclesie et uasa ministerii dando suis contribulibus et complicibus sacrilega dilapidatione uastabat. et erat eo tempore archidiaconus quidam Honoratus nomine, qui Deum habens pre oculis zelo nimio mouebatur, dolens de sui presulis insolentia. hic, quantum licebat, conabatur se opponere Natali archiepiscopo, maxime quia uidebat bona ecclesie tam indecenter distrahi. qua ex re archiepiscopus ualde ipsum exosum habebat. multas ergo machinationes et dolos contra archidiaconum cepit exquirere, ut eum ab archidiaconatus officio deicere posset, sed cum causam opportunam minime inueniret, tunc simulare cepit, quasi maiorem dilectionem gereret circa ipsum et quasi honorem eius uellet forcius ampliare. cepit itaque multis ei suadere sermonibus, ut ordinem sacerdotalem susciperet. sed Honoratus, suspicans dolum in causa uersari, non acquieuit ordinari. uidens autem Natalis caliditatis sue uersutias non satis ad uotum procedere, protinus conuocato clero uerbum proposuit et quasi magne necessitatis pretensa occasione cepit archidiaconum pro suscipiendo sacerdotio compellere uiolenter. sed cum archidi-

aconus in contradictione persisteret, archiepiscopus eum ab officio et beneficio suspendit. tunc Honoratus ad Papam Pelagium missa supplicatione postulauit, ut archiepiscopo preciperet, ne ipsum super hac re indebite molestaret. insuper etiam prauam conuersacionem archiepiscopi Pape denuntiauit. quam ob rem Dominus Papa, zelo Dei commotus, eidem Natali precepit districte, ut super promocione huiusmodi archidiaconum inquietare ammodo non presumeret, sed ad certam diem super suis excessibus responsurus apostolico se conspectui presentaret. Natalis ergo suscepto Pape precepto contempsit et in sua pertinacia perdurauit. interim autem Summus Pontifex Pelagius mortis debitum soluit, cui successit Beatus Gregorius doctor. iterum ergo Honoratus supplicauit Beato Gregorio, ne a suo prelato super ordinis susceptione tantam molestiam sustineret. Papa uero, secundum quod decessor eius mandauerat, Natalem per epistolam suam commonuit et precepit, ut a molestatione sui archidiaconi iam cessaret. sed cum Natalis sue peruersitatis non reuocaret habenas, Honoratus tot grauaminibus ac laboribus fatigatus demum suo archiepiscopo acquieuit. cum ergo fuisset in presbiterum ordinatus, statim Natalis conceptam sui cordis nequitiam euomuit et Honoratum ab archidiaconatu deiecit, dicens: 'non debet sacerdos in archidiaconatus ministerio deseruire', moxque alium moribus et uita sibi concordem in locum eius asciiuit. Honoratus uero uidens tam nequiter fore delusum, ad Papam se contulit, proponens omnia, que archiepiscopus fraudulenter egerat contra eum. tunc Beatus Gregorius iterate scripsit Natali, ut Honoratum in honore pristino restitueret et nihilominus pro his, que insinuatio proclamabat infamie contra eum, ad Sedem Apostolicam accederet responsurus. sed Natalis papalia mandata contempnens, utpote male conscius, in sue mentis peruersitate contumaciter persistebat. dolens ergo Beatus Gregorius de tanta obstinatione pontificis, compatiens etiam tot erumnis archidiaconi quendam subdiaconum suum nomine Antonium Salonam direxit. qui auctoritate fultus apostolica illuc accedens cepit prius lenibus uerbis admonere pontificem, ut Honoratum in sui honoris locum reciperet et ab ipsius tam peruersa molestatione cessaret, sed cum Natalis multa contra archidiaconum confingeret uias multiplices reluctandi exquirens, Antonius eidem Natali usum pallii interdixit, interminans, ut si nec sic acquiesceret, excommunicationis in eum sententiam promulgaret. hoc facto Natalis suas litteras ad Papam direxit contra Honoratum. Honoratus nichilominus suas accusatorias contra archiepiscopum destinauit. Beatus uero Gregorius Natali rescripsit, de multis excessibus redarguens ipsum et precipue de dolosa promotione Honorati dicens, quod ualde iniquum fuit, ut uno eodemque tempore una persona nolens ad ordinem sacerdotii promoueatur, que tanquam immerita archidiaconatus officio remouetur, et sicut iustum est, ut nemo crescere compellatur inuitus, ita censendum puto, ne quisquam insons ab ordinis sui ministerio deiciatur iniuste. Honorato uero rescripsit dicens: 'uolumus et precipimus te in officio archidiaconatus iure pristino ministrare, custodia uero thesaurorum tibi ex officio tuo competit; unde si quid uel ex negligentia tua uel cuiusquam fraude deperiret, tu Deo et nobis satisfacere teneris'. eum uero, quem Natalis intruserat, ab archidiaconatu deiecit. et quia in tantum scandali tumultum hec causa succreuerat, precepit Papa Honorato archidiacono, ut ad Sedem Apostolicam personaliter accederet: archiepiscopo uero non personaliter, sed per procuratores legitimos se Curie presentaret. quod et factum est; nam per sententiam apostolicam amborum causa terminata est.

VI.

DE MAXIMO SCISMATICO

In diebus illis misit Beatus Gregorius quendam responsalem suum, qui ecclesias Dalmatie uisitaret. eo tempore Natalis archiepiscopus de hac luce migravit.

Maximus autem, ambitionis arde succensus, ad pontificatum impatienter an(h)elabat et tandem non sine Symoniaca labe dicitur fuisse electus. hic non, ut erat consuetudinis, ad Sedem Apostolicam consecrandus accessit, sed misit prius et ab Imperatoribus Constantinopolitanis fauorem optinuit. qui tamen preceperunt eidem, ut Domini Pape se conspectui presentaret. sed ipse, conscius electionis iniuste, non accessit ad Papam nec requisivit consensum responsalis eius, sed temeritate precipiti fecit se ibidem in archiepiscopum consecrari.

Quod cum ad Domini Pape notitiam deuenisset, magno fuit dolore permotus statimque misit ad eum, districte precipiens, ne missarum solempnia celebraret. Maximus uero, scismatico scelere inuolutus, obstinata mente contempsit Pape preceptum, sed confisus de suorum potentia propinquorum et aliorum secularium uirorum, quibus denudata sua ecclesia multa donaria largiebatur, missas celebrabat et omnia pontificalia presumebat. tunc Beatus Gregorius scripsit clero et populo Salonitano, precipiens, ut nullus communicaret eidem Maximo sacerdotium rapienti. sed tantus erat metus ipsius et suorum complicum, quod nullus audebat eum palam uitare. Honoratus uero archidiaconus et quidam Paulinus episcopus, isti, quia discreti et constantes erant uiri, preceptum Summi Pontificis obseruabant, ipsum Maximum tanquam scismaticum et excommunicatum ubique uitantes. demum uero, cum ab ipsis Imperatoribus Maximus corripere, quod tam proteruus et rebellis contra Deum et Pape preceptum existeret, ad se reuersus misit nuntios suos Romam, promittens se satisfacturum de criminibus, unde fuerat infamatus. hac denique Beatus Gregorius promissione placatus remisit ad Maximum, mandans ei, ut personaliter accederet usque Rauennam. tunc Maximus preparato nauigio Rauennam aduenit, expectans ibi Pape preceptum. misit itaque Beatus Gregorius quendam notarium suum nomine Castorium, precipiens Mariano archiepiscopo Rauennati, ut ambo pariter causam ipsius Maximi tali deberent fine concludere, uidelicet ut de Symoniaca heresi, unde infamatus erat, suo iuramento purgationem subiret; de aliis uero excessibus ante corpus Beati Apollinaris se esse innoxium uerbo simplici affirmaret; de hoc uero, quod excommunicatus celebrare presumpsit, penitentiam ei iniungerent competentem. sicque huius Maximi causa sopita est.

VII.

QUALITER SALONA CAPTA EST

Interea Salonitana urbs propter barbarorum uicinitatem, qui eam cotidianis insultibus impugnabant, ad deteriora labi cotidie cogebatur. erantque in ea ciuiles discordie, nec satis arguto moderamine res publica regebatur. non erat rector sapiens, qui refrenaret superbiam, qui puniret nequitiam, sed uoluntas propria unicuique pro iusti-

tia habebatur. qui plus poterat, colebatur; impotentes prede patebant. iustitia procul aberat; totum prauitas occupabat. timor Dei, Sanctorum reuerentia, misericordia et pietas expirauerant; odia rapine usure, periuria et alia facinora totam inuaserant ciuitatem. religio erat derisui, clerus contemptui, humilitas superbie succumbebat. debita subtrahebant ecclesiis, indebita exigebant. preterea rector ciuitatis non communiter, sed diuisim querebatur, nec qui prodesset omnibus, sed qui priuatim aut amicorum comodum, aut inimicorum incomodum procuraret. et sic in ciuitate multi erant domini, pauci subditi; multi precipientes, pauci obedientes; non quasi patriam diligebant, sed quasi hostilem terram predari rapaciter satagebant; sumptus rei publice potentiores quique diripientes totum onus communis seruitii miseris pauperibus imponebant. preter hec uero improba Venus omnem ordinem, omnem sexum et etatem absque ullo pudoris uelamine sordidabat. dissolutio uoluptatis marce(sce)bat in iuuenibus, obstinatio auaritie rigeat in senibus; ueneficia in mulieribus, peruersitas in omnibus abundabat; iniurias illatas conciuibus pro gloria reputabant. intra urbem multum feroces et audaces uidebantur, sed contra hostes exeuntes timidi et inbelles inueniebantur. talibus et his similibus Salona corrupta uitiiis quid poterat, nisi ad yma uergere? quid restabat, nisi ad interitum festinare?

Qualiter autem finaliter euersa fuerit, non satis perspicuum est. Nos uero, ut in precedentibus, partim scripta, partim relata, partim opinionem sequentes conemur exponere.

Gothorum tempore, qui Totila duce de partibus Teutonie et Polonie exierunt, dicitur Salona fuisse destructa. etenim dux ipse, antequam arma inferret Italie, per partes Dalmatie uastando transiuit, Salonamque urbem ex parte uastauit. ipse intrauit prescriptum edificium Dioclitiani Cesaris et imperiales titulos ibidem sculptos deposuit atque deleuit, aliquam etiam partem eiusdem edificii destrui fecit.

Venerant de partibus Polonie, qui Lingones appellantur, cum Totilla septem uel octo tribus nobilium. hi, uidentes terram Chroatie aptam sibi fore ad habitandum, quia rari in ea coloni manebant, petierunt et optinuerunt eam a duce suo. remanentes ergo ibidem, ceperunt opprimere indigenas et ad suum seruitium subigere uiolenter. Chroatia est regio montuosa, a septemtrione adheret Dalmatie. hec regio antiquitus uocabatur Curetia, et populi, qui nunc dicuntur Chroatie, dicebantur Curetes uel Coribantes; unde Lucanus: *illic bellaci confisus gente Curetum, quos alit Adriaco tellus circumflua ponto.* dicebantur uero Curetes quasi currentes et instabiles; quia per montes et siluas oberantes agrestem uitam ducebant. ex asperitate quidem patrie naturam trahentes, harum asperitatibus, inuasionibus, predationibus ferino more gaudebant. bellaces ualde et quasi pro nichilo ducentes se morti exponere, nude se plerumque hostilibus armis obiciunt. hi apud plures poetarum de quadam ridiculosa opinione notantur. etenim quando luna eclipsim patitur, putantes eam a spiritibus corrodi et consumi, omnia eramenta domorum pulsant, quasi per strepitum fugatis demonibus credunt lune succurrere laboranti; unde Virgilius: *pulsantes era Curetes.* permixti ergo sunt populi isti et facti sunt gens una, uita moribusque consimiles, unius loqule. ceperunt autem habere proprios duces. et quamuis prauis essent et feroces, tamen Christiani erant, sed rudes ualde. Ariana etiam erant tabe respersi. Gothi a pluribus dicebantur et nichilominus Sclauis, secundum proprietatem nominis eorum, qui de Polonia seu Boemia uenerant.

Isti, ut predictum est, impugnabant Latinos, qui regiones maritimas habitabant, maxime autem Salonam, que caput erat totius prouintie. hec ciuitas a statu sue potentie

ualde iam erat collapsa et in facultatibus nimis atrita. rector eciam oportunos in ciuitate non erat, quam ob rem ab inimicis facile capi potuit et uastari.

Igitur dux Gothus, qui toti preerat Sclaonie, coadunato magno exercitu equitum peditumque descendit de montibus et castra posuit ex orientali parte ciuitatis, sed et aliam turmam sui exercitus fecit castra metari ex occidentali parte supra mare, cepitque ex omnibus partibus oppugnare Salonam, nunc sagittis, nunc iaculis insistentes. alii uero ex latere montis proeminens ingenti strepitu fundis lapides ad menia intorquebat, alii uno agmine conglobati sensimque menibus propinquantes portas infringere perquirebant. at uero Salonitani per menia diffusi hostium iacula nunc propugna(cu)lis, nunc clipeis excipientes uiriliter resistebant, in hostes nichilominus ingentes lapides reuoluebant, ad eos uero, qui eminus dimicabant, alii e machinis lapides iaciebant, alii balistis et arcubus fortiter sagittabant; sicque diebus non paucis utrumque frustra certatum est. sed quid ualet annis hominis, ubi diuine protectionis gracia deest? cum pro multis piaculis communiter singulariterque commissis superne ultionis iudicio peccatrix ciuitas hostili foret gladio euertenda. periit mens et consilium ciuibus; presul nullus erat, rector inutilis, populus dissolutus; quid esset consultius, nesciebant. alii erant nimis timidi, alii plus equo securi. sic labefactari ciuitas primitus a se ipsa incepit. igitur hostium caterue non cessabant cotidie ciuitatem miseram impugnare. Salonitani uero languentibus iam et defessis uiribus multitudinis impetum non sustinentes iamque posse resistere desperantes ipsa eciam menia non ex corde seruabant, tantisque metus incubuit, ut obrigescerent animis nil nisi de fuga singuli cogitabant.

Factum est autem, ut die quadam aliqui ex ditioribus ciuitatis res suas latenter ad mare asportantes inferre nauibus properarent. quod uidentes uniuerse ciuitatis uulgus, mulieres simul et paruuli, conglobatim omnes ad portum irrupere et naues scandere, huc illucque diffugere moliantur. rapiebant certatim quicquid poterant de domibus; clamor matronarum et uirginum ingenti strepitu ferebatur ad celum. necquicquam miseri sarcinulis onerati ad portum properant, nauiculis se ingerere satagentes, alii autem uix nudi et uacui insilire in lembos poterant, alii innatare ad naues, alii conamine infelici inter ipsas perstreptentium turmas in fluctibus mergebantur.

At uero hostes, in ciuitatem subito irrupentes, fugientes a tergo cedere, prede instare, nulli occursanti parcere, ignem domibus apponere non cessabant. mox, ubi miserabilis ciuitas, suorum destituta presidii filiorum, hostili populo repleretur, non iam erat, qui ecclesiis parceret, non qui structuris antiquis et speciosis misereretur Palatiis, sed totam succedentes in furoris impetu ciuitatem breui hora in carbonem et cinerem redegerunt. de tot enim diuitiis paucas rapuere manubias, hoc pro maximis uictorie premiis reputabant, quod tam egregiam urbem absque ulla pene sui exercitus strage dare exterminio potuerunt.

Quis autem enumerare ualeat, quot miseros ciues, quot puellas infelices, quot pueros abduxere captiuos? quis commemoret eorum multitudinem, quos uorauit gladius, quos consumpsit incendium, quos mare absorbit fugientes? at ciues miseri, rogam dulcis patrie inspectantes, non dolere poterant, non flere licebat super eam, sed singuli uite proprie metuentes classem abducere properabant. nec uacabat conuocare consilium, nec, quid de salute publica foret agendum, deliberare ualebant, sed unus quisque de sua familia anxius, cum rebus, quas de funere patrie subripuisse poterat, quo diuerteret, cogitabat. hoc eciam agere consulte nequibant; quippe in tam precipiti fuga

confuse et inordinate ad naues conscenderant, quia nec pater inquirebat filium, neque filius patrem; uxor non respiciebat maritum, nec maritus uxorem. *unica spes miseris patrios discedere fines.* qui ante recesserant, non expectabant extremos; qui extremi fuerant, non retardare poterant properantes. quasi ebrii uel amentes non nisi in sola fuga presidium exquirentes nesciebant, quam tutius arriperent uiam. heu quam triste erat spectaculum miserabilium mulierum crines lacerantium, pectora genasque tundentium! quantus erat ululatus et planctus nescientium, quid potius, ignem an-gladium, euitarent!

VIII.

QUALITER AD INSVLAS SALONITANI FVGERVNT

Postquam procul iam a litore rates subduxerant, sparsim alii ad alias insulas properabant, alii uero nec in insulis se satis tutos posse fieri arbitantes longius remigabant. tandem pars aliqua tenuit insulam, que Soluta uocatur, alii ad Bratie, alii ad Faron, alii ad portus Lysie et Corcire applicuerunt.

Ergo de nauibus exeuntes ceperunt singuli familias suas inquirere, per alias et alias insulas mittere seseque per tribus iungere; qui se inueniebant, letabantur tantum periculum euasisse; qui uero non inueniebantur, pro mortuis plangebantur. ubi autem tanti mali dolor et mestitia conquieuit aliquantulum, ceperunt ad inuicem consolari. tunc omnes incipiunt tuguria ex frondibus uiminibusque contexere seseque per loca competentia collocare. ceperunt alii alia negotia exercere. hi terram incolunt, hi nauibus negotiantes per mare discurrunt. pro dolor! quot opulenti et delicati in Salona fuerant, qui tunc ad aliena hostia panem miserabiliter mendicabant! tunc electi iuuenes armatis Liburnis ceperunt per Dalmatie litora discurrentes hostibus insidiari. tantas enim cedas et predas de ipsis cotidie faciebant, quod nullus Sclauorum erat ausus ad mare descendere. his etenim modis Salonitani erumnosam uitam ducentes multo tempore in insulis comorati sunt.

Eodem tempore Iohannes Summus Pontifex Apostolice Sedis, cum esset Dalmatinus natione, audiens sue gentis miserabilem casum, ualde condoluit, misitque abbatem quemdam, Martinum nomine, cum multa pecunie quantitate pro redimendis captiuis. qui ueniens ad partes Dalmatie multos redemit captiuos a Sclauis, eosque ad parentes suos remisit. iste Martinus ex apostolica iussione multorum Sanctorum reliquias accepit in partibus Dalmatie et Ystrie et detulit eas Romam ad predictum Papam Iohannem. qui uenerabilis Pontifex eas reuerenter suscipiens recondidit apud ecclesiam Beati Iohannis Lateranensis, ubi est fons baptisterii, et ibidem iuxta fecit dipingi ymaginem Beati Domnii cum pallio et ceteris pontificalibus indumentis, totum ex musiuo aureo. similiter fecit ymaginem Beati Anastasii inter alios Sanctos.

Per idem ferre tempus quidam aduene, — ut ferunt, Romana urbe depulsi, — non longe ab Epitauro ratibus applicuerunt. erat autem Epitauros episcopalis ciuitas, Salonitane ecclesie suffraganea; quod ex epistola Beati Gregorii Pape conicimus, quam misit Natali archiepiscopo Salonitano, arguens ipsum, quia absque auctoritate sinodali quandam Florentium Epitauritane ecclesie episcopum pro quibusdam iniectis criminibus, sed non probatis, deposuerat. cuius causam comisit predictus Papa suo subdiacono Autonio, quem

in Salonam fuisse missum superius memorauimus. prenotati ergo aduene, sedem sibi in illis partibus collocantes, ciuitatem Epitaurum sepius impugnantibus nimium atrierunt, atritamque ceperunt, et captam in solitudinem redegerunt. homines autem cum eis permixti sunt, et facti sunt populus unus. edificauerunt Ragusium et habitauerunt in eo. ex eo tempore conari ceperunt pallium suo episcopo optinere.

IX.

QUALITER SALONITANI
PER DIVERSA SVNT LOCA DISPERSI

Interea Salonitani in insulis commorantes magno afficiebantur tedio propter terre sterilitatem et propter aquarum penuriam, ingenti etiam desiderio cupiebant ad patriam reuerti. sed licet Salona deserta iaceret, nullique hostes auderent in ea manere, Salonitanis tamen uidebatur non satis tuta statio ibi fieri posse. hostile quippe incendium consumpserat omnia; turres et menia prostrata iacebant; solum teatri edificium, quod in occidentali parte constructum fuerat, adhuc integrum remanebat. sic ergo miseri ciues hinc rerum urgebantur inopia, illinc metus adhuc deterrebat hostilis. et quia pars magna eorum per orbem erat dispersa et ipsi pauci et inopes remanserant, de reedificanda ciuitate deliberare non presumebant.

Vnde factum est, ut aliqui ex ipsis, exeuntes de insulis, per diuersas partes Dalmatici litoris oportuna sibi ad habitandum loca querebant. quidam, uersus occidentalem plagam nauigantes, ad portum cuiusdam urbis antique sed dirute applicuerunt, et, uidentes locum satisabilem ad manendum, parauerunt ibi aliquod munimentum et habitauerunt in eo. et quia situs loci propter adiacentes insulas et propter comoditatem portus multum eis placebat, non habebant iam necesse ad Salonam redire. nichil enim eis uidebatur deesse, preter fluuium Yadrum, qui ex orientali parte Salonitane urbi multum delectabiliter influebat. de quo legitur in Lucano: *qua maris Adriaci longas ferit unda Salonas et tepidum in molles zefiros excurrit Yader*. Hoc igitur sepius nominato urbi nomen impositum est Yadria; uel, ut quibusdam placet, ab Yadrino conditore Yadria nomen accepit.

X.

QUALITER DE INSVLIS REDEVNTES
SPALATVM INTRAVERVNT

Erat autem inter Salonitanos, qui ad proximas insulas secesserant, uir quidam Seuerus nomine, cuius domus fuerat iuxta columnas Palatii supra mare. hic, quia per ceteris maiori auctoritate pollebat, magnus Seuerus appellabatur. iste cepit adhortari conciuces suos, ut ad patriam redirent. sed quia non erat tutum inter ruinas urbis antique habitacula ponere, consulebat eis, ut in edificio Dioclitiani se interim reciperent,

ubi securius comorantes aliquam saltem particulam sui teritorii incolere sine magno timore ualerent, donec rebus prosperius succedentibus Salonam reedificandi possibile foret. et tandem placuit hoc consilium nobilibus et popularibus uniuersis, et tale pactum inter se statuerunt, ut ditiores sibi domos propriis sumptibus hedificarent, ceteri uero, quibus es non erat sufficiens pro domibus construendis, haberent tures circumpositas pro habitaculis suis, reliquum uulgu habitaret in fornicibus et in criptis.

Tunc auferentes omnia, que habebant in insulis, ac nauibus imponentes transtulerunt se cum mulieribus et paruulis, exceptis animalibus, et uenientes intrauerunt predictum edificium, quod non pro ciuitate, sed pro regia aula constructum erat. et quia spatiosum erat Palatium, Spalatium appellare ceperunt. ibi ergo se collocantes posuerunt habitacula uilia, sicut temporis necessitas cogebat.

Et sic illa populosa ciuitas Salona, nobilis et antiqua, pro multis peccatis, que in Deum comiserat, ad tantam extitit miseriam deuoluta, ut de illa magna sui populi frequentia non tot remanserant, qui possent illius parui oppidi ambitum ciuibus replere, sed in ea parte, que supra mare respicit, se componentes reliquam partem urbicule uacuum dimiserunt.

Tunc ceperunt paulatim exire et terras prope positas colere. ubi autem Gothorum duces audierunt Salonitanos ciues de insulis fuisse reuersos, protinus ceperunt exercitum ducere contra ipsos, uastantes omnia culta eorum nec permittentes eos extra muros exire. tunc ciues inter se consilio habito legationem miserunt ad Imperatores Constantinopolitanos, supplicantes et petentes, ut liceret eis in Spalato habitare et territorium sue ciuitatis Salone iure pristino possidere. quod et factum est. nam impetratis omnibus, que uolebant, ad conciuces suos legati redierunt, portantes sacrum rescriptum Dominorum Principum. iussio etiam ad duces Gotorum et Sclauorum missa est, districte precipiens, ut nullam Salonitanis ciuibus in Spalato degentibus molestiam irrogarent.

Accepta ergo iussione Principum non fuerunt ausi ulterius contra Spalatenses arma mouere. tunc inter eos pace composita ceperunt Spalatenses cum Sclauis paulatim conuersari, comertiorum negocia exercere, connubia iungere ac paccatos eos sibi et familiares reddere.

XI.

DE IOHANNE PRIMO ARCHIEPISCOPO SPALATINO

Interea Summus Pontifex misit quendam legatum Iohannem nomine, patria Rauenatensem, qui partes Dalmatie et Chrouatie peragrans salutaribus monitis Christicolis informaret. in ecclesia autem Salonitana a tempore subuersionis presul non fuerat ordinatus. uenerabilis ergo Iohannes cepit clerum et populum exhortari, ut archiepiscopatum ciuitatis antique intra se instaurare deberent; quod illis ualde gratum extitit et acceptum. tunc coadunato clero, ut moris erat, electio in persona predicti Iohannis concorditer ab omnibus celebrata est. qui per Dominum Papam consecratione suscepta tamquam bonus pastor ad proprias oues accessit, non animo cumulandi pecunias, cum ecclesia tunc esset pauperrima, sed caritatis studio de animarum salute lucrum spirituale querere satagebat. ipsi concessum est a Sede Apostolica, ut totius dignitatis priuilegium, quod Salona antiquitus habuit, optineret ecclesia Spalatensium.

Tunc cepit ecclesiam clerumque componere, instare doctrine, predicationi uacare, curamque pastoralis officii multum sollicitate exercere. etenim per Dalmatie et Sclauonie regiones circundo restaurabat ecclesias, ordinabat episcopos, parochias disponebat, paulatim rudes populos ad informationem catholicam attrahebat.

Tunc prenomiatus Seuerus domicilium suum, quod in Spalato sortitus fuerat, quando de insulis redierunt, donauit ecclesie cum turri angulari et Palatio, episcopium ibi fieri statuens; ibique uenerabilis presul Iohannes primitus habitare cepit.

Videns ergo populum in diuini cultus amore succrescere, statim aggredi cepit opus laudabile et templum Iouis, quod in ipso Augustali edificio excelsioribus fuerat structuris erectum, ab ydolorum mundauit figmentis, ianuas in eo serasque constituens. tunc solemnitate dedicationis indicta magnus undique populus coadunatus est. fecit ergo ex phano illo ecclesiam, consecrans eam in magna deuotione et tripudio omnium, qui conuenerant, ad honorem Dei et Gloriose Virginis Marie. clerum autem ibi statuit, qui diuini cultus obsequia diebus singulis exercebat.

XII.

DE TRANSLATIONE SANCTORVM DOMNII ET ANASTASII

Eodem tempore (Iohannes) reuerendus antistes cepit tractare cum ciuibus, ut corpus Beati Domnii pontificis, quod Salone remanserat, leuaretur translatumque in ecclesia, quo nuper dedicata fuerat, locaretur. et ualde placuit omnibus. explorata itaque temporum uice, quando possent hoc commode atemptare, abierunt Salonam ingredientesque basilicam episcopii confusa et dissipata omnia repperunt. repletus enim erat locus ille ruinosis tectis, congestique incendiorum cineres uepres iam et uirgulta produxerant ita, ut quamuis adhuc aliqui superessent, qui locum sciebant, tamen, quia tumba ipsius subterraneis fornicibus absconsa latuerat, non facile discerni poterat, unde corpus Beati Domnii tolleretur. effodientes autem terram locumque discooperientes, archam, que primo apparuit, leuauerunt, et metuentes, ne forte impedirentur a Sclauis, cum celeritate magna Spalatum detulerunt. quam aperientes, non corpus Beati Domnii, sed corpus Beati Anastasii martiris inuenerunt. protinus ergo die sequenti reuertentes Salonam, de eodem loco sarcophagum Beati Domnii effoderunt et cum summa festinatione Spalatum transferentes deuotione nimia amborum martirum pignora pretiosa locauerunt in prenomiata Dei Genitricis ecclesia, ubi dante Domino usque hodie requiescunt.

XIII.

CATHALOGVS ARCHIEPISCOPORVM, DE QVIBVS EXTAT MEMORIA

Igitur duces Sclauonie habere ceperunt in magna ueneratione ecclesiam Beati Domnii, donantes ei predia et possessiones multas, decimas et oblationes corde yleri offerentes.

Fuerunt autem in ecclesia Spalatensi archiepiscopi multi, quibus ex priuilegio Salonitane ecclesie omnes episcopi superioris et inferioris Dalmatie obediebant, utpote suffraganei ab antiquo. ipsi autem archiepiscopi non Spalatenses, sed Salonitani appellabantur. postquam autem per predicationem predicti Iohannis ac aliorum presulum Salonitanorum duces Gothorum et Chroatorum ab Ariane hereseos fuerant contagione purgat, preter episcopos Dalmatie in Sclauonia fuerunt alique statuite episcopales ecclesie: uidelicet ab oriente fuit episcopus Delmitanus, unde Dalmatia dicta est; ab occidente fuit episcopus Sciscianus, ubi Beatus Quirinus martir quondam extitit presul.

Denique post Salone interitum in Spalato hos inuenimus antiquiores fuisse antistites: Iustinus archiepiscopus extitit anno incarnationis octingentesimo quadragesimo; Marinus archiepiscopus fuit tempore Caroli regis et Branimiri ducis Sclauonie; Iohannes archiepiscopus fuit anno Domini nongentesimo quarto decimo tempore Tamislai ducis; Martinus archiepiscopus fuit anno domini nongentesimo septuagesimo tempore Theodosii Imperatoris et Dirsci(s)clauis regis. iste Martinus fuit Spalatinus natione. hic fecit ecclesie unum calicem magnum cum sua patena de auro purissimo.

Ab isto Dirsciscla(u)o ceteri successores eius reges Dalmatie et Chroatie appellati sunt. recipiebant enim regie dignitatis insignia ab Imperatoribus Constantinopolitanis et dicebantur eorum eparchi siue patritii. habebant namque ex successione sue originis patrum et proauorum dominium regni Dalmatie et Chroatie.

Istaque fuerunt regni eorum confinia: ab oriente Delmina, ubi fuit ciuitas Delmis, in qua est quedam ecclesia, quam Beatus Germanus Capuanus episcopus consecrauit, sicut scriptum reperitur in ea; ab occidente Carinthia; uersus mare usque ad oppidum Stridonis, quod nunc est confinium Dalmatie et Istrie; ab aquilone uero a ripa Danubii usque ad mare Dalmaticum cum tota Maronia et Chulmie ducatu.

XIV.

DE ADVENTV HVNGARORVM

His fere temporibus pars aliqua gentis Massagetum egressa de regione sua, que Mageria nuncupatur, uenit in multitudine graui, obstantia queque deuastans; totam Pannoniam ex utraque parte Danubii occupauit. interfectis namque incolis regionis illius alisque in seruitutem redactis posuerunt se in planitie illa, quia propter raritatem hominum habilis erat animalibus alendis, ex quibus maxime multitudo ipsa uictum habebat. hec regio dicitur antiquitus fuisse pascua Romanorum. ceperunt ergo circumpositas regiones bellis assiduis infestare, ecclesias destruere, Christianos affligere. erant enim pagani crudelissimi, prius uocabantur Hunni, postea sunt Hungari nuncupati. ante ipsa tempora dux Attila, ferocissimus persecutor Christianorum, de predicta regione dicitur fuisse egressus.

Petrus archiepiscopus fuit anno Domini nongentesimo nonagesimo, tempore Tirpimiri et Muncimiri filii eius regum. Paulus archiepiscopus fuit anno Domini millesimo quinto decimo, tempore Basiliis et Constantini Imperatorum et Cresimiri eorum patritii et regis Chroatorum. pater uero eiusdem archiepiscopi uocabatur Prestantius, qui eodem tempore primarius erat, hoc est rector, ciuitatis Spalatine.

His temporibus Geyza, quartus dux Vngarorum, Christianus effectus, cepit gentem suam ad ritum Christiane professionis paulatim attrahere, dans libertatem Christianis edificandi ecclesias et nomen Christi publice predicandi.

Mortuo denique Paulo archiepiscopo substitutus est Dabralis anno Domini millesimo tricesimo, temporibus Principum predictorum.

XV.

DE EXEMPTIONE EPISCOPORVM SVPERIORIS DALMATIE

Factum est autem, ut illis diebus conuocarentur omnes suffraganei Dalmatie ad prouincialem synodum, que celebranda erat in ecclesia Spalatensi. episcopis autem superioris Dalmatie uisum est, quod commodius suum possent iter peragere, si omnes uno nauigio ducerentur. tunc preparata naui ex conducto accesserunt ad portum et imponentes que erant nauigantibus necessaria omnes fere episcopi eandem nauem conscenderunt, uidelicet Chathariensis, Antibarensis, Dulcinensis et Suacensis. cum autem circa insulas uentis impellerentur, non multum aduersis, ecce subito tempestatis turbo mediis fluctibus toto se fragore immersit, statimque attoniti naute confusis clamoribus ad armamenta uelorum manus accurrunt apponere, annitentes uela deponere, ancoras proicere, ne nauis in asperrima loca, que iam erant proxima, incideret. sed antequam possent quicquam consulte agere, confestim nauis arrepta in siccum tota illisa est, intumescensque procellis minutatim quassata est et confracta. sicque diuino iudicio miserabiles episcopi et omnes, qui cum eis erant, perierunt.

Tunc ciues urbium predictarum missa relatione ad Summum Pontificem nunciauerunt de naufragio episcoporum suorum, suppliciter postulantes eximi a subiectione ecclesie Spalatensis, satis probabilem pretendentes occasionem, quia periculosum illis erat tam remotam ecclesiam uisitare. quam ob rem Romanus Pontifex annuit petitioni eorum, omnesque episcopos a Ragusio superius absoluit a uinculo, quo tenebantur antique metropoli Salonitane, statuitque nouam metropolim in ciuitate Antibarensi et omnes episcopatus predictos ei subiecit.

Inferior uero Dalmatia habuit episcopatus suos more antiquo sue metropoli Salonitane ecclesie subditos: uidelicet ab Apsarensi episcopatu usque ad Traguriensem. Vegliensis, Apsarensis et Arbensis episcopatus habuerunt parochias suas in insulis suis; sed Vegliensis optinebat maiorem partem parochiarum, quas nunc habet Segniensis ecclesia, que non erat tunc episcopalis sedes. omnes enim ciuitates predictae ad regnum Chroatie pertinebant. Iaderensis episcopatus non magnam habuit parochiam propter uicinitatem Nonensis et Belgradensis episcopatum. cum autem Belgradensis ciuitas destructa fuisset a Venetis, mutauit sedem suam in Scardonam; namque Veneti destruxerunt Belgradum prope Iadram ciuitatem. Traguriensis episcopatus, quia sue metropoli uicinior erat, maiorem diocesim sortitus est; uidelicet castrum Sibinicense cum tota sua iupa; protendebatur enim fere usque ad fluuium Cetinensem. fuit etiam episcopalis sedes apud Mucarum eratque sua parochia a confinio Craine usque Stagnum. in Stagno nihilominus fuit episcopatus; suaque parochia erat in comitatu Chulmie. uoluerunt etiam Chroatorum reges quasi specialem habere pontificem, pet-

ieruntque ab archiepiscopo Spalatensi et fecerunt episcopum, qui Chroatensis appellabatur, posueruntque sedem eius in campo, in ecclesia Sancte Marie iuxta castrum Tinense. hic multas optinuit parochias, habuitque predia et possessiones per totum pene regnum Chroatie, quia regalis erat episcopus et regis curiam sequebatur eratque unus ex principibus aule et sua iurisdictio usque ad Drauum fluuium extendebatur. ecclesia nempe metropolis has sibi uoluit parochias retinere: comitatum Cetine, Cleune, Clisse, Massarum, Almisium et Corbauiam et ultra Alpes Fereas usque ad confinia Zagrabie, totamque Maroniam.

Nunc autem ad Dabrallem episcopum redeamus. hic enim cum esset potens et nobilis nec foret aliquis ausus ipsius acta reprehendere, quicquid sibi placebat, hoc licere putabat. habebat namque mulierem et filios quasi laicus, quos secum in archiepiscopali Palatio tenebat; totum uero episcopium non nisi uagitibus paruulorum et ancillarum tumultibus erat plenum. negotiis quoque secularibus implicatus, modicum spiritualia procurabat. cum autem tam enormis uita pontificis Summo fuisset Pontifici nuntiata, statim misit quendam legatum Iohannem nomine, uirum ualde prouidum et discretum. qui ad partes illas accedens congregata synodo inquisitionem cepit facere in capite et in membris. et cum crimen Dabralis archiepiscopi esset notorium, cepit se friuolis allegationibus excusare. dicebat enim predictam mulierem sibi fore legitimam, quam ex consuetudine Orientalis Ecclesie secum poterat licite retinere. sed legatus, excusationes Dabralis nullius fore momenti considerans, autoritate apostolica sententialiter remouit eum in perpetuum ab administratione ecclesie Spalatensis.

His temporibus Stephanus Geize filius, per Romanum Pontificem coronam regni adeptus, primus rex Hungarorum effectus est; uir strenuus et ad ampliandum C(h)ristiane fidei cultum ualde intentus totum regnum suum ita nobiliter episcopatus, monasteriis et ecclesiis ordinauit tamque copiose dotauit, ut in toto pene mundo uix status ecclesie uigere melius et dignius uideatur.

Denique post Dabrallem fuit quidam Iohannes archiepiscopus Spalatensis, de ipsa ciuitate oriundus. ipse edificauit ecclesiam Sancti Felicis super riuum. et cum pre senectute iam factus esset inutilis, cessit ab onere pastoralis, et in eadem ecclesia non longo tempore degens ibidem mortis debitum soluit.

XVI.

DE PROMOTIONE LAVRENTII ARCHIEPISCOPI

Ea tempestate quidam Apostolice Sedis legatus ad ecclesiam Spalatensem accedens prouincialem synodum congregauit. ubi cum omnes Spalatensis metropolis episcopi conuenissent, antequam dimitteretur concilium, tractatum est de electione metropolitani, quia Spalatensis ecclesia tunc uacabat. et factum est, diuina gratia inspirante, ut omnium mentes et uota in personam uenerabilis uiri Laurentii Apsarensis episcopi, qui cum ceteris suffraganeis ad synodum uenerat, concordarent, ipsum in patrem et archiepiscopum unanimiter proclamantes. missa ergo relatione ad Romanam Curiam postulationem de ipso factam Domino Pape presentauerunt. et quia testimonium habebat bonum ab omnibus, facile admissa est petitio eorum, deditque ei Summus Pontifex

licentiam transeundi, mittens ei pallium dignitatis cum confirmatione priuilegiorum metropolitice auctoritatis.

Fuit autem Laurentius iste Dalmatinus origine, statura quidem pusillus, sed sapientia magnus. cepit ergo sua uigilanti industria ecclesiam in temporalibus et spiritualibus subleuare, per totam prouinciam predicando discurrere et sicut bonus pastor super gregis sui custodia tota sollicitudine insistere. et quia talis erat uir, in magna reuerentia habebatur a regibus et principibus Sclauonie, tribuebantque ecclesie Sancti Domnii uillas et predia multa, facientes confirmationes et priuilegia super nouis collationibus et antiquis. ipse autem uenerabilis Laurentius non sibi aut carnalibus erat proximis intentus acquirere, sed omnia ad proprietatem ecclesie ascribebat. tantum enim studiosus extitit ad ampliandum ac decorandum ecclesie thesaurum, ut quendam proprium seruum in Antiochiam ad descendendum fabrilia opera auri et argenti dirigeret. qui cum iam bene instructus redisset, fecit uenerandus pontifex excudi ab ipso candelabra magna de argento et alia candelabra manualia. fecit etiam urceum magnum et alium paruum et ciminile manicatum, calicem et capsam, unicum pastorem et crucem et alia quedam, que omnia perfecit opere sculptorio artis ingenio Antiochene.

His temporibus Adam quidam Parisiensis, optime in artibus elimatus, pergendo Athenas ad Grecorum studia deuenit Spalatum. et cum fuisset a Laurentio antistite honorifice susceptus, rogatus est ab eodem, ut passiones Beatorum martirum Domnii et Anastasii, que inculco fuerant antiquitus sermone conscripte, luculenta faceret compositione nitere. quod ille gratanti corde consentit sumptoque temate a ueteribus ystoriis legendas utriusque martiris lepido satis dictamine innouauit. ymnos etiam composuit; et quicquid de Beato Domnio musice canitur, metrico sermone conscripsit.

Per idem tempus uacante ecclesia Traguriensi electus est quidam Iohannes natione Ytalicus et presentatus Laurentio archiepiscopo munus ab eo consecrationis accepit. hic pre ceteris episcopis apud Laurentium maioris dilectionis et familiaritatis prerogatiua gaudebat, quia erat uir litteratus et bonus, pro amore siquidem celestis patrie cuncta carnis blandimenta contempnens asperrimam uitam ducebat et, sicut asserunt, ad tantam uirtutum gratiam excreuit, ut quedam in eo sanctitatis insignia emerent. unde et in uita et post mortem in magna ueneratione habitus est a ciuibus suis.

Temporibus domni Laurentii archiepiscopi quedam execrandi scismatis fuit suborta contentio in Dalmatie et Chroatie regno.

Fuerat siquidem tempore Domini Alexandri Pape et Iohannis decessoris Laurentii supradicti a domino Maynardo quondam Pomposiano abbate, postea episcopo cardinali, quedam synodus omnium prelatorum Dalmatie et Chroatie multum sollempniter celebrata, in qua multa fuerunt conscripta capitula; inter que siquidem hoc firmatum est et statutum, ut nullus de cetero in lingua Sclauonica presumeret diuina misteria celebrare, nisi tantum in Latina et Greca, nec aliquis eiusdem lingue promoueretur ad sacros (ordines). dicebant enim Goticas literas a quodam Methodio heretico fuisse repertas, qui multa contra catholice fidei normam in eadem Sclauonica lingua mentiendo conscripsit, quam ob rem diuino iudicio repentina dicitur morte fuisse dampnatus.

Denique cum hoc statutum sinodali fuisset sententia promulgatum et apostolica auctoritate firmatum, omnes sacerdotes Sclauorum magno sunt merore confecti, omnes quippe eorum ecclesie clause fuerunt, ipsi a consuetis officiis siluerunt.

Factum est autem, ut quidam sacerdos aduena Vlfus nomine ad Chroatie partes accederet speciem pietatis uultu preferens, sed uenenum sue fallacie corde premens. abiit ergo sussurrando per populum, simulans se a Summo Pontifice destinatum et, quasi eorum infirmitati compatiens, consilium se eis dare utile promittebat dicens: 'scitote, quod Dominus meus Pontifex Summus multum condoluit audiendo, quia ecclesie uobis clause sunt, uestrisque sacerdotibus diuina officia interdicta. nunc ergo ad Dominum meum legationem dirigite scientes, quod quicquid uolueritis, poteritis optinere'.

Congregatis siquidem senioribus ac celebrato consilio eundem Vlfum presbiterum cum suis munusculis Romam mittunt. mox presbiter arrepto itinere Romam uenit; munuscula Chroatorum cum eorum petitionibus ad pedes Domini Pape detulit eumque suppliciter rogauit, ut statum ecclesiarum et clericorum in regno Sclauonico in morem pristinum reuocaret. tunc Summus Pontifex ei respondit, quod non erat iustum, ut contra statuta legatorum Apostolice Sedis aliquid facili consilio ageretur. 'tu autem receptis nostris apicibus ad archiepiscopum et regem et ad ceteros prelates illius prouintie perfer, ut duo episcopi pro his negotiis ad nos accedant, quia te, utpote ignotum, super his exaudire minime possumus'.

Malignus ergo presbiter papalia scripta non quibus missa erant detulit, sed ad Gothos, qui eum miserant, reuerti otius properauit. tunc percontantibus eum, quid de suis petitionibus apud Sedem Apostolicam actum esset, respondit dicens: 'ecce per Dei gratiam, quicquid uoluistis, a Domino Papa impetraui; nam ecclesie uestre aperte sunt, sacerdotibus uestris officia restituta sunt. insuper etiam hoc uobis optinui, ut de gente uestra et de littera uestra uobis pontificem eligatis, mecumque ad eundem Papam cum aliquibus muneribus consecrandum mittatis'.

Quod audientes Gothi multum leti effecti sunt et illico quemdam senem rudem nomine Ceddedam episcopum elegerunt eumque cum codam abbate Potepa nomine et cum Vlfo presbitero, totius magistro nequitie, Romam properanter miserunt. qui cum ante presentiam Summi Pontificis accessissent, percontatus est eos ipse, quoniam essent. nefandus presbiter respondit: 'ex Dalmatie partibus sumus; Vestraque potest reminisci Paternitas me dudum ad uestram accessisse beniuolentiam, et istis ad pedes Vestre Sanctitatis uenire placuit, ut genti sue, sicut omnibus, gratiam faciatis. nimirum et iste nobilissimus Gothorum uir ad hoc uenit, ut per Vos plenius instructus ueritatis normam ualeat liberius predicare'. rursus Dominus Papa: 'quo honore, inquit, fungitur?' responsum est, quod dudum in sua littera presbiter fuerit. ad hec Papa: 'et cur barbam radere secundum Catholice Ecclesie morem renuit?' sceleratus presbiter inquit: 'ideo, Domine, ad Vestram uenit presentiam, ut ammodo Vestram faciat obedientiam'. illico autem Venerandus Pontifex propria manu paucos pilos de barba illius precidit et mox astantibus, ut eum ecclesiastico more raderent, iussit. ad presbiterum uero ait: 'non ego iusseram tibi hos uiros, sed pontifices pro tanto negotio ad me uocare'. presbiter ad hec: 'uoluere, inquit, Domine, sed minime potuerunt'. igitur Dominus Papa consilio habito taliter eis respondit: 'scitote, filii, quia hec, que petere Gothi student, sepenumero audisse me recolo, sed propter Arianos, inuentores litterature huiusmodi, dare eis licentiam in sua lingua tractare diuina, sicut predecessores mei, sic et ego nullatenus audeo. nunc uero euntes illam obseruare facite omnia, que a uenerabili fratre nostro Maynardo Sancte Rufine episcopo cardinali sinodaliter statuta sunt; quoadusque legati nostri illuc accedant'. his auditis ab aspectu

Domini Pape sese gradu concito submouerunt ad suam prouinciam regredi properantes. tunc Cededa Vlfum presbiterum requisiiit dicens: 'dic mihi, quid utilitatis nobis contulit Domini Pape adisse presentiam?' cui Vlfus respondit: 'quod ardenti animo desiderasti, me laborante adeptus es'. ad hec Cededa 'quid?' inquit. Vlfus dixit: 'quia te Papa pontificem ordinauit'. Cededa ait: 'quomodo?' Vlfus respondit: 'tante potestatis est Dominus Papa, ut cuicumque aliquos pilos de barba manu sua dempserit, continuo episcopus fiat'. hoc audiens fatuus senex magno repletus est gaudio. et mox uirgam pastoralem comparauit et annulum.

Denique ingredientibus eis fines Chroatie compatriote audito eorum aduentu leti obuiauerunt suo pontifici eumque cum magno tripudio susceperunt. et quia non pastor uerus erat, sed lupus rapax sub ouina pelle latebat, nimium a suis erat fructibus cognoscendus. etenim primo impetu Veglensem episcopum cum omni celeritate de sua sede fugauit eamque sibi quasi auctoritate apostolica usurpauit. tunc, proh pudor, fantasticus pontifex cepit in consecrandis ecclesiis, in ordinandis clericis et aliis episcopalibus ministeriis exercendis diuina officia prophanare.

Sed Omnipotentis uirtus non diu passa est fraudem diabolice ludificationis animas decipere infelices. statim namque cum hec impia gesta Summi fuissent Pontificis auribus intimata, graui merore confectus absque omni mora quendam legatum Iohanem cardinalem mittere festinauit ad extirpandum nefandi scismatis fomitem de partibus Sclauonie. itaque cardinalis ad illas partes adueniens multitudinem populi et cleri coadunari iussit ipsumque pseudoepiscopum coram suis Gothis de tante temeritatis nequitia durissime increpauit denuncians omnibus, quod nullum sacri ministerii ordinem a Summo Pontifice datum ei fuisset. quam ob rem ipsum Cedendam et Potepam cum suis sequacibus perpetui anathematis mucrone a fidelium consortio detruncavit; Vlfum uero, tanti sceleris inuentorem tantique satorem erroris, usque Spalatum trahi iussit. ubi congregata sinodo eumdem iniquum presbiterum ab omni ordine clericali deposuit, multisque affectum uerberibus, atonso capite, adusto stigmatate fronti, sicut Papa iusserat, perpetuo carcere detrudi fecit. sed cum malesanus Cededa ab incepta temeritate nullatenus respisceret multaque scandali materia propter ipsum in toto regno fuisset exorta, preceptum est a Summo Pontifice, ut tam in Romana quam in Spalatina ecclesia et per cunctam prouinciam solempnis anathematizatio fieret super eum. quod cum Rome bis et in Spalatina sinodo tribus uicibus factum fuisset, ecce repente diuina ultio in ipsum manifestata est. nam cum nichil languoris nichilque doloris in corpore pateretur, secessum petiit ex consueta necessitate nature ibique, subitaneo dolore correptus, euulsis a corpore uisceribus omnia intestina in secessum effudit. et sic homo impius, Arianam imitatus perfidiam, iusto Dei iudicio ignominiosa Arianorum morte dampnatus est.

His ita gestis Dominus Alexander Papa de hac luce migravit. cui substitutus est Dominus Gregorius Septimus. hic ergo misit legatum ad partes Dalmatie uenerabilem uirum Girardum archiepiscopum Sipontinum. qui Spalatum accedens, cum magno gaudio et honore a Laurentio archiepiscopo susceptus est. misit igitur et conuocauit suffraganeos Salonitane metropolis uniuersos; qui cum conuenissent, prouincialem cum eis sinodum apud Salonam debita maturitate celebrauit. interfuerunt autem isti suffraganei ecclesie Spalatensis: primo Laurentius archiepiscopus, secundus post eum Stephanus episcopus Iadrensis, Iohannes Traguriensis, Forminus Nonensis, Gregorius

Arbensis, Theodosius Belgradensis, Gregorius Croatensis, Basilius Absarensis et alii quidam. in hac synodo restauratus est episcopatus Nonensis, cuius episcopus Gregorius multas olim molestias Iohannem Spalatensem archiepiscopum sustinere fecit, debitam ei subtrahendo obedientiam et sibi ius metropoliticum indebite uendicando.

Interea uenerabilis Girardus legatus, Spalati positus, inuenit ibi supra memoratum Vlfum presbiterum, cui Golfancus agnomen erat, ab annis iam duodecim papali iussu grauissimis compedibus alligatum propter scismatis nefarium scelus, quod cum Cededa exercuerat in regionibus Dalmatie atque Chroatie. hunc ergo fecit absolui, dicens, quia Dominus Alexander, felicis memorie, in suo decessu precepit uniuersos suo iussu incarceratos absolui. prius tamen fecit eum super Euangelium et super corpus Beati Domnii subire corporaliter iuramentum, ut in abiuratum heresim numquam relabi deberet et de his partibus egrediens numquam rediret, sed cum eo Romam adiens apostolico se conspectu permitteret exhiberi.

Denique his taliter actis ad Laurentium archiepiscopum redeamus. ordinatus est in sede Salonitane ecclesie anno incarnationis millesimo sexagesimo, temporibus Michaelis Imperatoris, regum uero Stephani, Cresimiri et Suinimiri, qui fuit ultimus rex Chroatorum. iste Laurentius inter multa alia pietatis opera fecit monasterium monialium Sancti Benedicti, quod satis habundanter temporalibus peditum subsidiis regularibus instituit disciplinis ponens ibi religiosas feminas, que iuste casteque uiuentes sancta conuersatione deberent Deo et hominibus complacere.

His temporibus celebrata fuit synodus in ciuitate Nonensi sub Iohanne cardinali Apostolice Sedis legato. ubi proclamationem faciente Laurentio archiepiscopo illustris uir Demetrius, cognomento Suinimir, rex Chroatorum, restituit ecclesie Sancti Domnii ecclesias Sancti Stephani et Sancte Marie in Salona cum omnibus earum bonis. has siquidem ecclesias edificauit et dotauit quedam Helena regina, donans eas Spalatine sedi iure perpetuo possidendas. que ob reuerentiam regalium sepulchrorum concessa fuerant quibusdam regularibus ad tempus, qui assidue in eis officiorum ministeria exercebant. ibi namque magnificus uir, Cresimirus rex, in atrio uidelicet basilice Sancti Stephani, tumultatus est cum pluribus aliis regibus et reginis.

Prefuit autem Laurentius Salonitane metropoli annis circiter quadraginta. quo quiescente in Domino de subrogandi electione non potuerunt esse concordēs. quam ob rem uoluntas omnium extitit ad Dominum Papam legationem mittere suppliciter postulando, ut Spalatine ecclesie de pastore ydoneo prouideret. tandem eorum petitionibus Summus Pontifex acquieuit, dans eis presulem Crescentium natione Romanum, uirum ualde egregium et omni peditum bonitate.

XVII.

QUALITER HVNGARI CEPERUNT DOMINIVM DALMATIE ET CHROATIE

Eo namque tempore rex Suinimirus mortis debitum soluit nullumque sue posteritatis heredem reliquit. sic ergo tota regalis sanguinis deficiente prosapia non fuit ulterius, qui in regno Chroatorum rite succedere debuisset.

Cepit itaque inter omnes regni proceres magna discordia suboriri. et cum diuism modo hic, modo ille regnandi ambitione sibi terre dominium uendicaret, innumerabiles rapine, predationes, cedes et omnium facinorum seminaria emeruerunt. alter enim alterum insequi, inuadere, trucidare cotidie non ces<abat.

Verum his temporibus extitit quidam ex magnatibus Sclauonie, qui, cum a suis esset contribulibus multis lacessitus iniuriis multisque dampnis attritus, non sperans se posse aliter tantis resistere malis, in Hungariam profectus est. tunc ad regem Vladisclauum ingressus, eum alloqui cepit, persuadens ei, ut ad capiendum Chroatie regnum et suo dominatui subiugandum exiret, dans ei plenam fiduciam id facile posse complere, cum regnum illud uacuum et sine tutela regalis prouidentie remansisset.

His ergo Vladisclauus rex inductus consiliis absque mora coadunato exercitu copioso uenit et occupauit totam terram a Drauo fluuio usque ad Alpes que dicuntur Ferree nullo obice resistente. post hec transiuit Alpes et cepit impugnare munitiones et castra multaque prelia comitere cum gentibus Chroatie. sed cum alter alteri non ferret auxilium essentque diuisi ab inuicem, facilem uictoriam rex potuit optinere. nec tamen usque ad maritimas regiones peruenit, sed audiens, quod quedam gens sui regni fines intrauerat, in Hungariam repedauit.

Fuit autem rex iste non solum armis strenuus, sed religione et sanctitate insignis.

Huius temporibus gens Scythica in multitudine graui intra Hungarie fines irrumpens magnas hominum strages fecerunt. sed Vladisclauus rex coacto in unum sui regni exercitu in hostiles turmas uiriliter irruens, diuino protectus auxilio maiorem partem barbarice nationis passim per campos strauit in mortem, alios uero extra regni confinia effugauit.

Denique Vladisclauo rege migrante ad Dominum Colomannum sibi in regno successit. hic, cum esset uir ferocis animi, proposuit totam terram usque ad mare Dalmaticum suo dominio subiugare. uenit ergo cum multo armorum apparatu et optinuit ceterram partem Sclauonie, que Vladisclauo fuerat pretermissa.

Memoriale bone memorie domini Thome, quondam archidiaconi Spalatensis. Qualiter et cum quo pacto dederunt se Chroatie regi Hungarie. Colomanus, Dei gratia (rex), filius Vladislai regis Hungarie, stans in regno loco patris sui, et quia multa strenuitate uigebat, proposuit totam Chrouaciam usque ad mare Dalmaticum sub suo dominio subiugare. uenit cum suo exercitu usque ad flumen Draue. Chroatie uero audientes de aduentu regis congregauerunt exercitum suum et preparauerunt se ad pugnam. rex uero audita congregatione ipsorum misit suos nuncios, uolens ipsos graciose tractare et pacta cum eisdem, ut uoluerint, ordinare. Chroatie audita legatione domini regis, inito consilio, omnes insimul acceptauerunt et miserunt XII nobiles sapientiores de XII tribubus Chrouacie, silicet comitem Gurrum de genere Chacittorum, comitem Vgrinum de genere Chucharorum, comitem Marmognam de genere Subbithorum, comitem Pribislauum de genere Cuddomirithorum, comitem Georgium de genere Suacithorum, comitem Petrum de genere Murithorum, comitem Paulum de genere Gussithorum, comitem Martinum de genere Carrinensium et de genere Lapzanorum, comitem Pribislauum de genere Pol(eth)ithorum, comitem Obradum de genere Laznizithorum, comitem Iohannem de genere Iamomet(ith)orum, comitem Mirognum de genere Tugomirorum. qui uenientes ad dominum regem ei debitam reuerenciam exhibuerint, dominus uero rex ad osculum pacis eos recipiens et honorifice eos tractans, ad talem concordiam deuenerunt: quod omnes predicti teneant suum pacifice et quiete; et quod non teneatur aliqua predictarum generatio, nec eorum homines, regie magestati soluere cen-

sum nisi tantum teneantur domino regi, quando aliqui inuaderent sua regalia confinia; tunc si dominus rex mitteret pro eis, tunc ire debeant adminus cum XXX armigeris equitum de qualibet generacione prenominata suis expensis usque ad flumen Draue, inde uersus Hungariam ad expensas domini regis, usquequo exercitus durauerit, debeant permanere. et sic extitit ordinatum de anno nostre redemptionis MCII.

Itaque ad mare usque peruenit, ut ciuitates maritimas occuparet. tunc ad Spalatensem ciuitatem primo accessit, petens pacifice, ut sua se sponte dominatui eius subicerent nec ante permetterent destrui se et sua. at uero Spalatenses obfirmatis bene portis per murorum circuitum cum armis diffusi non aquiescebant regi, metuentes dominium gentis ignote et extranee experiri, quippe nescientes, quid rex de ciuitate uel de ciuibus cogitaret. tunc rex et eius principes, indigne ferentes et se quasi contemptos a Spalatensibus arbitantes, ceperunt multa ciuibus comminari et, positis castris non longe a ciuitate, deuastabant campos predasque, quas poterant, faciebant. unde factum est, ut Spalatenses obdurato animo cuncta proponerent sustinere pericula et dampna potius, quam iugum susciperent Hungarorum. cum ergo sic aliquantum temporis pertransisset, intellexerunt tandem per internuntios, esse Christianos, et quod rex uellet cum eis benigne agere, si se eius ditioni adhuc pacifice subiugarent. tunc Spalatenses inter se facto consilio miserunt Crescentium archiepiscopum ad regem Colomannum, pacem postulantes ab eo. quem ille benigne suscipiens annuit omnibus petitionibus, quas Spalatenses fecerant pro pacis federe componendo. facta igitur conscriptione omnium, que hinc inde fuerant ex beneplacito stabilita, iurauit rex cum suis principibus omnia firmiter obseruare. postera uero die iurauerunt Spalatenses, primo quidem maiores, deinde minores, postea uulgus omne, ut Colomanno regi et eius posteris ac regno Hungarie subiecti et fideles omni tempore permanerent. tunc rex, ciuitatem ingressus, ualde honorifice a clero et populo susceptus est. et ea die procuracione affluenter a communi suscepta confectisque ac traditis immunitatis priuilegiis profectus est.

Inde autem pertransiens uenit Tragurium et deinde Iaderam, a quibus ciuitatibus simili exemplo susceptus fecit eis libertatis priuilegium.

Et sic in Hungariam est regressus anno Domini MCIII.

XVIII.

QUALITER MANASES VOLVIT PRODERE CIVITATEM

Defuncto autem bone memorie Crescentio archiepiscopo electio facta est ad instantiam laycorum in quendam clericum de curia Colomanni regis, qui erat gratiosus apud eum, nomine Manases. qui consecratus a Summo Pontifice in ciuitate manebat et sepius in Hungariam proficiscendo regis curiam frequentabat.

Dederant autem Spalatenses regi Colomanno turrem orientalis anguli. rex autem posuerat ibi ducem quendam cum non parua militum manu, qui erat per Chroatiam exactor regalium tributorum.

Contigit autem eo tempore, ut idem dux uellet ciuitatem capere eamque totaliter depredari. habito itaque consilio, cum complicibus suis deliberatum est hoc non posse opportunius fieri, quam si uellet archiepiscopus huic consilio consentire. uocatus ergo

archiepiscopus uenit, consensum prebuit, diem statuit, ut, cum uniuersus populus ad solemnitatem consecrationis cuiusdam oratorii de more conflueret, Hungari, qui erant in turri, supergrederentur menia ciuitatis, ceteri uero, qui extra erant, uiso signo accederent, et sic ciuitas suorum effeta subsidio ciuium facile capi posse ostendit. et placuit duci consilium et cunctis collateralibus eius; et omnia sunt ad nutum presulis preparata.

Ea tempestate quidam egregie strenuitatis uir Adrianus nomine, Latinus gente, patria Triuisanus, erat comes rectorque fidelissimus ciuitatis. hic, magis suorum ciuium saluti et libertati consulens, quam proprie dignitati, tante fraudis nequitiam ciuibus patefecit, et mox ad solum patrie fugiens repedauit. Spalatenses uero facta sotietate cum Tragurinis et aliis Dalmatinis ponentes usquequaque custodias sibi tacite precauerunt.

Indicta igitur solempnitate consecrationis cuiusdam oratorii, quod erat in rupibus montis Kyrieleyson appellati, cuncti se ciuitatem simulauerunt exire, experiri uolentes, an uerum esset, quod eis predictus comes Adrianus patefecit secretum. protinus ergo circa horam tertiam ceperunt, qui in turri erant, tubas clangere, uexilla erigere, per menia ciuitatis diffundi. at uero Spalatenses, e latibulis exeuntes, concito gradu ad turrim currunt, ignem supponunt, menia supergressos precipitant. quotquot itaque in turri erant, partim fumo suffocati sunt, partim uero infelici saltu se ad terram miserunt. qui in ciuitate erant, gladio ceciderunt, qui autem ad eorum confluebant auxilium, ingenti pauore percuisi trepidi confusique fugerunt. uidens ergo archiepiscopus sue fraudis facinus denudatum magno confusionis pudore obductus ciuitatem exiuit nunquam postea reuersurus.

Quo fugiente dicitur uacasse ecclesia quam pluribus annis. interim autem Dabro Diti archidiaconus preerat capitulo, comes uero Cernecha ciuitatem regebat. isti ambo, ut ferunt, uno consilio prouentus ecclesie suis usibus retorquentes, electionem pontificis friuolis dilationibus subplantabant.

XIX.

DE EXEMPTIONE IADERENSIS ECCLESIE

Eo itaque tempore Micha episcopus, Caloprestancii filius, preerat ecclesie Iaderensi. huic promittebat Dabro archidiaconus archiepiscopatum ecclesie Spalatensis. quam ob rem multa donaria et exenia consequeretur ab eo. sed quod ei de pontificatu Spalatino promiserat, nolebat ducere (ad) effectum. tunc instante episcopo promisit archidiaconus talique ipsum calliditate decept: statuit namque diem, qua Spalatum ueniens missam caneret, admonitionem faceret, ne tanto tempore sinerent suam ecclesiam pastore uiduatam manere. et inter hec uerba pollicitus est archidiaconus primam se uocem electionis de persona episcopi emisurum. quid plura? uenit episcopus, missam cecinit, admonitionem fecit; sed is, qui se in ipsius electionem proclamaturum promiserat, nichil dixit. uidens autem episcopus ab archidiacono sibi fore delusum, uehementer indignatus recessit proponens debitam subiectionem Spalatine metropoli subtrahere et ab ipsius iurisdictione se omnino eximere.

Defuncto tandem Micha episcopo successit alter in ecclesia Iaderensi, qui decessoris sui sequens uestigia inobediens Spalatine ecclesie permansit.

Tunc Spalatenses elegerunt quemdam Gregorium clericum Iaderensem. ipse edificari fecit ecclesiam Sancti Iohannis, que est capella curie. sed antequam munus consecrationis suscepisset, morte preuentus est.

Erat autem eo tempore Gaudius clericus, natione Spalatensis, plebanus ecclesie Sancte Anastasie, eleganti statura, et inter ceteros litteratior habebatur. erat autem filius Cotini, nepos Carocule, potens homo, multorum enim erat cognatorum et affinium populositate predictus. hic ergo Spalatine ecclesie archiepiscopus est effectus. plebanatum uero ecclesie Sancte Anastasie contulit nepoti suo Madio primicerio, fratri Iohannis Mesagali(n)a, quia patronatus iure spectabat ad eum.

Fuit autem Gaudius iste gratiosus satis apud reges Hungarie, quippe ut elatus homo eorum curias frequentabat. ordinatus fuit anno Domini millesimo centesimo tricesimo sexto, tempore Cerneche comitis. uixit autem in pontificatus culmine fere XL annis.

Factum est autem, ut Dessa Macarelli Traguriensi foret ecclesie in episcopum consecrandus. uocauit ergo archiepiscopus ad consecrationem celebrandam secum dumtaxat episcopum Chroatensem. qui ueniens et uidens processum archiepiscopi contra canonicas institutiones fieri, prohibuit eum, dicens: 'non debet archiepiscopus cum uno episcopo solummodo electo consecrationis munus impendere'. Gaudius uero tante simplicitatis, immo temeritatis erat, ut diceret: 'quia pallium michi est loco alterius episcopi'. tunc episcopus Chroatensis, utpote uir discretus et cautus, uolens honoris sui euitare periculum, ascendit in ambonem et coram omni populo protestatus est, quod non uoluntarius, sed inuitus et coactus metropolitano suo in hac parte parebat. tandem consecratione huiusmodi celebrata, protinus apud Sedem Apostolicam factum Gaudii archiepiscopi diuulgatum est. Summus uero Pontifex misso apochrisario suo iussit tam archiepiscopum, qui ordinauerat, quam episcopum, qui ordinatus fuerat, ab administratione suorum ordinum perpetuo amoueri; episcopum uero, qui protestationem fecerat, decreuit a culpa fuisse immunem. quod et factum est.

Post hec idem archiepiscopus longa paralis egritudine dissolutus apud monasterium Sancti Benedicti diu iacuit.

Sed eo adhuc uiuente subrogatus est alius archiepiscopus Absalon nomine, Hungarus natione. quo defuncto tertius quoque substitutus est archiepiscopus Petrus Lombardus, qui, cum ad eundem Gaudium gratia uisitationis accederet, uidit eum adhuc episcopalem anulum gestare in digito, quam ob rem uehementer eum redarguens extraxit anulum de eius digito et abscessit.

Fuit autem Petrus iste primo episcopus Narniensis, uir magne scientie et bonorum morum actibus decoratus. erat autem precipue eruditus in scientia phisicali, ita ut respiciendo in faciem sani hominis prenosceret, quo egritudinis genere et quo foret tempore inuadendus, quoque medele antidoto posset languoris euitare discrimen.

Hic itaque, cum aliquot annorum curriculis Salomitane feliciter profuisset ecclesie, profectus in Hungariam mortis debitum soluit, sepultusque est in ecclesia Sancte Marie in Alba. ob cuius laudabilis uite conuersationem in magna ueneratione ab incolis regionis illius eius tumulus habebatur.

XX.

DE EPISCOPATV FARENSE

Interea, uacante ecclesia Iaderensi, tres eiusdem ecclesie clerici ad pontificatus honorem certatim aspirabant, uidelicet Lampredius Marichne, Petrus Camasii et Martinus Manzaiuni. comes uero ciuitatis erat eo tempore Petrana. hic cepit fouere partem Lampredii, sperans se cum eo suauius uiuere, eo, quod nec ipse per se superbus nec erat de superbo sanguine procreatus. tandem Lampredius iste Iaderensis episcopus est effectus.

Iste primus sub patriarcha Gradensi pallium optinuit ab Anastasio Papa anno Domini millesimo CXLV. erat eo tempore quidam Lucarus filius Duimi Cicle archidiaconus ecclesie Spalatensis. hic, dolens, quod Iaderenses a Salonitana metropoli se eximere laborabant, petiit a clero et populo consilium et expensas, promittens se in persona propria ad Sedem Apostolicam accessurum et priuilegium Salonitane ecclesie contra Iaderensium molimina allegaturum. sed tanta erat inuidia contra archidiaconum supradictum, ut non acquiescerent dictis eius, immo absque omni pudore in faciem ei responderunt, dicentes: 'nolumus, quod aliquid boni per te lucretur ecclesia Spalatensis'. ad hanc responsionem perturbatus archidiaconus siluit nec de facto huiusmodi se ulterius intromisit. et quia tunc uacabat archiepiscopo ecclesia Spalatensis, facile Iaderenses sine contradictore potuerunt exemptionem sue ecclesie optinere.

Istis uero temporibus, sicut ab antiquo, insule Faron et Bratia erant dioceses ecclesie Spalatensis; archipresbiter uero erat in eis quidam Cernata sacerdos capellanus de Spalato. predicti autem clerici, qui ad episcopatum anhelauerant, ceperunt inimicari comiti ob fauorem Lampredii. qui, uolens eos sibi pacatos efficere, uni consensit episcopatum Apsarensem, quem cum duobus aliis episcopatibus, scilicet Veglensi et Arbeni, a subiectione Spalatine ecclesie subtraxerant; Martinum uero fecit eligi ab insularis, expulso archipresbitero ecclesie Spalatensis; nam comes predictus cum Venetis earundem occupauerat dominium insularum. et quamuis Martinus potestate Iaderensis comitis fuisset electus, noluit tamen Iadere consecrari, sed profectus Ragusium consecrationem suscepit ab Andrea archiepiscopo Ragusino et ab episcopis Dulcinensi et Suacensi. et nullam subiectionem faciebat Iaderensi ecclesie, sed Spalateni debitam reuerentiam exhibebat quandoque.

Vacante autem tunc temporis ecclesia Spalatensi quidam cardinalis, uir magne auctoritatis et eximie honestatis, per totum regnum Hungarie legationis officio fungebatur. hic cum non modicam fecisset moram Spalati residendo, effectus erat familiaris omnibus et amicus; singulos enim pro meritis caritatis uiscere confouebat. factum est autem, ut eo tempore congregaretur clerus Spalatensis ecclesie pro archiepiscopo eligendo. et tandem premisso tractatu de electione cuiusdam in archiepiscopum, uir moris est, omnium uota in personam eiusdem cardinalis concorditer conuenerunt. itaque electionis solempnitate deuote ab omnibus celebrata protinus Iohannes comes, coadunata populari multitudine, sicut solet interdum laicalis ruditas, notos contempnere, ignotos appetere, certa respuere, incerta diligere, — ueniunt ad eundem legatum, labris ex ira trementibus clamorisque uocibus. et tunc concionari incipiunt dicentes, quod alias eum diligerent et uellent per omnia reuereri, sed non consentiunt, ut eorum archiepiscopus efficiatur. tunc subridens cardinalis benigna eos allocutione sedauit, dicens: 'uiri

Spalatenses, non conuenit sapientibus pro nichilo concitare tumultum et, quasi aliquid foret grande scelus admissum, in tante seditionis scandalum tam facile prosilire. nam super electionis facto, unde nunc turbulentis animis accessistis, oportet uos esse placatos, quia mea uoluntas magis concordat uobiscum, qui non uultis, quam cum clericorum uotis, qui me in suum desiderant pontificem promouere; nec tamen propter uestras uoces electionem hanc respuo, sed quia maioris apud Deum meriti existimo hec esse 'Vniuersalis Ecclesie negotia, que exequenda comporto'. ad clerumque conuersus ait: 'quia me sincero affectu diligitis, gratias refero, electionem autem uestram in alium transferatis'. post hec cardinalis iste reuersus ad Curiam transactis aliquot annorum curriculis Summus Pontifex est effectus, nomenque ipsius fuit Gregorius Octauus.

Temporibus autem Domini Alexandri Pape Tercii miserunt ad eum Spalatenses clerici humiliter postulantes, ut pastorem eis concedere dignaretur. qui eorum petitioni benigne annuens direxit eis Girardum patria Veronensem et Curie capellanum. qui ab eodem Summo Pontifice consecratus ualde honeste decenterque accessit ad regimen ecclesie Spalatensis.

Eo tempore Spalatenses et tota pene Dalmatia subiecerunt se Constantinopolitano imperio. quam ob rem Spalatini ciues ceperunt rogare Girardum archiepiscopum, ut ad urbem regiam proficiscens fidem pro se et pro ciuibus Imperatorie Celsitudini iure iurando firmaret. sed cum nollet acquiescere propter mandatum papale, ciuesque instando quasi uim facerent, uenerabilis Girardus ad Alexandrum Papam se contulit, petens ab eo consilium, quid super facto huiusmodi sibi foret agendum. Dominus uero Papa, ipsius indebite molestationi compatiens, prefecit eum ecclesie Sipontine, retenta nihilominus administratione ecclesie Spalatine.

Fuit autem his fere temporibus quidam Chrouatorum dux nomine Reles, uir potens et ferox nimis. hic, quia Spalatensi ciuitati preesse ardentissime cupiebat, ciues eius nunc promissis sollicitans, nunc minis terrens laborabat multifarie, ut se assumerent in rectorem. sed Spalatenses nullatenus flectebantur, detestantes prorsus regimen uiri Sclauigene experiri. tunc dux ipse cepit palam aggredi ciuitatem, bellum inferens ualde durum ita, ut usque ad muros armatis equitum cuneis appropinquans multas hominum et animalium predas agebat. Spalatenses uero, exire contra tantam armatorum multitudinem non presumentes, sese intra menia tuebantur, aliquotiens uero clanculo exeuntes, hostes, ut poterant, offendebant. factum est autem, ut tempore quodam dux Reles coadunato grandi exercitu castra posuit e regione ciuitatis cepitque succidere uineas et arbores quasque fructiferas detruncare. tunc Spalatenses tristes et gemebundi, sua dampna eminus inspectantes, miserunt ad ducem nuntios uerbis pacificis postulantes, ut a tanta Spalatensium uexatione cessaret et cum eis amicabiliter de pacis compositione tractaret. ipse autem, ut erat peruerse mentis homo multoque intumesceret superbie fastu, talia nuntiis uerba respondit: 'non cessabo, donec omnes uinetas uestras ita prosternam, ut tantum uini non inferatur in ciuitatem, quantum poni possit in calice ad ministerium unius misse'. reuersi autem nuntii retulerunt ciuibus tristia ducis responsa. at illi suspicientes ad celum dixerunt: 'Deus Omnipotens, superbie detestator, contere illorum arrogantiam nostramque afflictionem, quam ab eis iniuste patimur, misericorditer intueri'. modico autem dierum transacto spatio, et ecce dux ipse, ut erat solitus, uenit cum magno armorum strepitu et appropinquans usque ad menia ciuitatis insultansque armis et uocibus ciues anxios et tremebundos ad prelium prouocabat.

mox autem quidam audacie spiritus incalescere cepit cordibus Latinorum, et arreptis subito armis per portas constipatim erumpunt et, diuinum inuocantes auxilium, binas acies instruunt. tunc duobus probioribus duo dantes uexilla, preceperunt omnibus armatis, ut altera pars unum, altera uexillum alterum sequeretur. hortantesque se ad inuicem protinus se hostibus ostenderunt. uidentes autem Sclaui ex insolito Latinos ex suis latebris exisse multum leti effecti statim ad eos aties dirigunt. nostri uero, ut erant premoniti, una pars paulatim hostibus a facie appropinquant, altera uero pars a tergo girantes ex insidiis speculantur. tunc conserentes inter se manus ceperunt fortiter preliari. subito autem hi, qui erant in insidiis, prodeuntes ad auxilium suorum accurrunt. at uero senes per plateam oberrantes supplices manus tendebant ad celum, mulieres uero, pueri et puelle prospicientes per muros ingenti pauore animis palpitabant. sacerdotes et claustrales in ecclesiis prostrati diuinum adiutorium implorabant. et ecce nutu Dei dux ipse superbus primus iaculo cecidit. et statim dissolute sunt aties eorum; et coram nostrorum gladiis fugientes, passim per campos prostrati sunt; corruique multitudo ex ipsis. tunc Spalatenses de suis hostibus patrata uictoria cum gaudio redeuntes amputauerunt caput ipsius nequissimi ducis et in posturio suspenderunt. et sic pestis illa quieuit.

XXI.

DE RAYNERIO ARCHIEPISCOPO

Mortuo tandem bone memorie Girardo archiepiscopo in hoc totius ecclesie Spalatine resedit consilium, ut neminem eligerent, sed a Sede Apostolica pastorem ydoneum postularent. tunc miserunt legatos suos ad Curiam sacerdotem quendam Ionium sacristam et quendam alium. qui accedentes ad pedes Domini Alexandri Pape petitionem Spalatensis ecclesie humiliter porlexerunt.

Erat autem tunc temporis magna controuersia inter clericos Callenses Tuscie ciuitatis ex una parte et Raynerium eorum episcopum ex parte altera, super quibusdam iuribus ecclesie ipsorum, steterantque ambe partes diu in Curia implacabiliter litigantes. cumque non posset inter eos tumultus huius discordia mitigari, Dominus Papa hanc uiam inuenire uoluit, fomitem tanti rancoris utiliter extinguendi. itaque absolut Raynerium ab administrationis uinculo, quo Callensi ecclesie fuerat alligatus, et, quia sciebat eum uirum ualde habilem regimini pastorali, uocatis ecclesie Spalatine nuntius dedit ipsum illis in patrem et pastorem sue ecclesie deducendum. tunc clerici Callenses, licet ipsum odiis et uexationibus prosecuti fuissent, multum tamen tristes de ammisso pastore effecti ad propria sunt reuersi.

Raynerius autem suscepto dignitatis pallio gaudens et letus cum nostris nuntius iter arripuit ueniendi. descenderunt ergo Rauennam. habebat autem Raynerius archiepiscopus uasa argentea non modica, pecuniam et indumenta pontificalia pretiosa. cum autem timerent in mari latrocinia piratarum, noluerunt predictas opes secum in nauis portare, sed includens eas archiepiscopus in quodam dolio recomendauit seruandas apud Sancte Marie monasterium de portu Rauennate, mandans, ut nulli hominum illud depositum traderetur, nisi ad manus cuiusdam seruientis sui, quem eis presentem ostendit. tunc conscendentes nauem profecti sunt.

Cum autem peruenerint ad ciuitatem, cum magno tripudio cleri populique susceptus est. cepit autem ecclesiam multa prudentia gubernare, emendare clericos, populum instruere salubribus documentis, facultates ecclesie uigilanti studio ampliari.

Sed nunc ad Martinum episcopum insularum redeundum est. hic cum esset senex, quadam ualitudine comprehensus quasi amens effectus erat. insulani uero, eius amantiam non ferentes, expulerunt eum et, accedentes ad ecclesiam Spalatensem, elegerunt Lucarum, filium Duimi Cicle, archidiaconum eiusdem ecclesie. qui presentatus Raynerio archiepiscopo consecratus est ab eodem.

Per idem fere tempus Dominus Alexander Papa tempore scismatis nauigauit ab Apulia et uenit ad insulam Lissam. statim autem, ut presensit Raynerius archiepiscopus, preparatis nauibus multis, cum magno comitatu cleri et nobilium ciuitatis uenit ad eum, defferens ei cibaria et exenia multa. temptabat rogare ipsum, ut ad Spalatensem urbem, que prope erat, diuertere dignaretur, sed non acquieuit Papa; festinabat enim ire Venetias ad componendum cum Frederico Imperatore. nauigauit ergo inde et uenit Iaderam. fuit autem Raynerius archiepiscopus cum eo.

Tunc Martinus insularum episcopus recuperata sanitate iam compos mentis effectus querelam Domino Pape de sua expulsionem et de Lucari intrusionem deposuit. Summus uero Pontifex auditis et cognitis cause meritis Lucarum deposuit, Martinum uero ad suam sedem remisit.

Eo tempore Emanuel inclite memorie apud Constantinopolim imperabat; tota autem Dalmatia et pene Croatia uniuersa subiecta erat principatui eius. ipse autem erat benignissimus circa omnes sibi subiectos, non tributorum exactor, sed diuitiarum suarum liberalissimus distributor. omnes ad se uenientes honorabat, omnibus impensas ex fisco regio exhibebat. recepta etiam computatione capitum ciuitatis Spalatensis mittebat stipendia omnibus, infantibus etiam in cuna iacentibus singulos aureos dari faciebat. mittebat autem duces suos cum magno apparatu armorum, portantes pro sumptibus pecuniam copiosam, qui ueniebant et tenebant ciuitates maritimas et magnam Croatiae partem.

Itaque Spalatenses rogauerunt Raynerium archiepiscopum, ut pergeret Constantinopolim ad imperialem Curiam uisitandam. qui gratanti animo acquiescens associatis sibi aliquot de nobilibus ciuitatis Constantinopolim profectus est ingressusque ad Emanuhelem Imperatorem ipsumque ex parte suorum ciuium multum reuerenter salutans ualde honorifice ab Imperatore susceptus est; et quandiu ibi mansit, satis uenerabiliter impensis ex Curia affluenter procuratus est. cum autem redeundi licentiam a Principe postulasset, donauit ei munera pretiosa satis et non pauca. sicque ad ecclesiam suam gaudens et locuples est reuersus. fuit autem Raynerius uir ualde constans et intrepidus nec patiebatur aliquid de iuribus et facultatibus.

Vnde factum est, ut quodam tempore iret ad montem Massarum, ut exquireret quedam predia ecclesie, que a Sclauis occupata detinebantur. et cum faceret circuitum cum his, qui terrarum illarum habebant notitiam, ambiendo et limitando eas per suas extremitates: ecce, Nicolaus quidam cum fratribus et parentella sua, qui erant ex genere Cacitorum, de facto archiepiscopi ualde dolere cepit. et conuocata populari multitudine in magno furoris impetu Raynerium circumdantes exclamauerunt: 'quid tu, pessime presul et inique, contra nos agere conaris? nunquid putas posse nos ecicere de possessionibus territorii patrum et antecessorum nostrorum? nisi in continenti recedas, hic, hic dies uite tue ultimus erit'. Raynerius autem, ut erat constantissimus, nil eorum minis perterritus, libera

et intensa satis uoce respondit dicens: 'non uestrum est territorium, ut asseritis, sed possessio ecclesie Beati Domnii, a uobis hactenus usurpata'. ad hanc uocem omnis multitudo Sclauorum arreptis lapidibus in eum unanimiter proiecerunt, tamdiu dextris furrentibus debachantes, donec exanime corpus sub magno aceruo lapidum dimitterent et abirent.

Viri autem illi, qui presulem fuerant comitati, uidentes Sclauorum rabiem in eius fore morte succensam, cucurrerunt ad ciuitatem tantum malum ciuibus nuntiantes. ciues autem subitaneo rumore attoniti repente ad arma concurrunt, et alii quidem per mare, alii per terram ad montem Crassum, ubi scelus perpetratum fuerat, uenire accelerant propter. ut autem peruenerunt ad locum, ecce pontifex miserandus sub illa lapidum congerie quasi tumulatus iacebat, hostes omnes recesserat. tunc extrahentes eum nauique extincta imponentes membra cum magno luctu et merore ad ciuitatem duxerunt. clerus autem preparatis de more solempnibus exequiis una cum populo extulerunt corpus pontificis et sepelierunt eum in ecclesia Sancti Benedicti.

Erat autem eo tempore sacerdos quidam nomine Micha. hic, cum de suis excessibus a predicto antistite sepe argueretur, in magnum exarserat odium contra eum; non enim erat homo, qui de correctione proficeret in melius, sed qui deficeret in deterius. hic ergo, uidens, quod mortuus erat insectator uitiorum suorum, letus effectus est; et quasi insultans morti eius dixit quibusdam complicitibus suis: 'date mihi potum aque, ut possim dicere, quia superstes sum illi maligno presuli, qui me quiescere non sinebat'. et cum datam aquam ex uoto bibisset, ita quasi miraculose contigit, ac si uenenum pro aqua illa bibisset: statim se iecit in lectum, a quo numquam surrexit, sed paulo post uita decessit.

Spalatenses autem facta inquisitione de interfecto archiepiscopi aliquos inuenerunt, quos statim patibulis suspenderunt. sed Deus omnipotens non diu permisit tam nefarium scelus sine manifesta ultione manere; nam quotquot in effusionem innocentis sanguinis impias extenderunt manus, post modicum tempus alii fame, alii gladio, alii peste cum sua posteritate consumpti sunt.

Obiit autem uenerabilis Raynerius pridie Nonas Augusti, anno Domini millesimo centesimo octogesimo. prefuit uero ecclesie annis quinque.

Post cuius decessum Spalatenses rogauerunt seruientem eius, quatenus Rauennam pergeret depositumque archiepiscopi ad ecclesiam Spalatensem deferret. ipse autem, cum esset fidelis et bonus, acquieuit ciuibus et preparato nauigio perrexit Rauennam. miserunt autem cum ipso quendam clericum nomine Raddam Marule. tunc ostenderunt depositariis quedam intersignia archiepiscopi. et quia ille idem erat, ad cuius manus depositum illud iusserat archiepiscopus tradi, reddiderunt totum illud dolium, in quo fuerant opes ille reclusae. receptis uero omnibus reuersi sunt. de rebus itaque illis quedam ecclesie date sunt, de aliis fecit comunitas uoluntatem suam.

XXII.

DE PETRO ET ALTERO PETRO ARCHIEPISCOPIIS

Post mortem uero Emanuelis Imperatoris, cum redissent Spalatenses ad dominium Hungarorum, electio facta est de quodam Petro Hungaro, filio Chitilen, qui erat nobili genere ortus.

Cum ergo consecrationis munus fuisset adeptus, primo pontificatus sui anno conuocauit uniuersos episcopos suffraganeos suos, abbates etiam et omnes ecclesie personatus, habentes cum uniuerso clero. et celebrauit prouincialem synodum in basilica Sancti Andree, que dicitur Picta. in hac synodo multa bona fuerunt statuta. tunc limitate fuerunt dioceses cuiuslibet episcopatus. Corbauia cum esset parochia ecclesie Spalatensis, uoluit eam archiepiscopus sibi detrahare et in ea episcopatum facere metropoli Spalatine subiectum; quod et factum est. nam ex uoluntate cleri illius prouincie, qui ad synodum uenerant, ordinatus est primus episcopus Corbauie Matheus Maurute, canonicus ecclesie Sancti Domnii, iuuenis quidem etate, sed honeste conuersationis et sobrie uite. denique, peracto synodali conuentu, quecunque ibi statuta fuerunt, apostolicis sunt auribus intimata. Dominus uero Papa, approbans uniuersa, pondus auctoritatis Romane Ecclesie eis imprimens confirmauit.

Igitur Petrus archiepiscopus, modum pontificalis acrimonie paulisper excedens, cepit cum canonicis ecclesie sue contentiose agere; uolebat enim quedam iura eorum infringere. propter quod ambe partes multum exasperate ad Romanam se Curiam contulerunt. cumque causam huiusmodi apostolico conspectui presentassent, quidam de cardinalibus auditor partibus datus fuit. uentilatis ergo questionibus utrorumque pax et compositio inter ipsos reformata est. et sic ad propria sunt reuersi.

Post modicum uero temporis Petrus archiepiscopus in Hungariam profectus nescio qua causa ad archiepiscopatum Colocensis ecclesie translatus est. prefuit autem ecclesie Spalatine annis duobus.

Huic successit alter Petrus abbas Sancti Martini de Pannonia, uixitque in pontificatu Spalatine sedis annis quinque.

His temporibus defuncto Martino insularum episcopo Nicolaus Manzauiini, nepos eius, ambitionis ardore succensus tantum sollicitauerat insulanos, quod ab eis in episcopum est electus. presentatus ergo Spalatensi archiepiscopo manus consecrationis sibi postulabat imponi, archipresul uero, eius deuitans uersutias, sciens eum callidum et dolosum, minime admittebat. tandem, instantia ciuium superatus, promisit se die dominica, que crastino futura erat, eorum satisfacere uoluntati. Nicolaus uero, indigne ferens dilationem archiepiscopi, ipsa nocte iter arripiens, perexit Veronam, ibique Dominum Papam Lucium quibusdam machinationibus circumueniens consecrationem ab eo petiit et accepit.

Vacante autem ecclesia Iaderensi Nicolaus iste in archiepiscopum est electus. qui electionem temere suscipiens absque licentia Apostolice Sedis administrationi Iaderensi(s) ecclesie se impudenter impersit. quam ob rem Dominus Innocentius Papa eum utraque dignitate priuauit.

Insulani uero Spalatam accedentes elegerunt in suum episcopum Micham nepotem Picii, canonicum ecclesie Spalatensis. hic in ecclesia Spalatina consecrationem suscepit et, pergens ad Apostolice Sedis Presulem, confirmationis rescriptum optinuit, ut deinceps episcopatus Farenis antique metropoli Spalatine, tanquam matri sue, iure perpetuo adhereret.

XXIII.

DE BERNARDO ARCHIEPISCOPO

Eo tempore illustris uir Bela Hungarie rex missis apochrissariis ad Apostolicam Sedem supplicauit Domino Pape Innocentio, ut iuberet reliquias Beati Vladislai regis

subleuari et in loco decentiori componi ac ipsum in Sanctorum cathologo decerneret ascribendum. cuius petitioni Summus Pontifex annuit et misit quendam uirum reuerendissimum Gregorium de Crescentio cardinalem, ut uoluntati regie satisfaceret condecenter. tunc cardinalis apostolica legatione suscepta transfretauit et uenit in partes Dalmatie applicuitque Tragurium. et quia hyemis adhuc asperitas imminebat, uoluit ibidem per totam quadragesimam commorari. erat autem in comitatu eius clericus quidam capellanus ipsius Bernardus nomine, de prouincia Thuscie, patria Perusinus, uir litteratus et eloquens, statura procerus. hic quia frequenter in Hungariam fuerat missus, notus erat effectus regi Bele, gratiamque ipsius et multorum principum et prelatorum Hungarie habebat ita, ut rex ipse filium suum Henricum ei nutriendum traderet et docendum. cum ergo legatus in Hungariam profectus legationis sue peregisset officium, ad propria reuersus est.

Itaque uacante ecclesia Spalatensi elegerunt Bernardum in archiepiscopum suum; et quia regi carus erat, sperabant propter ipsum ciuitati et ecclesie multa commoda prouenire. ergo fauore regio petito et facile optento miserunt Romam ad Dominum Innocentium Tertium petentes, ut electionem factam de Bernardo dignanter admittens consecrationis ei munus impenderet ipsumque ad regimen Spalatine ecclesie salubriter destinaret. fuerunt autem nuntii Spalatensium Vilcasius diaconus et Duimus nepos Gumay laycus. sed non libenter Summus Pontifex petitionem huiusmodi admittebat, quin immo satis euidentiibus inditiis dissuadere eorum desideriis uidebatur. sed tanta fuit precum instantia, quod ad ultimum acquieuit; precepit tamen eidem Bernardo, ut expeteret licentiam ab abbate M. monasterii Sancte M. de Farneto Clusinensis diocesis, cui professionem fecerat regularem, et resumeret habitum quem reiecerat monachalem. quod et factum est. tunc consecratus est ab Innocentio. anno Domini millesimo ducentesimo uenit Spalatum satisque uigilanter cepit curam pastoralis officii circa subiectos impendere.

Erat autem insectator hereticorum ualde sollicitus. fuerunt namque eo tempore duo fratres, filii Zorobabel, quorum alter Matheus, alter uero Aristodius uocabatur. hi, quamuis essent ex patre Appulo, erant tamen a pueritia Iaderenses ciues effecti. conuersabantur uero ex maiori parte apud Bosnam, quia erant pictores optimi et in aurifabrilis arte satis exercitati; competenter etiam Latine et Sclauonice litterature habebant peritiam. sed ita erant fallente diabolo in baratrum heretice pestis immersi, ut non solum impiam heresim obcecano corde crederent, sed etiam scelestis labiis predicarent. hos inuenit Bernardus Spalati commorantes multosque iam pestiferi dogmatis tabe ab eis infectos. cepit ergo paulatim eos ad catholicam normam miti sermone allicere, frequenter eos conuocans, frequenter exhortans. sed cum illi heretica calliditate tergiuersantes dissimularent conuerti, statim archiepiscopus fecit omnia bona eorum diripi eosque anathematis uinculo innodatos cum magno opprobrio de ciuitate expelli. tunc predicti fratres uidentes se maximis iniuriis dampnisque affectos ad mandatum Ecclesie sunt reuersi fecitque eos archiepiscopus suam heresim tactis Sacrosanctis Euangeliiis abiurare ipsosque ab excommunicationis nexu debita solempnitate expediens ipsorum bona restituit fecit. sic autem omnes illi, qui per ipsos decepti fuerant, ab heretica sunt contagione mundati.

Eo tempore, mortuo rege Bela, Henricus filius eius in solio regni successit. quam ob rem Bernardus archiepiscopus frequentius in Hungariam profectus multum honorifice tractabatur a rege multaque donaria consequebatur ab ipso. quasi patrem enim rex eum uenerabatur et, quicquid ab eo archiepiscopus poposcerat, absque aliqua difficul-

tate impetrabat. ad ipsius ergo petitionem donauit rex ecclesie Sancti Domnii sextariolos molendinorum Salonitani fluminis, qui septimanaliter pertinebant ad banum.

Cum autem rex Henricus haberet filium paruulum cuperetque eum regni successorem habere, uoluit eum se uiuente in regem inungi. inuitatus autem Bernardus a rege in Hungariam est profectus ibique cum aliis prelatiis ecclesiarum regni Hungarie, qui ad solempnitatem iocunditatis regie confluerant, regis filium coronauit multisque a rege honoratus muneribus ad ecclesiam suam reuersus est.

Et tempore facta est dissensio inter Henricum regem et Andream ducem, fratrem eius; fugatusque est bis Andreas ad maritimas regiones; cui Bernardus archiepiscopus satis bene et honeste obsecutus est. post hec eo in Hungariam regresso maior cepit inter fratres discordiarum tumultus insurgere. omnes enim regni proceres et uniuersa pene totius Hungarici exercitus multitudo regem deseruerant et Andree duci non legitime adhibebant. cum rege autem pauci admodum remanserant, et ipsi, tante seditionis metu perterriti, non regem ad sperandum hortari audebant, sed fugam potius suadebant. factum est autem, ut die quadam ambe partes sibi comminus propinquantes ad conflictum ineundum se sollicitate prepararent; sed cum pars regis fere nulla esset comparatione alterius, cepit plurimum anxari, huc illucque mentem exagitans, querebat, quale consilium in tanto discrimine reperiret. et tandem, celitus inspiratus, multum solerti industria utilem uiam inuenit, qua et regni iura resumeret, et ab effusione sanguinis innoxius permaneret. tunc ait ad suos: 'nolite me sequi, sed paulisper subsistite', moxque depositis armis accepit dumtaxat uirgam in manu et ingressus leniter in agmina hostium ibat per mediam armorum multitudinem, intensa uoce clamando: 'nunc uidebo, quis erit ausus manum extendere ad cruorem regalis prosapie'. quem uidentes omnes cedebant, nichilque mutire audentes largam ei uiam hinc inde faciebant. cum autem peruenisset ad fratrem, cepit eum et, ducens extra aties, misit eum in custodiam ad quoddam castrum. et tunc omnes arma cum pudore et pauore deponentes ad regis genua prouoluti ueniam precabantur. rex autem, ut erat clementissimus, uniuersos ad gratiam suscepit.

Post hec autem non toto transacto anni spatio rex Henricus insanabile genus languoris incurrit. cum ergo sciret diem sibi instare extremum, misit cum omni celeritate et fratrem suum fecit educi de custodia et ad se adduci. qui cum presens adesset, rex coram eo testamentum condidit, committens ei tutelam filii sui cum administratione totius regni, donec pupillus ad legitimam peruenisset etatem. et sic Henricus rex mortis debitum soluit; modicoque post hec transcurso dierum spatio etiam ille unicus eius paruulus morte extinctus est.

Tunc Andreas, uidens in se solum totius regni fore iura transducta, fecit se coronari a prelatiis Hungarie uniuersis. misit autem et uocauit Bernardum archiepiscopum Spalatensem, ut ad solempnitatem regie unctionis accederet. sed Bernardus, extimans puerum, Henrici regis filium, adhuc uiuere, ad conuocationem regiam ire, neglexit. propter quod rex non satis digne tulit archiepiscopi neglectum.

XXIV.

DE PRIMA CAPTIONE IADERE

Et itaque tempore processit edictum a Domino Innocentio Summo Pontifice, ut omnes Christiani ad succursum terre sancte se potenter accingerent; fecitque indulgentiam omnium peccatorum, quoscumque ibi pro spe uite eterne mori contingeret.

Tunc totus pene orbis commotus est; et maxime de occiduis regionibus multitudo magna crucis suscepto caractere Venetias aduenerunt, petentes dari sibi passagium ex classe conductitia Venetorum. tunc inita pactione de quantitate pecunie pro nautis ac nauibus persoluenda Veneti eis expediuerunt quinquaginta galeas et totidem magnas naues ac totidem alias ad subuectionem equorum et uictualium et armorum. preter hec autem fuerunt et aliarum nauium expeditiones priuatim conductarum; factusque est stolus naualis, exercitus copiosus. hoc etiam Veneti conditionaliter Francigenis studuerunt apponere, ut, ubicumque ipsi uellent cum toto exercitu applicare, tenerentur ex pacto contra omnes homines Venetos adiuuare.

Erant autem eo tempore Iaderenses Venetis multum infesti. quacumque enim ex parte poterant, Venetos inuadebant, bona eorum diripientes, iniuriantes, trucidantes et, quicquid mali exercere ualebant in ipsos, totis uiribus conabantur. quippe, diuitiis affluentes, multa lasciuie insolentia raptabantur; erant enim superbia tumidi, potentia elati, de iniuriis gloriantes, de malitiis exultantes; deridebant inferiores, contempnebant superiores, nullos sibi fore pares credebant. et cum pluribus essent uitii deprauati, hoc etiam ad nequitie sue cumulum addiderunt, ut catholice fidei normam spernerent et heretica se permetterent tabe respergi. nam pene omnes, qui nobiliores et maiores Iadere censebantur, libenter recipiebant hereticos et fouebant.

Itaque uniuersa classium multitudo sustulerunt se a Venetiis anno Domini millesimo ducentesimo tertio, mense Octobri, et uenientes circa oras Ystrie intrauerunt in Dalmatiam applicueruntque prope Iaderensium ciuitatem.

Erant autem insigniores duces ipsius exercitus: ex parte Francorum quidam Symon comes de Monteforti, ex parte uero Venetorum erat dux Henricus Dandolus, uir ualde strenuus et circumspectus, qui, licet corporalibus oculis cecutiret, mente tamen satis nouerat perspicaciter intueri.

Igitur ubi se Iaderenses uiderunt ab exercitu circumuallari, timuerunt ualde, quid consultius agerent nescientes. e uestigio autem subsequuta est clades nimie mortalitatis ita, ut non tot uiui et sani in ciuitate restarent, qui sufficerent mortuos sepelire: iacebant miserorum cadauera in domibus et in ecclesiis inhumata, nesciebant miserandi ciues, quid potius, funerea an publica officia, procurarent. sicque factum est, ut infelix ciuitas suorum presidiiis indefensa in breui et de facili ab hostibus caperetur. die autem Sancti Grisogoni, qui apud illos celeberrimus habebatur, diuina ultio patuit super eos. nam Veneti tunc de ratibus egressi cateruatim in ciuitatem irruerunt, quam in momento captam et aliquandiu hospilatam, in recessu totam in solitudinem redegerunt. diruerunt enim omnes muros eius et turres per circuitum et uniuersas domos intrinsecus, nil nisi solas ecclesias relinquentes.

Inde autem recedens omnis illa classium multitudo perrexit Constantinopolim, et cepit eam.

Tunc Iaderenses, patria exules, ceperunt per mare discurrere, magnas Venetorum cedes, ubicumque eos inuadere poterant, facientes. at Veneti missis galeis et nauibus edificauerunt quoddam presidium in insula ante Iaderam, ubi plurima considens aties armatorum prohibebant Iaderenses ciuitatem ingredi, eos per mare undique insequentes.

His diebus aduenerunt decem galie Gagetanorum ad Dalmatie partes. tunc Bernardus archiepiscopus Spalatensis accedens ad eos locutus est cum eis, ut darent auxilium Iaderensibus contra Venetos, qui presidium insidebant. cum ergo Gagetani ar-

chiepiscopo acquiescerent facta pactione de stipendio percipiendo, abiit archiepiscopus Vranam et accepit quandam argenti quantitatem, quam rex apud templarios deposuerat; et soluto stipendio coadunauerunt se Iaderenses cum Gaetanis et abeuntes ceperunt pugnare fortiter cum Venetis, qui erant in castro. et tandem Veneti, impares uiribus, defecti iam et languentibus dextris, resistere nequiuerunt. tunc Iaderenses cum Gaetanis, potita uictoria, quotquot Venetos in castro illo inuenerunt, omnes gladio peremerunt, destructoque totius munitiois illius edificio Iaderam intrauerunt; et tunc ruinas domorum suarum, ut poterant, instaurantes habitauerunt in eis. miserunt autem Venetias et fecerunt pacem cum ipsis, iurantes eis subiectionem perpetuam et fidelitatis constantiam obseruare.

Eodem tempore uolentes Veneti de Bernardo archiepiscopo sumere ultionem, uenerunt cum galeis et destruxerunt turrinam cum Palatio, quam idem archiepiscopus construxerat in insula Hurania, que est ante Salonam. his ita gestis quedam controuersia cepit inter Bernadum archiepiscopum et eius canonicos agitari. erat enim archiepiscopus astutus et callidus, canonici uero simplices et incauti. cepit itaque uerbis blandis eos circumuenire, suadens, ut refutarent priuilegia iurium suorum, que olim facta fuerunt in Romana Curia sub archiepiscopo Petro, dicens ea falsa fore et friuola. et tunc fere omnes resignauerunt. erat enim eis largus in mensa, in munusculis liberalis et se familiarem ipsis plurimum exhibebat. sed Andreas primicerius, Cataldus et quidam alii duo resignationi huiusmodi nullatenus assenserunt. cum autem archiepiscopus a consueta munificentia paulisper manum retraheret, mox resignatores ipsi, ad se reuersi, penitere ceperunt et, accedentes ad predictos duos, qui non resignauerunt, adheserunt eis. tunc archiepiscopum adeuntes, cum magna instantia exposcunt iura sua sibi restitui. sed cum archiepiscopus denegaret, in tantum discordiarum excreuit procella, ut tam archiepiscopus quam canonici, ferre omnes, ad Romanam Curiam essent deuoluti. qui cum illuc pariter conuenissent, preparabant se mutuis accusationibus impetere, uerum antequam cause huiusmodi coram Summo Pontifice in iudicium deducte fuissent, amicis suadentibus et de pace consulentibus eorum sunt animi mitigati. nam archiepiscopus omnia ipsis restituit, et sic cum pacis gaudio ad propria sunt reuersi.

Fuit autem Bernardus uir scolasticus: triginta annis et eo amplius Bononie in scientiarum studiis fuerat commoratus, habuitque libros plurimos bonos et pretiosos, quos suis nepotibus largitus est; emitque eis magnum domicilium et turrinam iuxta portam Orientalem Perusine ciuitatis, satisque ditauit eos in uita sua. fecit autem quandam compilationem contra hereticos; composuit etiam librum sermonum. iste extraxit corpus Beati Anastasii ab altari ueteri et collocauit in eodem loco in altari nouo anno Domini millesimo CCIX.

Ordinauit autem uno die Iohannem nepotem Cucille Nonensem episcopum et Bartholomeum nepotem Titionis in episcopum Scardonensem. hi ambo erant Iaderenses; nec satis legitime in eorum fuerat promotione processum, quippe in etate et in scientia non modicum patiebantur defectum. unde, quia Bernardus non qua debuit circumspectione ad eorum examinationem processit nimisque festinanter manum eis imposuit, non sibi cessit impune. nam delatus apud Summum Pontificem canonica fuit animaduersione punitus. fecit autem Gruptium filium Prodani archidiaconum ecclesie Spalatine, archipresbyterum uero fecit eodem nomine Gruptium, nepotem Firme. hi ambo manebant in eius obsequio sequentes eum, quocumque pergebat. sed in con-

trouersia illa priuilegiorum recessit ab eo archidiaconus et cum capitulo stetit; quam ob rem non equis eum oculis archiepiscopus aspiciebat, sed mutuis se odiis insectabantur. archipresbyter uero perseueranti constantia adherebat eidem.

Eo tempore uacante ecclesia Traguriensi electus est Treguanus natione Tuscus, patria Florentinus. hic quia Bernardo archiepiscopo compatriota erat, duxit eum secum, ab Hungarie partibus mansitque cum eo aliquanto tempore docens Spalatenses clericos in grammatica facultate. cum ergo esset etate iuuenis, et in his, que ad litterature peritiam pertinent, ualde utilis haberetur, ciues Tragurienses petierunt eum a Bernardo archiepiscopo, ut pro eorum necessitatibus deberet cum eis aliquandiu commorari. quorum postulatione a Bernardo concessa abiit Treguanus Tragurium ibique cum ciuibus conuersando mutuuum contraxit amorem cum eis; factusque est primo eorum tabellio, postmodum archidiaconus, deinde in episcopum est electus. presentatus ergo Bernardo archiepiscopo munus ab eo consecrationis accepit. tunc demum cepit Traguriensem ecclesiam a rudimentis sue uetustatis ad nouam informationis normam paulatim reducere eamque ecclesiasticis instituere disciplinis. erat enim uir litteratus et eloquens, suaque uigilanti industria breui tempore fecit clerum et populum ciuitatis illius in bonum statum excrescere.

Per idem tempus uacante ecclesia Nonensi electus est quidam canonicus ecclesie Spalatensis Nicolaus nomine, quem archiepiscopus Bernardus admittere noluit, sed fecit eligi a Nonensibus supradictum Gruptium, archipresbyterum. sed quia canonici Spalatenses aduersabantur ei, partem Nicolai fouentes, non in ecclesia metropoli, ut mos est, eundem uoluit Gruptium consecrare, sed pergens Vranam apud ecclesiam templariorum consecrauit eum cum altero electo Tiniensi, nomine Micuso. qua de re magna fuit suborta contentio inter Nicolaum electum et Gruptium Nonensem episcopum, ita, ut distractis patrimoniis suis pro sumptibus in prosecutione causarum huiusmodi faciendis ambe partes ad magnam inopiam deuenirent.

Cum autem Bernardus archiepiscopus iam in senium uergeret, paralisis morbum incurrit adeo, ut trementibus membris elinguis efficeretur. et cum non posset uerbum nisi cum difficultate exprimere, flebat amare, quando aliqui ueniebant ad eum. sed, cum nondum fuisset ex toto ui languoris absor(p)tus, abiit Romam et interfuit concilio Domini Innocentii, quod apud Lateranum celebratum est. inde autem rediens, cum iam per omnia inutilis esset effectus, uix pauca uerba coram clero et populo proponere potuit; sed Treguanus episcopus Traguriensis uno et altero die aliquot capitula ipsius concilii perlegit et exposuit.

XXV.

DE PASSAGIO ANDREE REGIS

Per idem tempus Andreas, rex Hungarie, uotum patris exequi cupiens, crucis suscepto signaculo ad auxilium terre sancte iter arripuit profecturus. misit ergo, et conduxit naues magnas a Venetiis, ab Ancona et Iadera et ab aliis ciuitatibus Adriatici sinus; fecitque omnes applicare ad portum Spalatine ciuitatis. premisit autem omnem apparatus armorum et escarum in multitudine curruum et iumentorum. qui uenientes re-

pleuerunt omnia per circuitum ciuitatis. precessit autem regem et Hungaros ingens Saxonum multitudo, qui omnes pacifici et mansueti erant, cum deuotione ac desiderio nauigationem regiam prestolantes; omnes enim cruce signati erant. ad petitionem uero domini regis dederunt Spalatenses totum suburbium ad hospitium peregrinorum; exeuntes enim de domibus illis expeditas hospitibus dimiserunt. mox autem ita confertim replete sunt hominibus et iumentis, ut non pateret aditus transeundi. sed non eos suburbane domus capere potuerunt, licet constricti et constipati manerent; plurima uero pars totius comitatus regalis curie morabatur extra in tentoriis per campum diffusa. ciues uero alii pauebant, alii mirabantur inconuetam multitudinis frequentiam intuentes.

Itaque anno redemptionis nostre millesimo ducesimo septimo decimo Augusti uicesimo tertio die aduenit Andreas rex ad ciuitatem Spalatinam. exierunt autem processionaliter obuiam domino regi uniuersi ciues omnesque forenses totaque turba sui exercitus, laudes ei altis uocibus concrepantes. deinde clerus omnis (h)olosericus super comptas induti uestibus, cum crucibus et thuribulis procedentes usque postirium, prout regie magnificentie dignum erat pariter, concinebant. ipse uero illustris rex uiso processionis cetu solempni statim descendit de equo magnaue suorum principum uallatus caterua, tenentibus eum hinc inde episcopis, qui conuenerant, pedes usque ad ecclesiam Sancti Domnii processit. ubi celebrato missarum officio et data oblatione super altare, ad hospitium secessit. ea die communitas exhibuit regi affluentissimam procuracionem in domo, que dicitur Mata extra muros Aquilonaris porte. dicebatur autem tunc fuisse in comitatu regio plus quam ad decem millia equitum, excepta uulgari multitudine, que pene innumerabilis erat. tunc rex cepit magnam benignitatem erga Spalatenses ciues ostendere, ita, ut ipse ultro prouocaret eos ad petendum a se, quod eis ad publicum cederet commodum. uelle quippe regis erat, ut ad munimen ciuitatis sue reciperent castrum Clisse; uolebat nichilominis eis concedere comitatum insularum. sed Spalatenses, suo more ad publica nimis tardi, ad priuata commoda singuli intendebant. neglectis siquidem regalibus beneficiis, que eis pie et liberaliter concedebat rex, proprio clementie sue prouocatus affectu, noluit castrum illud committere alicui de proceribus, sciens, quia multa infestatio Spalatensibus ex illo castro procedat; sed accersito quodam Pontio, qui erat magister militie domus templi per regnum Hungarie, commisit ad manus eius custodiam et tutelam ipsius castri, precipiens, ut uicissim fratres sue religionis ibidem faceret insidere.

Cum autem Andreas rex aliquantam moram faceret preparando nauigium, Bernardus archiepiscopus mortis debitum soluit. sepultus uero est iuxta ecclesiam Sancti Domnii. protinus autem rex misit ad canonicos Spalatenses, rogans et consulens, ut eligerent de clericis, qui circa ipsum erant; maxime quidem instabat pro quodam Alexandro fisico, qui erat uir litteratus et honestus, per quem ecclesie poterant multa commoda prouenire. sed non fuit petitio regis admissa, quoniam aliorum tendebat intentio seniorum.

Interea rex naues ingressus dispositum arripuit iter; Spalatenses uero dederunt ei usque Diracchium duarum galearum conductum. non potuit rex tantum habere nauigium, quod sufficeret ad passagium omnibus cruce signatis; quam ob rem necessitate compulsi alii redierunt ad propria, alii uero expectauerunt usque ad annum sequentem.

Eodem tempore Stephanus dominus Seruie siue Rasie, qui mega iupanus appellabatur, missis apochrisariis ad Romanam Sedem impetrauit ab Honorio Summo Pontifice coronam regni. direxit namque legatum a latere suo, qui ueniens coronauit eum primumque regem constituit terre sue.

At rex Andreas, ad partes Syrie transuectus, magnum metum incusserat Saracenis. explicatis siquidem sue militie copiis abiit satis procul a regione maritima, expugnans castra et uillas, et obstantia queque conculcans. sed inuida fatorum series preclara principis prepediuit incepta nec bonos ipsius successus permisit ulterius progredi. ecce etenim nescio an suorum an extraneorum nefaria temeritas regis machinatur in mortem, impiaque manus diabolicis armata uersutis uenenatum ei haustum propinat; ex quo scelere uix mortis potuit periculum euitare. necdum uero sanitate ad integrum recuperata redeundi cepit habere propositum, uerens se suumque regnum in tantum precipitare discrimen, credensque de suo uoto pleniter Domino satisfactum, incipit cum omni comitatu suo ad patrie regredi fines. noluit autem ulterius marinis se committere casibus, sed per terram iter faciens uenit Antiochiam, deinde transiuit in Greciam, ubi affinitate contracta cum Lascaro rege Grecorum ultra progreditur. accepit enim filiam eius suo filio primogenito Bele in uxorem. exinde peragratis Gretie finibus ascendit in Bulgariam, ubi ab Oxano Bulgarorum rege detentus est, nec ante abire permissus, quam plenam ei securitatem faceret, quod ei suam filiam matrimonio copularet. sic autem Andreas rex peregrinationis sue completo itinere ad sua regna reuersus est. nos uero his breuiter prelibatis ad materiam redeamus.

XXVI.

DE PROMOTIONE GVNCELLI

Erant autem tunc temporis maiores in capitulo Spalatensi Gruptius filius Prodani archidiaconus et Cataldus filius Formini, et quidam alii pauci. hos, quia digniores et maturiores erant, ceteri canonici sequebantur. sed de substituendo pontifice non bene cogitabant hi duo, quia non recte emulationis compede trahebantur. aiebant enim plerique ad inuicem: 'quam quietius et utilius se res nostre haberent, si ecclesia sic sine pastore maneret, quam si subrogabitur aliquis, qui uitam nostram uexabit, super nos dominium exercebit'. itaque, cum aliqua fiebat mentio de electione facienda, ipsi astuta cauillatione uoces murmurantium comprimebant. simulabant enim se uelle eligere et nominabant pueros filios nobilium de Hungaria, qui etatis imbecillitate ad pastorale fastigium prouehi non ualebant; occasiones subdolas pretendentes, dicebant utile fore ecclesie et ciuitati, si tales habuerimus principes in regis curia protectores.

Cum ergo his malignis dilationibus ecclesia Spalatensis foret iam biennio supplantata, diaconus quidam Petrus nomine erat ualde curiosus et impatiens. hic, cum esset de humili genere oriundus, non audebat se palam opponere parti archidiaconi et eius complicum nec eorum dolos ducere in apertum, magnis tamen doloris stimulis angebatur non tantum ob hoc, quod ecclesia pastore careret, sed quia fructus ipsius, ut dicebatur, ad suum usum seniores predicti deuoluebant. murmurabat autem sepius et tacebat.

Erat autem quidam clericus Hungarus Guncellus nomine, filius Cornelii, nobilis quidem genere, sed non magni ualoris ipse. hic, cum esset iam proeucte etatis, nullam potuit in Hungaria dignitatem habere, sed assumpto cruciferorum habitu factus erat rector cuiusdam ecclesie Sancti Stephani regis. cum ergo Spalatensis ecclesia multo iam

tempore pastore uacaret, iste Guncellus cepit se sollicitè intromittere, ut in pontificem eligeretur. factum est autem, ut quidam Yula banus, qui erat de eius genere, mitteret ad clerum et populum Spalatensem epistolam satis loquamem, commendando Guncellum et suadendo, ut eligeretur, ac promittendo suum seruitium et amorem. tunc predictus Petrus diaconus, ut erat uerbosus, nacta occasione, abiit susurrando per clericos et per laycos, laudando Guncellum de potentia, de honestate, de scientia, de quibus ipse nullam habebat certitudinem; sed ut seniorum intentionem elideret, modis omnibus sagtebat, ut eligeretur Guncellus.

Erat autem tunc temporis Domaldus comes ciuitatis Spalatine, uir satis circumspexus et prouidus. hic quia bene Guncellum nouerat, ueritatem asserabat de ipso, quia pro suorum leuitate morum habilis non erat tanto sacerdotio fungi; alii etiam multi tale de ipso testimonium dabant. sed Petrus suorum procacitate uerborum omnes reuincebat, et quamuis in ecclesia Spalatensi uel alibi non deessent persone, que tutiori uia et iustiori possent ordine ad eam prouehi dignitatem, uulgaris tamen inscitia hac uanitate uentositate raptatur, ut notos contempnat, ignotos posse patrare miracula arbitretur; ast alii tanta inuidie tabe liuescunt, ut quod ipsi assequi non merentur, hoc meritis prohibeant adipisci; aliorum enim profectum sibi reputant in defectum.

Cum ergo instantibus laycis omnes clerici ad eligendum fuissent inducti, adhuc archidiaconus cum suis nullatenus consentire uolebant, sed cum tumultus popularis seditionis insurgere uideretur, uix tandem acquieuerunt inuiti. ante biduum uel triduum, quam eadem celebraretur electio, quidam ex his, qui cum Petro promotionem electionis moliebatur, uidit per uisum, quod pulpitem ecclesie dirutum erat et archiepiscopalis sedes euersa iacebat. dicebat autem Petro, quid hoc esset. respondebat ipsi: 'hoc nescis modo, scies autem postea'. licet autem hec uisio non boni auspicii portendisset euentum, non minus tamen incepta improbitas insistebat, donec electio qualiscunque solemnizata est et peracta. tunc miserunt ad eum Vlcaasium diaconum nuntiantes ei electionem de ipso unanimiter celebratam et petentes, ut ad ecclesiam Spalatensem accederet incunctanter.

Suscepta ergo legatione Guncellus ualde letus effectus est et mox ad Summum Pontificem pro confirmatione sue electionis nuntium destinauit, ipse uero iter arripuit Spalatum ueniendi. cum autem esset inops scientie, ambitionis uero stimulus eum acriter perurgeret, adhuc in itinere positus, apud Vranam templariorum in uigilia Pentecostes se fecit in diaconum ordinari a Gruptio Nonensi episcopo, qui cum eo ab Hungaria ueniebat. cum autem ciuitatem intrasset, satis officiose ab omnibus susceptus est. et cum aliquantam ibi moram fecisset, tanta in eo leuitas uerborum et morum apparuit, ut omnibus in tedium deueniret, seraque penitudine ducti, qualiter ab ipso possent euadere, cogitabant. sicque factum est, ut qui ignotus fuerat dilectus, notus foret exosus; et quem non uidentes affectuose traxerant, uidentes eiicere appetebant. sed Guncellus papali confirmatione suscepta optinuit nichilominus in partibus Hungarie consecrari; siquidem Dominus Honorius Summus Pontifex missa auctoritate Roberto Vesprimiensi episcopo precepit, ut examinatis diligenter tam electi persona, quam electionis forma, si nichil obstaret de canonicis institutis, munus ei consecrationis impenderet. Robertus uero, suscepto apostolico mandato, quamuis esset uir discretus et religiosus, non tamen de rerum circumstantiis, que in huiusmodi processibus inquirende sunt, curiosus extitit indagator. unde, consecrationem ei facile tribuens, precepit sibi, ut pro petendo pallio apostolico se conspectui presentaret.

Venit ergo Guncellus ad suam ecclesiam consecratus nimiumque ad exercenda pontificalia festinus et promptus: nondum optento pallio ecclesias consecrabat, celebrabat ordines et se ubique archiepiscopum nominabat.

His temporibus misit Summus Pontifex quendam apochrisarium suum nomine Acontium, natione Viterbiensem, Curie capellanum, uirum ualde discretum et bonum; misit, inquam, eum pro quibusdam arduis negotiis ad totum Hungarie regnum, dans sibi mandatum, ut ad Dalmatie partes descenderet piratasque Almissanos a latrociniiis cohiberet. sed cum non haberet plenam legationem nimioque succenderetur zelo multas enormitates in clero et populo corrigendi, Spalati positus misit nuntios suos ad Domini Pape Curiam, postulans, ut perfecte sibi legationis auctoritas preberetur. profectis ergo nuntiis Acontius in Spalatensi urbe permansit, donec redirent expectans. uidens ergo archiepiscopi temeritatem et imperitiam, multum compatiebatur ecclesie Spalatine, quod tam insolentem fuerat sortita pastorem. arguebat autem eum frequenter, sed ipse, sicut onager assuetus in heremo, et ipsum Acontium et eius monita contempnebat. interea nuntii redierunt de Curia, legationis officium eidem Acontio plenissime perferentes. tunc Acontius Sedis Apostolice auctoritate suffultus cepit multa circa clerum populumque corrigere, ecclesias nouis studiis informando; fecit enim a clero cunctas expelli focarias, de quibus archiepiscopo nulla suberat emendationis cura.

Conuocauit autem totam Dalmatiam et Chroatiam in adiutorium suum contra hereticos et piratas, faciens indulgentias omnibus, quicumque zelo diuino succensi in personis uel expensis ad eorum interitum laborarent. tunc congregato multo nauali exercitu et equestri cepit eos undique impugnare. in tantum enim Almissanos in mari et terra insequendo contriuit, ut defecti uiribus desperarent ulterius se posse resistere. uenerunt ergo et corruentes ad pedes legati pacem et misericordiam humiliter implorabant, promittentes omnem emendationem et obedientiam ad eius beneplacita et mandata. quos legatus suscipiens, fecit eos omnes piraticas naues exurere, promittentes interposito, ut a Christiana iam infestatione cessarent.

Eo tempore misit Guncellus archiepiscopus nuntium ad Romanam Sedem pro pallio postulando. e uestigio uero legatus Acontius misit litteras et nuntios, excessus archiepiscopi Summo Pontifici nuntiando. Dominus uero Papa misit pallium ad manus legati, committens sibi, ut in causa archiepiscopi, sicut uideretur, de iure procederet. accepto siquidem papali mandato legatus pallium tradidit seruandum cuidam abbati de Rogoua, archiepiscopum uero ab omni pontificali suspendens officio precepit ei, ut de suis satisfactorius excessibus apostolico se conspectui exhiberet. tunc archiepiscopus dolens et anxius ad Curiam est profectus. comitati sunt eum Vita diaconus, qui postea fuit primicerius, et Petrus, nepos Murigii, diaconus. contra ipsum uero directus est Vulcasius. pauci de canonicis fouebant archiepiscopum; plures et maiores erant contra eum. itaque archiepiscopus Romam ueniens proiecit se ad pedes Domini Honorii Pape, lacrimabiliter proponens querelam de infestatione legati. sed Dominus Papa, de omnibus excessibus archiepiscopi plene instructus, cepit eum multum dure increpare de insolentiis et temeritatibus suis. archiepiscopus uero nitebatur excusare se, imponens Roberto consecratori suo, quia ex ipsius mandato presumpsisset sine pallio pontificalia celebrare. sed non satis sibi credebatur a Papa. cardinales fere omnes aduersabantur ei, ita, ut uix eorum auderet presentie comparere. canonici uero, qui eum fuerunt comitati, uidentes causam archiepiscopi

fore grauissimam et quia depositionis nota iam conscripta erat contra eum, relinquentes ipsum in Curia ad propria sunt reuersi. Guncellus uero ibi remanens multa supplicatione pulsabat, ut de suis excessibus misericorditer ageretur. tanta ergo fuit precum instantia, tam importunus labor, ut reuocaretur prior sententia et conscriberetur altera mitior, uidelicet ut biennio maneret suspensus, postea de misericordia Sedis Apostolice fieret in omnibus restitutus. quod et factum est.

Interim uero legatus Acontius in Bosnam contra hereticos profectus multo ibi tempore pro stata catholice fidei laborauit.

His temporibus factus est terre motus magnus et orribilis in die Natiuitatis Domini circa horam tertiam, per Liguriam, Emiliam et per Marchiam Veneticam, ita, ut multa edificia ad terram ruerent, ciuitas uero Brixiana ex magna parte sui prostrata est; multaque hominum multitudo, et maxime hereticorum, oppressa est et extincta.

Eodem anno in die Assumptionis Dei Genitricis, cum essem Bononie in studio, uidi Sanctum Franciscum predicantem in platea ante Palatium publicum, ubi tota pene ciuitas conuenerat. fuit autem exordium sermonis eius: Angeli, homines, demones. de his enim tribus spiritibus rationalibus ita bene et discrete proposuit, ut multis litteratis, qui aderant, fieret admirationi non modice sermo hominis ydiote; nec tamen ipse modum predicantis tenuit, sed quasi concionantis. tota uero uerborum eius discurrebat materies ad extinguendas inimicitias et ad pacis federa reformanda. sordidus erat habitus, persona contemptibilis et facies indecora, sed tantam Deus uerbis illius contulit efficaciam, ut multe tribus nobilium, inter quas antiquarum inimicitiarum furor immanis multa sanguinis effusione fuerat debachatus, ad pacis consilium reducerentur. erga ipsum uero tam magna erat reuerentia hominum et deuotio, ut uiri et mulieres in eum cateruatim ruerent, satagentes uel fimbriam eius tangere aut aliquid de paniculis eius auferre.

Sed iam ad propositum redeamus. transcurso autem punitionis sue biennio uenit Guncellus ad ecclesiam suam; misitque ad Curiam; et restitutum est ei pallium, quod ab Acontio fuerat interdictum. tunc archiepiscopus non equis aspiciebat oculos omnes canonicos, qui sibi fuerant aduersati.

Eo tempore mortuus est Gruptius archidiaconus; in eius locum canonici elegerunt Cataldum, intronizantes eum archiepiscopo tunc absente. regressus uero archiepiscopus indigne tulit promotionem Cataldi; numquam uero confirmationem archidiaconatus sui ab eo potuit optinere. erat autem Cataldus iam etate grandaeuus, nec toto peracto biennio mortis debitum soluit.

XXVII.

DE VICTORIA FACTA DE CETINENSIBVS

Per idem ferme tempus Spalatenses eiecerunt Domaldum de comitatu et fecerunt sibi comitem quondam nobilem uirum de Luca, nomine Buisenum.

Erant autem quidam Cetinenses, Budimir cum fratribus suis, homines feroces et qui nunquam in pace uiuere sinerent Spalatenses; semper enim, uelud rapaces lupi caulis ouium insidiantes, non nisi de sanguine uiuere appetebant. uix enim dies unus immunis poterat transire ab eis, quominus in campum nostrum irruerent, homines op-

primerent, animalia predarentur. nam quod erat immanissimi sceleris, cuncta hec perpetrabant facinora consilio et fauore quorundam pernitosorum ciuium, qui emolumentum aliquod ex illis predonibus expectabant. eorum etenim animalia signata erant, propter quod hostes, ea pretereuntes, ad rapienda alia conuolabant.

Hoc est quod maxime ad communem spectat perniciem, cum in una ciuitate dissimiliter uiuitur et cum hostis publicus priuatim habetur amicus; cum nec bellum communiter geritur, nec pax unanimiter obseruatur. illi siquidem urbi proximum paratur excidium, ubi regunt patriam patrie proditores, ubi celsiorem locum optinent ciuium predatores et, cum in ipsos foret acrius uindicandum, ipsi e contra ad innoxios ciues uindictam retorquent.

Tam misera tunc erat conditio Spalatensium, quia nullum intra se regimen opportunum habebant.

Igitur Budimiro qua dignus erat morte perempto Chranislaus, successor fraterne nequitie, cepit in nostris molestationibus simili rapacitate crassari. reliquerat autem Buisenus comes quasi uiginti equites ad auxilium Spalatensibus contra hostes; ipse uero, reuersus ad propria, domi manebat.

Factum est autem, ut die quadam Chranislaus armata equitum turma in campum irruerent diripientes et predantes, quicumque occurrissent eisdem. et tunc exierunt Spalatenses armati cum predictis equitibus Buiseni comitis. predones uero, uidentes multitudinem de ciuitate concurrere, receperunt se paulatim ad montes, predam, quam ceperant, coram se minantes. postquam autem interpositis montibus disparauerunt, quidam ex nostris uolebant illos insequi, quidam non. sed equites comitis et equites Spalatenses, qui erant fortasse totidem, cohortantes se in uicem, ascenderunt post eos. secuti autem eos sunt et non pauci ex peditibus, qui audatiores et expeditiores erant. et cum ascendissent et castrum de Clissa transissent, perambulantes ulterius, inuenerunt hostes in quadam conualle, que erat undique collibus circumuallata, nec satis libera patebat uia ad partem aliquam diuertendi. descenderant autem iam securi et quiescebant in pratis. ut autem uiderunt hostes sua uestigia insequentes, statim ascenderunt equos et sese ad pugnandum ordinare ceperunt. nostri uero, uidentes eos ad prelium preparari, in se paululum substiterunt. et primo quidem, pauentes ancipiti se fato comittere, cogitabant declinare potius, quam pugnare. quidam enim ex eis dicebant: 'non consulte agimus, si propter modicam predam hanc nosmet ipsos ponimus in discrimen.' alias autem, instante metu hostili, difficilium uidebatur eis posse descendere, unde ascenderant, quia ita erat locus conclusus, ut nulla daretur tuta uia cedentibus. erat autem uir ille, sub quo militabant equites comitis, monoculus quidem, sed ualde strenuus, multumque exercitatus in armis. is ergo ut uidit agmen suum aliquantisper mussitando cunctari, facta corona stetit in medio et dixit: 'quid cunctamini, uiri prudentes? ecce uictoria nobis in manibus est, si preliari uolumus; si uero declinare intendimus, spes nulla uiuendi. deliberate igitur, quid consultius est: ignominiose mori an uiuere gloriose? maior nobis armorum copia, melior pugnantium turma. ipsi etiam hostes hoc optime sciunt nec proponunt se nobiscum fortitudine, sed sagacitate pugnare. impetum enim contra nos facturi sunt, quasi insuetos belli deterrendo; putant enim nos in fugam uertere. sed si uidebunt nos ad conflictum stare fortiter preparatos, credite mihi, quia cito nobis terga ostendent. state ergo constantem et pugnatam uiriliter, de morte intrepidi, de triumpho securi'. talibus itaque dictis cohortatus suos, cepit ordinare pedites in turma sua, equites uero disposuit in acie sua, dans mandatum his, qui debebant precedere

uel subsequi, ut omnes ad ducis uexillum respicerent. igitur, omnibus oportune dispositis, statim contra hostes signa uertentes, ceperunt paulatim incedere. at uero hostes, uidentes nostrorum audaciam, statim magno impetu admissis equis currunt fortiter contra eos. nostri uero, conglobati, primo peditum turma ceperunt stare erigentes lanceas, alii uero, uenabula terre affigentes, parati erant excipere uenientes; alii uero intentis arcubus parabant sagittas emittere; alii gladiis agere; equites autem hinc inde stantes (h)astasque eminus intentantes quasi turris fortissima et munitum presidium totius exercitus apparebant. cum autem uidissent hostes, quod nostrorum acies immobiliter in suo loco constarent, non audentes irruere, eminus substiterunt. tunc dux nostri exercitus clamauit, dicens: 'eia, uiri fortes, hec est hora de hostibus uindicari'. et cepit ipse precedere, et totus exercitus ipsum sequi. nec mora, statim in hostium phalange irruit, immixtique sunt simul et ceperunt manus inserere strictisque mucronibus dimicare. stetit aliquamdiu anceps uictoria. tunc cepit dux ipse urgere Chranislaum, nunc claua, nunc ense ictus ictibus inculcando. ipse nichilominus, ut bellicosus uir, modo ictus clipeo eludebat, modo hostem totis uiribus feriebat. sed erigens se dux noster totus in ensem percussit Chranislaum acerrime, uenitque ictus inter cassidem et collarium, deiecitque caput eius multum procul a corpore, et mox truncus ab equo corruens iacuit prostratus in terra. nec amplius pugna durauit, sed omnes Cetinenses in fugam uersi campum certaminis Spalatensibus reliquerunt; qui eos a tergo insequentes cedebant passim per campos fugitantes persecutique sunt eos usque ad montis ascensum. redeuntes autem patrata uictoria acceperunt caput Chranislaui et affixum aste detulerunt usque Salonam; sicque cum exultatione maxima ad propria sunt reuersi. et ita pestis illa a nostra infestatione cessauit.

XXVIII.

DE COMITE PETRO

Post hec autem ingens bellum exortum est inter Gregorium comitem Berberiensem et Buysenum comitem Spalatensem. manebat autem Buysenus in Suinigrado; et licet esset uir nobilis, diues et potens, fautor tamen hereticorum erat. cum autem dissensionum procella inter ipsum et Gregorium multo tempore deseuisset et assiduus congressionibus partes ad deteriora uergere cogerentur, pars tamen Buyseni superior uidebatur. erant autem ambo una stirpe progeniti.

Quodam namque tempore Buysenus cum exercitu suo erat circa Berberium diffusus, eratque Gregorius intra suum presidium undique coartatus ita, ut nulli egredi uel ingredi liceret. Gregorius, qui nimis erat callidus et astutus, positus insidiis ualde diluculo, cum non bene uigiles precauissent, repente irruit in castra Buyseni et, antequam arma bene capere potuissent, ceperunt magnam cedem ex hostibus facere ipsumque Buysenum ceperunt uiuum. et cum ante Gregorium adductus fuisset, cepit pro uita sua misericordiam deprecari. sed Gregorius, ut erat uir austerus et ceruicosus, nil flexus ad supplicis uerba captiui, dixit astantibus: 'exuite ipsum lorica'. et cum se ipsum exueret, Gregorius arrepto ense transfodit eum per media illa, dicens: 'talis misericordia fieri debet de Buyseno, qui me totiens armis hostilibus instigauit'.

Tunc Spalatenses prefecerunt sibi comitem Petrum quendam, qui erat dominus Chulmie. erat autem idem Petrus uir potens et bellicosus, sed non sine infamia hereticę feditatis. quam ob rem non recipiebatur a clero, sed layci, ut sunt ad temeritatem precipites, facto impetu uenerunt ad ecclesiam cum grandi tumultu et, raptis clauibus a custode, introduxerunt eum in ecclesiam uiolenter. que res postquam ad aures Acontii peruenit, misit et totam ciuitatem interdicto supposuit. cessatum est autem a diuinis fere per annum. Guncellus autem archiepiscopus erat eo tempore in Hungariam profectus; sed ad ecclesiam suam rediens, non satis discrete absoluit interdictum legati.

Interea legatus Acontius in Bosnam profectus pro exterminandis hereticis multo ibi tempore laborauit. erat autem corpore imbecillis, sed zelo catholice fidei ualidus propugnator. cum ergo forti fuisset languore correptus, ad extrema perueniens totum se Domino commendauit. ibique sue uite cursum feliciter peregit anno Domini millesimo CCXXII.

XXIX.

DE BELLO, QVOD GESTVM EST PRO VILLA DE OSTROG

Per idem tempus quidam Chroate Tollen, Vilceta, filii Butco, cum parentela sua inuaserunt uillam Sancti Domnii, que appellatur Ostrog, ceperuntque contra prohibitionem ciuium munimen edificare, uolentes ibi cum familiis suis locum habitationis statuere, ut possent impune consueta latrocinia exercere. dicebant autem se esse coheredes loci ipsius. archiepiscopus uero, ut eos colonos et coadiutores haberet, consensum corde simplici adhibebat. tunc Spalatenses preparationem belli ceperunt facere contra eos. miserunt ergo et aduocauerunt comitem suum Petrum, qui ueniens cum magno equitum comitatu fecit totam expeditionem exercitus per mare et per terram applicare ad castrum. fuitque recensitus ciuitatis exercitus et inuenta sunt plus quam tria millia armatorum. tunc ceperunt pugnare fortiter circa castrum. e contra uero Chroate, in rupibus circumfusi, lapidibus, iaculis et sagittis fortiter repugnabant. Spalatenses uero, uidentes eos loci munitione defendi, ad aliam se pugnandi maneriem conuerterunt. protinus ergo coadunata multorum lignorum frondiumque congerie, ignem sub ipsis rupibus succenderunt, ex quo fumifera se suberigens flamma, hostes obcecat; crates et tabulata, que ad sui protectionem parauerant, exurruntur. tunc audatiores iuuenes ex nostris, uidentes eos uiribus armisque deficere, conabantur ad eos inter ignes ascendere, gladiis ipsos inuadere perquirentes. sed illi, ex eminenti rupe ingentes lapides reuoluentes, quosdam ex nostris miserabiliter deicerunt ita, ut decedentes in ignem, confracti et perusti animas exhalarent.

Taliter equidem aliquot diebus ab utraque parte pugnatum est. sed deficientibus iam alimoniis frustra miseri, uiribus corporeis destituti, repugnare posse confidunt; sed paulo post ad deditionem faciendam intendunt. uerum antequam deliberarent ad plenum, ecce cuneus unus ex fortissimis iuuenibus, alii reptantes manibus, alii per occultas semitas subito castrum inuadunt. tunc comes Petrus cum tota militia, respicientes in altum, uident suos iam stantes in rupibus manu ad manum cum hostibus dimicare. et statim comes exclamauit: 'nunc currite, uiri, quoniam uictoriam dedit nobis Deus de inimicis nostris'. ad hanc uocem omnes irrumpunt castrumque per uiolentiam capiunt.

mox uero uniuersos hostes cum uxoribus et filiis apprehendentes uinctis post tergum manibus pertraxerunt ad suos. tunc inito consilio cuncta, que eorum fuerant, diripientes, ecclesiam quoque, cuius se fundatores fore iactabant, ad solum diruentes, effoderunt sepulcra, extumulantes ossa progenitorum eorum, sparsim ea proiecerunt in campum; quatenus ius nullum eiusdem uille aliquando uendicarent. Tragurienses autem auxilium nostratibus impenderunt, sed modicum et exile. tunc uinctis a tergo manibus ad ciuitatem duxerunt captiuos, artissima eos custodia mancipantes. ubi triduo sine cura iacentes, tum famis sitisque tabescentia resoluti, tum carceris squalore suffocati, plures eorum ibidem expirarunt.

XXX.

DE BELLO, QVOD GESTVM EST CVM DOMALDO

His ita gestis Petrus comes, ad propria reuersus, morabatur in Chulmia. ciuitas uero Spalatensis, quia sine rectore manebat, in bono statu esse non poterat. templarii autem, sicut rex preceperat, castrum Clisse tenebant. Spalatensibus autem, quibus plerumque solent utilia displicere et inutilia complacere, uerti cepit in tedium quietis pacisque bonum. tunc multas oblocutionum calumnias contra templarios concinnantes ceperunt multifarie moliri, ut de castro illis exeuntibus eorum uiciniam modestam ac sobriam euitarent. sicque factum est, ut illis egressis statim Domaldus Spalatensium auxilio et fauore castrum illud optinuit. quis tam mente captus cecusque interioribus oculis haberetur, ut inermem religionem contempneret, et armatum inimicum affectaret super caput sibi imponi? cum ergo Domaldus castrum illud securus iam insideret, cepit a principio, utpote uersutus et cautus, simulare bene se uelle cum Spalatensibus uiuere. at tamen dolorem, quem pro sua deiectione conceperat, callide dissimulans, explorabat tempus, quando suam posset iniuriam uindicare. sed quia plura facinora Spalatenses communiter in Deum commiserant, que communi erant pena plectenda, idcirco Domaldi machinationes sortiri potuerunt effectum. cum enim absque reatu perirui non potuissent ipsum Domaldum de comitatu eiecisse nec sine sacrilegio Petrum comitem contra prohibitionem ecclesie intrusisse, ad ultimum hoc piaculum publice commiserunt.

Erat autem quidam sacerdos pauper et simplex. hunc cum quidam Sclauus forensis super debitis impeteret: curiam laycalem intrauit, querellam deposuit, — uocatus sacerdos uenit, priuilegium allegauit; sed quidam nobilis Caceta nomine, surgens de consensu curie, dedit alapam in faciem presbyteri et alligans eum in conspectu omnium tradidit ad manus impetitoris sui.

Et ecce die tertio in festo Omnium Sanctorum rumor uenit ad ciuitatem, quod alii predones in campum intrassent. subito autem tota ciuitas ad arma cucurrit; et uenerunt trans pontem Salone. descenderunt autem pauci admodum equites Domaldi de Clissa; et statim multitudo illa, in fugam uersa, huc illucque dispersa est. et tunc capti sunt plures de nobilibus et diuitibus ciuitatis, uidelicet Caceta, Duimus Formini, Leonardus Caua, Iacobus Dusciza, Crisogonus et alii plus quam LX et non sine ignominia in castrum ad Domaldum delati sunt.

Eadem nocte misit Domaldus ad caulas Spalatensium et abstulit fere triginta millia ouium, homines uero, compedibus astrictos, custodie deputauit. quos longa inedia pressuraque seua torquendo plurimam ab eis extorsit pecunie quantitatem. sic ergo Spalatenses, per annum ferme incarcerati, uix tandem cum magno rerum detrimento euadere potuerant.

Post hec uero Colomannus filius Andree regis, dux Sclauonie, cum magno principum comitatu ad mare descendit et a Spalatensibus multum honorifice susceptus est. erat autem adhuc puer adolescens nec tale quid ab eo gestum est, quod dignum memorie haberetur.

XXXI.

DE SCANDALO, QVOD FACTVM EST INTER ARCHIEPISCOPVM ET ARCHIDIACONVM

Post hec autem anno Domini millesimo ducentesimo tricesimo uacante archidiaconatu capitulum et uniuersus clerus in summa concordia elegerunt Thomam canonicum in archidiaconum suum tricesimo etatis sue anno, archiepiscopo tunc absente Guncello. cum uero fuisset reuersus, presentatum pro confirmatione petenda archidiaconum primo admittere noluit, quippe cui nunquam pene canonicorum facta, licet honesta, placebant. postmodum uero, uidens omnia de promotione archidiaconi rite ac canonicè processisse et quia nulla erat scintilla discordie inter canonicos, ex qua posset refrag[r]andi materiam finaliter inuenire, assensum prebuit et, dans suam benedictionem, archidiaconatum confirmauit propriaque manu installauit eundem.

Erat autem archidiaconus competenti scientia peditus et in esecutione sui officii, prout ei possibile erat, satis feruidus et intentus. amator iustitie, nequitie detestator, nimioque zelabat affectu, ut Sanctorum seruarentur statuta et in ecclesiasticis negotiis secundum Deum totius iustitie uigeret norma.

Cum autem archiepiscopus in corrigendis subditorum excessibus se remissius ageret, archidiaconus, prout poterat, emendare enormia satagebat. sed cum non satis cohercio archidiaconi circa morosos proficeret, nonnunquam pontificem desidie arguebat, ipsum incitando et monendo, ut sicut pastor bonus super gregis sui custodia magis sollicitè uigilaret. sed quia iam ipse in torpore segnitie sue senuerat, durum ei uidebatur attemptare noua et suis moribus insueta. sic ergo sollicitudo archidiaconi ad onus erat presuli, non ad leuamen uidebatur ministerii pastoralis. unde non libenter cum ipso de causis ecclesiasticis conferebat, sed eos potius ad sui familiaritatem admittebat, qui de uanitate conueniebant in id ipsum.

Sicque factum est, ut aliqui clericorum, hi maxime, qui defixi erant in fecibus suis, archidiacono infesti oppido haberentur. eo enim odiorum hec causa succreuerat, ut quos archidiaconus secundum debitum sui officii pro excessibus puniebat, archiepiscopus ueniens in oprobrium archidiaconi absque ulla cause cognitione absolueret. archidiaconus uero magnis dolorum stimulis angebatur, non pro eo, quod presul ad derogationem dignitatis eius intenderet, sed quia euacuando ministerium archidiaconalis officii totius ecclesiastici ordinis cursus turbari et confundi uidebatur. erat

enim certum animarum periculum et patens oprobrium ecclesie Dei, cum hi, qui pro enormitate sue uite puniendi erant, abiecto pudore de insontibus sumerent penas, ut ipsi licentius sua ludibria exercerent.

Factum est autem, ut quadam uice congregatis canonicis archiepiscopus diceret: 'uolo, ut nullus uacet in ecclesia personatus'. et tunc ordinatus est archipresbyter quidam Petrus, nepos Murigii. hic, quia erat factiosus homo et inquietus, cepit aperte derogare archidiacono, persuadens simplicioribus et indiscretis et se quasi caput eorum constituens: nitebatur debitam obedientiam subtrahere archidiacono et se ipsum quasi superiorem reuereri querebat ab eis. et sic feda nimis dissensio in capitulo est suborta. archiepiscopus uero, cum se deberet tamquam murum opponere exardescentibus odiis ex aduerso et fraternam caritatem in filiis reformare, cepit factioso archipresbyteri conuenticulo fauorem impendere, partem uero archidiaconi auctoritatis sue mole deprimere, quantum posset. hoc enim magis placere sibi uidebatur, si canonici sui dissiderent ab inuicem, quam si forent in unitate concordēs. uidens autem archipresbyter, quod Guncellus sue parti accederet, ab archidiacono uero tota mentis esset intentione disiunctus, cepit eum magis ac magis in archidiaconum odiorum facibus inflammare. ille uero, ut erat facilis ad credendum, et quia rancoris huius scintilla iam in eius erat corde perflata, libenter aures sussurrantibus inclinabat. et sic in archidiaconi periculum facti sunt cum archipresbytero concordēs ad inuicem, qui prius nunquam poterant concordare. tunc ceperunt palam aggredi archidiaconum et, post appellationem a se factam, interdicti et excommunicationis in eum iacula intorquere. et facta conspiratione ad nihil aliud nisi ad ipsius perpetuam deiectionem laborare ceperunt. ut autem in eum popularem concitarent tumultum, fecerunt omnes ecclesias claudi et ab omnibus cessare diuinis. in tantum enim scandali huius excreuerat malum, ut intra ecclesiam et extra ecclesiam non solum clamosis uocibus decertarent, sed etiam temerarias in se manus inicerent; populique furentis insania, modo hanc, modo illam insequens partem, acerrimam seditionem in totam concitauerant ciuitatem. canonici pene omnes contra archidiaconum erant; de nobilibus uero ciuitatis hi maxime, qui meliores et discretiores erant, et maior pars cleri archidiacono fauebant.

Cum ergo propter dissensionis huius materiam tota uideretur ciuitas in seditionem commota, metuens archidiaconus, ne forte aliquod inter ciues facinus oriretur, cedendum tempori ratus ad Apostolicam Sedem profectus est. secuti sunt eum quatuor canonici fautores sui. uidens uero archiepiscopus, quod archidiaconus ad Curiam proficiscitur, statim persuasus a complicibus suis iter post ipsum arripuit profecturus. secuta est eum canonicorum turba, que de malignitate cum ipso conueniebat. preuenit autem eos Thomas diebus octo, non credens adhuc, quod tam uehementer odiorum flamma in eorum cordibus estuaret, ut tantum uellent se insequendo subire laborem. quamquam ex precepto Guncelli condixissent inter se, ut nullus eum archidiaconum appellaret; sperabat autem, ut impetratis ab Apostolica Sede litteris ad propria remeans posset materiam scandali mitigare. sed cum uidisset tantam multitudinem, zelo nequitie inflammata, contra se uenientem, pauefactus, a principio terreri cepit. quid miri? cum ipse quasi solus esset, aduersariorum uero tam numerosus exercitus, tanti nominis cetus, ut in his solum tota Spalatensis metropolis auctoritas dependeret. erant enim archiepiscopus, archipresbiter sacrista, primicerius et alii quam plures, litteris muniti, testificationibus armati, nil aliud nisi archidiaconum toto ore glutire parantes; at ipse nullam habens aliunde fidutiam nisi ex Deo, qui

facit indicium omnibus iniuriam patientibus. de sola enim innocentie sue causa confisus, bono animo rerum exitum expectabat.

Erat autem tunc temporis Dominus Gregorius Papa Nonus apud Perusium. Itaque Thomas archidiaconus consilio et fauore quorundam, quos nunquam nouerat, in-tromissus est ad Papam, quando solus erat in camera cum uicecancellario tantum. et flexis genibus coram eo cepit cause sue seriem exponere diligenter. ipse autem Clemen-tissimus Pater benignam ei exhibuit audientiam et, tanquam certus de omnibus, mul-tum ei de tot molestationibus est compassus. et requisiiuit ab eo, an uellet cum archie-piscopo de his omnibus in Curia experiri. respondit archidiaconus: 'utique, Pater Sancte'. tunc Papa dixit uicecancellario, qui astabat: 'precipe Otoni cardinali, ut causam utriusque partis audiat diligenter'. tunc archidiaconus, gratias agens, deosculatis eius pedibus, letus egressus est.

Videns autem archiepiscopus cum turma sua, tam facilem audientiam archidi-acono fore datam et quod auditorem impetrauerat contra eos, contristati sunt ualde. et intrantes ad Papam conabantur, ut Raynerius cardinalis, de quo multum confidebant, eis daretur auditor. sed Dominus Papa nullatenus acquieuit. uocatus itaque archiepiscopopus cum sua multitudo ad Otonem cardinalem accessit, et iam mitior factus uolebat, ut sine iudicario strepitu causa de plano procederet et quasi in forma compositionis totius litis negotium tractaretur. sed noluit a principio cardinalis, cauens, ne forte super aliquo crimine collusio fieret inter partes. denique archiepiscopus, uidens propositum suum non satis sibi ad uota succedere, uehementer cepit penitere incepti. tunc seorsum ad archidiaconum ueniens latenter a sotiis, blandis temptabat eum demulcere loquellis, timens, ne qua criminalis actio contra se intentaretur ab eo. sed archidiaconus, parum credulus blanditiis archiepiscopi, sciens eum consuetum esse cum tempore uerba uultumque mutare, causam suam coram cardinali sollicitate promouebat. sotiis sui omnes recesserat preter unum.

Itaque die statuta ambe partes ad iudicium accesserunt. tunc archidiaconus conscripto libello cepit in archiepiscopum quedam crimina denuntiando intentare. contra archiepiscopus cum suo cetu inepta quedam et nil iuris habentia in archidiaconum confingebant dicentes, ipsum in officii sui executione transgredi terminos a patribus diffinitos. et cum diebus pluribus huiusmodi altercatio haberetur, cardinalis, ut erat uir discretis-simus, uidens, quod non aliunde in archidiaconum consurrerant, nisi ex rancorum scandalis et fomite odiorum, tunc cepit multum dure increpare archiepiscopum, quod seminarium tante nequie pullulare permiserat in ecclesia Spalatensi. et quia non ut pastor bonus, qui animam suam ponit pro ouibus suis, se insidianti lupo opponeret, sed potius se actore inter fratres passus erat tanta scandali certamina excreuisse. tunc requisiiuit a parti-bus, an uellent ante deffinitionis calculum in pacis ac dilectionis redire consensum. Guncellus absque ulla cunctatione acquieuit; nil enim aliud affectabat, nisi pedem suum de laqueo erruere, in quem ipse inciderat, dum aliis prepararet; sui uero complices, ut erant in peruersitatis proposito indurati, ceperunt contra archiepiscopum tumultuari consensum adhibere negantes. contra quos cardinalis multum aspera uerba intorquens uix eorum sedauit tumultum. tandem, facta promissione altrinsecus, quod ad omnia starent auditoris precepta, presul cum suo agmine merentibus animis et obducta facie sese hospitio receperunt. et non expectantes arbitrium cardinalis, unus post unum, quasi de naufragio, iter arripiunt ad propria redeundi. tunc uenerabilis Oto, absoluto prius ad cautellam archidi-

acono et eodem in plenitudine sui officii restituto, precepit archiepiscopo, ut eum quasi sotium et filium paterna charitate pertractet nec unquam aduersus eum patiatum tam praua imperitorum machinamenta uigere. Guncellus autem demisso uultu in terram respondit se uelle omnia deuote et efficaciter adimplere.

Tunc apparuit nuncius cum litteris uenerabilium episcoporum Treguani Traguariensis, Nicolai Farenensis et aliorum duorum, quas Domino Pape mittebant in accusationem archiepiscopi et excusationem archidiaconi. quod cum audisset Guncellus, nullam ulterius sustinens moram necdum plene licentiatus, recessit. quas litteras cum cardinales uidissent, uolebant archiepiscopum reuocare ad iudicium, si archidiaconus causam uoluisset resumere contra eum. sed dominus Otto, compositionis conficiens instrumentum, distincte expressit omnia, que secundum statuta canonum singulis ministeriis pertinere noscuntur. expletis itaque omnibus negotiis uenerabilis cardinalis tradidit conscriptiones arbitrii: unam procuratoribus archiepiscopi, alteram archidiacono; eumque ad patriam cum sua gratia et benedictione remisit, confirmato sibi archidiaconatus officio ex papalli rescripto.

Acta sunt hec anno Domini MCCXXXIII sub Ottone cardinali Sancti Nicolay in carcere Tuliano.

XXXII.

DE GREGORIO COMITE

Illis temporibus mortuo comite Petro Spalatenses prefeceunt sibi in comitem nobilem uirum Gregorium Berberensem. hic erat uir potens et diues et in administrandis rebus satis circumspectus et strenuus; ualde siquidem fortune prosperitas in proliis fecunditate et in omni rerum felicitate sibi arriserat. nec erat in tota prouintia Chroatie, qui tanta potentie prerogatiua polleret; omnes enim inimicos suos superauerat nec erat, qui ad res ipsius et fratrum suorum extendere manum auderet.

Cum ergo factus fuisset comes, satis secure sub eo Spalatenses aliquo tempore laborabant terras gregesque pascebant. sed quia homo erat multis negotiis implicatus, non poterat Spalati facere moram, sed, dimisso ibi quodam suo uicario, qui iura colligeret comitatus, ipse in locis sibi oportunis manebat. et si quando, quod rarissimum erat, uocatus ueniret, non pro statu ciuitatis erat sollicitus, sed de suis prouentibus maxime contendebat. quam ob rem, quia ciuitas quasi uidua sine rectoris gubernatione manebat, non ante, sed retro ire debebat. superbie pestis precipue uigebat in ea, ita, ut qui potentiores esse uidebantur, uel rectores seu consules, paruam curam de communi utilitate haberent, immo pro modico sui lucri emolumento maximum communitatis commodum uenundabant. preterea furta, cedes, rapine et omnia mala perpetrabantur impune. non enim amicus erat, qui gubernationis moderamen super omnes teneret, sed uniuerse ciuitatis uulgus pro sua uoluntate dominos singillatim sibi de potentioribus fecerant, quorum iniquo freti patrocinio multa scelera presumebant. et propter hoc inter ipsos magnates multorum emerasset materies adiorum, ita, ut in nequitiis perpetrandis sibi emulatores existerent et ille reputaretur maior et melior, qui plus gloriari poterat in malitia, qui potentior erat in iniquitate. sic dissipata et lacerata erat ciuitas, ut nullum

rigorem iustitie curia exercere ualeret, nisi in illos dumtaxat, qui nimia paupertate et imbecillitate sordebant.

Tunc ciues, ex licentia malitie quasi effrenes effecti, ceperunt in communem perniciem mutare dominia: modo pars una illum facere comitem, modo pars altera alium, non metuentes crimen periurii, non uerentes iura patrie pestiferis factionibus temerare. tunc eicerunt Gregorium de comitatu et fecerunt comitem Domaldum, qui erat inimicus eius capitalis. rursus eiecto Domaldo fecerunt comitem Marcum filium Gregorii. et hoc non communiter sed diuisim ex mutuis odiorum infestationibus presumebant. propter hoc magnas inimitias, dampna et pericula patrie conquirebant.

Illis temporibus, ut ferunt, quidam pestilentes ciues, in odium eorum, quos Gregorius diligebat, abeuntes instigauerunt quendam Tollenum, qui erat nepos comitis Petri de Chulmia, ut exiens ueniret ad predam Spalatinorum pecorum et Tragurinorum. qui armata equitum turma non modica clam equitauit ad locum, qui dicitur Bosilen, ubi magna ouium multitudo pascebatur, et abstulit de bouibus Spalatensium octoginta fere millia, et abduxit eas in terram suam; nichilque Spalatenses recuperare potuerunt; ueruntamen, armato sepius nauali exercitu, magnam partem terre ipsius depopulati sunt.

Eo tempore erat quidam senex Duimus nomine, qui licet esset etate maturus, crudis tamen erat moribus insuauis. hic, cum putaret sibi factam fore iniuriam a filiis Vitalis pro eo, quod in quandam eius ancillam manus iniecerant, indignum putauit adire curiam et iudicum sententiam expectare, sed iratus uenit cum duobus filiis suis, et primo quidem uerbis agressus est predictos iuuenes filios Vitalis. hi etiam, cum essent ad fatuitatem et superbiam multum precipites, noluerunt dare locum ire, sed procaciora uerba tumentia responderunt. sic post uerba tendunt manus ad uerbera, dehinc, diabolo instigante, tractis pugionibus iam res non ciuilitate, sed hostiliter agitur. tunc tota ciuitas in seditionem commota, alii lapidibus, alii gladiis debachantur. itaque die ipsa iacuerunt, more porcorum despicati, in platea Duimus Drasce cum duobus filiis suis. eodem modo unus de filiis Vitalis, nomine Domitius, et multi alii saxo uel ferro uulnerati sunt. post multos tamen dies superuixit filius Duimi iunior et filius Vitalis. tunc congregata communitas iudicauit expelli de ciuitate homicidas illos, domibus illorum ad solum destructis.

Exierunt ergo di ciuitate filii Vitalis et filii Gallone cum sequacibus suis et abierunt Iaderam. et cum ibi aliquantam moram fecissent, perquirebant, qualiter per uim saltem eis liceret ad patriam remeare. conduxerunt ergo in auxilium sibi aliquantam societatem Pisanorum, qui erant boni pugnae, sed ad malum satis ueloces. tunc armatis duobus lignis uenerunt et, media nocte applicantes ad portum, consilio amicorum et parentum suorum clanculo intrauerunt in turrim duandam, que est super portam Aquilonarem. et quia inopia rei familiaris premebantur, ceperunt consilia pessima machinari; disponebant enim armata manu quorundam diuitum domos inuadere et bona eorum diripere uiolenter. ob hoc uero in huius se presumptionis audaciam erigebant, quia nullum caput nec regimen inter ciues uidebant. cum autem in ciuitate auditum fuit, quod filii Vitalis cum societate hominum externorum aduenissent et quod ad talia facinora perpetranda sui cordis relaxarent habenas, mox inimici eorum, pauefacti, totam concitauerunt ciuitatem contra eos. unde facta coadunatione totius communitatis miserunt ad eos, ut statim recederent, unde uenerant, alioquin impetus uniuersi populi in

ipsorum mortem fureret incunctanter. tunc consilio suorum fautorum exierunt et usque ad monasterium Sancti Stephani secesserunt ibique occasione quadam biduo comorandi indutias petierunt, et optinuerunt. infra quod spatium appropinquabant ad ciuitatem et cum amicis et propinquis per ortos comedebant et bibebant securi. at uero eorum inimici manebant inclusi in turri Calende. factum est autem, ut quadam die, aduesperascente iam hora, cum uiderent quosdam eorum quasi insultando eis prope ciuitatem accedere, magnum sibi opprobrium fieri extimantes, si in conspectu inimicorum suorum tota die manerent inclusi; exierunt ergo de turri: Iohannes Cegaida, Lampridius filius Duimi cum ceteris complicibus suis; et uenerunt uersus montem, non quasi pugnandi animo, sed gratia spatiandi. et ecce inimici eorum sedebant absque pauore post ecclesiam Sancti Felicis. uidentes autem inimicos suos contra se uenientes, illico surrexerunt; et ut erant audatiores, licet pauci essent ibi, ceperunt urgere ipsos lapidibus et non permittere eos ulterius progredi. e contrario uero pars aduersa, lapides contra lapides iactando, suos aduersarios ex loco illo expellere nitebatur. cum ergo inter eos aliquantisper eminus pugnatum esset, pars filiorum Vitalis in tantum ualidior fuit ut eorum inimici compellerentur retrocedere usque presidium suum. sed cum fragor pugnantium in ciuitate audiretur, factus est popularis concursus contra filios Vitalis, una uoce clamantium, ut recederent uel perirent. tunc uidentes hi, qui erant ex parte Duimi Drasce, quod in auxilium eis de ciuitate confluerent, resumptis uiribus ceperunt contra hostes reuerti. et concurrentes aduersus eos, non iam instant lapidibus, sed telis et ensibus in hostes feruntur. et cum ipsis ignominiosum uideretur cursim ad suos fugere, cum essent pene inermes, lentis gressibus recedebant. et ecce repente inimici eorum irruerunt super eos, et primo inuadentes Gregorium, filium Gallo(n)e, totum iaculis et mucronibus confoderunt; alterum uero Domitium, ei succurrere properantem, cede simili mactauerunt. et sic sui sanguinis ultione patra ad turris sue presidium sunt cum exultatione reuersi, munientes se undique, ne qua ex parte ab aduersariis possent inuadi. Iohannes uero, maior ex filiis Vitalis, cum sua societate apud portum monasterii positus, audiens miserabilem easum fratrum suorum, cepit tristis et anxius ad ciuitatem reuerti.

Tunc communitas congregata cepit fouere partem alteram, partem uero Duimi compulit ire Tragurium, destructis eorum domibus omnia bona ipsorum Iohanni et eius complicibus adiudicauit; cum ergo ambe partes assidue armate incederet et ex uicinitate ciuitatum sese ad inuicem occulte ac palam crebrius infestarent, ita ut homicidia rapine cedes in eos etiam committerentur, qui neutri parti fautores erant.

Erat autem tota ciuitas in pessimo statu posita, quia tanta erat dissensio, ut fieri solet, quod nullus pene remaneret, qui non pro alterutra parte contenderet. tunc ceperunt parentes timere pro filiis, pro rebus, pro uita etiam sua. in tantum enim omnes procliui erant ad facinus, ut generalis uideretur interitus ciuibus imminere.

Iste metus causam dedit nostratibus de Latino regimine cogitare. tunc ceperunt religiosi uiri fratres minores in suis predicationibus suadere ciuibus, ut potestatem de gente Latina aduocarent. precipue autem Thomas archidiaconus, conuocato clero, frequenter populum commouebat, multis ostendens rationibus, quod non alio modo poterat ciuitas ad bonum statum reduci, nisi per regimen Latinorum. et tandem acquieuerunt omnes, ut de gente Latina potestas eligeretur. facto autem uniuersali consilio quesitum est, ex qua ciuitate Ytalie potestas aduocari deberet. et tunc omnium in

hoc resedit uoluntas, ut ad ciuitatem Anconitanam pro potestate mitteretur. tunc elegerunt du(o)s, qui legationis huius perferrent negotium, uidelicet Thomam archidiaconum et Micham filium Madii, dantes eis per publicum instrumentum plenam auctoritatem, ut abeuntes Anconam, quod melius uideretur eis, factum huiusmodi promouerent, obligantes se iuramenti uinculo uniuersa pro rato habere. itaque archidiaconus cum suo collega, suscepto legationis mandato, quamquam cernerent quosdam ex ciuibus penitere, post festum Ephanie iter arripientes nauigauerunt, multosque ac diutinos passi labores tandem prope festum Pasce Anconam applicuerunt. et cum iam rumor precessisset, quod uenturi essent Spalatensium nuntii pro potestate eligendo, satis honorifice suscepti sunt a nobilibus ciuitatis, alacri animo prebendo eis hospitia et grata seruitia impendendo. tunc nuntii primitus accesserunt ad potestatem Anconitanam, qui erat Lombardus genere, patria Bergamensis. et porrigentes ei saluatoriam Spalatensium, exposuerunt ei causas legationis sue, petentes, ut necessarium eis consilium impendere dignaretur. ipse uero, ut erat uir legalis et bonus, duxit eos seorsum, cepitque multis suadere loquellis, ut super tam arduo negotio nichil incaute, nichil agerent properanter, sed religiosorum dumtaxat et fidelium uirorum utentes consiliis, in facti executionem procederent. nominauit eis expressim personas paucas, quarum debebant consilio adherere, dicens: 'quia tanta uiget hic hominum malitia, ut plerique priuato amore non laudanda laudarent, alii uero priuato odio non uituperanda uituperarent, — nec consulendo sinceriter ad uestre respicient utilitatis profectum, sed ad sue carnalitatis affectum'.

XXXIII.

DE GARGANO POTESTATE

Sic et factum est. nam accedentes ad quendam religiosum uirum, qui erat de ordine fratrum minorum, qui fidem et conuersationem omnium perspicue cognoscebat, secumque diutius conferentes, taliter deliberauerunt, ut neminem alium pro potestate eligerent, nisi nobilem uirum Garganum de Arscindis, qui testimonium habebat bonum ab omnibus. tunc nuntii, eundem Garganum adeuntes, ceperunt alloqui ipsum, exponentes ei suum propositum, quod de ipso habebant, et querentes, an uellet ad unum annum uenire pro eorum regimine ciuitatis. quibus ipse benigne respondit, quod deliberaret primo cum propinquis et amicis, et tunc demum certum quid responderet. facta autem deliberatione per aliquot dies, reuersus ad eos acquieuit uoluntati eorum. et pacti sunt cum eo in quingentis libris Anconitane monete pro salario unius anni, et in litteris coram positis pactionem firmauerunt; et ipse iuramentum prestitit super quibusdam articulis. et sic potestatis officium suscepit.

Confectis autem publicis instrumentis, cepit se preparare ad iter. cum ergo denunciata fuisset electio Gargani apud potestatem et consilium Anconitanum, ualde commendantes factum Spalatinorum pulsu campane, ac preconis uoce populum conuocarunt. et facto grandi conuentu, iuerunt nuntii cum Gargano ad Palatium publicum, et intrantes curiam, perorauit archidiaconus processum legationis et electionis, quam fecerant de Gargano, petens ex parte suorum ciuium, ut cum eorum beniuolentia

et fauore dirigant eum ad regimen ciuitatis Spalatine. tunc potestas Anconitanus surgens prolixè contionatus est, grates multiplices referens, quod tantum honoris a Spalatensibus eis foret impensum. et accipiens Garganum per manum, posuit eum ad manus nuntiorum, ipsum multipliciter recommendans.

Garganus uero, necessarie societatis comitatu parato, nauem ingressus est. habuit autem militem unum et unum notarium, clientelam bonam, duos dextrarios et armorum non modicum apparatus. comitati sunt eum multi nobiles cognati sui; alios misit communitas pro nuntiis, ob honorificentiam persone ipsius. nauigantes autem non paucis diebus, tandem quinto decimo die mensis Maii ad Spalati portum leti applicuerunt. ut autem rumor in ciuitate perstrepuerit, quod potestas aduenisset, mox tota ciuitas prorupit ad portum factusque est concursus utriusque sexus et etatis, uidere cupientium, quem longo desiderio fuerant prestolati. egressus autem de nauis ab uniuersa cleri populique frequentia in magno tripudio et honoris obsequio susceptus est.

Altera autem die misit et fecit inspicere plura hospitia, ubi uideretur commodius sui regiminis officium exercere. et tandem placuit habere domum comitis Grubescæ pro publico Palatio et pro hospitio suo. tertia uero die fecit coadunari uniuersum populum ciuitatis et, facta curia, primo expediuerunt se nuntii, exponentes sue legationis processum et exitum ostendentes. deinde nuntii Anconitanorum Matheus de Girardo et Albertus legationem ciuium suorum, que erat pro Gargano, coram populo multis laudibus perorarunt. post hæc autem surgens Garganus, ut erat eloquens uir, multum lepide contionatus est et, prestito sui regiminis iuramento, fecit uniuersam multitudinem, tam nobilium quam popularium, uinculo sacramenti astringi, ut essent suis preceptis obediens per omnia et sequaces. iussit autem omnes iuratos in scriptis redigi, et inuentus est numerus fere duorum millium uirorum. tunc ordinauit curiam, statuens iudices, camerarios et precones. totum namque regimen disposuit ad exemplar Ytalicarum urbium, que per potestatum regimina gubernantur. cum enim nil pecunie in fisco publico reperisset, per sue discretionis industriam cito ipsum abundare fecit absque grauamine alicuius. siquidem tantam ei gratiam concessit Deus, ut ab omnibus timeretur et audiretur, quasi quidam Sanctus a Deo missus. nec solum ciuibus uenerationi erat, sed de tota pene prouintia ueniebant audire ipsius sententias, quasi diuinas. erat enim quam maxime intentus cum omnibus pacem facere factamque fideliter obseruare, superbis resistere, pacificos quasi filios confouere. sicque breui tempore tota ciuitas, ueluti de magnis tenebrarum squaloribus exiens, ad lucem deuenit.

Tunc illa cruenta et orribilis discordia, quam supra descripsimus, sopita est. nam filii Vitalis cum parentella Duimi, contractis inter se connubiis, pacem perpetuam temierunt. Sclaui etiam, qui implacabiliter contra ciuitatem seueiebant, assiduis predationibus laniantes eam, ad pacis concordiam reducti sunt. tanta namque fuit eo tempore securitas intus et extra, ut nunquam maior ibi memoraretur fuisse. hoc ideo contigerat, quia potestatis metus omnes ciues in unitate constrinxerat, omnes autem, quasi per unum funem trahentes, robur ciuitatis integrum conseruabant, nec erat ausus quispiam ciuium priuatas amicitias seu inimicitias cum extraneis facere, sed qui erat amicus publicus, a singulis amabatur, quem uero ciuitas pro inimico habebat, quasi omnium hostem omnes insequabantur.

Et hoc ceu miraculose eo tempore contigit, ut duo implacabiles hostes Spalaten-sium uiuendi finem facerent, uidelicet Tollen de Chulmia et alter Tollen Politianus, qui nunquam poterant cum Spalatensibus pacem habere.

Per idem tempus, anno Domini millesimo CCXXXVIII, die tertio intrante mense Iunio, facta est eclipsis solis mirabilis et terribilis; totus enim sol obscuratus est, et tota serenitas aeris obtenebrata est et quasi noctis tempore stelle apparuerunt in celo; et quedam maior stella micabat iuxta solem ex occidentali parte. tantusque pavor in omnes incubuerat, ut uelut amentes huc illucque clamando discurrerent, mundi finem adesse putantes. erat autem dies Veneris, luna tricesima. et quamuis solis iste defectus per totam aparuisset Europam, in Asia tamen et Africa non dicebatur fuisse. Eodem anno uisa est stella crinita, id est cometa, que imminebat septentrionali regioni, quasi supra regnum Hungarie, et mansit diebus multis satisque magne rei portendi uidebatur presagium. his etenim diebus crebrescebat iam per aures omnium tristis rumor, quod pestifera Tartarorum gens fines iam Christianorum inuaserant in Ruthenie partibus; sed quasi pro ludo reputabatur a multis.

XXXIV.

DE REGIMINE GARGANI

Interea Garganus, in administrandis rebus publicis ualde circumspectus et cautus, ubicunque opus erat pro tractandis consiliis, pro disponendis negotiis, pro expendendis foralibus causis, multa prudentia ducebatur. amator siquidem honestatis, quos laudabilis fame ac conuersationis esse nouerat, hos amicos et familiares habebat; quos uero superbos elatos infamesque cognouerat, his nunquam faciem ylaudem hostendebat. iuniores more pii patris ad se frequenter conuocans instruebat: hunc de rebus iusta negotiatione augendis, alium de militia exercenda, alium de causis ciuilibus fideliter exequendis. et quid plura referam? nunquam erat quietus, sed semper intentus et feruidus statum singulorum et omnium ad meliora transferre. qualiter autem ciuitatis honor et commodum ampliori possit mensura excrescere, mentis aciem undique circumferebat, dando operam solerti studio seruare habita et lucrari habenda, expendenda pro utilitate expendere et tenenda ex discretione tenere. de rebus propriis satis erat curialis et largus, sed de communibus multum tenax et parcus.

Facta est autem tunc collatio inter ciues et, peracta taxatione omnium bonorum mobilium et immobilium, soluit unus quisque de centenario tria; fuitque summa totius collecte quasi quatuor millium ypperperorum. ex hac pecunie collatione expedita sunt debita communitatis et redempta fuerunt uasa aurea et argentea, que, de thesauris ecclesie suscepta, a longo fuerant tempore pignorata.

Nempe uir catholicus Ecclesiam et Ecclesie ministros in magna ueneratione habebat. si quando a peruersis et malignis ciuibus ad ipsius aures persuasio sacrilega contra clericos fieret, ut in depressionem clericalis priuilegii aliquod eis commune seruitium imponeret, seu datium ab eis exigeret, numquam audire uolebat, immo uelud defensor Ecclesie et aduocatus cleri contra omnium se obloquia opponebat. denique tanto amoris studio de uita et moribus singulorum ciuium perquirebat, ut ante annum actus et nomina prediceret senum et iuuenum, puerorum etiam, ita ut omnium haberet notitiam, ac si natus et nutritus in hac urbe fuisset. preterea in exhibendo honore hospitibus ita liberalis erat, ut plerique antea ciuitatis inimici propter ipsius ciuilitatem amicissimi

efficerentur. ueraces amabat, mendaces uitabat, ambulans in uia immaculata hic sibi ministrabat. in bello magnanimus et audax, in pace mansuetus et humilis; nullus poterat esse ita pauper et uilis, qui non facilem ingressum haberet ad eum et qui prope sui iuris non consequeretur effectum. in penis autem pro maleficio inferendis non erat tepidus, sed rigidus, ut nullus daretur criminibus locus. ad uindictam siquidem malefactorum, laudem uero bonorum portabat gladium iudicarie potestatis. tunc etenim ueraciter uidebat bonis bonitatem sibi prodesse, quando suam malitiam malis cernebat obesse. multi namque ex habilitate sue nature fierent boni, sed ex impunitate criminum efficiuntur mali. e contrario uero quidam ex quodam temeritatis impulsu fierent mali, qui timore penali discunt fieri boni.

Voluit autem Garganus, ut non solum suo tempore, sed etiam in posterum Spalatensis ciuitas iusto moderamine regeretur. fecit ergo quoddam uolumen fieri, quod capitularium appellauit; in quo iussit conscribi omnes consuetudines bonas, quas ciuitas habuerat ab antiquo, superaddens multa alia iura, que uidebantur necessaria in actibus publicis et priuatis, uidelicet in causis, et pro iustitia equo libramine omnibus exhibenda. quem libellum curia semper habebat pre manibus nec absque eo iudices uel aduocati ad discutienda causarum merita procedebant. hoc capitulare transcripserunt Tragurinienses, alii, quos emulatio nostri regiminis ad bona studia prouocabat.

Denique transcurso iam ex maiori parte anni spatio uentum est ad electionem anni sequentis. et cum super hoc uniuersale ageretur consilium, non fuit contradictio aliqua, sed omnium proclamatio, ut idem Garganus ad alterius anni regimen assumi deberet. erant tamen aliqui insolentes, qui nec ipsum nec alium pro potestate uolebant, ut absque rectoris terrore uiuentes consuetam possent nequitiam exercere; sed non presumebant palam resistere, metuentes popularem tumultum contra se concitari. statutum enim fuerat et sacramenti religione firmatum, ut nemo assumeretur pro comite, sed per potestates de cetero ciuitas regeretur; nec prima potestas ante recederet, nisi cum altera aduenisset. factam autem electionem suscepit Garganus; auctumque est ei salarium in tanta quantitate pecunie, quod accedebat ad summam mille librarum nostre monete. eodem modo electus in tertio anno suscepit regimen, sed quasi inuitus; habuitque salarium mille trecentarum librarum, societatis tamen numerum ampliauit.

Itaque Garganus, non minus in duobus sequentibus quam in primo anno feruidus, circa prouectionem rei publice intentissime uigilabat. fecit autem fieri quoddam munimentum, ubi dicitur ad petram, ut esset tutelle refugium contra predones, qui consueuerant maxime de Massari monte descendere predaque abducere ad montana. sed multis aliis negotiorum incursibus prepeditus inceptum edificii opus intermittere coactus est.

XXXV.

DE BELLO, QVOD GESSIT CVM PIRATIS

Anno autem secundo sui regiminis opus ualde commendabile aggressus est. etenim quia uir erat detestator nequitie, cepit uigilanti studio cogitare, quonam modo fieri posset, ut tam uesanam piratarum seuitiam refrenare ualeret; uocatisque non multis

ex ciuibus cepit cum eis secrete tractare et eos inducere, ut bellum Deo gratum et hominibus in Almisanos inferrent. et quamquam cerneret quosdam in facto huius negotii uacillantes nec assensum pleno corde prebentes, ardebat tamen eius animus aliquid suo tempore Deo prestare obsequium, si Dei inimicos disturbare et insequi conaretur. tanta enim desiderii auiditate in eorum ferebatur perniciem, ut cum esset in omnibus circumspectus, non satis consulte, ut uidebatur multis, in bellum processit. nam antequam sufficientem preparationem lignorum atque armorum Spalatenses haberent, auxilio fretus diuino, pugnandi materiam adinuenit.

Nactus uero occasionem congruam contra ipsos ex eo, quod quidam Tollen nepos Malducis predam fecerat in campo Spalatensi, palam arma parari constituit. et cum pecuniam pro ipsa preda soluere denegaret, tunc facta est Spalatensibus iusta occasio insurgendi unanimiter contra eos. tunc potestas, ut erat sagax homo, cepit dissimulare aliquandiu, temptans, si foret possibile insidiosè inuadere castrum. sed positarum insidiarum conatus frustra processit; nam castrensiu uigiles presenserunt. ceperunt ergo manifeste bellum eis inferre. itaque, armatis lignis, que habebant, quamuis non satis forent ad bellum habilia, nauigauerunt et applicuerunt ad insulam Bratiam. et recensitus est numerus naualis exercitus, et inuenti sunt ex Spalatensibus fere mille ducenti armati. dederunt autem Tragurienses auxilium, sed pigrum satis et tenue. tenebant autem eo tempore insulas Faron et Bratiam Pribislaus et Osor, filii Malducis de Almisio. tunc potestas misit ad insulanos, precipiens, ut statim ad eos accederent et spreto dominio Almisianorum recipiant dominium Spalatensium. illi autem ualde gratanti animo accesserunt et, iurantes omnimodam subiectionem, tradiderunt ex potestatis precepto omnia bona Almisianorum, que erant in insula: greges, armenta et sata et uniuersa, que pertinebant ad ipsos. que omnia receperunt Spalatenses et transposuerunt ea in terram; alia in Appuliam uendenda miserunt, alia in eadem insula custodiri fecerunt. Osor autem, qui erat comes eiusdem insule, eo tempore aberat; Almisiani uero, armatis clanculo lignis, nauigauerunt latenter ad insulam et inuaserunt quatuor barcusios Spalatensium, qui erant missi ab exercitu ad aliud insule caput, uerumtamen nec unum hominem capere potuerunt. tunc potestas, relictis ad custodiam insule duobus nobilibus uiris, Lampredio et Stephano, tradita eis sotietate quinquaginta bonorum iuuenum ex popularibus ciuitatis, ipse cum toto exercitu repedauit ad urbem. auxit autem exercitum et abiit ad uineta hostium, cepitque ea passim destruere, succidere arbores et culta omnia deuastare.

Interea quadam die, aduesperascente iam hora, ecce Osor, belli nescius, cum armato ligno ab insula uersus Almisium remigabat. Spalatenses uero, uidentes et cognoscentes ipsum esse, festinanter preparauerunt se circumdare ipsum et capere. factum est autem; et appropinquante Osore Spalatenses cum sua numerositate lignorum subito prorumpunt ex portu et, sparsim remigantes, circumuallant equor, ne qua parte uia pateret hostibus euadendi. uidens autem Osor hostilibus se circumseptum cateruis, non potuit diuertere; sed, cohortatus suos, inter omnia Spalatensium ligna irruens, ulterius remigauit. et dum iam constringi, dum teneri putatur, ipse, uelud anguilla lubrica, de manibus comprimentium elapsus est et euasit. de cuius euasione Spalatenses multum tristes effecti ad propria sunt reuersi.

Tunc Osor, qui ceteris erat fratribus insolentior, cepit toto suo conamine preparare se ad defendendum et resistendum contra Spalatensium incepta. et ut erat consuetus, conuocauit ad se omnes uiros sanguinum; et dans eis stipendia cum fratribus suis,

quia piraticis erant opibus admodum locupletes, omnes quas habebant Liburnas multo plures et meliores, quam Spalatensium, armauerunt. et exeuntes ab Almisio ceperunt occulte et manifeste et quacumque arte poterant offendere Spalatenses.

Cum ergo Spalatenses cernerent, quod inimici eorum a rigore sue nequitiæ ceruices nequaquam flecterent, sed ad nocendum essent totis uiribus preparati, ceperunt penitere incepti, contra potestatem maxime obloquentes, quod improvide et inconsulte ante sufficientem preparationem lignorum et armorum bellum uoluit atemptare. tunc Garganus, curarum pondere inquietus, huc et illuc mente rapiēbatur pertractans, qualiter hostium audatiam suppeditare ualeret. fecit autem fieri unum lignum trireme in modum galee, quod esset ceteris uelocius et eminentius, quod infra uiginti ferme dierum spatium totum de nouo fabricatum est et expletum. sed hoc erat quod maxime potestatem affligebat, quia uidebat ciues non ex corde contra hostes arma mouere: uix enim cum magna difficultate cogere eos poterat ad ligna intrare.

Itaque comes Osor cum sua classe in uigilia Apostolorum adnauigauit in insulam Soltam, quam, percurrentes hostiliter, ceperunt obuiantia queque uastare. custodes uero insule, cum colonis atiem struentes, ut poterant, aliquandiu restitere, sed cum essent hostium respectu paucissimi, consultum uolentes esse uite sue, campum hostibus relinquētes ad tutiora loca se contulerunt. tunc Almisani, liberum se cursum habere uidentes, ceperunt ad predam undique debachari, inuadere rusticos, mulieres opprimere, comburere segetes et mala omnia perpetrare. uenientes autem ad ecclesiam Beati Stephani, diripuerunt, quicquid in domo erat, flammis eam succedentes. ad ultimum uero, ecclesiam ingressi, paganorum more altariola fregerunt, spargentes reliquias ac ausu nefandissimo ipsam Sacrosancti Corporis eucharēstiam, que super altari pendebat, sceleratis manibus contingentes deiecerunt in terram. mox uero, quasi leta potiti uictoria, cum exultatione ad propria remearunt.

Sed benedictus Deus, qui non in longum passus est tanti sceleris dormire uindictam! die namque tertia iterum multiplicatis suarum apparatibus copiarum exierunt a Dalmisio et nauigauerunt ad insulas occupandas. et primo quidem medio noctis tempore applicuerunt ad Bratiam et, exeuntes de lignis, optime se armarunt. et extruētes aties ascenderunt summo diluculo ex orientali capite; et adhuc soporatis hominibus repente irruerunt in uicos, capientes homines, predas rapientes, domos ignibus concremantes.

Et ecce rumor huius pestis per totam insulam subito euolauit, gelidusque tremor per omnium membra cucurrit. tunc quinquagenarii illi, qui ad custodiam insule fuerunt deputati, preparauerunt se uiriliter ad pugnandum. miserunt autem, ut omnes insulani occurrerent ad auxilium impendendum. ipsi uero ceperunt paulatim incedere uersus eos. et ecce, turma quedam apparuit eminus in conualle, quam multitudo cetera sequebatur. nostri uero desuper intuentes substiterunt et ceperunt deliberare inter se, quid facto opus esset. nondum enim ex insulanis nisi pauci conuenerant. hostes uero, uidentes nostrorum turmulam quasi pauidam, non crediderunt eos fore ausos ad conflictum accedere. quam ob rem putabant eos primo insultu in fugam uertere. unde omnes simul conglobati ceperunt uociferando contra eos incedere. nostris uero quamuis temerarium uideretur, cum pauci essent, contra multitudinem dimicare, fedum tamen et ualde ignominiosum esse putabant, si absque belli impulsu et solo uisu pauefacti eis cedendum putarent. tunc, ipsis cunctantibus et suum consilium in diuersa uoluentibus, hostes magis ac magis appropinquabant. mox uero quasi quidam constantie spiritus in

eorum uisceribus incalescere cepit, statimque unus eorum, qui preerat qumquagenariis illis, Stephanus nomine, factus audacior dixit: 'eia, uiri, nonne scitis, iustam nos bellandi causam habere? non recordamini, quod hii, qui contra nos ueniunt, Deo et hominibus odibiles pirate sunt? numquid non a tota Christianitate anatematizati et execrati habentur? nos Deus et iustitia proteget, illos sua iniquitas confundet. nulla ergo sit trepidatio; uiriliter agite et confortamini, quia Deus dabit uictoriam de inimicis suis.' ad hanc uocem omnes exhilarati ceperunt commendare se Deo et Beato Domnio. tunc ordinantes se ceperunt contra hostes audacter incedere. factum est autem, ut ambe aties minimo iam essent interuallo propinque; exclamauit Stephanus: 'uindica, Domine, sanguinem seruorum tuorum, qui ab his canibus effusus est.' tunc ceperunt altrinsecus sagittis et iaculis magno strepitu dimicare. cum autem manu ad manum coniuncti iam gladiis et pugionibus commixtim instarent, parua mora utrinque certatum est. et ecce pars Almisanorum, quasi celitus percussa, repente disrupta est. et cum non multi uulnerati, non multi trucidati fuissent ex eis, subito terga uertentes fugati sunt, attonitique, uelud amentes, huc illucque discurrunt.

At nostrorum uictrix sotietas, gratias agentes Deo, qui percutit impios et saluat sperantes in Se, a tergo percutere fugientes, ligare captiuos, arma diripere non cessabant. sed quia pauci erant, non poterant eos usquequaque insequi oberrantes. persecuti autem eos sunt usque ad puppes biremium suarum. ecce autem inuenerunt comitem Osor, utraque manu debilitatum, sub armis anhelantem et diffugium ad mare querentem. statim ergo, ut cognouerunt eum, circumdederunt ipsum. et cum unus eorum eleuato gladio super caput ipsius uibrasset, Lampredius, super ipsum toto corpore se prosternens, non permisit eum interfici, sed captum et ligatum ad desensum ducentes, in custodia posuerunt. ceperunt autem et ex melioribus multos, quos omnes, ergastulis mancipantes, potestatis arbitrio seruauerunt. porro hii, qui ad mare euadere potuerunt, concite se impellentes terra tremebundi et anxii raro remigio ad propria se traxerunt. sequenti uero die exierunt nostri, ut inuestigantes caperent, qui latebant. et ecce inuenerunt multos ex melioribus absque ullo uulnere iacentes exanimis inter uepres. et hoc quasi miraculose contigit, ut absque humana percussione a sua nequitia perfocati iacerent. nam et ex eis quidam, qui ad ligna confugerant, antequam applicarent ad terram, spiritum exhalarunt. de nostris uero nec unus quidem occubuit. cum autem nuntios ad ciuitatem misissent triumphum uictorie referentes, non credebat Garganus pre gaudio, admirans, quomodo fieri potuit, ut parua manus hominum, et ipsa modicum bellandi exercitatione perita, tantam potuit superare multitudinem, que, frequenti inebriata cruore, pro nichilo consueuit ducere mortis periculum in pugne conflictu. tandem certificatis de leto euentu uictorie cum magna festinatione et exultatione armauerunt Liburnas et ad insulam nauigarunt.

Miserunt autem et fecerunt omnes captiuos ad mare adduci. cum autem ductus fuisset comes Osor cum ceteris maioribus coram potestate, cepit Garganus dicere insultando: 'o comes Osor, ubi tantus elationis fastus? ubi tante preeminentie potentatus? ecce, quo deuolutus es, qui nec Imperatores, nec reges credebas esse pares potentie tue! disce iam, quia plus potest diuina iustitia, quam humana temeritas'. his dictis fecit omnes uinctis a tergo manibus introduci ad ligna, et sic ad ciuitatem uenerunt. mox autem ut ciuitatem ingressi sunt, fecit potestas omnes duci ad carceres et constringi ligno pedes eorum posuitque custodias circa ipsos, comitem uero et maiores ferreis compedibus

uinctos fecit sub Palatio suo arctissime custodie mancipari. mitius a principio cepit agere cum eis, expectans, si forte emollirentur corda eorum et ad ipsius uenirent mandata. sed cum uideret eos in sua malitia obduratos ita, ut ad bonam pacis conditionem abque pacto flecti nequirent, cepit eos carcerali squalore affligere, inedia macerare, quosdam etiam uerberibus torquere. sic autem extorsit ab eis non paruam pecunie quantitatem.

Tunc cepit pacis colloquium fieri inter ipsos. promittebat siquidem comes omnia ligna piratica in manibus tradere potestatis et quod numquam alia facerent ad cursum denuo exercendum. et cum talis pactio Spalatensibus non placeret, statim Almisienses resiliabant: adeo durissimum uidebatur eis a consueta nequitia ex toto cessare. sed potestas non aliter eorum relaxationi acquiescere uolebat, nisi ex eorum manibus excuteret gladium, quo in insontes latrocinando grassari uolebant. conabatur quippe potestas tota cordis intentione pestem piratice uesanie prorsus extinguere, magnum se Deo prestare obsequium arbitratus, si tante impietati finem imponere potuisset. inducebat autem eos ad iuste uiuendum, nunc blandis uerbis commonens, nunc terrores incutiens. ipsi uero, ut peruerse mentis homines, callida simulatione deducebant consilia potestatis, mallentes penaliter seruire diabolo, quam iustam et tranquillam secundum Deum agere uitam. talibus ergo uersutis utentes promissis, decem mensibus in carcere iacuerunt. tandem uero uidentes fratres comitis cum ceteris, quod nullo modo de potestatis manibus euadere poterant eorum captiui, nisi ligna Spalatensibus traderent et cursum penitus resignarent, tunc acquieuerunt ad omnia, et miserunt Spalatum sex ligna que habebant maiora et alia quedam que ceperant minora. pacti sunt autem, quod numquam ad latrocinandum exirent, iuramenti se uinculo astringentes et obligantes, quod si quando in contrarium facerent, tenerentur soluere Spalatensibus duo millia iperperorum et quod ab offensione istorum precipue abstinerent, uidelicet Spalatensium, Venetorum et Anconitanorum; Imperatori namque obsides dederant, ut nullam in toto regno Appulie lesionem inferrent. iurauerunt etiam, ut omnibus amicis et iuratis Spalatensium eadem pacis federa obseruarent. et sic eorum captiui relaxati sunt omnes.

XXXVI.

DE PESTE TARTARORVM

Anno quinto regnante Bela, filio Andree regis Hungarie, secundo anno Gargani, gens pestifera Tartarorum ad partes Hungarie propinquauit. etenim a pluribus iam annis rumor et timor gentis ipsius in totum processerat orbem. uenerant namque ex partibus Orientis, depopulando prouincias, per quas habuerant fransitum, usque ad confinia Rutenorum. sed Rutenis fortiter resistentibus non poterant ulterius progredi; multotiens enim conflictum habuerunt cum gentibus Rutenorum multumque cruoris fusum est hinc et inde, longe tamen fugati sunt a Rutenis. quam ob rem diuertentes ab eis uniuersas septentrionales regiones pugnando circuierunt ibique uiginti et eo amplius annis demorati sunt. postea uero multiplicatis legionibus exercitus sui, ex gentibus precipue Cumanorum et ex multis aliis nationibus, quas deuicerant, reuersi sunt ad Rutenos. et primo quidem ciuitatem maximam Christianorum, nomine Susdaliu, circumdantes obsederunt et obsessam diu non tam ui, quam fraude ceperunt et destrux-

erunt, regemque ipsius nomine Georgium cum magna multitudine sui populi neci dederunt. inde autem uersus Hungariam proficiscentes obuia queque uastabant.

Eo autem tempore, anno uidelicet incarnationis millesimo CCXXI, sexto die intrante Octobri, die dominica, iterum factus est solis defectus totusque aer obscuratus est, fuitque (h)orror magnus in omnibus, uelud in ea eclipsi, que facta est tertio anno precedente, ut supra tetigimus.

Igitur, cum rumor exitialis aduentus Tartaree gentis ad aures perstreperet Hungarorum, quasi ludus quidam uel inane sompnum uidebatur eis: tum quia tales rumores frustra sepe audierant, tum etiam, quia de copiosa sui regni militia confidebant. erant autem longa pace dissoluti, armorum asperitate desueti, non nisi carnalibus gaudentes illecebris ignauie torpore marcebant. etenim terra Hungarica, omnibus bonis locuplex et fecunda, causam prestabat suis filiis ex rerum copia immoderatis delitiis delectari. quod enim aliud erat iuuenilis etatis studium, nisi polire cesariem, cutem mundare, uirilem habitum in muliebrem cultum mutare? tota dies exquisitis conuiuuiis aut mollibus expendebatur iocis. nocturnos sopores uix hora diei tertia terminabat. cuncta quidem sue uite tempora in apricis siluis et amenis pratis cum uxoribus transigentes, non de bellorum strepitu cogitare poterant, qui non seria, sed ludicra cotidie contractabant. at uero, quibus erat mens sanior, feralibus nuntiis excitati, pestifere gentis metuebant incursum. quam ob rem regem et principes crebris sollicitabant alloquiis, ut tanto precauerent malo, ne forte subita fieret impie gentis irruptio et maiorem perniciem inferrent incautis.

Vix tandem rex, his pulsatus clamoribus, commouit se et abiit ad extrema sui regni, uenitque ad montes, qui sunt inter Ruteniam et Hungariam et usque ad confinia Polonorum; inde circu(m)iens et circumspectans cunctos infirmiores terre ingressus, cesis ingentibus siluis, longas fieri fecit indagines, obstruens transiectis arboribus uniuersa loca, que ad transeundum facilia uidebantur. et tunc reuersus misit et congregari fecit omnes principes, cunctos barones et proceres regni sui, cunctumque robur Hungarici exercitus contraxit in unum. uenit autem Colomannus rex, frater eius, cum omni potentatu suo. uenerunt et presules Hungarie, qui et ipsi, non contenti sobriam ecclesiastice moderationis habere familiam, immo pre diuitiarum magnitudine magnas militum aties ductitabant. affuit Mathias Strigoniensis, accessit Hugrinus Collocensis archiepiscopi, uterque cum suffraganeis suis; quos secuta est magna multitudo prelatorum et religiosorum, qui omnes ad castra regia congregati sunt, quasi oues ad uictimam. tunc ceperunt uniuersale consilium agitare, diebus non paucis contractantes, qualiter aduentantibus Tartaris esset consultius occurrendum. et cum diuersi diuersa sentirent, nullum uolebant consilium concorditer stabilire. alii, terrore torpentes nimio, dicebant cedendum eis fore ad tempus nec esse confligendum cum hominibus barbaris et desperate salutis, qui non pro regnandi cupiditate, sed pro predarum auuiditate per mundum pugnando discurrunt. at uero alii, securitate fatua dissoluti, dicebant ad primam ostentationem nostre multitudinis eos esse in fugam uertendos. sic autem, quibus repentinus parabatur interitus, non ualebant in unum consilium concordare.

Illis ergo consulendo cunctantibus morasque inaniter protrahentibus ecce nuntius inopinatus ad regem currit, nuntians ex certo, quod infinita iam multitudo Tartaree gentis regnum intrauerat et iam prope esset. tunc, omissio consilio, rex et regni principes ceperunt arma parare, ordinare duces super legionibus, maiorem pugnantium copiam

conuocare. exeuntes autem a Strigonii partibus, transierunt Danubium et uenerunt uersus Pestium, que erat maxima uilla. igitur, peractis iam fere diebus Quadragesime, prope Pasca, uniuersa multitudo Tartarei exercitus in Hungarie regnum irrupit. habebant autem quadraginta millia securigeros, qui preibant exercitum siluas cedentes, uias sternentes et omnia offendicula ab ingressibus remouentes. quam ob rem indagines, quos rex parari fecerat, tam facile transcenderunt, ac si non ex ingentium abietum et quercuum fuissent exstructe congerie, sed ex leuibus essent stipulis preparate: ita breui spatio contrite sunt et combuste, ut nullum foret obstaculum transeundi. uenientes autem ad primos terre colonos, non totam sue atrocitatis seuitiam a principio ostenderunt, sed discurrentes per uillas, predasque facientes, non magnam stragem ex hominibus faciebant. erant autem duo fratres duces illius exercitus, quorum maior Bath, minor uero Caydan uocabatur. miserunt autem ante se quandam equitum manum, qui ad Hungarorum castra propinquantes et se ipsos frequentius ostentantes eos ad prelium prouocabant, experiri uolentes, utrum Hungari pugnandi haberent animum contra eos. at uero Hungarorum rex selectis militibus imperat in eos exire. qui, armatis cuneis et bene dispositis, ceperunt egredi contra ipsos. sed Tartarorum aties, non expectans manuale certamen, suo more sagittarum iacula emittentes in hostes, cursu precipiti fugiebant. tunc rex cum uniuerso exercitu suo, quasi fugitantium insequens terga, uenit usque ad flumen Tysiam, quam transuadantes, leti iam et uelud hostiles turmas extra sua confinia propellentes, uenerunt usque ad aliam aquam, que uocatur Solo. uniuersa uero multitudo Tartarorum castra posuerat ultra aquam illam in locis abditis inter condensas siluas, unde non totaliter, sed in parte ab Hungaris conspici poterant. uidentes autem Hungari hostilia agmina ultra fluuium descendisse, castra metati sunt citra. tunc precepit rex, ut non sparsim, sed consertim tentoria figerent. composuerunt ergo sese quasi in quodam arctissimo stabulo cuncti, circumponentes currus et clipeos undique quasi pro munimento castrorum. ita uero tentoria constipata fuerunt et eorum funiculi in tantum connexi et concatenati ad inuicem stringebantur, ut uia esset omnino perplexa nec liceret per castra discurrere, sed omnes essent ueluti quodam retinaculo intercepti. hoc reputabant Hungari munimen, sed in maximum eis cessit discrimen. tunc Bath, maior dux Tartarei exercitus, in quendam collem conscendens speculatus est diligenter omnem dispositionem exercitus et reuersus ad suos dixit: 'bono animo nos esse oportet, o sotii, quia licet magna sit multitudo gentis istius, tamen, quia improuido reguntur consilio, non poterunt effugere manus nostras. uidi enim eos quasi gregem sine pastore in quodam arctissimo stabulo interclusos'. tunc eadem nocte, uniuersis legionibus suo more dispositis, iussit aggredi pontem, qui inter utramque fluminis ripam distentus non multum ab Hungarorum castris distabat. quidam uero transfuga ex Rutenis ad regem cucurrit et nunciauit, dicens, quod 'hac nocte ad uos transituri sunt Tartari. estote itaque cauti, ne forte subitanei et improuisi irruant in uos'. tunc Colomannus rex armatis suorum cuneis e castris processit, quem secutus est Hugrinus archiepiscopus cum agmine suo; erat enim et ipse uir bellicosus et ad pugnandum satis promptus et audax. uenerunt autem medio noctis tempore ad predictum pontem; et ecce iam pars quedam hostium ultra transierat; quos uidentes Hungari statim iruerunt in eos et, satis uiriliter pugnantes cum eis, plurimos trucidauerunt, alios uero, urgentes ad pontem, in flumen submergi fecerunt. et positis custodiis ad caput pontis cum magna exultatione redierunt ad suos. Hungari ergo, ex euentu uictorie ual-

de letificati, quasi iam omnino uictores, abiectis armis tota nocte dormierunt securi. at uero Tartari, in pontis capite septem erigentes machinas, custodes Hungarorum longius abegerunt, ingentes in eos lapides intorqueno et sagitarum iaculis insistendo. fugatis ergo custodibus libere et sicure alii per pontem, alii per uada aluei transierunt. et ecce summo diluculo apparuit uniuersa multitudo Tartarorum per campum diffusa. custodes uero, fugientes ad castra magnisque clamoribus perstreptentes, uix excitare poterant securo somno sopitos. tandem, tristi nuntio expergefacti, non, ut oportebat in summo discrimine, concite arma arripere, equos ascendere et in hostes exire, sed, lente e stratis surgentes, querebant potius suo more capita pectere, manicas suere, faciem lauare, de committendo prelio modicum cogitabant. at tamen Colomannus rex et Huginus archiepiscopus et quidam magister militie templi, ut strenuos decebat uiros, non, ut ceteri, se quieto sopori dederunt, sed totam totam noctem in armis ducentes peruigilem, mox ut clamorem persentierunt, statim e castris erumpunt. tunc, militaribus armis accincti et in unum cuneum conglobati, audacter in hostiles aties irruerunt et cum eis aliquandiu multa fortitudine pugnaerunt. sed cum essent paucissimi respectu infinite multitudinis Tartarorum, qui locustarum more paulatim ebulliebant de terra, pluribus iam de sua societate peremptis redierunt ad castra. Huginus ergo, ut erat uir constanti libertate intrepidus, eleuata uoce cepit regem de negligentia increpare et omnes barones Hungarie de ignaui torpore arguere, quod, in tanto periculo constituti, non sue uite consulerent nec toti regno subuenire pararent. qui ergo parati erant, exierunt cum eis; alii uero, inopinato pauore perculsi, quasi amentes, nesciebant, ad quid manus tenderent et quo tutius se conferrent. itaque tres duces predicti, nullas sustinentes moras, iterum exeuntes prelium cum hostibus commiserunt. tanta denique fortitudine inter confertissimas hostium cateruas ferebatur Huginus, ut uelud fulminis ictum magno cum clamore uitarent. similiter et Colomannus, et templarius cum suis commilitonibus Latinis magnas strages ex hostibus faciebant. sed impetum multitudinis iam non ualentes sufferre, Colomannus et archiepiscopus, acriter uulnerati, uix euaserunt ad suos. magister uero templarius cum tota atie Latinorum occubuit; multi etiam Hungarorum in illo certamine perierunt. hora autem diei quasi secunda, et ecce uniuersus exercitus Tartaree multitudinis ueluti quadam chorea circumdedit omnia castra Hungarorum et intentis arcubus ceperunt undique saggittare, alii uero in circuitu castrorum ignem apponere properabant. uidentes autem Hungari ex omni parte hostilibus se cuneis circumseptos, periit mens et consilium ab eis, nil iam de explicandis suis copiis aut de inuendo uniuersali certamine poterant cogitare, sed, tanto malo attoniti, ibant circumquaque, uelud oues, in stabulo luporum morsus euadere perquirentes. hostes uero undique circumfusi non cessabant iaculis et sagittis instare. at uero miseranda Hungarie multitudo, omni salutis consilio destituta, quid faceret, non uidebat; neque enim alteri cum altero colloquium habere licebat: unus quisque sibi sollicitus, de communi salute nullus prouidere ualebat. sagittarum et iaculorum imbrem non armis oppositis excipiebant, sed, dorsa uertentes ad ictus, cadebant passim tam crebri, ut de concussa ylice diffluere glandes solent. et cum omnis spes uite foret adempta, mors uero in omnium oculis (h)uando per castra uideretur discurrere, rex et principes, relictis signis, ad fuge presidium se conuertunt. tunc reliqua multitudo, hinc crebris mortibus territa, hinc flamme deaurantis in giro metu attonita, nil nisi ad fugam totis precordiis estuabat. uerum, cum tantis se posse malis eripere fugiendo intendunt, ecce aliud malum domes-

ticum et familiare incurrunt. etenim cum uiarum aditus funicularum connexionem et tentiorum densitate forent periculosissime prepediti, dum cursim exire festinant, alter rubeat in alterum, nec minor uidebatur ruina, quam ex sui pressura exercitus faciebat, quam ea, quam hostes sagittarum ictibus inferebant. uidentes autem Tartari, quod in fugam uersus esset exercitus Hungarorum, quasi hostium quoddam aperuerunt eis et, permittentes eos abire, non impetuose, sed pedetentim insequabantur eos ex utraque parte, non sinentes eos huc aut illuc diuertere. iacebant autem per uias infelicium opes, uasa aurea et argentea, purpurea indumenta et arma copiosa. sed Tartarorum inaudita crudelitas, nil curans de spoliis, omnem pretiosarum rerum parui pendens predam, in sola hominum cede crassarunt. cum enim uiderent (hostes) iam itineris labore defessos nec posse ad arma manus extendere nec pedes ulterius ad fugam laxare, tunc ceperunt hinc et inde iaculis infigere, gladiis obtruncare, nulli parcere, sed omnes feraliter trucidare. cadebant a dextris et a sinistris (h)yperbaleum foliorum instar, iacebant per totam uiam miserorum prostrata cadauera, fluebat sanguis more torrentis fluiui: infelix patria, filiorum infecta cruore, longe lateque rubebat. unc miserabilis multitudo, quam nondum deuorauerat gladius Tartarorum, ad quamdam paludem uenire compulsus, non est permissa diuersam ingredi uiam, sed, urgentibus Tartaris, in eam ingressa est pars maxima Hungarorum ibique ab aqua et luto pene omnes absorpti sunt et extincti. ibi ille famosissimus uir Vgrinus periit, ibi Mathias Strigiensis, ibi Gregorius Ioriensis episcopus, ibi multa prelatorum et clericorum turba occubuit.

Heu heu Domine Deus, cur ecclesiastica dignitate preditos Tuoque ministerio deputatos tam acerbo fine concluderis, tam uili sepulchro dampnaueris? uere iudicia Tua abyssus multa. infelices et miseri, qui multo melius se suumque populum piis uotis intentisque precibus iuuare poterant, in sacris edibus Tue tremende Maiestati supplicando, quam materialibus armis accincti in castris laycalibus pernoctando.

Factus est ergo sicut populus sic sacerdos, et quos unum agnum commisit ad pugnam, unus interitus inuoluit ad penam. igitur si qui ex illa uoragine euadere potuerunt, nullam spem habebant diffugii a facie gladii imminentis; cum tota terra, quasi locustis, esset repleta hostilibus turmis, quibus nulla erat pietas parcere prostratis, misereri captiuis, preterire lassos: sed uelud agrestes belue nil nisi humanum sanguinem sitiabant. tunc uideres omnes uias, cuncta diuerticula cadaueribus repleta.

Transierat iam prima communis exitii dies, quam alie nichilominus acerbiori sunt auspicio secuturæ. etenim facto uespere, diffessis iam et cessantibus Tartaris, non patebat liber transitus uolentibus fugere; quocumque mediis tenebris diuertebant, impingebant in corpora miserorum, spirantium adhuc aut sub uulnere gementium. iacebant ex maiori parte letali sompno immobiles, uelud utres flatibus tumefacti. horror ingens erat prima nocte cernere tam multa cadauera hominum, uelud ligna et lapides ubique iacentium. sed diebus sequentibus assuetudo mali horrorem in tutelam mutauit. nonnulli etenim, tota die diffugere non audentes, semet ipsos interfectorum sanguine inuoluebant et inter cadauera latitabant, et sic uiui a mortuis tutele refugium optinebant. quid uero commemorem de immani seuitia, quam in ciuitatibus et uillis diebus singulis exercebant? cum imbellem turbam mulierum, senum et infantium carnifices faciebant uno ordine consedere et, ne uestes maculentur sanguine neue carnifices lassarentur, indumenta prius omnibus detraebant; et tunc missi carnifices, singulorum brachia eleuantes, figebant leuiter telum in corde, et extinguiebant omnes. preterea mulieres

Tartarorum uirili more armis accincte in pugnam audacter ferebantur, ut uiri, he in mulieres captiuas atrocius seuiebant. si quas enim uenustiores cultu cernebant, ex quibus zelotipie motum possent aliquatenus formidare, statim extracto gladio perimebant; uel si quas uidebant ad seruiendum habiles, preciso totaliter naso, deturpata facie seruili ministerio deputabant. pueros quoque captiuos ad se uenire iubentes, tale de ipsis ludibrium faciebant: primo seriatim eos consedere iubebant; deinde, uocatis paruulis suis, dabant eis uiridium lignorum uectes singulas et tunc precipiebant, ut in capita percuterent miserabilium paruulorum; ipsi uero, sedentes et crudelibus oculis intuentes, corridebant ad inuicem, collaudantes eum, qui melius ictum uibrasset et qui unica percussione cerebrum collidere poterat et corpus extinguere puerile. quid pluribus opus est? nulla erat reuerentia feminei sexus, nulla pietas puerilis etatis, nulla misericordia senectutis; uno cunctos impietatis genere trucidantes, non homines, sed demones uidebantur. ad religiosorum habitacula cum uenirent, procedebat eis clericalis cetus, sacris stolis induti, concinentes hymnos et cantica, quasi debitam honorificentiam uictoribus exhibentes et parantes munera et exenia, ut eorum circa se misericordiam prouocarent. sed ipsi, totius pietatis et humanitatis ignari, religionis obsequia contempnentes et piam eorum simplicitatem deridentes, extractis gladiis absque ulla miseratione ipsorum capita detruncabant. tunc irruentes in claustra diripiebant omnia, domos succedentes, ecclesias prophanantes; diruebant altaria, spargebant reliquias, ex sacratis uestibus concubinis et uxoribus redimicula preparabant.

At uero Bela rex, auxilio protectus diuino, tantum euadens excidium cum paucis secessit in Austriam. rex uero Colomannus, frater eius, deuenit ad magnam uillam, que sita est super ulteriorem ripam Danubii, nomine Pestium; ad quem locum maxima multitudo Hungarorum et aliarum nationum, que ultra citraque Danubium habitabant, audito infausto belli euentu et cognoscentes interitum totius exercitus, confugerunt. habebant enim fiduciam in numerosa plebis multitudine, que ex aduenis et incolis ibidem fuerat congregata. sed dissuadebat eis Colomannus rex, temeraria ausa molientibus et celesti gladio se posse resistere arbitrantibus. consulebat autem eis, ut potius ad alia loca diuertentes salutis sue quererent munimentum. sed cum non acquiescerent salubri consilio, discessit ab eis Colomannus et uenit trans Drauum fluuium, ubi habitationis sue habebatur locus.

Predicta uero popularium turba, ut talium se habet presumptio, ceperunt locum munire, uallum effodere, componere aggerem, uimineas crates circumplectere et inaniter omnia preparare. sed antequam ad medium operis processisset principium, ecce repentini adsunt Tartari, timor et hebetudo mentis peruadit multitudinem Hungarorum. tunc truculenti duces, ueluti rapaces lupi, quos rabide famis exagitat ingluuies, caulas solent ouium ad predam in(h)uando lustrare, ita isti, beluino more furentes, totam uillam trucibus oculis circumspiciunt, feroci animo pertractantes, qualiter Hungaros uel ad exteriora traherent uel ad eos ingredi per atiem gladii preuulerent. igitur Tartarorum acies, suis castris circa totam uillam defixis, ceperunt eam undique impugnare, sagittantes acriter et telorum ymbrem interius iacentes. e contrario uero Hungarorum infausta rebellio totis se uiribus defendere conabatur, intendentes balistas et arcus, plurima in hostiles cuneos iacula emmittebant, multos e machinis lapides intorquendo. sed liferere Tartarorum sagitte, infallibiliter penetrantes, certiozem inferebant mortem. non enim erat torax, clipeus uel lorica, quam non transfoderet ictus Tartarea manu uibratus.

cum ergo altrinsecus duobus aut tribus diebus pugnatum fuisset et plurima iam strages ex miseranda plebe foret peracta, nequicquam infelices dextris languentibus resistebant, quia locus non satis erat munitus, die quadam uno impetu Tartari irruerunt nec fuit ultra congressio nec resistentia ulla.

Tunc furor et impietas, ultra quam dici potest, in miseros deseuire cepit. re uera in Pestio tota se pestis immersit. ibi diuine ultionis gladius in Christianorum cruore quam maxime debachatus est. introgressis itaque Tartaris quid misere plebi restabat consilii, nisi complicare brachia, ponere genua, flectere sub mucrone ceruices? at uero cruenta barbaries non satiabatur inundatione sanguinis copiosa: non deficiebat cedis instantia indefessa. tantus audiebatur fragor cedentium, ac si ingentium siluarum robora securium multitudine detruncarentur ad terram. tollebat ad celum rugitus et ululatus plangentium mulierum, uociferantium puerorum, qui tam acerbe mortis furiam coram oculis discurrere sine cessatione cernebant. non uacabat tunc funereas agere pompas, non flere super caris extinctis, non sepulchrales exequias celebrare. generalis interitus omnibus imminens non de aliena, sed de sua morte quemlibet plangere compellebat. mares enim et feminas, senes et paruulos letalis gladius deuorabat. quis infelicissimam illius diei effari ualeat lucem? quis stragem tam numerosi populi recensere queat? cum plus quam centum millia hominum seua mors unius diei spatio et breui loci termino deglutiret. heu quam effera corda pagane gentis, que sine ullo pietatis affectu totas Danubii aquas humano sanguine rubere cernebat!

Postquam patrate cedis atrocitas sufficere uisa est, exeuntes de uilla ignem undique posuerunt, quam totaliter in conspectu hostium absque ulla mora uorax flama consumpsit. ad locum predicatorum pars quedam miserande plebis cum uxoribus et filiis confugerant, putantes se murorum ambitu interclusos summum frustrari discrimen. sed nil profuit loci munitio, quibus non aderat diuina protectio. nam uenientibus Tartaris et locum fortiter impugnantibus communi exitio traditi sunt appositoque igni ad decem millia ferme hominum cum loco et rebus miserabiliter conflagrarunt. huius tam grandis et horibilis cedis testis est multitudo inhumatorum ossium, que in magnos coadunata tumulos magnum spectaculum cernentibus prestant.

Interea Tartarorum exercitus, depopulata omni regione Transiluana, cesis ac fugatis Hungaris ex Transdanubialibus horis, composuerunt se in locis illis, totam ibi estatem et yemem peracturi. et ut metum incuterent his, qui erant ex altera parte Danubii, collectam multitudinem occisorum in acruos plurimos super ripam fluminis locauerunt. alii uero, puerulos lanceis affigentes, quasi pisces in ueru, per horas aluei baiulabant. iam uero captarum predarum non erat numerus uel mensura. quis extimaret innumerabilium equorum et ceterorum animalium multitudinem? quis diuitias et thesauros? quis spoliorum copias infinitas, quibus hostes locupletati gaudebant? quanta erat hominum captiuitas, uiuorum et mulierum, puerorum et puellarum, quos diuersis seruitiis subigentes sub ar(c)ta custodia detinebant!

Cum quidam religiosus uir nimio afficeretur dolore super tanto casu populi Christiani, admirans et ardenti desiderio causam scire cupiens, cur omnipotens Deus permiserit terram Hungaricam deuastari gladio paganorum, cum fides catholica ibi uigeret et ecclesiarum honor optimo statu polleret, audiuit nocte per uisum: 'noli admirari, frater, nec diuina iudicia tibi uideantur iniusta, quia licet multa facinora huius populi summa Dei clementia supportasset, scelus tamen nefande libidinis trium

episcoporum nequaquam potuit tollerare'. de quibus tamen hoc dictum sit, michi non est compertum.

Tunc Bela rex de Austria reuersus uenit cum omni familia sua et demoratus est in partibus Zagrabię. congregati uero sunt circa eum omnes, qui effugere poterant gladium Tartarorum; et erant ibi per (totam) estatem, rei exitum prestolantes.

XXXVII.

DE NATVRA TARTARORVM

Nunc uero de natura et habitu gentis illius, prout ab his audire potui, qui rem curiosius indagarunt, pauca narrabo.

Est enim regio illorum in ea parte orbis sita, ubi Oriens coniungitur Aquiloni, gentesque ille secundum proprietatem lingue sue Mongoli appellantur. ferunt tamen, quod terra illorum confinis sit ulterioris Indie, nomenque regis eorum Cецarcanus uocatur. hic ergo cum habuisset bellum cum quodam rege sibi contermino, qui quandam ipsius sororem stupratam occiderat, deuicit eum et extinxit; filium autem eius, ad regem alium fugientem, insecutus est et facto conflictu contriuit eum et ipsum, qui ei tutelam auxilii preparauerat in regno suo. ad tertium quoque regnum cum armatus accederet, commissit prelia multa cum eo et uictor existens ad propria repedauit. et uidens, quod tam prospera sibi in omnibus bellis fata successerant, cepit cor eius uehementer intumescere et ad superbiam eleuari. ratus autem, quod non esset in toto orbe gens aut regnum, quod eius potentie resistere posset, proposuit ex cunctis nationibus tropheum glorie reportare. uoluit ergo potentatus sui magnitudinem toti ostentare mundo, demonum fretus auspiciis, quibus uacare solebat. itaque uocatis duobus filiis suis Batho et Caydano tradidit eis robur exercitus sui, precipiens eis, ut ad debellandas totius mundi prouincias exire deberent. exierunt ergo et triginta fere annis perambulauerunt omnia regna orientalium et aquilonarium regionum, donec uenirent ad terram Rutenorum et demum ad Hungariam descenderunt. hoc autem nomen Tartari non nomen est gentis proprium, sed a quadam aqua, que illorum preterfluit regionem, sic appellati sunt; uel, secundum quosdam, tartar idem sonat quod multitudo. licet autem maxima esset multitudo eorum, maior tamen in illo certamine fuisse dicitur copia Hungarorum, sed non est gens in mundo, que tantam babeat bellandi peritiam, que ita sciat, maxime in campestri conflictu, hostes euincere, siue uirtute, siue sagacitate pugnando. preterea nec Christiana, nec (H)ebrea, nec Saracenicā se lege constringunt et ideo nulla ueritas reperitur in ipsis, nullius iuramenti fidem obseruant. et contra morem omnium gentium nec de bello, nec de pace legationem recipiunt aut mittunt. terrificum ualde exhibent faciei aspectum, breues habent tibias, sed uasta pectora; lata est facies, et cutis alba, imberbis gena et naris adunca, breues oculi, spatio longiori disiuncti. arma eorum sunt quedam tegmina ex taurinis coriis laminarum more compacta, impenetrabilia tamen et ualde secūra. cassides gerunt ferreas et ex coriis factas, falcatos enses, faretras et arcus militaliter cingunt. sagitte eorum nostris sunt quatuor digitis longiores, ferrea, ossea et cornea cuspidate. teni uero sagittarum ita stricti sunt, ut cordas nostrorum arcuum minime capiant. uexilla breuia, nigro alboque colore distincta,

quendam lane globum in summitate habentia. equos breues sed fortes, patientes inedia ac laboris, more equitant rusticano. per rupes uero et lapides absque ferramentis ita discurrunt, ac si capre forent siluestres. tribus enim continuis diebus labore quassati paruo stipularum pabulo sunt contenti. homines simili modo nil pene de alimentorum perceptione curantes sola crudelitate pascuntur. usum panis ab(h)orrent, mundorum et imundorum carnibus indifferenter utuntur. et lac concretum cum sanguine potant equino. habent autem ex diuersis nationibus, quas bellis edomuerunt, multitudine maximam pugnatorum, et precipue Cumanorum, quos ad pugnandum subigunt uiolenter. si quem uero ex his paululum trepidare conspiciunt nec in mortem sese tota mentis insania precipitare, absque ulla cunctatione eius amputant caput. ipsi Tartari non se libenter morti exponunt; sed si quem eorum in bello mori contingat, statim rapiunt et, efferentés in occultissimo loco, terre infodiunt, complanantes tumulum et locum equorum pedibus conculcantes, ne quod sepulture appareat signum. nulla pene rapidorum fluminum eis aqua obsistit, quominus eam equis transeant insidendo; si qua uero immeabilis unda occurrit, continuo in modum lemborum ex uiminibus cistas intexunt, superducentes crudas animalium cutes, quibus sarcinas inferentes intrant et transeunt absque metu. tentoriis utuntur filtrinis et ex coriis factis. equos ita bene habent edomitos, ut quotcumque unus habeat homo, omnes ipsam tanquam canes secuntur. cum autem tanta sit hominum multitudo, quasi muti nullam fere uocem emittunt, sed taciti ambulat et taciti pugnans.

His ergo breuiter prelibatis nunc ad materiam redeamus.

Patra denique ex Hungarica gente uictoria, cum fama mali tanti celeri ubique percurrisset uolatu, totus pene mundus intremuit; tantusque metus in omnes prouincias incubuit, ut nulli uideretur eorum se posse impias effugere manus. ipse etiam Fredericus Romanorum Imperator non de resistentia, sed de latibulo dicitur cogitasse. tunc plerique litterati uiri, ueteres scrutantes scripturas, coniciebant, maxime ex dictis Methodii martiris, has fore illas gentes, que precedere debent Antichristi aduentum. ceperunt autem munire ciuitates et castra, suspicantes, quod ad urbem Romam uellent omnia uastando transire.

Porro Bela rex, ueritus, ne Tartari transuadato Danubio reliquam regni partem contererent, misit ad ciuitatem Albensem et suscepto corpore Beati Stephani regis, susceptis etiam multarum ecclesiarum thesauris, misit omnia cum domina Maria uxore sua et cum paruo filio Stephano, adhuc bimulo, ad maritimas regiones, rogans et mandans Spalatensibus, ut hec seruanda susciperent reginamque cum filio in sue fidei tutela tenerent. sed domina regina, ueniens, a quibusdam Spalatensium emulis persuasa noluit intrare Spalatum, sed composuit se cum omnibus regalibus gazis et consedit in castro Clise. uenerunt autem et multe nobiles mulieres cum ea, que suis erant uiris per Ta(r)taros uiduate. Garganus uero potestas et nobiles Spalatenses ad dominam accedentes multa precum instantia exorabant eam, ut mansionem ciuitatis aspernari minime dignaretur, sed non acquieuit regina. Spalatenses tamen, multis eam afficientes honoribus, crebris exeniis et donariis eius curiam frequentabant.

Eo tempore Colomannus rex ad Dominum feliciter de hac luce migravit. fuit enim uir pietate magis ac religione predictus, quam in administrandis publicis rebus intentus. sepultus est autem in loco fratrum predicatorum apud Cesmam, latenti Mausoleo infossus. etenim gens nefandissima Tartarorum sepulchra Christianorum, et maxime principum, sceleratis manibus uiolantes confringebant ossaque spargebant.

XXXVIII.

DE FVGA HVNGARORVM

Itaque transacto Ianuario hyemalis asperitas solito magis in(h)orruit, omnisque aquarum cursus, glatiali frigore constrictus, liberam uiam hostibus patefecit. tunc cruentus dux Caydanus recepta parte exercitus regem insecuturus exiuit. uenit autem in multitudine graui, obuia queque conculcans. primo ergo concremata Budalia Strigonium accessit cepitque uillam totis uiribus impugnare, quam non satis difficulter capiens succendit, omnesque in ea peremit in ore gladii paucasque manubias asportauit, quoniam in munitionem editam res suas Hungari subuexerant uniuersas. inde discedens recto cursu deuenit ad urbem Albensem et continuo cuncta suburbane habitacionis domicilia concremauit, ciuitatem uero aliquot diebus obsessam factis insultibus inuadere satagebat; sed quia locus circumfusa palustrium aquarum copia satis erat munitus, quem optima Latinorum presidia erectis undique machinis tuebantur, dux impius uano frustratus labore discessit. properabat autem regem attingere; idcirco non tantam uastationem transcurrere facere poterat, sed ad instar estiuæ grandinis ea dumtaxat loca demoliti sunt, per que transitum habuerunt.

Itaque, antequam Draui fluminis gurgitem transmearent, rex, presentiens eorum aduentum, relictis stationibus Zagrabiensium partium cum omni comitatu suo ad mare descendit. tunc diuersi diuersa querentes diffugia, per omnes ciuitates maritimas, que propinquiores uidebantur ad fugam, dispersi sunt. rex uero et totus flos reliquiarum Hungarie ad Spalatinas partes deuenit. erant autem in comitatu regio multi ecclesiarum prelati, plures principes et barones; reliquum uero uulgus utriusque sexus et etatis pene innumerabile erat. appropinquante autem domino rege ad introitum ciuitatis, uniuersus clerus et populus, processionaliter exeuntes, debito uenerationis obsequio susceperunt eum, dantes ei hospitia infra muros, quotquot uoluit ipse. uenerunt etiam isti magnates cum eo: Stephanus episcopus Zagrabiensis et alter Stephanus Vacciensis et idem in Strigoniensem archiepiscopum postulatus; Benedictus prepositus Albensis, aule regie cancelarius et idem ad Colocensem sedem electus; Bartholomeus Quinque Ecclesiarum episcopus et quidam alii episcopi. affuerunt nichilominus Hugrinus prepositus Cesmensis, Achilles prepositus, Vincentius prepositus, Thomas prepositus et alii quam plures prelati, quos enumerare superuacaneum duximus. proceres quoque curie isti erant: Dionisius banus, Vladislaus comes curialis, Matheus magister tauarnicorum, Orlandus magister agasonum, Dimitrius, Mauritius et alii multi illustres uiri, omnes cum domibus et familiis suis. Garganus autem potestas, circa regium obsequium ualde sedulus et deuotus, curabat sollicitè, ut et ciues in executione mandatorum regalium prompti existerent et regalis clementia uniuersitatem ciuium affectu dilectionis et gratie confoueret. fecerunt autem Spalatenses omnia ad regis placitum, hoc excepto, quod ei quamdam galeam minime potuere tam celeriter preparare, quantum rex, declinans Ta(r)tarorum rabiem, expetabat. quod factum non satis equanimiter tulit regius animus. noluit autem rex residere Spalati, sed abiens cum uxore et cum omnibus gazis suis demoratus est Tragurii, putans se ibi contra hostium incursum fortiorem habere tutelam propter uicinitatem insularum. composuit autem se cum omni curia sua et mansit in insula adiacente.

XXXIX.

DE SEVITIA TA(R)TARORVM

Porro dux impius, nil intemptatum relinquere uolens, furioso constipatus exercitu post regem cucurrit, nil nisi regium sanguinem sitiens, in regis pernitiem totis furiis raptabatur. paruam autem stragem de Sclauis facere potuit, quia latuerant homines in montibus et in siluis. uenit autem non quasi iter faciens, sed quasi per aerem uolans, loca inuia et montes asperrimos supergrediens, unde numquam exercitus ambulauit. properabat enim impatienti festinatione, arbitrans se regem posse inuadere, antequam descendisset ad mare. sed postquam rescuiit, quod rex iam in maritimis tutus maneret, lentius gradi cepit; et cum totus exercitus ad quamdam aquam, que dicitur Sirbium, descendisset, parumper consedit ibidem. tunc truculentus carnifex iussit omnem captiuitatem, quam ex Hungaria duxerat, congregari in unum, multitudinem magnam uirorum et mulierum, puerorum et puellarum, fecitque omnes in quanda[m] planitiem duci. et cum omnes quasi quidam grex ouium coadunati fuissent, missis spiculatoribus, omnium fecit capita amputari. tunc ingens audiebatur ululatus et planctus totaque terra moueri a uoce pereuntium uidebatur. iacuerunt autem omnes in illa prostrati planitie, quem ad modum spicarum manipuli sparsim solent in agro iacere. et ne cui uideretur, quod cedis huius immanitas spoliolorum sit auidentate patrata, nullas ab eis uestes detrahere uoluerunt. sed tota multitudo funeste gentis, in circuitu occisorum illorum per contubernia discumbentes, ceperunt in magna letitia comedere, choreas ducere, magisque chachinos ludendo mouere, quasi multum aliquid perpetrassent boni.

Inde surgentes ceptum iter per Chroatie partes carpebant. cum autem prope iam essent, adhuc Spalatensibus incredibile uidebatur. sed cum pars aliqua descendisset de monte, ecce subito apparuerunt pauci sub menibus ciuitatis; Spalatenses autem, non eos a principio cognoscentes et credentes eos esse Chroatas, nolebant armati contra eos exire. sed Hungari uisis eorum signis dirigeruerunt animis, tantusque pavor eos corripuit, ut omnes ad ecclesiam confugerent, cum tremore magno percipiebant eucharistie sacramentum, non sperantes lucem huius uite ulterius intueri. flebant alii in uxorum et filiorum ruentes amplexus, diris eiulatibus complangentes dicebant: 'ue miseris, quid profuit tanto fugiendi labore quassari? quid contulit tanta terrarum spatia percurisse, si persecutorum gladios efugere nequiuimus, si hic expectauimus iugulari?' tunc oppressio magna facta est ad omnes ianuas ciuitatis fugientium intra muros. relinquebant equos et animalia, uestes et utensilia; ipsos etiam filios non prestolantes mortis urgente stimulo ad tutiora currebant. at uero Spalatenses, magnam eis humanitatis gratiam exhibentes, recipiebant hospitio et eorum inopiam, quantum poterant, releuabant. sed tanta erat fugitantium multitudo, ut domorum eos non caperent diuertacula, sed manebant in uicis et in uiis: nobiles etiam matrone circa septa ecclesie sub diuo iacebant. alii in fornicum tenebras se abdebant, alii purgantes immunditias de andronis et criptis, alii, ubi poterant, etiam sub tentoriis comanebant.

Tartari uero, uniuersos, quos in campo reperire poterant, sub gladio trucidantes, non parcebant mulieribus uel pueris, senibus et debilibus, ipsis etiam lepre morbo tabentibus ferro uitam eripere barbarica feritate gaudebant. tunc quedam turma, illorum menibus appropinquans, tota ciuitate undique perlustrata, eodem die recessit. Spalatenses autem ceperunt fabricare machinas et eas per oportuna erigere loca. ecce autem paucis diebus elapsis uenit Cayda-

nus cum aliquota parte sui exercitus, quia non erant herbe pro toto equitatu sufficientes; erat enim principium Martii, aspris frigoribus inhorrescens. credentes autem Tartari, quod rex in Clisse presidio consideret, ceperunt undique oppugnare castrum, iacientes sagittas et iacula intorquentes. sed quia locus erat natura munitus, modicam poterant inferre iacturam. tunc, descendentes de equis, ceperunt reptantes manibus ad superiora conscendere; castrenses uero, ingentes lapides reuoluentes in ipsos, aliquot ex eis neci dederunt. ipsi uero, ex casu ferociores effecti, usque sub magnas rupes manu ad manum pugnando uenerunt, diripientes domos predaeque non modicas asportantes. sed cum cognouissent regem ibi non esse, dimiserunt oppugnare castrum et ascensu equis uersus Tragurium equitarunt. ad Spaletum autem non multi diuerterunt ex eis.

Tunc uero ciues, non tantum proprio titubantes pauore, quantum ex eo, quod uidebant Hungaros desperabili metu constringi, cogitabant aliqui ciuitatem deserere et cum rebus et familiis ad insularum presidia se conferre. ceperunt autem uanos agitare rumores, confingentes opiniones uarias et inanes. dicebant alii, quod ingentes machinas et plurima instrumenta bellica Tartari fabricarent, quibus ciuitates has deicere conabuntur. asserebant alii, quod ad montis instar terre ac lapidum congeriem acerbant et sic ciuitatibus supereminentes facile eos esse capturos.

Sed Ta(r)tarorum agmina cum duce impio in Traguriensi litore conederunt. porro rex, uidens Tartarorum exercitus ante asilum sui diffugii descendisse, non satis tutum sibi fore arbitrans in insulis prope positis commorari, transposuit dominam cum sua prole et cum omnibus thesauris ad naues, quas conduxerat; ipse uero, in quodam residens ligno, aduehebatur remigibus, inspectans aduersarias aties et rei euentum expectans. ceterum dux Caydanus, omnibus loci illius circumstantiis perlustratis, temptabat, si posset, sub menibus equitando transire. sed cum cognouisset, quod aqua illa, per quam ciuitas a terra dirimitur, propter limi profunditatem inuadabilis erat, retraxit se inde et, ad suos reuersus, misit quemdam nuntium ad ciuitatem, mandans, que uerba effari deberet. qui ueniens prope pontem exclamauit uoce magna Sclauonice dicens: 'hec dicit uobis dominus Caydanus, inuicte militie princeps. nolite reatum alieni sanguinis uobis appropriare, sed tradite aduersarios ad manus nostras, ne forte inuoluamini uindictae eorum et pereatis frustra.' sed murorum custodes nil ad eorum uerba respondere sunt ausi. mandauerat enim rex, ut nullum eis redderent uerbum. tunc uniuersa multitudo eorum, inde consurgens, uia, qua uenerat, reuersa recessit. sic ergo per totum fere Martium in Chroatie ac Dalmatie partibus commorantes quinque aut sex uicibus ad ciuitates has descendebant et postea ad sua castra redibant.

Igitur, relinquentes Chroatie regionem, transierunt per ducatum prouincie Bosenensis. inde descendentes abierunt per regnum Seruie, que Rasia nuncupatur, ueneruntque ad ciuitates maritimas superioris Dalmatie et, pertranseuntes Ragusium, — modicam enim illic potuerunt lesionem inferre, — uenerunt ad Catariensem ciuitatem, quam ignibus concremantibus processerunt ulterius, hasque ciuitates aggressi: Suagium et Driuosten, depopulati sunt eas in ore gladii, non relinquentes in eis mingentem ad parietem. iterum autem totam Seruiam percurentes in Bulgariam deueniunt. ibi enim uterque dux, Bathus et Caydanus, condixerant suarum turmarum copias recensere. illi ergo ibidem coadunati curiam celebrarunt et, simulantes gratiam exhibere captiuis, fecerunt per totum exercitum preconis uoce clamare, ut quicumque esset in comitatu eorum, spontaneus uel captiuus, qui uellet redire in patriam, liberam se sciret habere licentiam ex clementia ducum. tunc multitudo magna Hungarorum, Sclauorum et aliarum gentium, nimia exultatione repleti, data die de exercitu exierunt. et cum

omnes conglobatim duobus aut tribus millibus processissent, statim missi equitum cunei irruerunt in eos, quos similiter gladiis detruncantes in ipsa planitie prostrauerunt.

At uero Bela rex missis exploratoribus cum cognouisset certius, quod impia gens ex toto iam regno recesserat, absque omni cunctatione in Hungariam est profectus. regina autem cum regio puero in Clisse castro remansit fuitque ibi usque ad mensem Septembrem. mortue autem sunt due filie ipsius puellae uirgines et in ecclesia Beati Dompnii honorifice tumulate.

Licet autem barbarica rabies totum regnum Hungaricum immoderato gladio attriuisset, e uestigio tamen famis subsecuta perniciem miserabilem plebem tabe inedia deuastauit. instante namque furore Tartareo non licuit colonis miseris aruis semina tradere, non ualuerit preterite messionis recolligere fruges. sic ergo non extantibus alimentorum subsidiis cadebant infelicium corpora clade famis absorpta. iacebant per campos, per uias innumera uulgi cadauera, ut non minus credatur hec acerba lues inedia gentem Hungaricam deuastasse, quam pestilens immanitas Tartarorum. post hec uero rabidorum luporum multitudo quasi de diaboli cauerna emerit, qui, non nisi humanum sanguinem sitiens, non iam occultis insidiis, sed palam irrumpebant in domos et de matrum gremiis paruulos rapiebant; nec solum paruulos, sed ipsos etiam armatos uiros facto agmine inuadentes seuis dentibus lacerabant. tribus ergo cladibus antedictis, uidelicet ferro, fame, fera, totum regnum Hungarie continuato triennio flagellatum ex diuino iudicio penam suorum expendit non mediocriter peccatorum.

XL.

DE OBITU GVNCELLI

His ita gestis, regina adhuc considente in castro, Guncellus archiepiscopus ab hac luce migrauit. uir senex et plenus dierum, et ipse preluit Spalatensi ecclesie annis uiginti duobus. hos autem episcopos eiusdem ecclesie suffraganeos suo tempore consecrauit: Nicolaum Scardonensem, quo defuncto alium ibidem consecrauit episcopum nomine Bartholomeum (fuerunt autem ambo isti de Spalatensi ciuitate assumpti); in episcopatu Farenensi consecrauit Nicolaum, qui erat canonicus Spalatensis; in episcopatu Seniensi consecrauit Borislaum, quo defuncto substituit ei Iohannem; in Nonensi ecclesia consecrauit Sansonem (omnes hii tres fuerunt Hungari natione); in Corbauia fecit episcopum quendam iuuenem, qui erat de parentella Domaldi comitis, nomine Saracenum.

In illis diebus, coadunato capitulo et clero ecclesie Spalatensis, factus est tractatus de pontifice subrogando. tunc laicali importunitate, et maxime Gargani annisu, modesto tamen et discreto, facta est electio de domino Stephano, Zagrabiensi episcopo, in Spalatensem archiepiscopum postulandum, qui tunc temporis Spalati morabatur. erat autem episcopus ipse in auro et argento locuplex ualde, aliis etiam diuitiis opulentus. mundana pompositate largus et curialis benignum se omnibus et affabilem exhibebat. totus enim extolli fauoribus et efferri auris popularibus cupiebat. regressus autem Zagrabiam misit ad Romanam Sedem pro sue postulationis expetendo assensu. sed tunc temporis mortuo bone memorie Gregorio Papa facta est dissensio inter cardinales ita, ut subrogatio Summi Pontificis foret ferme biennio protellata. sic ergo causa electionis ipsius episcopi toto illo tempore indeterminata permansit.

XLI.

DE SEDITIONE APVD S. STEPHANVM

Interim autem Garganus completo regiminis sui triennio ad propria repedauit. Spalatenses uero fecerunt potestatem quendam iuuenem de domo Veglensium comitum, nomine Iohannem. hic, quantum sibi dabatur scire, per Gargani uestigia gradiens rem publicam gubernabat, sed, etatis fluide mobilitate lasciuus, facile ad inscitiam flectebatur.

Eo tempore uacante monasterio Sancti Stephani rogatus est Thomas archidiaconus et capitulum, quatenus illuc accedentes de subrogatione abbatis cum eiusdem loci fratribus prouiderent. archidiaconus ergo, associatus capitulo uniuerso, ad monasterium perrexit et cum bono zelo et sollicitudine debita de abbatis subrogatione tractarunt. monachi, secedentes seorsum et inter se aliquandiu conferentes, omnes in quondam confratrem suum nomine Leonardum conuenerunt, ipsum in abbatem unanimiter eligendo ipsumque archidiacono et capitulo presentantes petierunt eundem uice archiepiscopi confirmari. uidens autem archidiaconus cum capitulo, quod omnia rite procederent, habito consilio approbatam electionem confirmauerunt.

Statim ergo, ut in ciuitate auditum est, irruerunt a maiori usque ad minorem ad potestatem, clamantes: 'succurre, domine potestas, quia archidiaconus cum quibusdam clericis in uestrum opprobrium et totius ciuitatis detrimentum abbatem ordinare presumit.' et ecce concursus factus est omnium, confusa uociferatione perstreptentium. alii etiam, seditionis ignorantes causam, potestatem simpliciter sequebantur. sed quidam, qui archidiaconum malignis insectabantur odiis, nocendi occasionem repperisse gaudebant. currebant passim omnes, ueluti predonum afforet aties uiolenta. armabantur non gladiis et iaculis, sed acerbis odiis et mendacibus linguis. non retrahebat eos pugnandi formido, cum scirent hostes expectare inhermes.

Sedebant canonici in claustro quieti, utpote nullius mali conscii, nichil suspicabantur sinistri. et ecce uesanus iuuenis cum furiosa cohorte per ianuas monasterii uiolenter irrupit. adsunt pueri, senes et iuuenes, impulsu uecordie concitati, garrulis uocibus perstreptentes. spumant labra, an(h)elant pectora iracundie flammis succensa. tum, totas furoris relaxantes habenas, canonicos inuadunt, quosdam uerbis, quosdam uerberibus impetentes. precipue in archidiaconum impias iniicientes manus, totam eius tunicam lacerarunt. mox, in monachorum cellulas irrupentes, diripiebant sarcinulas, uasa frangebant, scrutantes, si dictum possent inuenire Leonardum, ut eum cederent uel forsam morte punirent. erant tamen nonnulli ciues, quibus tanti facinoris temeritas displicebat, tam stolidi facta corde et animo detestantes. sed quia stultorum infinitus est numerus, necesse erat multitudini cedere et eam conuiuentibus oculis supportare.

Reuersi tandem de claustro, quasi deuictis hostibus gloriantes, coadunati sunt in Palatio publico et, facta contione, sapiens potestas proloquens iactabat, dicens: 'uiri prudentes, hodie opus ualde laudabile patratum est, quod ad statum ciuitatis et honoris uestri cummulum non est dubium prouenire.' sed quia rectore puero puerili consilio ciuitas agebatur, non erat, qui condoleret prostrate iustitie; qui murum se pro domo Israhel opponeret ascendentibus ex aduerso; cum pro(h) pudor, ipsi etiam clerici odio archidiaconi tantum maleficium excusare malitiose nitentes, presumptionem peruersorum ciuium uanis assentationibus demulcebant.

Porro quesitus Leonardus per multa latibula demum inuentus est, et quia furoris calor aliquantum iam tepuerat, non enormiter manus in eum miserunt, sed tractus ad Palatium multisque minarum iaculis impetitus uolenter coactus est resignare. at uero capitulum, quia pastorali carebat presidio, iniuriarum suarum dissimulauit opprobria, tum quia iure cautum reperitur, detrahendum esse seueritati, quando multitudo excedit, tum, quia tale tempus instare cernebarit, quod peruersitas hominum ex rigida correctione non in melilis, sed in deterius mutaretur. denuntiatis ergo et exclusis ab Ecclesia paucis quibusdam personis, que in commisso facinore fuerant principales, dimiserunt laycos abbatem querere pro sue arbitrio uoluntatis.

Tunc miserunt quemdam laycum in Apuliam cum monachis, mandantes eis, ut per monasteria terre illius quererent, quem proficerent in abbatem. sic et factum est. duxerunt autem quemdam ex Cauensi cenobio, nomine Bysontium. hic, quia ignarus erat admissi facinoris et bona uidebatur fide uenisse, abbas monasterii creatus est.

Sed non dormit neque dormitat Qui custodit Israhel. impie namque contra legem Dei agere impune non cedit. unde quasi miraculose actum est, ut quando layci gaudebant, quod quasi superiores effecti optinuerant contra Ecclesiam suum placitum expleri, diuina ultio manifestata est. etenim eodem die et eadem hora, qua dictus abbas de nauigio egressus pedem in monasterio posuit, castellanus, qui presidebat castro Clisie, cum suis ad Salenam descendens, duos iuuenes nobiles Spalatenses sagittis traiectos in flumine suffocauit. quod scelus seminarium extitit grauissime discordie inter Hungaros et Spalatenses, bellumque acerrimum exortum est, per quod ciuitas amissione personarum et rerum grauiter est punita. quodam namque die Hungari, confederati cum Chroatis, qui erant de Tiniensi castro, armatis cuneis descenderunt et nullo rumore preambulo fere usque ad muros predaturi cucurerunt. Spalatenses uero, improuisis et repentinis turbationibus excitati, exierunt ad arma congressum cum eis facturi. stetit autem eminus Hungarorum et Chroatorum acies constipata, ex aduerso autem potestas cum sua cohorte stans et deliberans expectabat, donec ex ciuitate maior accurreret copia armatorum. sed potestatis miles, qui secundus erat ab ipso, uir plus, quam decebat, impetuosis et audax, non passus longiores moras certaminis, admissio equo ferri cepit in hostes. sperabat enim prospere sibi succedere, quia de ipsis palmam uictorie pluries reportarat. cucurrerunt et alii post ipsum, quibus ardentius estuabat animus ciuitatis iniurias uindicare. potestas uero cum ceteris, nolentes in dubiis rebus ludum attemptare fortune, a longe substiterunt. tunc permixti hostium cunei ceperunt uiriliter preliari. sed quia non habuerunt succursum a suis, facile pauci a multis superati sunt. nam quos diuina ultio punire decreuerat, non uniformiter audere poterant uel timere, sed, cum essent ab inuicem corde et corpore disgregati, animosos obruit gladius, timidos uero pusillanimitatis sue opprobrium in despectum deiicit. sic ergo predictus miles gladii confossus occubuit, et cum eo nobilis uir Theodosius, et inter optimos ciues primus hostilibus mactatus est armis, de cuius morte tota ciuitas maximum perpressa est detrimentum. nonnullis etiam aliis trucidatis, infelix dies luctuosa satis nobis et nimis amara transiuit. neque tunc finem habuit infausta congressio, sed multis postea dampnis et doloribus affecti luximus, et uix tandem flamma huius discordie restincta est et finita.

Transacto autem sui regiminis anno Iohannes potestas recessit, cui successit Bernardus Tergestinus, uir etate maturus, sed quem assuetudo bellandi asperum effecerat et inquietum. erat enim homo magnanimus et glorie cupidus, ad arma promptus, ad ciuile regimen tardus.

XLII.

DE SECVNDA CAPTIONE IADRE

Hoc tempore Iaderenses ciues, letis successibus subleuati, ceperunt animos ad insolentias retorquere et, contempnentes uetera, quibus optimo statu florebant, uoluerunt noua et incerta molire. etenim, Venetico dominatui rebellantes, cupiebant se ab ipsius iugo prorsus subtrahere. cum enim inter ceteros comprouinciales suos terra marique forent potencia et diuitiis sublimati, fastidio habere ceperunt nauticis lucris incumbere, uoluerunt militiae pompas-inaniter experiri. constructis nempe uillis et oppidis gaudebant militari equitatu uolare. quam ob rem, rupto federe dominationis antique, iuramenti religione contempta manifestos se hostes Venetis ostenderunt.

Sed Veneti, ut circumspecti et solertes uiri, a principio dissimulantes iniurias et dampna equanimiter supportantes, traxerunt prius cunctos captiuos, et pecunias, quas Iadre habuerant, receperunt. deinde paulatim preparauerunt naualem exercitum fortem et magnum et, multis machinis fabricatis, pluribus instrumentis bellicis adaptatis, circa festum Beati Petri in magna classium multitudine Iadere aplicuerunt. quam undique impugnantibus machinis et balistis acre certamen eis iugiter inferebant. fecerunt etiam Iaderenses machinas contra machinas Venetorum, habebantque magnas oppugnantium copias Sclauorum et Hungarorum, cum quibus, quantum poterant, hostili uiolentie resistebant. octo autem siue decem diebus elapsis contigit banum Dionysium saggitte ictu paululum uulnerari. hunc rex ad auxilium Iaderensibus miserat, ut esset dux et signifer exercitus militaris. quo uulnere paefactus, fecit se extra ciuitatem a militibus deportari. quo uiso Iaderenses, timor et (h)ebetudo mentis cecidit super eos, putantes banum esse mortuum, nec sperabant absque Hungarorum adminiculo posse resistere uiolencie Venetorum. qua de re statim relinquentes pugnam, terga uerterunt et quicquid poterant de domibus rapientes cucurrerunt ad portam et infringentes ianuas exierunt. et quia magna erat oppressio multitudinis fugientium, ceperunt alii murum scandere et religatis ad propugnacula funibus dimittebant se certatim ex menibus, et abibant. at uero Veneti, uidentes suos hostes in fugam uersos, continuo armati de ratibus descendunt et incedentes pedetentim nullamque cedem facientes ex eis, permiserunt omnes abire. et sic tota ciuitas capta est, ferme absque ulla strage alterutrius partis. his breuiter prelibatis ad materiam redeamus.

XLIII.

DE BELLO, QVOD EMERSIT
INTER SPALATENSES ET TRAGVRIENSES

Itaque temporibus istis inter Spalatenses et Tragurienses bellum ex ea causa emersit, quod Tragurienses occasione cuiusdam priuilegii, quod rex Bela, Tragurii positus, super quibusdam regalibus terris eis concessit, uolebant manus extendere ad quasdam patrimoniales terras Spalatensium, que includebantur intra metas, eodem priuilegio comprehensas. itaque Bernardus potestas armatis lignis a Spalato exiuit cepitque ex Traguriensibus homines quinquaginta, quos Spaletum adductos ergastulis mancipauit.

His diebus superuenit quidam religiosus uir de ordine minorum, nomine Girardus, origine Mutinensis, homo ualde famosus et magne sanctitatis titulo reuerendus, per quem Deus multa dicebatur iam miracula ostendisse. hic, uidens inter has ciuitates crudele odium agitari, ualde condoluit et, uerens, ne forte instigatione diabolica intestini et nefarii belli succrescens incendium inter consanguineos et uicinos sanguinis effusionem induceret, cepit, benigna partes allocutione demulcens, eas ad concordiam multifarie inuitare. unde factum est, ut ob sancti uiri reuerentiam utraque ciuitas de facili ad concordiam declinaret. resignantes itaque Tragurienses, quicquid ex bonis Spalatensium iure priuilegii uendicabant, suos recepere captiuos.

Sed antequam relaxatio ad integrum fieret captiuorum, ceperunt Spalatenses penitere, crebris mussitationibus ad inuicem sussurantes, quod huiusmodi compositio in derogationem honoris et iuris uergeret ciuitatis. quod cum audiret Girardus, multum moleste ferebat, nec tamen cessabat obsecrando et monendo eorum animos allicere ad amorem, dicens, quod per quam partem pacis huius uiolabitur bonum, non erit super, sed subter. uerum quia iuramenti religione interueniente compositio extitit celebrata, omnes captiui relaxati sunt et discordie procella parum perquieuit.

Sed non quiescebat soccordia popularis, quin pro reformatione concordie obtrectarent maioribus, religiosos derisionibus et oblocutionibus insectantes. recedente uero predicto uiro sancto, modica temporis intercapedine mediante, *uulnus in antiquum rediit male sana cicatrix*. nam, quibusdam modicis offensionum interuenientibus causis, obiectum odium ex fictis cordibus cepit in propatulum ebullire; natura enim feralis odii solet esse huiusmodi, ut, nisi proprio pondere collidatur, nisi dampnis et doloribus atteratur, nesciat habere quietem, ad instar maris, procellosis fluctibus concitati, quod non prius ad tranquillitatem reducitur, nisi missis desuper imbribus quadam uiolentia comprimatur. sed Spalatenses, peccatum peccato addentes, grauamen sue parti non modicum ex subsequenti facinore induxerunt.

XLIV.

DE SEDITIONE, QVE FACTA EST PER LAYCOS IN ELECTIONIS PROCESSV

His namque temporibus Zagrabiensis episcopus predictus, missa relatione ad Romanam Sedem, nitebatur obtinere sue postulationis assensum cum quibusdam conditionibus, quas admittere noluit Dominus Innocentius, nuper ad Summe Sedis Apostolice apicem sublimatus. quam ob rem dictus episcopus misit Spaletum et renunciauit postulationi de se facte, dans licentiam de persona alia prouidendi.

Aliquantis autem elapsis diebus coadunatum est capitulum et clerus ciuitatis apud Palatium episcopii et facto grandi conuentu uocati sunt fratres utriusque ordinis, minorum et predicatorum, et cepit de subrogatione pontificis consuetus haberi tractatus. affuit potestas cum populo, ultro se ingerentes; non enim extimabant aliquid ratione procedere, si non ipsi suas interponerent partes. itaque a principio propositum est uerbum Dei, et ceperunt religiosi uiri obsecrare et suadere, ut sinc seditioso tumultu canonica electio fieret secundum Deum et secundum formam concilii generalis. allatum est autem uolumen in medium, et perlectum capitulum illud, quod exprimit formas in electionibus obseruandas. sed stolidis mentibus ea,

que Dei sunt, displicent, et ea, que ordinate fiunt, nil habere rationis uel ordinis suspicantur, dicentes malum bonum et bonum malum, ponentes tenebras lucem et lucem tenebras reputantes. hii, suas uoluntates precipites et obscuras Sanctorum constitutionibus preponentes, dicebant scripta esse respuenda et solam uoluntatem secundam, contra sapientes et bonos uerbis procacibus contendentes. et cum non modica fieret perturbatio, surgens Prodanus, qui erat inter presbyteros primus, benigno cepit concilium sermone alloqui, monens, quatenus auxilio Sancti Spiritus implorato uniuersorum in hoc resideret assensus, ut non diuersarum sequentes dis<s>idia uoluntatum, sed sacrorum canonum preuiu documento, ad electionem iuste et canonicè celebrandam unanimiter et concorditer procedatur. et, (h)ymno solempni uoce ac deuoto corde cantato, consenserunt omnes, ut electio canonicè fieret. tunc electi sunt tres de senioribus capituli: fide digni, quibus dato sacramento commissum est, ut perscrutatis uoluntatibus singulorum in scriptis eas redigerent et post hec in conuentu omnium publicarent. sic et factum est. nam predicti tres, cameram ingressi, conuocauerunt singillatim canonicos, qui erant numero uiginti et, dantes eis ad Sancta Dei Euangelia iuramentum, iusserunt, ut, postponentes eas affectiones, quibus ad ueritatem dicendam sepe humanus animus prepeditur, et sine amore et odio uel inuidia seu temporalì commodo exprimerent, quem magis scirent ydoneum in archiepiscopum assumi et eundem eligerent nominantes. quod cum factum fuisset, exierunt tres iurati de camera, scriptum scrutinii deferentes. et cum eis iussum fuisset, ut quicquid singuli secreto dixerant, coram omnibus publicarent, aperientes scriptum legerunt in auditu omnium, et inuentum est, quod omnes pari uoto et concordì uoce Thomam archidiaconum eligebant, exceptis quatuor, quorum unus cum eodem archidiacono Traguriensem episcopum nominauit, reliqui tres neminem eligere uoluerunt. quo facto, iterum residentes et ad inuicem conferentes, omnes sexdecim in eundem archidiaconum consenserunt. sed archidiaconus, ipse miratus, quod preter opinionem suam tanti a fratribus habitus erat, ut ipsum tanta dignitate crederent dignum, eis gratias retulit, nullum tamen suscipiendi oneris generens propositum dixit se electioni nec consentire, nec dissentire ad presens.

Tunc quidam layci, quos inuidie liuor et odii exagitabat insania, hoc audientes exarserunt in iracundiam magnam et, adeuntes potestatem, plurimis eum uerborum aculeis stimulantes incitauerunt, dicentes, quod si hoc fieret, tota ciuitas, in seditionem commota, grande foret periculum incursum. potestas ergo, conuocata multitudo populari, edictum proposuit, ut, nisi clerus a sua intentione desisteret, uel si archidiaconus electioni insisteret, nullus eis auerteret in emptione et uenditione participare nec amicitias et familiaritatibus adherere. sed archidiaconus, natura lenis et quietus, et quem ambitionis aura ad dignitatum desideria modicum inflectebat, non de sue uexationis tristabatur molestia, cum se non gereret pro electo, sed de illorum perversitate dolebat, qui, ueneno inuidie tabescentes, decorem matris Ecclesie iniuriarum neuis inficere satagebant. ibant per uicos et plateas iracundie facibus inflammati, nil nisi in clericos obloquentes, minarum in eos iacula intentantes, in minores et predicatorum conuicia plurima iacientes. simulabant alii rationes allegare iuris, asserentes ex eo electionem constare non posse, quia scrutinium ex solis clericis et non etiam ex laycis extitit celebratum, alii uero, abiecto pudore, palam dicebant se inuidientie saniam, que cordis fibras corrodit acrius, sustinere non posse. inde uero,

archidiaconum turbulentis animis adeuntes, cum ei, quid obicerent, non haberent, rogabant alii, alii minitantes bona diripere, domum diruere, insistebant uiolenter, ut ab electione cessaret. et cum prope esset, ut uim facerent, tractus in medium furentis multitudinis archidiaconus yronice resignare se dixit. quamuis enim uideret quosdam clericos timoris pondere uacillantes, non tamen desistebat archidiaconus, quominus, uigorem ecclesiasticum manu tenens, aperte et intrepide protestaretur nichil de electionibus ad laycos pertinere. uolebat autem electionem aliam per clericos dumtaxat fieri, ut Sanctorum precipiunt instituta.

Erant autem inter presbyteros seniores astutus primicerius, Prodanus, nepos quondam Gruptii archidiaconi, et Nicolaus sacrista. in Leuitis uero erat Martinus, Vitus, nepos olim Andree precentoris, et Radosius, cognomento Daniel, qui, tyrannicam potestatis rabiem parui pendens, furorem quoque minacis plebecule despiciens, pro honore ac statu ecclesiastici iuris libere satis et intrepide contendebat. at uero impie factionis dux et signifer erat quidam presbyter nomine Fuscus, qui, uere moribus niger, totius modestie uirtute carebat. hic, quibusdam fatuis complicibus sotiatus, qui rebus erant hostes honestis, non cessabat circueundo per ciuitatem subuertere hominum mentes, sussurando ad aures, conuenticula de sanguinibus congregando. plus morte timebant, ne is, qui eadem erat patria oriundus cum eis, se yma tenentibus ad tante conscenderet fastigium dignitatis. postquam ergo furor cecus sue ueसानie optinuisse arbitrabatur effectum, ne qua prioris electionis archidiacono restaret fiducia, conuenerunt omnes ad ecclesiam et capitulum, importunis clamoribus infestantes, non sinebant celebrari diuina, nec Summi Corporis alimenta, instantes et garrientes, ut in continenti secum electionem de altero celebrarent. ueritus autem archidiaconus, ne odiorum proterua temeritas eorum stultitie relaxaret habenas, ut obstinate mentis homines in desperationis baratrum precipitados, ad aliquod seuum facinus impelleret perpetrandum, dimisit ergo eos secundum desideria cordis eorum, et abierunt in uoluntatibus suis. unde factum est, ut denominationi de Treguano Traguriensi episcopo facte preberent assensum, non quod eum optarent in archiepiscopum prefici, cum ipsum et omnes Tragurienses pro hostibus reputarent, sed ut archidiaconus ab omni electionis iure prorsus uideretur exclusus, et se gauderent de clericis triumphasse.

Verum quam graue sit statum matris Ecclesie iniustis facinoribus conculcare, pena euidenter docuit e uestigio subsecuta.

XLV.

DE BELLO, QVOD HABVERVNT SPALATENSES CVM TRAGVRIENSIBVS

His ita gestis Bernardus potestas in perniciem Traguriensium cepit fabricare machinas magnasque belli copias preparare. at uero Tragurienses, scientes se impares esse potentia nec sperantes se posse resistere uiolentie uicinatorum, ceperunt magno pauore dissolui. tunc, legationem mittentes, uerbis ualde lenibus et submissis pacem postulabant, satisfactionem omnimodam pollicentes. sed potestas, ut erat ferocis animi, auditis humilitatis sermonibus in tumorem superbie maxime leuabatur et, consiliis quorundam iuuenum usus, nolebat declinare ad amicitiam, sed ingentia minabatur.

Vnde factum est, ut Spalatenses, preparata expeditione, exirent in multitudine clasium, quas habebant, et uenerunt ad nauigantes insule uersus Tragurium, non quidem pugnandi proposito, sed facta ostentatione animos hostium deterrere uolebant. sed Tragurini, uisa parte Spalatini exercitus, metu, quem habebant, paulatim exsufflato, ceperunt animis incalescere, arbitrantes pulcrius mori per uulnera, quam uite ignominiam sustinere. et, nullo premissa deliberationis tractatu, subito ad mare concurrunt, ligna remigibus complent, armis exornant. erat autem ibi quedam trieris magna et excelsa, quam rex Bela discedens eis reliquerat conseruandam, quam pubes selecta stipendiariorum ac ciuium conscendens in mare procedunt. armarunt et duas Liburnas cum aliquot paucis et breuibus lignis. et erat eis auxilio lignum quoddam magnum ex bonis iuuenibus stipendiariis, ex profugis Iaderensium. omnes hii, exeuntes a portu, ad spatium unius milii remigarunt. et uidentes numerosam classem expeditionis Spalatine, sparsim littora insule perstringentem, timuerunt et, uersis ad ciuitatem proris, cursu retrogrado fugiendo redibant. at uero Spalatenses, preter opinionem suam uidentes eos in mare exisse, gauisi sunt ualde. et, putantes eos, si attingi possent, nulla euadere ratione, fortiori annisu incubuere remis et, totis uiribus remigantes, conabantur, antequam ad sua euaderent, eos iaculis prepedire. et ecce, dum Tragurienses euadere moluntur, magna eorum trieris, in uadosa incidens loca, hesit terre stetitque fixa immobilis. turbati ergo et perteriti Tragurienses nesciebant, quo diuertere possent. et tandem, resumpto constantie spiritu, cohortati sunt semet ipsos, et connectentes ambas liburnas ex utroque latere herentis galee, ceperunt stare parati, insultum hostium expectantes. ecce autem Bernardus, maiori ligno inuectus, ut erat impetuosus et preceps in arma, noluit socios prestolari, sed irruit repente in hostes et intentis arcubus ceperunt sagittis insistere, pilis et contis acriter imminere. e contra uero Tragurienses, de puppi sue trieris eminentius impendentes, quasi ex arce, non cessabant lapides super lapides in hostile agmen immittere et crebra iacula contorquere. sed Spalatenses nullum lapidem intra sua ligna posuerant, sed lapidum grandinem scutis excipientes instabunt fortiter et puppibus gladiis et lanceis preliantes. et cum tanta fortitudine res ageretur, cadebant hinc et inde quidam uulnera, quidam morte prostrati.

Heu dirum et nefarium bellum, ubi spreta lege nature pater in filium et filius in patrem armabatur, frater in fratrem, amicus in amicum scelestis manibus crassabatur! non illud erat hostile, sed domesticum et ciuile certamen.

Vbi autem pars magna diei armorum stridoribus et contrariis congressionibus fuisset expensa, euentus uictorie hinc inde dubius oberrabat. sed eo iam certamen erat deductum, ut Spalatensium preualentibus turmis excussa esset pugnantium aties de puppi hostilis galee et usque ad medium depulsa. et cum prope iam esset, ut Spalatina iuuentus insiliret ad eos, ecce una ex Liburnis Spalatensium, in qua melior pugnantium erat manus, fortiter remis impulsa percussit unam ex Liburnis Traguriensium, que religata erat a latere maioris galee, uenitque rostrum per mediam ratem inter remos. tunc hii, qui erant in Traguriensium ligno, insultu hostium tremefacti, ascenderunt ad galee presidium, et lignum, cui insederant, subleuatum est; rostrumque Spalatine Liburne ita tenaciter hesit tamque fortiter stetit, ac si clauis ferreis fuisset affixum. cumque multo conatu temptaretur auelli, nil profuit, sed sic non homine, sed Deo capta permansit. hostes uero, desuper imminentes, non desistebant homines obruere lapidibus, prosternere iaculis, donec, insilientes in eam, totalem ex ipsa uictoriam optinerent. interim autem mare, ad incrementum suo more surgens, fecit enatare trierim, et prospero aquarum cursu cum insperate prede tripudio ad

propria deuecti sunt. sed cum Spalatensium classis iterum uellet prelium uictoribus instaurare, ingruentibus iam nocturnis tenebris intercepta tristis et merens ab hoste discessit. capta est tunc Spalatensium ratis et LX fere de melioribus ciuitatibus, et omnes, ar(c)tis compedibus astricti, carceris sunt custodia mancipati.

Ecce, quomodo fatorum series non opinione humana, sed diuina dispositione procedat, ut de sua uirtute confisi bello succumberent et de suis uiribus desperantes ex hostibus triumpharent. quia non in multitudine exercitus uictoria belli, sed de celo est fortitudo. discant posteri, quam durum sit contra stimulum calcitrare! cum hii, qui nuper, conculcando statuta Ecclesie, quasi uictores de imbellibus clericis exultabant, nunc, a despectis hostibus deuicti, probroso carcere penas luunt. nichil enim, ut ait Scriptura, in terra sine causa fit. sic namque succedentibus rebus completum uidetur, quod in persona Ecclesie dicitur per prophetam: 'misit de celo et liberauit me, dedit in oprobrium conculcantes me'.

Quid uero de aliis male gestis refferam bellis? cum propter ipsius potestatis insolentem temeritatem, immo propter peccata ciuium, quot capti, quot gladiis trucidati, quot equore submersi tunc fuerint ciues, flere magis libet, quam aliquid dicere. etenim cum quibusdam Sclauis confederati Tragurienses, nunc clam, nunc palam nostratibus offendentes, cedes et predas plurimas faciebant et, quorsum se terra marique uertebant, letis successibus exultabant. e contrario Spalatensibus cuncta cedendo sinistre, de die in diem ad deteriora uergebant. nam quasi miraculose gestum est, ut recte tricesimo die, quo Ecclesie iura perturbare temere presumpserunt, in illo nautico bello succumberent. et cum die Iouis post Epifaniam temeratus ab eis fuerit status priuilegii clericalis, die Iouis in carni(s)priuio, die Iouis in Albis Pascalibus, die Iouis in octauis Pentecostes pessimos belli euentus et infelices casus personarum et rerum passi sunt. et quorum antecessores nudis pedibus a Spalatensibus pacis federa olim rogauerant, plurima seruitia et honoris obsequia tamquam maioribus impendentes, nunc uice uersa ciues nostri, dati eis in predam, eorum pacem coacti sunt exoptare. sic ergo completum est in eis illud prophete Zacharie oraculum, ubi de clericis dicitur: 'qui tangit uos, tangit pupillam oculi Mei'; et post hec, quasi quereretur, quo genere uindictae tales sunt puniendi, subiungit dicens: 'extendam manum Meam super eos, et erunt in predam his, qui seruebant sibi'. cesset ergo gloriari uanitas humana, cum in rebus bellicis sola uirtus operetur diuina, dicente Domino per prophetam: 'numquid gloriabitur securis aduersus eum, qui secat in ea?' et cetera. unde enim euentus ille inopinabilis, nisi Deo disponente, processit, ut in illo certamine, cum piratis nuper gesto, quod nulli pene placuit, leta successit uictoria; et in hoc, quod nulli pene displicuit, tristicas casus euenit?

His ita gestis potestas, ad propria recessurus, ad ecclesiam accessit et seditiois scandalum, quod in electionis processu per prauos homines nasci permiserat, humiliter est confessus et ueniam postulauit. hoc idem confessus est in plena contione publici Palatii, asserens, quod capituli factum fuisset legitimum, sed praua et peruersa importunitas laycorum.

Tunc Spalatenses, de suis uiribus diffidentes, de Ninosclaui bani Bosenensis potentia plurimum sunt confisi. quem aduocantes et sumptus ei ex publico ministrantes, etiam ciuitati in comitem prefeceerunt. ipse autem, ueniens multis et fortibus constipatus uiris, abiit cum Spalatensibus ad campum Traguriensem, ubi, per duas fere (h)ebdomadas condidentes, succiderunt uineas, secuerunt arbores, omnia sata et culta uastantes.

Inde uero recedens abiit in terram suam, tradita sui regiminis uice cuidam cognato suo nomine Ricardo, qui erat Calaber natione. reliquit etiam pro ciuitatis tutela unum de filiis suis cum optima equitum turma.

Sed Trägurienses, obduratis animis, noluerunt relaxare captiuos, sed missa legatione ad regem narrauerunt ei cuncta, que facta fuerant per banum cum Spalatensibus in campo eorum. rex uero, his auditis, iratus est ualde statimque uocans quemdam duce[m] suum nomine Dionisium, uirum potentem, qui erat banus totius Sclauonie et Dalmatie, misit eum cum B(artholomeo) Quinqueecclesiensi episcopo et cum quodam comite Mic(h)aele et cum multis aliis Hungarie proceribus, imperans eis districte, quatenus in Dalmatiam uenientes, quantumcumque possent, rigidam de Spalatensibus exercerent uindictam. alium exercitum misit ad ulciscendum bani Bosinensis temeraria facta.

Spalatenses etiam miserunt legates ad regem, excusantes se et factum, quanta uerborum lepiditate poterant, palliantes. sed rex, dolorem sui cordis callida responsione dissimulans, finxit se non multum curare de talibus, remisit eos ad propria. et quia ecclesia pastore uacabat, petiit, ut eligeretur Hugrinus Cesmen(sis) prepositus in archiepiscopum ecclesie Spalatensis, asserens, quod propter ipsius nobilitatem et scientiam tota florebit ecclesia, et ciuitas, eius suffulta consiliis de multis anxietatibus indubitatum consequeretur solamen.

Reuersi nuntii responsa regis cum gaudio retulerunt, nullum tamen super facto huiusmodi regale tulerunt rescriptum. ciues uero, hec audientes et credentes omnia ueritate constare, statim ad archidiaconum et capitulum accesserunt et imperantes potius, quam consulentes, petebant, ut in continenti celebraretur electio cum eisdem. archidiaconus uero, quia non ignota sibi erat insolentia Hugrini, non acquiescebat laycali instantie, dicens, quod electio non est celebranda precipitanter et cum secularium tumultu, sed matura deliberatione fratrum et religiosorum uirorum. sed layci, suo more in iurgia prorumpentes, conabantur hec a clericis per uiolentiam extorquere. uerum dimisso conuento comes Ricardus, Murgia iudex et ceteri de consilio, abeuntes ad cameram ecclesie, per uim acceperunt bullam capituli, conuiuente eis Fusco presbytero cum tribus aut quatuor nequitie sotiis; et, asportantes eam, conscripserunt litteras sub nomine capituli, bullantes eas falso, miserunt duos ex nobilibus, qui, se procuratores capituli asserentes, electionem ad regis libitum celebrarent. sicque factum est. abierunt ad regem nuntii, false legationis prosequentes mandatum. et quia tunc erat rex in partibus Sclauonie, cito reuersi sunt, dicentes electionem se de Hugrino fecisse et regem ciuitati esse placatum et magnam ab eo gratiam fore ciuibus repromissam.

Sed uulgo dicitur: 'mandatum curtos habere pedes, parum potest procedere, cito deprehenditur'; non enim bono peraguntur exitu, que malo sunt principio inchoata. nam qui regem placatum dixerant, uerius dicere poterant, Regem Regum Dominum ausibus fere talibus ad iracundiam prouocatum. qui enim gratiam se iactabant ciuibus detulisse, dirum magis incendium et excidium fere toti patrie detulerunt.

Etenim non duabus ex integro elapsis (h)ebdomadibus descendit dux Dionisius cum principibus supra dictis et, coadunato exercitu copioso Hungarorum, Dalmatinarum et Sclauorum, uenit et castra metatus est in Salona. tunc Spalatenses, accedentes ad eos, multis exeniis et blandis alloquiis eorum demulcere pectora satagebant. sed ipsi, regium exequentes edictum, non rectis oculis aspiciabant ciues, sed, aspera comminantes, petebant obsides et magnam pecunie quantitatem. sed cum graue uideretur ciuibus a statu sue cadere libertatis, allegabant priuilegia, quibus eorum ciuitas a tali exactione

debeat esse libera et immunis. ceterum ipsi, priuilegiorum lege contempta, ad exhibitionem dictarum rerum tota ciues instantia perurgebant. uerum, cum Spalatenses omnino facere denegarent, commouit se uniuersus exercitus et prope ciuitatem accessit. anno Domini millesimo CCXLIII, quarto Idus Iulii factum est ingens prelium in suburbio Spalatino. totus namque exercitus, per aties ordinatus, cepit circa maceriam preliari. diuiserunt autem se Hungari per cuneos et steterunt cum bano procul, episcopus cum atie sua, Philetus prepositus cum sua, Tragurienses cum sua, castellanus etiam Clisen(sis) cum sua et alii plures. tunc, appropinquantes macerie, querebant aditum, unde intrandi facultatem haberent. sed Spalatenses, undique circumfusi, hostilem impetum iaculis et lapidibus longius propellebant. at uero Tragurienses, qui erant gnari locorum, circumeuntes ex occidentali parte ascenderunt ad pedem montis et ceperunt in ea parte committere prelium macerie, que secundum loci situm inualidior erat et pauciores oppugnatores habebat. tunc, stantes ex aduerso macerie, excelsiores fuerunt his, qui maceriam defendebant; et, lapidum multitudinem proiicientes in eos, compulerunt interius ad planum descendere. et quia conciues non audebant alia loca deserere, per que fuerant ordinati, non potuerunt illis prestare succursum. mox ergo Tragurini, maceriam conscendentes, ceperunt instare acriter his, qui, iam inferius stantes, non sinebant eos descendere et ulterius pertransire. sed cum multitudo magna confuso ordine et cum impetu ascendisset, statim maceria sub eorum pedibus diruta est et in planum redacta. uidens autem uniuersus exercitus, quod uia esset latius patefacta, cateruatim omnes ad loci illius aditum confluerunt et, in suburbium irruentes, usque ad muratas edes cum ciuibus manu ad manum pugnando uenerunt. cesi autem fuerunt ex Spalatensibus usque ad X uiros, de Hungaris uero et Sclauis mactati fuerunt ferme homines triginta. sic autem, quoniam debile fuit macerie munimentum, non potuit tante multitudini obsistere, peccato ciuium pregrauante. tunc introgressi hostes statim apposuerunt ignem ex parte occidentali et, zephiri aura perstrepenste asperius, omnes domos ligneas et uimineas breui spatio combusserunt, uentoque flammaram globos uiolentius deprimente aduste sunt domus lapidee quasi XX. et ita die illo quingente et eo amplius edes intra septa macerie conflagrarunt. uidentes autem ciues uirtutem ignis uehementius excrescere flamarumque copiam de domo in domum uorando transire, ingenti sunt pauore perculsi, metuentes, ne forte domibus suburbanis exustis totam ciuitatem uorax flamma corripere.

Ille dies putatus est Spalato ultimus illuxisse. tantus enim quosdam inuaserat metus, ut Murgia, qui erat inter ciues ditior et loquator, asportatis pecunie sacculis ad quasdam naues, diceret deditionem Hungaris faciendam. alii uero, uigore spiritus confortati, timiditatem eius uerbis asperis increpabant. aduesperascente iam hora et inimico cessante incendio, miserunt Spalatenses ad Hungaros pacem suppliciter postulantes. sed banus, de uictoria letus, de suorum uero cede non modicum mestus, adhuc minaciter respondebat. sic dies illa luctuosa satis tristisque discessit. sequenti uero die uidens banus et ceteri principes, quod inter estructuras murorum non sic foret tuta congressio, sicut externo fuerat inter maceriarum fragilia et uilia munimenta, uocatis Spalatensibus cepit cum eis de pace tractare. Spalatenses uero, uidentes se in ar(c)to positos, hinc hostilibus circumseptos cateruis, inde Tragurii ducentos ciues carceribus mancipatos, descendenderunt ad omnia, ineuitabili necessitudine coar(c)tati. pacti namque sunt dare fisco regio sexcentas marcas argenti et sex filios nobilium in obsides tradere ad sue fidelitatis constantiam comprobendam. principes uero promiserunt firmiter, quod re-

formata pace cum Traguriensibus totalis relaxatio fieret captiuorum, aliis quibusdam interpositis articulis, quos hic inserere opus non fuit.

Et sic predicti principes infecto negotio ad propria sunt reuersi. at uero Spalatenses, de Hugini potentia freti, credebant per ipsum omnes casus suos ad integrum restaurari. tunc, adeuntes archidiaconum cum capitulo, instabant, ut electioni assensum prebentes pro electo mittere festinarent. sed non acquiescebat archidiaconus cum ceteris, scientes, quod talis electio nullius erat ualoris, cum foret in maximum opprobrium Ecclesie attemptata. sed hi, qui pestifero adhuc inuidie ulcere tabescebant, non putabant archidiaconum iustitie zelo moueri, sed credebant, quod ad se rem traheret et adhuc electionis preterite spei sibi fiducia superesset. tunc iudex Murgia, Fuscus presbyter et ceteri, quos prae intentionis uexabat inscitia, concitantes populum, ceperunt urgere archidiaconum, ut ipsemet personaliter ad ducendum electum proficisci deberet. archidiaconus ergo, licet displiceret electi persona et maxime false electionis processus, ne qua tamen malitie cauillatio crederetur, condescendere decreuit; sed nullo modo prius ire acquieuit, donec ipsimet temeritatis auctores proprio confiterentur ore, quod in subreptionem bulle et in cunctis falsitatis processibus contra Deum et contra animas suas facere presumpsissent. sic ergo abiit archidiaconus non tam uoluntarius, quam coactus et, sociatus Iohanni Vitalis layco, in Hungariam est profectus. ibi in presentia domini Bele regis et eius curie qualitercunque Huginum denuo elegit. cui rex ibidem concessit comitatum ciuitatis Spalatensis et dominium insularum cum quibusdam aliis rebus.

Reuersus igitur archidiaconus ad propria non inuenit uiuos Fuscum et Murgiam et quosdam alios, qui in depressionem ecclesiastici iuris nequiter et perperam plus ceteris contendebant. rex uero, apud Vranam positus circa pascale festum, susceptis a Spalatensibus quinque millibus librarum relaxari fecit cunctos captiuos. et dominus Huginus archielectus, cum magna familia equitum et clientum ueniens, archiepiscopale domicilium habitaturus intrauit. postea uero, toto elapso triennio, iste Huginus ex mandato apostolico consecrationem suscepit in ecclesia Beati Domnii per manum istorum suffraganeorum suorum: uidelicet Treguani Traguriensis, Nicolai Farenensis, Bartholomei Scardonensis et Philippi Seniensis episcoporum, anno redemptionis millesimo ducentesimo quadragesimo septimo, XII Calendis Octubris, gerens annos natu circiter XL. fuit autem utraque preditus dignitate, archiepiscopatus et comitatus, nec his contentus ad altiora semper et ditiora toto mentis desiderio an(h)elabat. erat autem sanguinis nobilitate turgidus, iuuenili calore pomposus: stature proceritas et faciei uenustas, quibus ceteros precelebat, non permittebant eum mediocria de se sentire. secularibus quidem negotiis totus intentus, ecclesiastica uelud superflua quedam et minoris cure indigentia segniter procurabat. ita demum omnia, studio mundane deditus cenodoxie, non sapientum, non religiosorum appetebat consortia, sed armatorum circa se cateruas habere gaudebat. uerum cum pro militaribus stipendiis domestice sibi non sufficienter facultates, tendebat manum ad aliena et illicita, cupiens in uictu, uestitu et multitudine clientele Hungaricorum prelatorum se copiis coequare. sic autem tam clericis, quam laycis atque monasteriis durus exactor et onerosus dominator erat. temptauit autem omnia iura canonicorum substrahere totasque quatuor decimales portiones ad usum proprium retorquere, sed obsistente archidiacono cum ceteris non ualuit, nisi portionem pauperum dumtaxat, contra predecessorum suorum consuetudinem, usurpare. et quia non permittebatur de rebus Ecclesie suam ex toto explore cupidinem, nulla caritatis concessio eorum animos in consensum mutuum constringebat, sed dira discordie pestis eos sepius in contentionum scandala concitabat. layci uero nichilominus de ipso sua spe fuere frustrati; nam cum putarent eum contra inimicos ciuitatis

fortem ac bellacem futurum, ipse e contrario, mitem et pacatum se gerens cum eis, omnem austeritatis sue rigorem in ciues suos exercere uolebat. erat autem bonis turbulentus et minax, prauis uero munificus et amicus. ita quidem contigit, ut omnibus grauis et intolerabilis uideretur, ob quam causam ipse semper contra ciues et ciues contra ipsum maliuolentie suspiciones gerebant. consecratus tandem, ut predictum est, misit prenomiatum episcopum Seniensem ad Domini Pape Innocentiū Curiam, qui tunc manebat Lugduni, petens suppliciter, ut pallium ei mittere dignaretur. quo optento reuersus est episcopus palliumque tradidit ex mandato apostolico in manibus Bartholomei Scardonensis episcopi eidem archiepiscopo assignandum. idem tamen episcopus, licet iam relicto seculo fratrum minorum religionem intrasset, uocatus tamen Spalatum uenit pallioque, ut ei mandatum fuerat, Hugrinum archiepiscopum inuestiuit.

Hiis diebus contigit quemdam fratrem Iohannem natione Hungarum de ordine predicatorum eligi in episcopum ecclesie Scardonensis. qui, presentatus archiepiscopo in illis tunc partibus existenti, confirmationem ab eo suscepit secumque duxit ad metropolitanam ecclesiam consecrandum misitque et uocauit suffraganeos, cum quibus eadem erat consecratio celebranda.

Et autem temporis articulo infelix Hugrinus graui languore corripitur et ingrauescente paulatim morbi feruore undecimo die ad extrema uite peruenit. sic autem contigit, ut pridie, quam prima uice decoratus pallio consecrationem eiusdem episcopi celebrare uolebat, cum eodem pallio ad tumulum est delatus et ita duntaxat funereas pompas, non autem diuina potuit sacramenta pallio decorare. illis autem diebus, cum in lecto infirmitatis decumberet et iam de uita pene penitus desperaret, uocauit fratres de capitulo et in eorum presentia satis bene et ordinabiliter condidit testamentum; coram quibus et coram aliis religiosis uiris mirabiliter de peccatis compunctus, publice de quibusdam excessibus est confessus. nichilominus autem, cum multis lacrimis et gemitibus ualidis secreta confessione coram suo confessore penitendo, uehementer afficiebatur, de omnibus, si superuieret, satisfactionem omnimodam promittendo, nec semel, sed pluries in ipsis diebus confitebatur. fuerat enim uir literatus et naturali facundia preditus et maxime in diuina pagina eruditus. studuerat enim apud Parisios annis fere duodecim in Theologica Facultate, ministrante sibi scolasticos sumptus Vgrino Colocensi archiepiscopo, patruo suo. emerat enim sibi cum multa quantitate pecunie totum corpus Biblie cum commentis et glossis, sicut solet legi a magistris in scolis.

Quo defuncto et apud ecclesiam fratrum predicatorum honorifice tumulato suffraganei, qui ad consecrandum Scardonensem episcopum conuenerant, eiusdem archiepiscopi exequias celebrarunt, et frater Iohannes, qui in episcopum uenerat consecrari, per electionem unanimum in archiepiscopum extitit postulatus. prefuit autem Hugrinus a die consecrationis sue usque ad diem sepulture anno uno, mensibus duobus, diebus decem.

XLVI.

DE ROGERIO ARCHIEPISCOPO

Cum autem ad prosequendum electionis negotium ad Domini Pape Curiam nuntii quererentur, uix inuenti sunt duo, qui hoc onus assumerent: Desa Corui canonicus et Dragus nepos Sabaci, Spalatensis ciuis. adeo uidebatur omnibus graue et pericu-

losum usque ad Gallias pergere, quia Dominus Papa Innocentius Lugduni eo tempore morabatur. propter discordiam siquidem, que inter ecclesiam et Fredericum Imperatorem agitabatur acriter, grande uiarum discrimen illuc pergentibus imminerebat.

Tunc predicti nuntii, iter arripientes, abierunt per Lombardiam cum multa cautela. illuc tandem peruenientes et legationem, sicut eis iniunctum fuerat, procurantes, per totum ferme annum in prosecutione negotii occupati fuerunt. quia uero periculosum ac sumptuosum erat iterato pro facto huiusmodi legationem mittere, metuentes, sicut et contigit, ne forte, quod factum fuerat, non deberet admitti, — hoc electores in petitione adiecerunt, — ut, si postulatio facta Summo Pontifici non placeret, alium ad regimen Spalatensis ecclesie cum plenitudine pontificalis officii mitteret secundum sue arbitrium uoluntatis. sicque factum est, ut, cassata postulatione predicta, mitteret Appulum quemdam de partibus Beneuentanis, Rogerium nomine, ex oppido, quod Turris Cepia uocatur. fuerat autem clericus, capellanus cuiusdam cardinalis Iohannis Toletani, quem frequenter pro suis et ecclesie negotiis procurandis in Hungariam mittere solitus erat. idem autem Rogerius tempore Tartarorum ibidem inuentus est et in eorum manus incidens et inter ipsos per biennium fere, sub specie alicuius uilis et pauperis serui delitescens, uix euasit mortis incursum. cum autem ad suum dominum reuersus fuisset, cepit idem cardinalis ad ipsius promotionem satis uigilanter intendere et ipsum in notitiam et gratiam Domini Pape deuenire fecit. consecratus tandem et palliatus recessit de Curia et transiens per Lombardiam deuenit Venetias, ibidem aliquantam faciens moram emit, que sibi erant necessaria. uiginti fere annis in Romana Curia commorando non paruam cumulauerat pecunie summam. inde iter arripens uenit per Carinthiam et transiens per partes Aquilegie a domino Bertholdo patriarcha honorifice susceptus est. quem curialiter pertractans dedit ei conductum per totam suam diocesim, expensas affluenter subministrando, quousque fines regni Hungarie attingisset. ingressus autem partes Pannonie, uenit in Hungariam et, pergens ad domini Bele regis curiam cum commendaticii Domini Pape litteris, exposuit seriem negotii, qualiter ad regimen Spalatine ecclesie fuerat destinatus. non autem placuit regali celsitudini, quod factum fuerat circa ipsum, non modicum ferens indigne, quod promotus fuerat preter ipsius conscientiam et assensum. dissimulato tamen indignationis motu ad sedem suam archiepiscopum pacifice abire permisit.

Venit autem cum uiginti equitibus, cum capellanis et familia, et, secunda dominica de Quadragesima ciuitatem ingrediens, cum magna cleri et populi alacritate susceptus est.

Enit autem iste Rogerius archiepiscopus uir satis industrius et in augendis rebus temporalibus multum sollicitus et intentus. cepit autem reparare domos et cameras episcopii, easque studiosius decorare. forinsecus autem fecit cenacula et solaria trabibus et asseribus satis artificiose compacta, que magis ad apparentiam, quam ad indigentiam uidebantur constructa. cellas uo uinarias necessariis et nouis utensilibus adornauit. edificauit in Salone fluuio molendina; posuit aratra; acquisiuit equos et animalia; et, quia propter inopiam rei familiaris non sufficebat ad omnia, multis ecclesiis et monasteriis erat plurimum onerosus. multum denique conabatur honorifice uiuere, preciosam habebat suppellectilem, sumptuosas uolebat uestes et lectisternia. pro maiori parte anni domi residebat nec facile egrediebatur ad publicum, nisi clericorum et clientum honesta comitante caterua. mundam nitidamque uolebat tenere mensam, maxime quando hospites aderant. solebat namque aduentantes ex diuersis ciuitatibus nobiles ad

conuiuium inuitare eisque satis affluentes preparationes apponere satagebat. quando uero ad uisitandam prouinciam egrediebatur, uolebat semper aliquos de canonicis et de ciuibus in sua sotietate habere.

XLVII.

DE ADVENTV REGIS CORADI

Per idem tempus rex Coradus, filius quondam Friderici Imperatoris, exiens de Germanie partibus, ad capescendum Sicilie regnum properanter iter agebat. is cum non paucis trieribus nauigans per ora Dalmatici littoris pacifice uehebatur. suscipiebatur uero magnifice a ciuitatibus, ubicumque applicare uolebat, et tamquam prepotens rex honorabatur a cunctis. sed quia pater suus ab Innocentio Papa in concilio Lugdunensi fuerat condemnatus et imperiali dignitate cum omni sua prole priuatus ac anathematis mucrone percussus, cum idem Coradus ad portum Spalatine ciuitatis applicuisset, Rogerius archiepiscopus, ipsum sentiens, quod uellet ingredi ciuitatem, fecit claudi ecclesias et ab omnibus cessare diuinis. ipse autem festinanter foras egrediens cum Thoma archidiacono et cum quibusdam de senioribus successit ad uillas, ibique tamdiu demoratus est, quamdiu rex ipse in ciuitate resedit. uidens autem rex, quod archiepiscopus eum uitabat, non modicum tulit indigne ex eo maxime, quod de suo regno natus in his partibus presulari dignitate fuerat sublimatus. cum autem ciues Spalatenses ipsum gratander suscepissent et fecissent eum in domibus episcopii hospitari, rex idem, uersando scrinii cartulas, quas ibidem reperit, multum sollicite perquirebat, si forte aliquod inueniretur scriptum, ex quo posset ipsum de infidelitate sui regis infamie neuo notare. alias autem non modicas minas intentabat eidem. uerum illic paucorum dierum moram faciens, uento flante secundo in Apuliam est transuectus. et archiepiscopus ad sedem suam reuersus est.

XLVIII.

DE ADVENTV BELE REGIS SECVNDO

Rex autem Hungarie Bela, sui regni reuisendo confinia, descendit per Chroatiam ad Dalmatie ciuitates, fecitque sibi parari hospitium apud ecclesiam Sancti Petri, que est inter Salonam et Tragurium, ibique resedit non paucis diebus cum magno diuersarum gentium comitatu. confluebant autem ad eum, tamquam ad dominum, undique multitudo populi propter diuersas causas apud ipsum expediendas. tunc ascendens galeam uenit ad portum ciuitatis Spalatensis, ingressusque in eam cum multa ambitione, sicut rex regalia gerens insignia, magna cleri et populi exultatione susceptus est. mansitque die illa et nocte in Palatio Nicolai Duimi; ciues uero, ad ipsum frequenter accedentes, ualde benigne suscipiebantur et audiebantur ab ipso, affabilem se ac serenum eis plurimum exhibendo. tunc cepit eis, non animose sed moderata allocutione, impropere de promotione archiepiscopi, uidelicet quod hominem alienigenam et ignotum, non de

suo regno, et preter ipsius conscientiam et assensum uoluerunt antistitem habere. sed cum ciues se multiformiter excusarent, rex factum equanimiter tulit, mandans eisdem, dumtaxat laycis, et eosdem astringens uinculo iuramenti, quod de cetero tale quid facere nullatenus attemptarent. uerum tamen eumdem archiepiscopum, quamdiu hic stetit et quotiens ad ipsum in Hungariam est profectus, debita semper ueneratione tractabat, ipsum ad se crebro uenire faciens, et cum eodem amabiliter colloquia faciebat. demoratus est autem Bela rex apud Sanctum Petrum multis diebus. a ciuibus autem nostris pluribus est honoratus delitiis, quos regratians affatim eosque cum plenitudine sue gratie relinquens, ad Hungariam reuersus est.

XLIX.

DE ADVENTV REGINE

Aliquantis autem transcursis annorum curriculis domina Maria regina, Grecorum Imperatorum stirpe progenita, descendit ab Hungaria per Pannonie et Chroatie partes iter faciens, ex ea uidelicet causa, quia fidelitatem requirebat ab illis gentibus filio suo Bele, adhuc in puerili etate constituto, quem super illas partes ducem prefecebat, quod dominium ei naturali iure competebat, utpote qui secundus erat regis filius, primogenito iam Stephano Hungarici regni dyademate insignito. uenit autem cum magno principum ac militum comitatu et in castro Tiniensi resedit, ibique conuocatis omnibus illarum regionum proceribus habuit cum illis de predicta causa colloquium.

Illis autem diebus contigit, quod quidam de custodibus castri Clisie tempore messium descendentes Salonam ceperunt in aliquibus locis diripere Spalatensium fruges. quod cum in ciuitate auditum fuisset, cucurrerunt alique indiscrete audacie iuuenes, non ex ciuitatis mandato, sed stultitie calore succensi, quasi ad propulsandam iniuriam, et uiolentiam uiolenter repellendam exierunt. peruenientes ad ipsos ceperunt rixari cum eis. in qua rixa duo Hungari perempti sunt.

Quod cum ad aures regine deuenisset, irata est ualde statimque Tiniense deserens castrum, turbulenta nimis minax, ad summendam de Spalatensibus uindictam totis uiribus properabat. set cum ipsi presensissent, quod regina pessimum gestaret propositum, miserunt ad eam nuntios, supplicantes et satisfactionem ad ipsius beneplacitum promittentes postulabant, ut non indignatione commota, sed placata et pacifica ad fideles suos accedere dignaretur, cum facinus illud non ex deliberatione communi, set casu contingente perpetratum fuisset; nec ad eorum culpam referendum erat, qui pro defensione suarum rerum exierant, sed ad illorum potius nequitiam imputandum, qui aliena diripere satagebant. sed ipsa, nichil ad rationabilem nostrorum excusationem flectens sui animi rigorem, uenit et posuit se in Clisie castro. inuentus autem ibi est Rogerius archiepiscopus, qui ascendens ad eam nitebatur pro se et pro ciuitate pacem et gratiam impetrare. sed ipsa, ex uerbis eius seuior facta, ad ipsius et ciuitatis odium multo fortius inflammabatur, suspicans de ipso, quod esset omnium inceptor malorum; et nisi amicorum subsidio recessisset de castro, paratum iam sibi a regina periculum imminebat. destinabant ad eam Spalatenses cotidie uiros religiosos et nuntios, mittentes exenia et delitias, si forte aliquo modo placari potuisset, sed ipsa obfirmato ad

ultionem animo ferocitatem sui pectoris ad clementiam nullatenus relaxabat. erat autem cum ipsa exercitus magnus Hungarorum, Sclauorum et Cumanorum, quibus precepit arma capere, ad ciuitatem descendere, predas animalium facere, domos incendere, uineas et agros inuadere, et (ut) cuncta, que possent, absque remedio deuastarent. Spalatenses uero, uidentes tam magnum sibi instare periculum, ceperunt uigilanter ad custodiam ciuitatis insistere, armis se ac opportunis obstaculis premunire, non foras quidem egredientes, sed ferro armati pre menibus excubantes. post dampna uero multa, que sui exterius intulerunt, uidens regina, quod nil posset contra ciuitatem ex uiolentia proficere, ad uersuta se contulit argumenta. finxit enim se iam fore placatam nichilque curare amodo de homicidio perpetrato, responditque benigne nuntius ciuitatis, quod uellet de cetero cum eis ad pacis concordiam declinare et quod iam non deberent aliquem timorem habere. misitque cum eis tres uel quatuor comites et triginta fere milites, gladiis tantummodo circa femur dependentibus, sicut eis mos est ubique incedere, precepitque secretius ipsis, ut blandis uerbis ciues seducerent, et eos extra muros, quocumque possent ingenio, prouocarent, et quotquot possent, caperent, et ad castrum traherent, alioquin sine misericordia gladiis trucidarent. uenerunt autem nuntii cum gaudio nuntiantes dominam iam esse placatam, bona fide suaserunt ciuibus, ut exirent, quia dixerant Hungari, quod nollent ingredi ciuitatem, ne forte aliqua seditio oriretur, sed exeant maiores, ut cum eis pacis federa roboremus. crediderunt ciues uerbis pacificis et dolosis, nullas insidias suspicantes pro eo, quod regina uultu sereno uerba suasoria nuntius protulisset, exierunt nichil metuentes, uidelicet iudices et consiliarii et alii non pauci, ueneruntque per Orientalem portam iuxta locum fratrum predicatorum. sedentes autem cum eis et uerbis pacificis de concordia contractantes, Hungari mox dato signo insiluerunt et extractis gladiis arripuerunt quinque de ciuibus, uidelicet: Desam Michaelis iudicem, uirum senem et grandeuum cum suo filio Nicolao ac nepote Michaele filio Leonardi, iudicem Iohanem Vitalis et iudicem Petrum filium Cerneche; quibusdam uero uulneratis, alii omnes, Deo prestante auxilium, de manibus ipsorum elapsi sunt et euaserunt.

Audiens autem Bela rex omne malum, quod regina Spalatensibus irrogauerat, ualde indoluit; et protinus misit duos uiros sapientes et religiosos de ordine fratrum minorum, qui eam a seuitia sua compescerent, et ad Hungariam celeriter reuocarent. sed ipsa in suo rigore perdurans, captos nobiles et ignobiliter ac inhumaniter ad castrum tractos in obscuro carcere fecit detru-di. at Spalatenses mestiores effecti, quod de talibus fraudulentis oportuna nescierunt adhibere cautelam, cum eis sepius ab amicis persuasum fuisset, ut sibi circumspectius precauerent, tristes iam et confusi, miserunt et remiserunt ad eam suppliciter postulantes, ut nobiles, quos absque culpa capi fecerat, misericorditer relaxaret. sed ipsa nullatenus acquieuit; uerum tamen, ut uidebatur aliquantulum mitigata, dedit consilium, ut ad dominum regem nuntios idoneos destinarant, spondens se apud ipsum efficaciter intercessuram. tunc ipsos captiuos de castro Clisie transferens ad Tininum, ibidem eos artissime custodie mancipauit. et sic ipsa ad Hungariam est regressa.

Spalatenses uero miserunt Thomam archidiaconum et Marinum, cognomento Bonaiunctam, in Hungariam illico post reginam. qui uenientes illuc, et data copia coram domini regis presentia constituti, ibidem residente regina cum legationis seriem, ut erat congruentius, perorassent, regina, que se sponderat pro captiuorum

liberatione apud maiestatem regiam intercedere cum effectu, cepit Spalatenses accusare de multis. rex autem nimis credulus uerbis sue uxoris respondit, quod non acquiesceret petitioni Spalatensium, nisi darentur ei uiginti quatuor obsides de melioribus ciuitatis. archidiaconus autem, allegans tenorem priuilegii, quod ab antiquis regibus ciuitas optinuerat, de obsidibus dandis consentire nullatenus uoluerunt. et sic infecto negotio ad propria sunt reuersi.

Post hec missus est Rolandus banus tractare cum ciuibus, qui ueniens aperuit eis regale propositum, quod non aliter conciuēs suos de carcerali poterant erumma eripere, nisi traderentur ad regis custodiam ad minus duodecim obsides, quos rex ipsemet delegisset. uidentes autem se Spalatenses tali necessitate constrictos, acquieuerunt regie uoluntati. et cum rex et regina descendissent per Sclauoniam, et uenissent et consedisent in oppido, quod Bichicium appellatur, miserunt Spalatenses duodecim pueros per manus archidiaconi Duimi Cassarii et Nicolai Duimi. qui, uenientes illuc in die sancto Pasce, assignauerunt pueros ad manus regis et regine, recipientes ibidem pro comite, secundum quod a ciuibus electus fuerat, predictum Rolandum banum; pueros uero susceperunt alacri animo rex et regina, pollicentes se benigne agere cum eis et quod non diutius ipsos detinerent. et sic captiui, qui per biennium fere in carcere non meritam luerant penam, liberati sunt et ad propria redierunt.

Iam uero de transitu Rogerii archiepiscopi disserendum esse censentes ad narrationis ordinem redeamus.

Præfuit autem annis fere sedecim. ad ultimum quidem podagrico languore correptus, toto pene bienio in doloris stratu decumbens non nisi alienis manibus poterat se mouere. intumuerant denique pedes eius et profluenti sanie tabescebant ita, ut membris omnibus destitutus solo lingue officio utebatur. cum autem omnis spes salutis prorsus recessisset ab ipso, sentiensque sibi diem instare postremum, uocauit aliquos de maioribus capituli et ciuitatis et coram eis condidit testamentum, distribuitque omnia sua nepotibus et seruientibus, argentum, libros et uestes, præter duo uascula argentea et duos annulos aureos, que reliquit ecclesie ob memoriam sui. capitulo uero dedit unum scifum argenteum deauratum et quosdam lebetes de metallo, et aliquam pecuniam fecit distribui pro anima sua; precepitque executoribus testamenti omnes fruges, uinum, equos et reliqua, que remanserant in domo, distrahi et quedam sua debita expediri. prohibebat autem archidiaconus, dicens, quod non deberet prelatus testamentum de iure condere, nisi de rebus dumtaxat non ratione ecclesie acquisitis. sed ciues, miserati- one commoti, permiserunt ipsum suam facere uoluntatem.

Istos uero episcopos, dum uiueret, consecrauit in prouincia ecclesie Spalatensis, uidelicet dominum Iohannem Scardonensem, dominum Ladislauum Tiniensem. dominus Columbanus consecratus est in Romana Curia, sed ueniens, ut moris est, metropolitico iure sibi prestitit iuramentum. consecrauit etiam Dobroniam episcopum Farensem. obiit autem octauo decimo Calendis Mai anno Domini millesimo ducentesimo sexagesimo sexto, fecitque se consepelire domino Crescentio ante fores ecclesie maioris Sancti Dompnii Spalati.

Научное издание

Фома Сплитский
История архиепископов Салоны и Сплита

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики РАН

Корректор
Р. Агеева

Редактор
Н. Стахеева

Художник
А. Суетин

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: root@indrik.msk.ru
or by fax: (095) 290-68-91

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Миньон». Печать офсетная.
20,0 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 2117
Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6